ISSN 2310-1083 (Print) ISSN 2658-6002 (Online)

РЕГИОНАЛЬНАЯ ЭКОНОМИКА. ЮГ РОССИИ

2020 Tom 8. № 4

УЧРЕДИТЕЛЬ:

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «ВОЛГОГРАДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

REGIONAL ECONOMY. SOUTH OF RUSSIA

2020 Volume 8. No. 4

РЕГИОНАЛЬНАЯ ЭКОНОМИКА. ЮГ РОССИИ

REGIONAL ECONOMY. SOUTH OF RUSSIA

2020. T. 8. № 4

Научно-практический журнал
Выходит четыре раза в год
Издается с июня 2013 года
Журнал зарегистрирован
в Федеральной службе по надзору в сфере связи,
информационных технологий
и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)
(регистрационный номер
ПИ № ФС77-78164 от 13 марта 2020 г.)

Главный редактор – д.э.н., проф. А.Э. Калинина Заместитель главного редактора – д.э.н., проф. И.В. Митрофанова

Научно-редакционный совет:

Л.М. Борщ, д.э.н., проф. (Симферополь); Е.М. Бухвальд, д.э.н., проф. (Москва); Н.В. Горшкова, д.э.н., проф. (Волгоград); И.В. Гришина, д.э.н., проф. (Москва); А.В. Дайнеко, д.э.н., проф. (Минск, Беларусь); Б.С. Жихаревич, д.э.н., проф. (Санкт-Петербург); Е.И. Иншакова, д.э.н., проф. (Волгоград); А.Э. Калинина, д.э.н., проф. (председатель) (Волгоград); Т.В. Калинеску, д.э.н., проф. (Запорожье, Украина); Й. Капоста, д.э.н. (Гёделе, Венгрия); П.И. Катан, д.э.н., проф. (Кишинев, Молдова); А.А. Керашев, д.э.н., проф. (Майкоп); В.В. Климанов, д.э.н., проф. (Москва); А. Лилейкене, д.э.н. (Клайпеда, Литва); С.А. Липина, д.э.н., проф. (Москва); Г.Г. Матишов, акад. РАН (Ростов-на-Дону); П.А. Минакир, акад. РАН (Хабаровск); Е.Г. Попкова, д.э.н., проф. (Волгоград); О.А. Чернова, д.э.н., проф. (Ростов-на-Дону), М.Б. Щепакин, д.э.н., проф. (Краснодар).

Редакционная коллегия:

О.Г. Андрющенко, д.э.н., проф. (Новочеркасск), И.Д. Аникина, д.э.н., доц. (Волгоград); В.В. Батманова, к.э.н., доц. (отв. секретарь) (Волгоград); Л.Ю. Богачкова, д.э.н., проф. (Волгоград); М.Э. Буянова, д.э.н., проф. (Волгоград); Р.А. Канцеров, к.э.н., проф. (Черкесск); В.В. Климук, к.э.н., доц. (Барановичи, Беларусь); В.В. Курченков, д.э.н., проф. (Волгоград); А.Ю. Никитаева, д.э.н., доц. (Ростов-на-Дону); О.С. Олейник, д.э.н., проф. (Волгоград); О.Ю. Патракеева, к.э.н., в.н.с. (Ростов-на-Дону); Н.Ю. Сорокина, к.э.н, доц. (Москва); Г.И. Старокожева, к.э.н., доц. (Волгоград); А.А. Трухляева, к.э.н., доц. (техн. секретарь) (Волгоград).

© ФГАОУ ВО «Волгоградский государственный университет», 2020

СОДЕРЖАНИЕ

ФУНДАМЕНТАЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ПРОСТРАНСТВЕННОЙ ЭКОНОМИКИ

Козак Т., Кирайи Е., Надь Г., Несмелий Д.И.
Роль рынка розничных продаж в экономике Тайваня [<i>На англ. яз.</i>]
Жихаревич Б.С.
Риски и угрозы в стратегиях
российских регионов
Казакова С.М.
Оценка устойчивости макрорегионов России
на основе индекса инклюзивного развития 30
Манаева И.В., Канищева А.В., Ткачева А.С. Детерминанты роста городов в России39
Олейник О.С., Олейник А.Б., Степанова Е.В.
Особенности измерения индикаторов бедности:
международный и российский опыт
Рослякова Н.А., Дорофеева Л.В. Влияние коронакризиса на динамику
потребительских цен в регионах России
Коновалова В.С., Коновалов А.С.,
Кублин И.М., Аракелова И.В.
Охрана здоровья граждан и экономика:
приоритеты политико-экономических решений
в условиях пандемии76
УСЛОВИЯ, РЕСУРСЫ, ФАКТОРЫ
И МЕХАНИЗМЫ РАЗВИТИЯ ЮГА РОССИИ
Матвеева Л.Г.
Промышленные ядра экономического каркаса
инноватизации регионов Юга России
Дворядкина Е.Б., Простова Д.М., Джалилов Э.В. Пространственное развитие
социально ориентированных
некоммерческих организаций
Урала и Юга России
Ермишина А.В., Клименко Л.В., Будаев П.Е.
Цифровизация как фактор
социально-экономической интеграции
поликультурных регионов Юга России
Грызунова Н.В., Кери И.Т., Сизова Д.А., Сизова Т.В. Ценовые драйверы экономического роста
южного региона России
Намруева Л.В.
Молодое поколение Калмыкии:
социальное самочувствие
и экономическая устойчивость
(по итогам опроса 2019 г.)
АГРОПРОМЫШЛЕННЫЙ
и природохозяйственный
КОМПЛЕКСЫ ЮГА РОССИИ:
ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ
Шкарупа Е.А.
Цифровизация АПК: результаты, проблемы, направления развития144

Воевооина Л.А., меовеоева Л.Н., митрофанова И.В. Формирование поясов сельскохозяйственных культур для развития	CONDITIONS, RESOURCES, FACTORS AND MECHANISMS OF DEVELOPMENT
национальных инновационных кластеров 154	OF THE SOUTH OF RUSSIA
Аникина И.Д., Аникин А.А. Методический инструментарий принятия управленческих решений о поддержке региональных экологических проектов	Matveeva L.G. Industrial Cores of the Economic Framework for Innovative Development of Southern Russian Regions
CONTENT FIND AMENTAL DEGLAR OF	Dvoryadkina E.B., Prostova D.M., Dzhalilov E.V. Spatial Development of Socially Oriented Non-Profit Organizations in the Urals and South of Russia
FUNDAMENTAL RESEARCH OF SPATIAL ECONOMY	Ermishina A.V., Klimenko L.V., Budaev P.E. Digitalization as a Factor
Kozák T., Király É., Nagy H., Neszmélyi G.I. Role of the Retail Sector in Taiwanese Economy 4	in Socio-Economic Integration of Multicultural Regions in Southern Russia
Zhikharevich B.S. Risks and Threats in Russian Regional Strategies 19	Price Drivers of Economic Growth in the Southern Region of Russia
Kazakova S.M. Sustainability Assessment of Russian Macro-Regions by Means of the Index of Inclusive Development	Namrueva L.V. Young Generation of Kalmykia: Social Well-Being and Economic Stability (Based on Results of Survey-2019)
Manaeva I.V., Kanishcheva A.V., Tkacheva A.S. Determinants of City Growth in Russia39 Oleynik O.S., Oleynik A.B., Stepanova E.V.	AGROINDUSTRIAL AND NATURAL ECONOMIC COMPLEXES OF THE SOUTH OF RUSSIA:
Features of Measuring Poverty Indicators: International and Russian Experience	PROBLEMS AND PROSPECTS OF DEVELOPMENT Shkarupa E.A.
Roslyakova N.A., Dorofeeva L.V. Impact of the Coronavirus Crisis	Digitalization of Agro-Industrial Complex: Results, Problems, Directions of Development 144
on the Dynamics of Consumer Prices in Russian Regions	Voyevodina L.A., Medvedeva L.N., Mitrofanova I.V. Formation of Crop Belts for National Innovative Clusters
Konovalova V.S., Konovalov A.S., Kublin I.M., Arakelova I.V. Public Health Protection and Economy: Priorities of Political and Economic Decisions in the Conditions of Pandemic	Anikina I.D., Anikin A.A. Methodological Tools of Management Decision Making on Supporting Regional Environmental Projects

ФУНДАМЕНТАЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ПРОСТРАНСТВЕННОЙ ЭКОНОМИКИ

DOI: https://doi.org/10.15688/re.volsu.2020.4.1

UDC 339.9 Submitted: 08.07.2020 LBC 65.7 Accepted: 15.09.2020

ROLE OF THE RETAIL SECTOR IN TAIWANESE ECONOMY

Tamás Kozák

Budapest Business School - University of Applied Sciences, Budapest, Hungary

Éva Király

Budapest Business School - University of Applied Sciences, Budapest, Hungary

Henrietta Nagy

Tomori Pál College, Budapest, Hungary

György Iván Neszmélyi

Budapest Business School - University of Applied Sciences, Budapest, Hungary

Abstract. The government-guided establishment and incubation of the retail sector in Taiwan has achieved striking success and generated high consumption. This success was even more striking because when the increase of consumption began, the country had not enough retail shopping centers and it was to accept some foreign retail investments. Originally there were no Taiwanese retail firms with deep technological roots and managerial skills. Yet government decision-makers recognized the challenges of upgrading the nation's economy basing and formulating a strategy that entailed the creation of high-level economic growth which serve as vehicles to stimulate the consumption. Beyond a comprehensive review on Taiwan's retail sector, the main objective is to analyse the role and the influence of the sector in the Taiwanese macroeconomy. The first issue is getting a picture in Asia (special in Asia – Pacific region) of retail trends. To examine this issue, the authors have done some comparisons between Asia and Europe and apart from the obvious similarities, number of significant differences have been found. The research objective is to provide an effective introduction to the business context of consumption in Taiwan.

Key words: Consumption, Retail, Economy, Taiwan APAC, GDP, Disposable income, Savings.

Citation. Kozák T., Király É., Nagy H., Neszmélyi G.I., 2020. Role of the Retail Sector in Taiwanese Economy. *Regionalnaya ekonomika. Yug Rossii* [Regional Economy. South of Russia], vol. 8, no. 4, pp. 4-18. DOI: https://doi.org/10.15688/re.volsu.2020.4.1

УДК 339.9 Дата поступления статьи: 08.07.2020 ББК 65.7 Дата принятия статьи: 15.09.2020

РОЛЬ РЫНКА РОЗНИЧНЫХ ПРОДАЖ В ЭКОНОМИКЕ ТАЙВАНЯ

Тамаш Козак

Школа бизнеса Будапешта – Университет прикладных наук, г. Будапешт, Венгрия

 $\ensuremath{\mathbb{C}}$ Kozák T., Király E., Nagy H., Neszmélyi G.I., 2020

Ева Кирайи

Школа бизнеса Будапешта – Университет прикладных наук, г. Будапешт, Венгрия

Генриетта Надь

Колледж им. Паля Томори, г. Будапешт, Венгрия

Дьёрдь Иван Несмелий

Школа бизнеса Будапешта – Университет прикладных наук, г. Будапешт, Венгрия

Аннотация. Сектор розничной торговли Тайваня, находящийся под контролем и управлением государства, добился значительных успехов и получил большую прибыль. Этот успех еще более удивителен, поскольку, когда начался потребительский бум, в стране было недостаточно розничных торговых центров и пришлось принимать иностранных инвесторов с их торговыми сетями. В начале тайваньских розничных сетей с технологичными процессами и управленческими навыками не было. Но ответственные лица правительства осознали проблему необходимости развития национальной экономики и сформулировали стратегию, которая привела к расширенному экономическому росту, который стал основой для расширения потребления. Помимо широкого обзора сектора розничной торговли Тайваня, целью статьи является анализ роли и влияния сектора розничной торговли на экономику страны. Одной из задач является анализ ситуации сектора розничной торговли в Азии (в частности, в Тихоокеанском регионе). Для ее решения авторы провели сравнение между странами Азии и Европы, и помимо очевидных сходств были выявлены значительные расхождения. Целью исследования является оценка бизнеса сектора розничных продаж государства Тайвань.

Ключевые слова: потребление, розничные продажи, экономика, Тайвань, Азиатско-Тихоокеанский регион, ВВП, располагаемый доход, сбережения.

Цитирование. Козак Т., Кирайи Е., Надь Г., Несмелий Д. И., 2020. Роль рынка розничных продаж в экономике Тайваня // Региональная экономика. Юг России. Т. 8, № 4. С. 4–18. (На англ. яз.). DOI: https://doi.org/10.15688/re.volsu.2020.4.1

Introduction

The island Taiwan (formerly called Formosa) is located at the Western edge of the Pacific Ocean, between Japan and the Philippines in the proximnity of the south-eastern coast of the continental China (the People's Republic of China, PRC, hereinafter: mainland China). Taiwan has always been a location of strategic maritime importance since ancient times. It has played an important role in the development of Asia as well as in world history, politics and trade. As a result, Taiwan (named as the Republic of China, ROC, hereinafter: Taiwan, which also comprises several smaller archipelagos in the South China Sea as well), now enjoys a high level of openness and cultural diversity. Taiwan's geographical and historical uniqueness has given rise to a diversity of ethnic groups, cultures, and languages. There are 380,000 people who belong to twelve officially recognized indigenous tribes, each with their own social structure, language, and cultural traditions. Taiwan has a population of 23 million people who still observe their culture and still speak regional Chinese dialects in addition to Mandarin.

Taiwan's endowments in terms of natural resources are modest, it has small deposits of coal, natural gas, limestone, marble, asbestos and arable land. The island is merely covered by a mountain range, with more than 300 peaks over 3,000 m above the sea level. Its highest point is Yu Shan (3,952 m). Therefore, Taiwan has very limited possibilities for agriculture. According to the figures of CIA Factbook, based on estimation, the ratio of agricultural land is only 22.7%. The population of Taiwan was 23,464,787 (July 2016), while life expectancy at birth: total population: 80.1 years (male: 77 years, female: 83.5 years (2016) [CIA, 2017].

Objectives of the research

Taiwanese economy, with its robust performance has raised the willingness not only of Asian exporters but also from overseas to supply goods in increasing quantities to the Taiwanese consumer market. So do European companies including Hungarian ones, even though exporters face a number of difficulties when entering the Taiwanese market. First and foremost, there are very few companies and businessmen who thoroughly know the Taiwanese market including the importation procedure. In spite of a range of similarities travellers may think at first sight about Asian economies, regulations and consumers' preferences vary from country to country and region to region. Two authors

of this paper, who both visited Taiwan recently with the research fellowship of the Oriental Business and Innovation Centre (OBIC) of Budapest Business School, are convinced that the Taiwanese consumer market can provide even more benefits for European suppliers in long run. Therefore, it is not only theoretically interesting to get an in-depth insight to the Taiwanese consumer market and consumption at both macro- and microeconomic levels but it can eventually bring about directly applicable findings from which potential exporters may benefit.

The nature of relationship with China is a very important issue. China became Taiwan's second-largest source of imports after Japan, and China is also the island's number one destination for foreign direct investment. Closer economic links with the mainland bring opportunities for Taiwan's economy but also pose challenges as political differences remain unresolved and China's economic growth is slowing, and besides the discussion of the nature of political relationship is not part of this analysis.

Material and methods

The authors examined how and on which bases Taiwanese households decide about how much of their income should be consumed at once and how much to spend in retail shops. This microeconomic question addresses the answer for macroeconomic consequences. It is examined how households' consumption decisions affect Taiwan's economy in long run. The study of consumption relies on techniques of data regression analysis. The aggregate data on the behaviour of the overall economy derived from the national income accounts of Taiwanese official statistical database (National Statistics of the Republic of China).

It was conjectured by John Maynard Keynes that the marginal propensity to consume – the amount consumed out of an additional dollar of income - is between zero and one [Mankiw, 2003]. The ratio of consumption to income, called the average propensity to consume, so income is the primary determinant of consumption. The consumption, so the retail spending as well is determined by the level of production and the distributed income to households, as disposable income. One of the main goals of the research was to show how the economic equilibrium changes in the market for goods and services in Taiwan due to the retail trade and consumption or with other words how the supply and demand for the economy's output vary. The following equations summarize the examinations of the demand for goods and services in the research.

1.1. The formula depicts the components of GDP:

$$Y = C + I + G$$
.

1.2. Re-arranging the formula 1.1 shows the main drivers of consumption:

$$C = C(Y - T)$$
,

Y = Income; C = Consumption; I = Investment; G = Government spending; T = Tax.

The demand for the economy's output is measured by GDP, which comes partly from the consumption, and consumption depends on disposable income; retail spending is the endogenous variables from this point of view. It is reasonable to assume that the relationship is a linear relation between consumption and disposable income. The consumption components are then characterised by two parameters, c0 and c1. The parameter "c1" is called the marginal propensity to consume. It gives the effect an additional i.e. HUF of disposable income has on consumption. If c1 is equal to 0.2, then an additional HUF of disposable income increases consumption by a $1 \times 0.2 = 0.2$ HUF. As we examine the income elasticity on c1, the link must be positive: an increase in disposable income is to lead to an increase in consumption. Another assumption is that c1 must be less than 1: People are likely to consume only part of any increase in disposable income and save the rest. The parameter c0 has a simple interpretation. It is what people would consume if their disposable income in the current year was equal to zero: total consumption is in equation with the base, autonomy part of the consuming (C = c0). People still need to eat, the needs of the bottom line of Maslow's pyramid have to be gratified! This implies that c0 is always positive. How can people have positive consumption if their income is equal to zero? They consume either by selling some of their assets, or by borrowing [Blanchard, Giavazzi, 2010]. As we mentioned the relation between consumption and disposable income is a linear relation, it is represented by a straight line which could be determined based on the regression formula. We calculate the correlations to evaluate the strength of the relationships between macroeconomic variables and consumption figures. The slope of the consumption function tells us how much consumption increases when disposable income increases by one HUF. That is, the slope of the consumption function is the MPC. People receive income from their labour and their ownership of capital,

pay taxes to the government, and then decide how much of their after-tax income to consume and how much to save [Mankiw, 1999]. In the course of the recent decades, the labour market has undergone a massive transformation resulting in new demand for both the demand and supply side [Erdeiné Késmárki-Gally, 2018]. The income that households finally receive equals the output of the economy (Y), the government, then taxes households an amount (T). The marginal propensity to consume c1 also determines how much changes in fiscal policy shift the producing. The coefficient of G, 1/(1-b), is the government-purchases multiplier in the Keynesian cross. Similarly, the coefficient of T,-b/(1 - b), is the tax multiplier in the Keynesian cross. The larger the marginal propensity to consume, the greater the multiplier.

We assume that the level of consumption depends directly on the level of disposable income, We do not consider the impact of consumer behaviour or other social, technological factors. So, the higher the disposable income, the greater the consumption. What happens in case of greater consumption in economy? As we discussed the slope of the consumption curve depends on the marginal propensity to consume c1. The larger the marginal propensity to consume, the larger the change in income resulting from i.e. a given change in the interest rate, the larger the change in consumption resulting from a given change in the income. Let's go on: the large marginal propensity to consume leads to a large multiplier for changes in investment.

The multiplier effect

The larger the multiplier, the larger the impact of a change in investment on output and so the valueadded income and so on. In the econometric model the first-round increase in demand, increase in consumption leads to an equal increase in production, this increase in production leads to an equal increase in company value added income, this results in higher distributable income. The second round is another increase in demand, and so on. The multiplier is the ratio of the change in the equilibrium level of output to a change in the exogenous variable, in our case the income. The ratio of the change in an endogenous variable, such as consumption to the change in an exogenous variable, such as income. The size of the multiplier effect can be calculated in terms of the consumption equation, where the marginal propensity (MPC) is the ratio of the consumption and income changes: C = c0 + c1Y = Y.

- 2.1. C/Y = c0/Y + c1Y/Y = Y/Y;
- 2.2. c0/Y + c1 = 1 (Move c1 to the right side and multiply by Y);
- 2.3. c0 = (1 c1)Y (Move c1 to the left side and re-organise the equation);
- 2.4. Y = c0/(1-c1) (with tax: Y = c0/((1-c1)*(1-c1)),
- c0 = independent consumption; c1 = marginal ropensity to consume; C = consumption; Y = income.

The depicted formula provides a method to analyse the impacts of different consumption drivers, where the autonomy consumption, the income depended spending and the tax determine the level of expenditure. As we work through our model of economy, we focus on understanding movements in consumption and real gross domestic product (GDP), the central measures of macroeconomic activity. We are interested in tracking real changes in the level of economic activity, we examine the variable Y to refer on one side to both aggregate output and aggregate consumption, on the other side per capita figures.

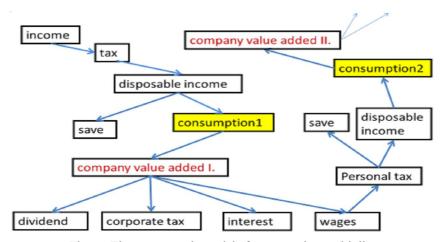

Figure. The econometric model of consumption multiplier

Note. Source. Own edition.

The theory is wonderful, – so far. In practice policy makers need to consider some restrictions, such as:

- the source of consumption stimulating;
- the change of the debt level;
- the saved money from the disposable income;
- the impact of the tax change on central budget;
 - the impact of the interest changes on inflation;
 - the impact of the currency rate on net export;
 - the Equilibrium Output (Input) and Expenditure;
- the Equilibrium of the producing capacity with demand.

Without these issues we could increase the country output practically boundlessly through the multiplier effect, but the determination of Equilibrium Output (Income) limits this way. First of all, let's clear up what the equilibrium is. A number of definitions of equilibrium are used in economics, they all refer to the idea that at equilibrium, there is no tendency for change [Case et al., 2012]. In microeconomics, equilibrium is achieved at a price for which the quantity demanded is equal to the quantity supplied. To define equilibrium for macro-economy, we use on one side the planned aggregate expenditure terminology, by definition, consumption plus planned investment. The Aggregate output can also be considered the aggregate quantity supplied because it is the amount that firms are supplying (producing) during a period (practically means "real GDP"). If the actual expenditure does not equal with the planned output and the equilibrium falls over and the economy needs unplanned increases or decreases in inventory. That is the economy is defined to be in equilibrium when aggregate output (Y) is equal to planned aggregate expenditure (AE).

We examine what happens if the economy is out of equilibrium. First, let us suppose that aggregate output is greater than planned aggregate expenditure:

- When output is greater than planned spending, there is unplanned inventory investment. Firms planned to sell more of their goods than they sold and the difference shows up as an unplanned increase in inventories. Next, let us suppose that planned aggregate expenditure is greater than aggregate output:
- When planned spending exceeds output, firms have sold more than they planned to. Inventory investment is smaller than planned. Planned and actual investment are not equal. Only when output is exactly matched by planned spending there will be no unplanned inventory investment. If there is unplanned inventory investment, this will be a state of disequilibrium. The mechanism by which economy returns to equilibrium will be discussed later.

Equilibrium in the goods market is achieved only when aggregate output (Y) and planned aggregate expenditure (C + I) are equal, or when actual and planned investment are equal.

Input-output model to the retail sector analysis

I. Theoretical Framework for the Economic Effects of Agriculture

This paper is about the best possible utilization of territorial information yield (I-O) models. These models give horticulture multipliers that can be utilized to assess the economy-wide impacts that an underlying change in rustic movement (for example extra cash spending for convenience or providing food) has on the local economy. The underlying change includes an adjustment in conclusive interest for horticultural items and might result in an expansion in family unit utilization or government buys, or an expansion in fares. The primary strides to compute the effect of extra spending on the local economy are depicted beneath. The first connection is between complete gross yield, esteem included, and total national output (GDP). Items are devoured by ventures - these are the middle of the road inputs – and by definite use. Esteem added is equivalent to the salary earned underway - this incorporates work profit. Complete gross yield is equivalent to the entirety of middle of the road data sources and esteem included. Esteem included summed over all enterprises is equivalent to GDP. Gross output is equal to the sum of the intermediate inputs and value added. It can also be measured as the sum of the intermediate inputs and final use. Value added is defined as the value of gross output minus intermediate inputs. The added value is the source of the payments made for economic operators, namely the compensation of employees and taxes on production and imports. So, the transaction shows the economic actors' contributions for the regional gross domestic product through household consumption, government expenditures, net export figures, company investments and import [Moss, 2007; Vásáry, Vasa, Baranyai, 2013].

Notwithstanding understanding the impact of suppositions in the input – yield show, it is vital to measure the provincial impacts by utilizing the model's multipliers. Each extra one Euro of interest for the purchasing of a part produces both aberrant and direct salary impacts on economy all in all [Bénassy-Quéré et al., 2010]. The connection between the underlying spending

and all the impacts produced by the spending is known as the multiplier impact of the segment, or all the more for the most part as the effect of the segment on economy all in all [O'Connor, Henry, 1975]. Hence the investigation of multipliers has come to be called as effect examination. This should be possible by building sectoral yield multipliers and family unit pay multipliers [Armstrong, Taylor, 1985].

In the applied Leontief's input-output model there are four measures of changes in regional economic activity that can be estimated - gross output of different sectors, value added, earnings, and employment. The crucial question is how the retail sectors' intermediate relationships can be quantified in the national input-output model. The method used in this research is to use the national level sector metrics (such information is available in the Statistical Office database), and calculated coefficients can be figured out upon national level statistics. In addition to understanding the effect of assumptions in the input-output model, it is important to quantify the macro level effects by using the model's multipliers [Bess, Ambargis, 2011]. Each of the additional one NT\$ (New Taiwan Dollar, the official currency) of demand for the buying of a sector results both indirect and direct income effects on the economy as a whole, so the linkage between the initial spending and the total effects generated by the spending is known as the multiplier effect of the sector, or more generally as the impact of the sector on economy as a whole [O'Connor, Henry, 1975]. For this reason, this study of multipliers could be called as impact analysis.

In this survey multipliers are used to figure out the secondary effects of the retail sector in Taiwan. Indirect effects are the changes in sales, jobs and income within supplier industries in the country, i.e. businesses that supply goods and services to tourism-related firms. The economic mechanism that causes an initial reaction to be amplified by follow effects among suppliers is the examined indirect multiplier effect, regardless of whether the shock arises change in technology or financial market [Acemoglu, Laibson, List, 2016]. For example, retail companies purchase a variety of goods and services in Taiwan in order to sell products, these indirect effects are described by Type I multipliers.

Type I sales multiplier = (direct sales + indirect sales) / direct sales.

The additional income that ultimately gets to households is called disposable income, which explains, the induced effects. These evoked effects are the changes in income in Taiwan, resulting in more consumption because of retail spending. Employees in the service sectors and supplier industries are spending their income in Taiwan, thus causing additional sales and economic activity. Type II multipliers integrate both indirect and induced effects.

Type II sales multiplier = (direct sales + indirect sales + induced sales) / direct sales.

Main characteristics of Taiwanese economy

After the 1960s, Taiwan underwent a rapid economic and industrial reform, also experienced remarkable social development. The economic achievements of the 1970s and 1980s allowed Taiwan to rank among the Asian Tigers and, in the 1990s, among developed countries. Since the 1980s, the economic structure of Taiwan gradually shifted from labour-intensive industries to high-tech industries, wherein the electronics industry was particularly vital to the world's economy. Taiwan has excelled in the semiconductor, optoelectronics, information technology, communications, and electronics fields. At present, the economy is shifting nanotechnology, biotechnology, optoelectronics, and the tourism service industry. Moreover, international trade is the economic lifeline of Taiwan. Japan and the United States were Taiwan's top two trading partners until 2005, when mainland China took over as Taiwan's main import/ export trading region, with Japan and the United States coming in second and third. In recent years, the unfavourable financial situations of the USA and European economies and the economic slowdown in mainland China had a joint impact on the economic performance of Taiwan.

Taiwan has a dynamic capitalist economy with gradually decreasing government guidance on investment and foreign trade. Exports led by electronics, machinery, and petrochemicals have provided the primary impetus on its economic development. This heavy dependence on exports exposes economy to fluctuations in world demand. Taiwan's diplomatic isolation, low birth rate, and rapidly ageing population are other major long-term challenges. According to estimated figures of CIA World Factbook [CIA, 2017] Taiwan's PPP-based GDP (purchasing power parity) was 1.125 trillion USD, GDP (official exchange rate) was 519.1 billion USD (2015), while the GDP real growth rate was 1% (2016). The per capita GDP (PPP) was 47,800 USD (2016), while the ratio of gross national saving was 35.7% of GDP (2016).

In 2016, the composition of GDP by sector of origin was as follows: agriculture (1.8%), industry (36.1%) and services (62.1%). The main agricultural products and commodities are rice, vegetables, fruit, tea, flowers; pigs, poultry and fish. The main industries are: electronics, communications and information technology products, petroleum refining, chemicals, textiles, iron and steel, machinery, cement, food processing, vehicles, consumer products, pharmaceuticals. In 2015, the labour force was estimated 11.68 million, the division of which by sectors were as follows: agriculture (5 %), industry (36%), services (59%). The unemployment rate was 3.9% in 2016, 0.1% higher than a year before. In 2016, the Taiwanese public debt was 32.7% of GDP (the same like a year before), while in 2016 the budget had a 0.6% deficit. In 2016, the inflation rate (consumer prices) was 1.6%, a year before it was -0.3%. In 2016, the total exports of Taiwan amounted 314.8 billion USD (in 2015: 335.5 billion USD), while the total amount of imports was 248.7 billion USD in 2016 (262.9 billion USD in 2015). The main export commodities are: semiconductors, petrochemicals, automobile/auto parts, ships, wireless communication equipment, flat displays, steel, electronics, plastics, computers, while the main items of imports: oil/ petroleum, semiconductors, natural gas, coal, steel, computers, wireless communication equipment, automobiles, fine chemicals, textiles. Taiwan has the sixth biggest reserves of foreign exchange and gold the total amount of which was estimated 456.9 billion USD (on December 31, 2016), one year before it was 430.7 billion USD. Taiwan's total amount of external debts was estimated 155.4 billion USD (on December 31, 2016) while one year before it was 159 billion USD [CIA, 2017]. See Taiwan's main macroeconomic indicators on Table 1.

According to Statistics Times (using database of IMF (2016 October) Taiwan was at the 21st place in terms of the amount of GDP on current price basis and the 21st in purchasing parity basis (PPP), while foreseeably it would keep its present position in 2020 in PPP basis.

Challenges of Taiwanese economy and society

Taiwan's economy has been experiencing a downturn since the breakout of the global economic crisis since 2008. This is due to the overdependence to the exportation. Both investment and consumption are growing at a slow pace. There are three main factors contributing to Taiwan's economic growth: investment, export and consumption. Regarding the investment sector, the government has faced the sovereign debt ceiling, which restricts its capacity for raising public debt. The private investment sector shows limited growth potential. Furthermore, there is little progress in negotiations for FTA (Free Trade Agreement) as well as EFCA (Cross-Straits Economic Cooperation Framework Agreement) follow-up agreements. Negotiations, however, have been started for a cross-strait trade in goods agreement under the ECFA framework [Wang, 2015].

In order to maintain the technical and business issues between Taiwan and mainland China, the Straits Exchange Foundation (SEF) was established by the Taiwanese government. It is technically a private foundation, but in fact it is funded by the government and controlled by the Mainland Affairs Council of the Executive Yuan (the executive branch of the Taiwanese political leadership). Its role is in fact, a kind of de facto embassy to mainland China, to not officially acknowledge the latter's sovereignty over

Macro-economic indicators	2000	2005	2010	2015	2016	2017	2018	2019	2020 (pred)
GDP (USD billion at current prices)	331.5	375.8	446.1	525.2	529.7	590.8	608.2	611.3	647.7
Per capita GDP (USD at current prices)	14.941	16.532	19.278	22.384	22.530	25.080	25.792	25.909	27.437
Real GDP growth rate (%)	6.4	5.4	10.6	0.7	1.5	3.3	2.75	2.71	2.37
Total exports (USD billion)	151.9	199.8	278.0	285.3	280.3	315.5	334.0	329.2	n.a.
Total imports (USD billion)	140.7	185.4	256.3	237.2	230.6	257.2	284.8	285.7	n.a.
Consumer price inflation (%)	1.3	2.3	1.0	-0.3	1.4	0.6	1.35	1.1	-1.0
Unemployment rate (%)	3.0	4.1	5.2	3.8	3.9	3.8	3.7	3.7	3.7

Note. Source. The authors' compilation from data of Directorate-General of Budget, Accounting and Statistics, Executive Yuan, Taiwan (cited by DBIT update, 2017) & the Statistical Bureau of Taiwan (for 2017–2020).

Taiwan. The SEF is headed by a former Taiwanese foreign minister, Tien, Hung-mao [SEF, 2017].

According to the data of the Directorate General of Customs, Ministry of Finance, (Taiwan) comprising seven years from 1st January, 2010 to 31st December, 2016 Taiwan's No. 1 and No. 2 foreign economic partners were located in East Asia, namely the mainland China and Japan. In terms of the entire bilateral turnover, and in case of Taiwanese exports, mainland China is the biggest partner (even without Hong Kong nearly 850 billion USD turnovers, from which 550 billion USD was the export), while in terms of imports to Taiwan, Japan was the biggest in this period (with nearly 316 billion USD). The United States was at No 3. place both in terms of exports and imports. Hong Kong, South Korea and Singapore are also very important partners, while from Europe only one country, Germany had a place among the Top Ten (with nearly 103 billion USD turnover).

Mention should be made about the Economic Cooperation Framework Agreement (ECFA), a preferential trade agreement between the governments of mainland China and Taiwan, which aimed to reduce tariffs and commercial barriers between the two sides. The pact, signed on June 29, 2010 [BBC News, 2010], in Chongqing, was seen as the most significant agreement since the two sides split after the Chinese Civil War in 1949 [EU – Taiwan Factfile, 2016].

C. Chang pointed out that whilst legislative ratification of the latest Cross-strait Trade in Services Agreement has been held in abeyance since the Sunflower Movement took place in March 2014 in Taiwan attended a WTO (World Trade Organization) Trade Policy Review meeting in Geneva on September 16, 2014 [Chang, 2015]. During this meeting from the end of mainland China concerns were expressed over Taiwan's restrictive measures that substantially limit its direct/portfolio investments in Taiwan. In addition to reiterate its expectation towards the removal of Taiwan's unilateral import bans on basic products from mainland China in compliance with the MFN (Most Favoured Nation)level obligations of WTO. Beijing has also signalled that, by failing to open Taiwan's domestic economy to China, it will lobby against Taiwan's participation in multilateral pacts such as the Trans-Pacific Partnership (TPP).

The growing business, investment and trade relations between the Mainland and Taiwan could potentially help the Taiwanese economy including the retail sector as well. Nowadays, Chinese tourists visit Taiwan in a growing number, Chinese consumers also

tend to be more consumption-oriented and internetuser. Internet-use and the advertising and promotion methods are becoming developed in China too, however somewhat different from the European habits [Madlenak, Madlenakova, 2015].

Besides the huge potentials and also difficulties in overseas trade, there are several problems in the Taiwanese economy and society which hinder the increase of consumption and by this the development of retail trade. One of these problems is the salary stagnation. Real salary has stagnated for almost 20 years because of the imbalance of income distribution, not from the lack of economic growth. Therefore, young generation in Taiwan faces elementary problems establishing families because of the increasing gap between the growing real estate prices and the stagnating salaries [Neszmélyi, 2020]. The excessive outflow of Taiwanese FDI establishing new jobs rather abroad than in Taiwan does not seem to solve this problem, moreover does not help to turn back the brain-drain process as well.

Statement of Asian Retail Challenge

Asia comprises many countries, each with different geographic, economic, political, cultural and social sphere. Consumer preferences and buying habits are different; there is no such thing as an "average Asian consumer". However, rising disposable incomes across the region has given rise to a new group of consumers – the fast-growing middle class. Asia's consumer market is and will continue to be driven by preferences of the exploding middle class, particularly the growing, influential younger consumers in the region.

The rise of e-commerce has redefined shopping and revolutionized retailing in the APAC (Asia Pacific) region. The researches prove that APAC is better positioned and hosts five of the top ten most attractive retail markets globally. Structural issues such as consumption upgrades, technological advancement and cyclical trends are pulling APAC's offline brands/ retailers in varying directions. Consumers in China (including Taiwan) and South Korea are fully embracing online, with those in Singapore and Hong Kong lagging, while Japan and Australia are moving at a tepid pace as preference for offline retail remains high. Consequently, retailers in China, Taiwan and Korea need to be proactive by adopting an omni-channel (integrated online/offline) strategy in order to stay relevant, while their counterparts in other markets face less imminent pressure and are able to co-exist with rising online retail (in selected products) or to develop online on their own.

Department stores have felt most severely the rise of e-commerce, with its portion of total retail sales shrinking from 10–12% to 3–9% across countries between 2007 and 2016. Few brands/retailers in APAC have demonstrated successful online strategies. Fast Retailing's vertical model and self-run store format has allowed it to develop a seamless online module.

In the digital era, consumers are more connected, tech-savvy, mobile and socially fluid. They demand personal products and services, look for greater satisfaction in life experience and have a strong desire for convenience and immediacy, rather than merely static material possessions.

Retail snapshot to selected countries

In this part, a brief outlook about selected countries' retail performances is given. The main figures of retail sales and internet sales of selected Asian economies are shown in table 2.

China is the largest country in the region, notwithstanding the middle level standard of living (Table 2) it is the leader in e-commerce (especially mobile commerce), and the offline retailers remain the victim. The future supply of retail space in China is expected to remain ample even after fast growth over the past decade, but rapid growth of ecommerce (in 2016: 33.9%) will continue to put overall unit rent and rental yield under pressure. The relative high level traditional retail sales increasing (in 2016: 8.1%) indicates that mall operators with strong execution will continue to grasp the strong demand through proactive adapting to the new competitive landscape by adjusting their tenant mix (e.g. more F&B and experience shops that online shops cannot replicate).

In Japan new store openings have slowed down due to the rise of construction and labour costs as well as the rebalancing of offline/online store portfolios by current players. Traditional retail in

department stores have been particularly affected on both sales and earnings by the growth of ecommerce, while their fall has already begun since the beginning of the deregulation of location controls on large commercial facilities since 1990. The threat of e-commerce has also reached areas such as shopping centres and train-station fashion buildings, which used to be considered relatively secure.

The Korea e-commerce market is estimated to expand at 20.2% CAGR until 2021, significantly outgrowing the overall retail industry. The Korean e-commerce market is expected to remain fragmented with no clear winner, while a number of leading players compete, due to non-dominant player, limited M&A opportunities, and solid financial capabilities of major traditional retail participants.

In Singapore retail sales have shown declining in 2016, but after it, the rise in retail sales was mirrored by an aggressive build out of retail space. It is forecasted that Singapore continues being challenged by growing e-commerce and abundant supply. The recovery in the underlying economy and the positive outlook for residential market should see a cyclical recovery in retail in Singapore. Because of the very concentrated traditional retail department stores the share of e-commerce is relatively low (4.8%) compared to other regional countries.

Changing society

People in societies can be divided into upper, upper middle, middle, lower middle, working and lower classes. With a huge growth potential, the middle class in Southeast Asia and India is expected to double to 400 million and 540 million respectively in 2020, implying strong impetus for further consumption growth in both economies. In China, the middle class, which is far larger in size compared to those of Southeast Asia and India, is estimated to grow 25% to hit 1 billion in 2020, representing about 70% of the urban population in the country and becoming a major

Table 2

Retail sales an	nd Internet	sales of	selected	economies	in Asia,	2016

Regional macroeconomic indicator	Retail sales (US\$ billion)	Yoy growth (%)	Internet sales (US\$ billion)	Yoy growth (%)	Share of internet sales in retail sales (%)
China	2,016.7	8.1	347.4	33.9	17.2
Japan	947.2	0.9	67.7	8.5	7.1
South Korea	234.3	7.8	43.0	20.4	18.4
Taiwan	90.8	2.6	8.9	12.5	9.8
Singapore	21.9	-1.7	1.1	33.1	4.8

Note. Source. Euromonitor International; compiled by Fung Business Intelligence.

powerhouse for domestic consumption growth [9 Key Trends ..., 2017].

In the digital era, consumer buying habits and preferences are significantly affected by high Internet penetration, ubiquitous availability of information and rapidly-growing social media networks. Today, consumers in Asia are digital-savvy, mobile and socially fluid. They are highly connected and demand omni-channel experiences where they can shop anytime, anywhere and with any devices. They also demand personalized products and services, look for greater satisfaction in life experience and have a strong desire for convenience and immediacy, rather than merely static material possessions. Online platforms, particularly B2C marketplaces, have seen rapid developments over the years thanks to the boom e-commerce market in Asia. Increasing numbers of traditional retailers have set up online stores, while major e-commerce players have expanded their online marketplaces in both their own country or across Asia, hoping to reach out to more customers in Asia (example: IKEA expanding online in Japan). With m-commerce getting more popular among online shoppers in Asia, many retailers have launched mobile-enabled websites and mobile apps with location-based and other interactive functions. Meanwhile, the move towards a cashless society is gaining steam. Some retailers have partnered with payment service providers to offer electronic payment services and mobile wallets with an aim to provide online customers a frictionless payment experience.

Example: to illustrate these trends @Cosme in Taiwan, an online beauty store owned by Japan's ecommerce company Istyle, opened a brick-andmortar store in Taiwan in May 2017. The move is part of Istyle's business expansion plan in Asia. The company opened more new stores in Taiwan and Hong Kong in 2017. Currently, Istyle's overseas businesses have been centered on wholesaling cosmetics and CBEC businesses in China.

Social media increasingly become a key marketing and selling tool driven by accelerated smartphone penetration and increased amount of time consumers spent online, the number of social media users has increased drastically in Asia. According to Go-Globe, the Asia-Pacific region accounts for over 52% of the world's social media users; and over 97% of active social media users access their social media accounts on mobile devices. In recent years, social networks have become a key marketing tool. Many social media platforms have added new functionalities such as live-streaming to better engage with customers and drive revenue. Social media

becomes a key marketing tool, helps drive streaming and sharing services. In Taiwan Facebook is very popular, the main communication platform is Line, in China WeChat and Sina Weibo are used.

In Asia having around 175 million social media users, Southeast Asia has already overtaken the US when it comes to the number of people on social media, in Taiwan 91% of social media user are on Facebook as well. The social media boom has underpinned the growth of social commerce (s-commerce) in the region, especially in Southeast Asia.

O2O (online to offline integration) has grown rapidly in Asia over the past few years. The rise of e-commerce has changed the way consumers shop, making O2O retailing a key tenet of traditional retailers' strategies. To adapt to consumers' increasingly complex shopping journey - weaving across physical and digital channels, retailers in Asia are striving to push forward seamless integrations of physical stores and online/mobile channels, along with offering new delivery options such as click-andcollect and 24/7 parcel lockers. A recent O2O development in Asia is the rapid adoption of O2O in catering and lifestyle services industries. O2O food delivery, in particular, is growing rapid in many cities in Asia due to consumers' increasing desire for convenience.

Example: Kakao, a South Korean Internet company known for its chat app Kakao Talk, launched food-delivery service in January 2017. The new service is incorporated into Kakao Talk app.

Technology advancement

Although e-commerce is gaining substantial momentum in Asia, brick-and-mortar stores still capture the majority of shopping time. Many traditional retailers have leveraged mobile Internet and digital technologies to better meet the needs of tech-savvy shoppers and satisfy forward-thinking digital-based demands. Digital technologies such as location-based services, interactive mirrors, Internet of Things (IoT), virtual reality (VR) and augmented reality (AR) can increase shoppers' convenience, gamify the retail environment, drive customer engagement and enhance customer satisfaction.

Example: Innisfree, a South Korean natural cosmetics brand under Amorepacific, has partnered with Bank of China and POPSPi, a Shanghai-based mobile retail solution company to roll out its mobile point of sale (POS) solution in its stores in China. Each of Innisfree salesperson is equipped with a mobile-based POS which can eliminate the need to

line up for checkout and can respond promptly to customers' various requests on the go.

Shifting from consumption to experience

Nowadays, consumers in Asia are more sophisticated and increasingly looking for additional value – exceptional services and personalized experiences. The concept of "experiential shopping" has collected significant attention in Asia. Many department stores and shopping malls have incorporated more "experiential elements" such as food & beverages (F&B), kids'-related activities, art & culture and lifestyle elements to enlighten customers with shopping experience and services. Meanwhile, an increasing number of retailers in different segments have opened experiential stores or flagship stores that pay particular attention to service offerings and emotional engagement with customers.

Example: Tsutaya Bookstore to open first international store in Taiwan Japan's major lifestyle bookstore chain Tsutaya Bookstore has opened its first overseas store in Taipei, Taiwan. The new store, featuring lifestyle and experiential elements, is mainly comprised of two sections – bookshop and café. More than offering stationery items and reading materials on different topics, from art, language, fashion, architecture to lifestyle, culture, healthcare and food, the bookshop also sells home products, baby products and fashion items. In the café zone, customers can enjoy not only simple drinks and snacks, but classy Japanese-style meal sets and desserts.

To cater to increasingly segmented needs of consumers, many retailers in Asia are seeking ways to revamp their businesses and come up with innovative strategies. Small-sized retail formats such as convenience stores and pop-up stores have enjoyed stronger growth over recent years. They have the advantage over their competitors of having closer access to their target customers, and are also able to offer faster services, along with attractive product selections and added convenience, not to mention the lower operation costs of smaller-sized stores. In view of this, some big box retailers are moving to smaller formats by opening smaller-scale stores or downsizing their stores. Asia consumers, especially the millennials, now demand more personalized products and services. Some retailers and leading e-commerce players have adopted new business models such as made-to-order and direct-to-consumers to appeal to the needs and tastes of specific demographics.

Example: Lotte Department Store launches new compact mall "Lotte El Cube" In South Korea, Lotte

Department store has also adopted the smaller-sized format concept and launched three new compact shopping malls "Lotte El Cube". Rather than offering something for everyone, the relatively small shopping malls focus specifically on young, fashion-conscious shoppers.

To distinguish themselves from competitors, a number of e-commerce players have come up with a more creative e-commerce model – proprietary merchandise approach.

Example: Furla to launch its first made-to-order service in Singapore. Italian handbag company Furla has recently launched its first made-to-order service "Made For You" at the Marina Bay Sands flagship store. Customers can design their own bags. For each customized bag, it will take between 8–12 weeks from order to delivery, depending on the material chosen and on market demand. Each bag will also come with a personalized hand-written certificate.

Merger and acquisition (M&A) remain an attractive route for retailers in Asia to garner market share and accelerate growth. Through acquiring and forming partnership with well-established brands, retailers could achieve greater economies of scale and adopt advanced technologies, brand-building know-how and strategic repositioning opportunities.

Example: Merger of Family Mart and Uny forms Japan's second largest convenience store chain. In September 2016, Japan's major convenience store operator Family Mart merged with Uny, another local retailer which owns Circle K Sunkus convenience store chain in Japan. As most of the Circle K Sunkus stores owned by Uny were converted into Family Mart, the total number of Family Mart stores now amount to some 17,000 in Japan, making it the second largest convenience store chain in the nation, just after the industry leader Seven-Eleven Japan of around 18,000 stores.

A surge in Chinese tourist arrivals has fuelled the growth of duty-free businesses in both airports and downtown areas across major destinations in Asia. For example, South Korea's duty-free market grew drastically by 33.5% yoy in 2016, racking up sales of 12,275.7 billion won (US\$ 10.56 billion). Lotte Duty Free, the largest duty-free operator in South Korea, registered sales of 5,972.8 billion won (US\$5.13 billion) in 2016, followed by second-placed Shilla Duty Free, with sales reaching 3,405.3 billion won (US\$ 2.93 billion) in 2016.

Asian countries remained the top picks for short trips and favored destinations among Chinese tourists. Among the top five overseas destinations for Chinese travellers, South Korea, considered as a trendsetter in

fashion, beauty and entertainment, came first as the most popular destination for Chinese travellers, followed by Thailand with its exquisite beaches and temples, Japan with its interesting history and culture and Taiwan with its nature and famous street food. To cash in on the Chinese tourist boom, major duty-free players in the region have all speeded up their expansion in both airports and downtown areas.

Example: Incheon International Airport takes the lead in airport duty-free sales. South Korea's Incheon International Airport registered duty-free sales of 2,300 billion won (US\$2 billion) in 2016, a leap of 14.7% yoy, making it the world's top duty-free sales location, ahead of Dubai International Airport. The airport attributed its robust sales to increasing passenger traffic, presence of diverse global and local brands and upgraded shopping environment through renovation.

The role of retail trade

In the previous model GDP computed in a way of the expenditure approach to calculating the total spending of GDP. The other way is to add up the income – wages, rents, interest, and profits – received by all factors of production in producing final goods and services by different sectors [Case, 2008]. These two methods must lead to the same value as every payment (expenditure) by a buyer is at the same time a receipt (income) for the seller. The income approach is used to calculate the share of retail sector in GDP and examine the relationships to other sectors. The Statistical Bureau Taiwan compiles the benchmark IO tables, which are produced according to result of the Industry, Commerce and Service Census Survey every 5 years, but regularly

disseminates the Input-Output Tables (the matrixes) which represent interrelationships between each industry. Transaction table includes various components of transactions, input coefficient and impact coefficient.

Transaction Table

Transactions Table, or named use table, is the basic table of Input-Output statistics. Each row represents the destination, for intermediate consumption or final use, of commodities, for example sold by retail companies. Each column details the production function of a specific commodity or service activities acted for example by retailers, including the value of the commodity's total output, the mix of commodities it consumes to produce this output and the value added by labour and capital producing this output. The final use columns detail the commodity composition of the final use components of GDP. Table 3 includes the original relationship between the components of total gross output, and the value-added domestic product (GDP) as well. As shown in the summarised table, inputs are consumed by producing and service provider sectors - these are the intermediate inputs, such as raw materials or semifinished inventories and by final use. Value added is equal to the net income earned in production - this includes labour earnings so the resource to pay for income owners, which stems from the difference of totals sales and input purchases. The total gross output is equal to the sum of intermediate inputs and value added summed across all industries is equal to regional GDP. Out of 21.0 Trillion NT\$ total intermediate demand the retail sector represents 4.1 Trillion NT\$ input goods and services purchase (Table 3).

 ${\it Table~3}$ Retail input components in Transactions Table at Producers' Prices unit: million NT\$

Main Retail Performance Drivers	Wholesale and Retail Trade	Intermediate Demand
Intermediate Inputs	1 223 492	21 035 327
Compensation	1 589 996	7 295 871
Operating Surplus	1 116 025	3 824 430
Consumption of Fixed Capital	154 450	2 409 901
Taxes on Production and Imports	54 052	404 269
Less: Subsidies		
Net Commodity Taxes	1	132 194
Net Import Duties	-	-
Value Added Taxes	1	56 061
Other Taxes, Less Subsidies	54 052	216 014
Primary Inputs	2 914 523	13 934 471
Adjustment Item	-	6 885
Total Inputs	4 138 015	34 976 683

Note. Source. Own edition based on Statistics from [Statistical Bureau of Taiwan, 2016].

Value added is defined as the value of gross output minus intermediate inputs excluding any income accumulations among companies. The added value is the source of the payments made for economic actors, namely for example the rewarding of employees in form of wages or salaries and the taxes on production and imports. So, the transaction table shows the economic actors' contributions for the national gross domestic product through household consumption, (local) government expenditures, net export figures, company investments, capital expenditures and import value [Moss, 2007]. (In the statistical data wholesales figures are integrated to retail figures, nevertheless on the national level model the value chain accumulation is avoided).

Taiwanese capital nowadays flows rather to (Mainland) China and ASEAN countries and other partner countries of the so-called New Southbound Policy and in a lesser extent into the Taiwanese manufacturing or services sectors, which results in the scarcity of jobs and preserves the relatively high but permanently stable wage level [Neszmélyi, 2020]. Stringent wages tend to freeze domestic savings as well [Sági, Sóvágó, 2002], which may, in turn, influence market agents in their investments [Sági, 2007].

Attention is drawn to the high share of the primary input out of the total input, which means relevant value-added sharing in retail (70%), this is the source of income payment for business actors, such as employees. The compensation level represents 30% in Taiwan. In Hungary the share of value-added disbursement in retail is 65% (HCSO), the employees' compensation is on Taiwanese level, the taxes dominate more in Hungarian commerce, the VAT rate in Taiwan is 5%, while in Hungary the main VAT rate is 27%.

On the national level the gross output is equal to the sum of the intermediate inputs and value added, which can be measured as the sum of the intermediate inputs and final use. As the total demand equals to the total supply, – considering the operational surplus – the retail sector performance is the same than the input buying in the input-output model. In the survey the benchmark input-output tables are compiled for 2016.

Conclusion

Input coefficients are obtained by dividing input with output in terms of Input Coefficients Table of Domestic Goods and Services (D) (Statistical Bureau of Taiwan). Input coefficient in case of retail and

wholesale sector denotes the input required under existing selling technologies. It represents a certain production technological standard and is called technology coefficient, so the input goods purchasing represents 25% of the total expenditures in the retail sector. The Impact coefficients are also named Inverse Matrix Coefficients, or Interdependence Coefficients or Impact Effects Coefficients. "Coefficient" means the numbers of units that have to be bought - either directly or indirectly - from various sectors for every additional unit needed of a given sectoral output. What is eventually needed to influence, either directly or indirectly, output, added value and input through industry linkage is called "Feedback Effects of the Final Demand". It is used for evaluation the retail multiplier effect, calculated the domestic inverse matrix results the feedback effects on the final demand (Statistical Bureau of Taiwan). The Impact coefficients are also named Inverse Matrix Coefficients, Interdependence Coefficients or Impact Effects Coefficients. In case of retail it means the numbers of unit or value that are received, directly or indirectly, from each industry to deliver one unit of retail sector to final users, and also expresses the degree of interdependence between different industries. The value of the coefficients of wholesale and retail trade is 1,032370, so for example 1 million NT\$ additional trade purchase increase the total intermediate input producing by close to 3%. In other words, any 1 million NT\$ local additional buying goods and services by retailers, leads to a plus 376 thousand NT\$ direct effect in Taiwan spent by those companies who produce the inputs for retailers.

REFERENCES

Acemoglu D., Laibson D., List J., 2016. *Macroeconomics*. London, Pearson Publ. 313 p.

Armstrong H., Taylor J., 1985. *Regional Economy and Policy*. Southampton, Camelot Press Publ., pp. 34-35.

BBC News, 2010. *Taiwan and China sign landmark trade agreement*, 29 June 2010. URL: http://www.bbc.com/news/10442557.

Bénassy-Quéré A., Cœuré B., Jacquet P., Pisani-Ferry J., 2010. *Economic Policy*. Oxford, Oxford University Press, pp. 180-181.

Bess R., Ambargis Z., 2011. Input-Output Models for Impact Analysis: Suggestions for Practitioners Using RIMS II Multipliers. Southern Regional Science Association Conference March 23-27, 2011. URL: https://www.bea.gov/system/files/papers/WP2012-3.pdf.

- Blanchard O., Giavazzi F., 2010. *Macroeconomics a European Perspective*. Pearson Hawlow UK, pp. 326-329.
- Case K.E., 2008. *Principles of Economics*. 8th Edition. London, "Prentice Hall" Publ.
- Case K.E., Fair R.C., Oster S.E., 2012. *Principles of Economics*. London, "Prentice Hall", pp. 502-504.
- Chang C-C., 2015. Restrictive Stance on Reciprocal Flows from China Hinders Taiwans Global Trade Participation. *Taiwan Development Perspectives*. Taipei, National Policy Foundation Publ., pp. 143-153.
- CIA, 2017. The World Factbook (Information and database on Taiwan) Central Intelligence Agency (CIA), USA. URL: https://www.cia.gov/library/publications/the-world-factbook/geos/tw.html.
- EU Taiwan Factfile, 2016. *European Economic and Trade Office*. Taipei. 60 p. URL: https://eeas.europa.eu/sites/eeas/files/eufactfile2016.pdf.
- Erdeiné Késmárki-Gally Sz., 2018. A munkaerőkölcsönzés helyzete és kihívásai Magyarországon [The Current Situation and Challenges of Temporary Agency Work in Hungary]. *Multidiszciplináris kihívások, sokszínû válaszok* [Multidisciplinary Challenges Diverse Responses]. Budapest, Budapest Business School Publ., pp. 4-23. URL: http://epa.oszk.hu/03400/03448/00015/pdf/EPA03448_multidisz ciplinaris 2018 3.pdf.
- Madlenak R., Madlenakova L., 2015. The Differences in Online Advertising Acceptance in China and Slovakia. *Proceedings of the 2015 International Conference on Management Engineering and Management Innovation*, vol. 3, pp. 45-49. URL: https://www.atlantis-press.com/proceedings/icmemi-15/16181.
- Mankiw N.G., 1999. *Macroeconomics*. New York, Worth Publ., pp. 54-56.

- Mankiw N.G., 2003. *Macroeconomics*. 5th Edition. New York, Worth Publ. 433 p.
- Moss David A.A., 2007. Concise Guide to Macroeconomics: What Managers, Executives, and Students Need to Know. Second Edition Boston, Harvard Business School Press. 211 p.
- Neszmélyi Gy., 2020. Taiwans New Southbound Policy and the Cross-Strait Relations. *Polgári Szemle*, vol. 16, no. 1-3, pp. 351-377. DOI: 10.24307/psz.2020.0721.
- OConnor R., Henry E.W., 1975. *Input-Output Analysis and its Applications. Griffins statistical monographs and courses.* London and High Wycombe, Charles Griffin and Company Ltd., 42 p. URL: https://archive.org/details/INPUTOUTPUT ANALYSISBY OCONNORANDHENRY.
- Sági J., Sóvágó L., 2002. *Lakossági bankügyletek* [Public Finances]. Budapest, Unió Lap- és Könyvkiadó Publ., 364 p.
- Sági J., 2007. *Banktan* [Banking]. Budapest, Saldo Kiadó Publ., 352 p.
- SEF, 2017. Strait Exchange Foundation, Taiwan. URL: http://www.sef.org.tw/mp.asp?mp=300. Statistical Bureau of Taiwan, Republic of China, 2016. URL: https://eng.stat.gov.tw/ct.asp?xItem=36703&ctNode=1650;https://eng.stat.gov.tw/np.asp?ctNode=1555.
- Vásáry M., Vasa L., Baranyai Zs., 2013. Analysing competitiveness in agro-trade among Visegrad countries. *Actual Problems of Economics*, no. 150 (12), pp. 134-145.
- Wang J.-C., 2015. Prospects and Challenges for Taiwans Economy in 2005. *Taiwan Development Perspectives 2015*. Taipei, National Policy Foundation, pp. 137-142.
- 9 Key Trends and Developments, Fung Business Intelligence, March, 2017. URL: https://www.fbicgroup.com/sites/default/files/AsiaRetail_9KeyTrends.pdf.

Information About the Authors

- **Dr. Tamás Kozák, PhD**, Associate Professor, Head of Department of Commerce, Faculty of Commerce, Hospitality and Tourism, Budapest Business School University of Applied Sciences, Alkotmány St, 9-11, H-1054 Budapest, Hungary, Kozak. Tamas@uni-bge.hu, https://orcid.org/0000-0003-3481-6545
- **Dr. Éva Király, PhD**, Associate Professor, Vice Dean for Education, Faculty of Commerce, Hospitality and Tourism, Budapest Business School University of Applied Sciences, H-1054. Budapest, Hungary, Alkotmány St, 9-11, Kiraly.Eva@uni-bge.hu https://orcid.org/0000-0001-9252-8301
- **Dr. habil. Henrietta Nagy, PhD**, Associate Professor, Vice-rector for scientific and international affairs, Tomori Pál College, H-1223. Budapest, Hungary, Mûvelõdés út 21-27, Nagy.Henrietta@tpfk.hu, https://orcid.org/0000-0001-9732-9926
- **Dr. habil. György Iván Neszmélyi, PhD**, Professor, Faculty Head of International Affairs, Faculty of Commerce, Hospitality and Tourism, Budapest Business School University of Applied Sciences, Alkotmány St, 9-11, H-1054 Budapest, Hungary, Neszmelyi.Gyorgy@uni-bge.hu, https://orcid.org/0000-0003-0707-5403

Информация об авторах

Тамаш Козак, доктор наук, PhD, доцент, заведующий кафедрой торговли, факультет торговли и туризма, Школа бизнеса Будапешта — Университет прикладных наук, ул. Алкотмань, 9-11, H-1054 г. Будапешт, Венгрия, Kozak. Tamas@uni-bge.hu, https://orcid.org/0000-0003-3481-6545

Ева Кирайи, доктор наук, PhD, доцент, заместитель декана по учебной работе, факультет торговли и туризма, Школа бизнеса Будапешта — Университет прикладных наук, ул. Алкотмань, 9-11, H-1054 г. Будапешт, Венгрия, Kiraly.Eva@uni-bge.hu, https://orcid.org/0000-0001-9252-8301

Генриетта Надь, доктор хабилитат, PhD, доцент, проректор по научной и внешнеэкономической деятельности, Колледж им. Томори Паль, ул. Мювелёдеш, 21-27, H-1223 г. Будапешт, Венгрия, Nagy.Henrietta@tpfk.hu, https://orcid.org/0000-0001-9732-9926

Дьёрдь Иван Несмелий, доктор хабилитат, PhD, профессор, руководитель отдела международных отношений факультета торговли и туризма, Школа бизнеса Будапешта — Университет прикладных наук, ул. Алкотмань, 9-11, H-1054 г. Будапешт, Венгрия, Neszmelyi.Gyorgy@uni-bge.hu, https://orcid.org/0000-0003-0707-5403

DOI: https://doi.org/10.15688/re.volsu.2020.4.2

UDC 338.2 Submitted: 18.07.2020 LBC 65.054 Accepted: 30.08.2020

RISKS AND THREATS IN RUSSIAN REGIONAL STRATEGIES

Boris S. Zhikharevich

Leontief Centre, Saint Petersburg, Russian Federation; Institute of Regional Economic Studies Russian Academy of Science, Saint Petersburg, Russian Federation

Abstract. The article presents the results of the Russian experience of the inclusion of risks and threats in regional strategies of social and economic development. The official documents of 85 strategies were analyzed, the quality of risks and risk assessment was expertly assessed at a five-point scale. A ranked number of strategies was made taking into account an additional parameter, i.e. the number of references to the word "risk". A list of the best strategies was made. They are the strategies of Sakhalin, Kurgan, Novosibirsk, Ivanovo regions, Zabaykalsky krai, and Republic of Crimea. The author notes that in most strategies of the Russian regions, attention is paid to risks and threats, but only in a third of strategies they are analyzed relatively well, and measures to deal with risks have been developed in no more than 10% of strategies. An abnormally large number of references to the word "risk" were identified when they are described in relation to all projects (Arkhangelsk region) or events (Zabaykalsky krai). The methodological problems associated with the analysis of risks and threats were systematized. They are a mixture of the concepts of problem, weakness, threat, risk, negative factor; lack of assessments of the likelihood and strength of the impact of risks; lack of description of measures to reduce the consequences of risks. The absence of a correlation between the quality of work with risks and threats and the regional resilience index characterizing the region's resistance to economic and financial crises was found. The author notes that the regions that are aware of their vulnerability work better than other ones which mentioned threats and risks in their strategies, but this circumstance has little effect on their shock resistance against economic crises. The recommendations concerning the improvement of strategic planning are suggested. They are a thorough analysis of threats and weaknesses at the stage of a SWOT analysis, identification of a separate section on strategic risks, and development of an appropriate set of adaptive scenarios, creation of a regional risk management system.

Key words: territorial strategic planning, SWOT analysis, threats, risks, risk management, shock resistance, risk manager.

Citation. Zhikharevich B.S., 2020. Risks and Threats in Russian Regional Strategies. *Regionalnaya ekonomika. Yug Rossii* [Regional Economy. South of Russia], vol. 8, no. 4, pp. 19-29. (in Russian). DOI: https://doi.org/10.15688/re.volsu.2020.4.2

УДК 338.2 Дата поступления статьи: 18.07.2020 ББК 65.054 Дата принятия статьи: 30.08.2020

РИСКИ И УГРОЗЫ В СТРАТЕГИЯХ РОССИЙСКИХ РЕГИОНОВ

Борис Савельевич Жихаревич

Леонтьевский центр, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация; Институт проблем региональной экономики РАН, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация

Аннотация. В статье приведены результаты изучения российской практики в части отражения в региональных стратегиях социально-экономического развития рисков и угроз. Проанализированы официальные тексты 85 стратегий, по пятибалльной шкале экспертно оценено качество учета рисков и угроз, составлен ранжированный ряд стратегий с учетом дополнительного параметра — числа упоминаний слова «риск». Выявлен список для изучения лучшей практики: стратегии Сахалинской, Курганской, Новосибирской, Ивановской областей, Забайкальского края, Республики Крым. Отмечено, что в большинстве стратегий российских регионов уделяется внимание рискам и угрозам, однако лишь в трети случаев это делается относительно качественно, а мероприятия по противодействию рискам прорабаты-

© Жихаревич Б.С., 2020

ваются не более чем в 10 % стратегий. Аномально большое количество упоминаний слова «риск» выявлено тогда, когда риски описываются применительно ко всем проектам (Архангельская область) или мероприятиям (Забайкальский край). Систематизированы методические проблемы, связанные с анализом рисков и угроз: смешение понятий проблема, слабость, угроза, риск, негативный фактор; отсутствие оценок вероятности и силы влияния рисков, отсутствие описания мероприятий по снижению последствий рисков. Выявлено отсутствие корреляции между качеством работы с рисками и угрозами и индексом региональной резилентности, характеризующим устойчивость региона к экономическим и финансовым кризисам. Отмечено, что регионы, осознающие свою уязвимость, лучше других работают с угрозами и рисками в стратегиях, но это мало влияет на их шокоустойчивость относительно экономических кризисов. Предложены рекомендации по совершенствованию стратегического планирования: тщательный анализ угроз и слабостей на стадии SWOT-анализа, выделение отдельного раздела по стратегическим рискам и разработка соответствующего набора адаптивных сценариев, создание региональной системы управления рисками.

Ключевые слова: территориальное стратегическое планирование, SWOT-анализ, угрозы, риски, управление рисками, шокоустойчивость, риск-менеджер.

Цитирование. Жихаревич Б. С., 2020. Риски и угрозы в стратегиях российских регионов // Региональная экономика. Юг России. Т. 8, № 4. С. 19-29. DOI: https://doi.org/10.15688/re.volsu.2020.4.2

Постановка задачи, актуальность

Региональные стратегии социально-экономического развития начали появляться в России в 1997 году. С 2014 г. наличие стратегии является обязательным для субъектов Федерации в соответствии с ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации» (далее – 172-ФЗ) [Федеральный закон ..., 2014]. За более чем двадцатилетнюю историю стратегического планирования в России не раз и не два происходили кризисы, заставляющие пересматривать стратегии, часто кардинально пересматривать. Тем не менее до сих пор официальные стратегии редко включают разнообразные сценарии и глубокий анализ рисков. Актуальность проблемы вновь стала очевидной с очередным жестоким и нестандартным мировым кризисом 2020 года. Оказалось, что существующие стратегии не помогли ни подготовиться к шокам, ни оперативно справиться с их последствиями. Другими словами, стратегии не ориентированы на повышение шокоустойчивости регионов и сами не шокоустойчивы.

Один из уроков очередного кризиса — стратегия должна помогать региону повышать шокоустойчивость, способность справляться с неизбежными шоками, а для этого, как минимум, содержать адекватный анализ стратегических рисков и угроз и набор адаптивных сценариев развития в условиях реализовавшихся рисков. Совершенствование методики стратегического планирования в этом направлении полезно начинать с выяснения существующего положения дел и изучения лучшей практики. Чему и посвящена данная статья.

Задачи исследования: выявить и описать степень учета рисков и угроз в действующих стратегиях субъектов Федерации.

Метод: экспертная оценка на основе изучения текстов стратегий и описание нескольких кейсов лучшей практики.

Изученность вопроса, обзор литературы

Методика и результаты первого массового обследования практики стратегического планирования, проведенного в Леонтьевском центре на основе изучения текстов документов планирования и процесса планирования, были опубликованы в работе [Территориальное стратегическое планирование ..., 2003]. Регулярные обзоры состояния стратегического планирования в России с 2016 г. публикует Институт реформирования общественных финансов [Региональное стратегирование ..., 2019]. Подробный обзор региональных стратегий по состоянию на 2015 г. был сделан в Институте региональных исследований и городского планирования НИУ ВШЭ [Оценка качества разработки ..., 2016]. Наиболее активны в части публикации результатов изучения региональных стратегий В. Климанов и К. Будаева [Климанов, Будаева, Чернышова, 2017; Budaeva, Klimanov, 2016; Будаева, 2017], а в части муниципальных стратегий – Б. Жихаревич и Т. Прибышин [Жихаревич, Прибышин, 2013; Zhikharevich, Pribyshin, 2020].

В названных работах анализируются различные характеристики документов стратегического планирования, в том числе и аспекты, связанные с учетом рисков и угроз. Так, в статье [Оценка качества разработки ..., 2016: 188] рассматривались 79 региональных стратегий, существовавших в 2015 г., отмечалось, что в 37 стратегиях «...риски, а также планы или сценарии по ликвидации последствий рисков не обозначены. В 18-ти стратегиях выделены ключевые риски развития

региона (часто в рамках SWOT-анализа, объединенных с вызовами развития). В 16-ти стратегиях обозначены риски реализации стратегических сценариев или планов, однако не выделены мероприятия по их нивелированию. В 5-ти стратегиях обозначены риски достижения поставленных планов или реализации стратегических сценариев и хотя бы формально отражены превентивные меры».

В диссертации К. Будаевой проведена оценка содержания всех региональных стратегий, в том числе по параметру «Риски реализации стратегии». Отмечено, что раздел анализа рисков реализации стратегии присутствует в 54 документах. Чаще всего используется анализ реализации конкретного сценария и анализ имеющихся негативных тенденций. В итоговом ранжировании стратегий по содержательным элементам параметр «Анализ рисков реализации стратегии» учитывался в ряду 8 параметров. В числе стратегий с высшей оценкой были стратегии республик Крым, Алтай, Карелия, Мордовия, Татарстан; Астраханской, Новосибирской, Белгородской, Ивановской, Владимирской, Костромской, Брянской, Воронежской, Калужской областей; Хабаровского и Приморского краев и некоторые другие [Будаева, 2018: 97, 148-150].

Результаты узко нацеленного исследования регионального стратегирования в аспекте учета рисков опубликованы в работе [Телушкина, 2018], где охарактеризовано 8 нормативных документов, регламентирующих разработку стратегий в субъектах Федерации, и 12 стратегий (отмечена качественная проработка рисков в стратегиях Республики Крым и Ивановской области). Серьезная попытка разобраться в соотношении терминов «угрозы», «вызовы», «риски» и «проблемы» применительно к стратегическому планированию предпринята в работе [Яковлева, 2017], однако предложение выстроить эти термины в единую иерархию по степени опасности социально-экономического развития не кажется нам продуктивным.

Специфика и новизна настоящего исследования в сравнении с рассмотренными в том, что единовременно охарактеризованы все имеющиеся региональные стратегии и дана балльная оценка качества проработки и рисков, и угроз, с проведением соответствующего ранжирования.

Методика: сбор и анализ текстов стратегий

Сбор и анализ текстов проведены в июне 2020 года. Отбирались официальные тексты стра-

тегий социально-экономического развития субъектов Федерации, размещенные ГАС «Управление». Также, поскольку требовалось описать самое актуальное состояние, в ряде случаев изучалась не действующая стратегия, а разрабатываемая, размещенная на сайте Министерства экономического развития России на стадии «доработанный проект».

Изучались фрагменты текстов, содержащие слова «риск» или «угроза». Задачей эксперта было дать характеристику текста, осветив кратко (отдельно по рискам и угрозам):

- Упоминаются ли риски/угрозы в стратегии?
- Насколько глубоко и подробно они проработаны на стадии анализа?
- Выделен ли отдельный фрагмент (раздел, приложение) стратегии, посвященный рискам/ угрозам?
- Какие именно риски и угрозы прорабатываются в стратегиях и насколько глубоко?
- Есть ли описание механизмов противодействия рискам и угрозам?
- Используется ли терминология и идеи, предлагаемые методиками Управления рисками?

Помимо вербального описания эксперту было предложено дать интегральную количественную оценку качеству работы с рисками и угрозами по пятибалльной шкале (см. табл. 1). Кроме того, подсчитывалось количество упоминаний слова «риск» в тексте стратегии.

При оценке принималось во внимание, насколько профессионально проведена работа с рисками, учитывались ли базовые принципы, зафиксированные в существующих стандартах (Международный стандарт ИСО 3100 «Менеджмент риска — Руководство»; ГОСТ Р ИСО 31000-2010 «Менеджмент риска. Принципы и руководство»).

В соответствии с ИСО 3100 «риск» — это влияние неопределенности на цели». При этом влияние «может быть положительным и/или отрицательным, и может способствовать реализации возможностей и устранению угроз, создавать или приводить к возникновению возможностей и угроз». Риск обычно определяется в терминах источников риска, потенциальных событий, последствий этих событий и их вероятности [Международный стандарт ИСО ..., 2018: 6].

На наш взгляд, такое понимание риска для практических целей излишне широко. Интуитивно риск связан с негативными последствиями. Поэтому для использования в стратегическом планировании мы пользуемся иной трактовкой,

Критерии системы балльной оценки качества проработки рисков и угроз в региональных стратегиях

Балл	Критерий
1	Риски и/или угрозы не упоминаются вообще либо упоминаются, но без описания
2	Упоминаются только риски или только угрозы, при этом описание не подробное и не глубокое
3	Риски и угрозы описаны недостаточно полно или хорошо проработаны только риски или только угрозы
4	Риски и угрозы проработаны глубоко, но не выделены отдельным пунктом, не предлагаются механизмы противодействия
5	Риски представлены отдельным пунктом, подробно и глубоко проработаны. Есть описания механизмов противодействия. Анализ угроз подробный и исчерпывающий

Примечание. Составлено автором.

которую применяли и в данном исследовании. А именно: риск — вероятное событие (или совокупность событий), которое может негативно повлиять на скорость и уровень достижения стратегических целей, повлечь ухудшение социально-экономической ситуации и потребовать вмешательства органов власти и управления; риск характеризуется вероятностью наступления и значимостью последствий. Оценка работы с рисками тем выше, чем точнее и полнее используются базовые термины и подходы управления рисками есть оценка вероятности и силы влияния, предложены мероприятия по снижению риска.

При рассмотрении качества работы с угрозами принималось во внимание следование основам SWOT-анализа, когда угрозы анализируются относительно внешней среды региона, детализируются по уровням, оцениваются (как и риски) по параметрам вероятности наступления и силы влияния на регион. В отличие от рисков к угрозам могут быть отнесены не только неопределенные (вероятные) события и процессы, но и уже реализующиеся. Квалификация таких процессов в качестве угроз может быть связана с выбором определенных стратегических целей или сценариев развития: прежде нейтральный процесс может стать угрозой для достижения возникшей цели.

При интерпретации результатов важно иметь в виду следующее:

а) изучались только официальные тексты, которые сильно различаются по объему. В одних случаях официальный текст включает приложения и аналитические материалы, в других — не включает. Чаще материалы, содержащие критические оценки и пессимистические прогнозы, остаются за рамками итоговой версии. Оценка на основе официального текста не полностью

отражает качество работы специалистов и привлекаемых консультантов;

- б) балльная оценка давалась с учетом проработанности одновременно и рисков, и угроз. При этом не всегда учитывалась определенная взаимозаменяемость этих тем. Поэтому, например, при качественной проработке рисков, но формальном отсутствии SWOT-анализа, балльная оценка занижалась;
- б) балльная оценка проведена одним экспертом (С. Калиной, магистрантом Института наук о Земле СПбГУ). Это имеет как положительное следствие не было искажений в оценочной шкале, возникающих при сведении оценок, сделанных экспертами, различающимися по степени требовательности, так и отрицательное все зависит от квалификации и добросовестности одного эксперта. Отметим, что подтверждением качественности проведенной работы могут служить совпадения с упоминавшимися выше оценками К. Будаевой и Е. Телушкиной.

Результаты: количественные характеристики изученного массива текстов

Изучено 85 официальных текстов действующих или разрабатываемых региональных стратегий социально- экономического развития. Большая часть (63 стратегии) — действующие, размещенные в ГАС «Управление» в последней редакции. 16 стратегий были взяты в статусе «доработанный проект» или «проект» с сайта Минэкономразвития РФ.

Полная версия обзора размещена на портале StratPlan.ru [Обзор качества ..., 2020]. По каждой из изученных 85 стратегий в полной версии представлены:

- наименование, дата скачивания, гиперссылка на источник, количество страниц текста;
- описание и характеристика работы с рисками;
 - описание и характеристика анализа угроз;
- балльная оценка качества проработки рисков и угроз;
 - число упоминаний слова «риск».

В результате составлен ранжированный список стратегий по двум параметрам: основной – балльная оценка качества проработки рисков и

угроз, и вспомогательный — число упоминаний слова «риск» (табл. 2). В таблице 2 приведена только верхняя часть списка, поскольку основная задача — выявить лучшую практику.

Распределение оценок оказалось идеально нормальным – 26 стратегий оценены ниже среднего, 27 – выше среднего, среднюю оценку получили 32 стратегии. При этом лучшими (оценка 5) и худшими (оценка 1) признаны по 8 стратегий. Таким образом, порядка трети стратегий демонстрируют относительно высо-

Таблица 2

Ранжирование официальных текстов региональных стратегий по экспертной балльной оценке качества проработки рисков и угроз и встречаемости слова «риск»*

Наименование документа Стратегия социально-экономического развития:	Балл	«Риск»	КР
1. Сахалинской области до 2035 года	5	66	0,98
2. Курганской области до 2020 года	5	48	-0,26
3. Республики Крым до 2030 года	5	44	- 0,20
4. Ивановской области до 2020 года	5	43	-0,28
5. Новосибирской области на период до 2030 года	5	43	-0,01
6. Забайкальского края на период до 2030 года	5	39	-0,14
7. Республики Алтай на период до 2035 года	5	34	-0,59
8. Ставропольского края до 2035 года	5	34	-0,26
9. Республики Коми на период до 2035 года	4	29	0,35
10. Архангельской области до 2035 года (доработанный проект)	4	150	0,23
11. Приморского края на период до 2030 года (доработанный проект)	4	66	-0,13
12. Челябинской области на период до 2035 года	4	51	0,16
13. Белгородской области на период до 2025 года	4	46	0,30
14. Республики Калмыкия на период до 2030 года (доработанный проект)	4	40	_
15. Воронежской области до 2035 года (доработанный проект)	4	33	0,14
16. Ростовской области на период до 2030 года	4	32	-0,11
17. Республики Хакасия до 2030 года	4	24	-0,01
18. Московской области на период до 2030 года	4	23	0,63
19. Камчатского края до 2030 года	4	22	0,27
20. Астраханской области на период до 2035 года (проект)	4	20	-0,21
21. Самарской области на период до 2030 года	4	20	0,00
22. Республики Башкортостан на период до 2030 года	4	18	0,11
23. Владимирской области до 2030 года	4	17	0,04
24. Краснодарского края до 2030 года	4	17	-0,05
25. Пензенской области на период до 2035 года	4	17	0,09
26. Тамбовской области до 2035 года	4	16	0,29
27. Тверской области на период до 2030 года	4	8	0,23

Примечание. Составлено автором. * – в полной версии таблицы – 85 стратегий [Обзор качества ... , 2020]. Все тексты скачаны в июне 2020 года. Большая часть (63) – с сайта ГАС «Управление» (https://gasu.gov.ru/stratdocuments). Часть (16 – те, где указано в скобках – *«доработанный проект»* или *«проект»*, – с сайта Минэкономразвития РФ (https://www.economy.gov.ru/material/directions/regionalnoe_razvitie/strategicheskoe_planirovanie_prostranstvennogo_razvitiya/strategii_socialno_ekonomicheskogo_razvitiya_subektov_rf/dorabotannye_proekty_strategiy/). Еще 6 – из других источников. КР – средний индекс региональной резилентности в 2007–2016 гг. [Климанов, Казакова, Михайлова, 2019: 61–63].

кий уровень работы с рисками и угрозами, но лишь в 8 % стратегий сколь-нибудь тщательно рассматриваются мероприятия по противодействию рискам и угрозам.

Число упоминаний слова «риск» варьирует от нуля (Свердловская область) до 150 (Архангельская область). В большей части стратегий «риск» встречается от 10 до 29 раз — таких стратегий 50 (59 % от общего числа). Распределение смещено в сторону меньшего числа упоминаний — в 17 стратегиях «риск» упоминается от 1 до 9 раз, и примерно столько же стратегий (16) содержат упоминания от 30 до 66 раз (см. рисунок).

Отметим, что часть упоминаний не имеет прямого отношения к рискам реализации стратегии. Это, например, «риск-ориентированный подход». О нем говорится в 26 стратегиях применительно к использованию в контрольно-надзорной деятельности и при организации мероприятий по предупреждению и ликвидации чрезвычайных ситуаций.

Результаты: примеры работы с рисками и угрозами в стратегиях

В большинстве случаев не приходится говорить о методической выдержанности – под рисками и угрозами часто идет просто описание всяческого негатива в текущей ситуации. Этому способствует довольно невнятное определение риска, приведенное в Методических рекомендациях Минэкономразвития РФ: «риски – факторы, которые имеют потенциально негативное воздействие на развитие субъекта Российской Федерации и при определенном развитии событий могут привести к ухудшению социально-экономической

ситуации в субъекте Российской Федерации» [Методические рекомендации ..., 2017: 1]. Любопытно, что хотя в списке используемых понятий это определение идет первым, в рекомендациях в близком значении оно используется лишь однажды в контексте оценки рисков, сопряженных с региональными и межрегиональными проблемами при определении приоритетов, целей, задач, два других случая упоминания относятся к подразделам по отраслевым комплексам. И четвертый раз упоминаются финансовые риски, которые необходимо учитывать при оценке финансового обеспечения реализации стратегии.

Понятия риска и угрозы близки и в чемто взаимозаменяемы. Хорошее описание угроз в рамках SWOT-анализа фактически может быть адекватно этапу выявления и оценки рисков в системе риск-менеджмента. Поэтому не удивительно, что есть случай, когда риски и угрозы анализируются в одном разделе — «Угрозы и риски при развитии Курганской области на перспективу».

Вот характерные названия разделов и пунктов, в которых описываются угрозы: «Ограничения, вызовы, угрозы» (Сахалинская область), «Негативные факторы развития» (Калмыкия); «Результаты комплексной оценки внешних факторов развития, основных вызовов и угроз» (Республика Коми); «Анализ конкурентных преимуществ и угроз для социально-экономического развития Пермского края»; «Конкурентные преимущества края, угрозы и возможности развития» (Красноярский край); «Угрозы социально-экономического развития Омской области». Выделяется один заголовок — «За счет чего можно снизить угрозы?» (Ярославская область).

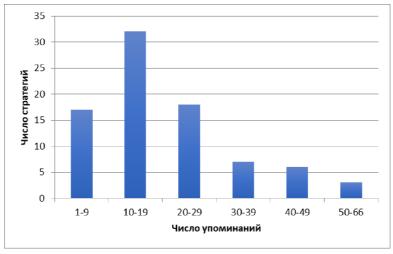

Рисунок. Распределение региональных стратегий по числу упоминания слова «риск» Примечание. Составлено автором.

Похожи и названия разделов, касающихся рисков, что наводит на мысль, что риски и угрозы воспринимаются как синонимы: «Основные возможности и риски, связанные с внешними тенденциями» (Республика Мордовия); «Анализ общих факторов прогнозного фона: мировые и общероссийские тренды, внешние риски» (Республика Башкортостан); «Анализ рисков и ресурсных возможностей развития региона с учетом выявленного потенциала и факторов развития» (Владимирская область); «Комплексная оценка ключевых внешних и внутренних факторов развития, рисков и ресурсных возможностей региона» (Оренбургская область); «Ключевые факторы и риски развития региона» (Ивановская область); «Ключевые риски развития региона» (Белгородская область); «Стратегические вызовы и риски развития» (Новгородская область).

В нескольких случаях риски рассматриваются в контексте выбора сценария развития и оценки перспектив реализации стратегии: «Ключевые риски реализации стратегических планов» (Тверская область); «Сценарии и риски социально-экономического развития. Обоснование выбора целевого сценария» (Республика Коми); «Возможности и риски области в современных социально-экономических условиях. Сценарии социально-экономического развития Псковской области».

О том, какие именно риски попадают в поле зрения разработчиков стратегий, можно судить на примере стратегии Удмуртской республики, в которой перечислены риски экономического кризиса, описаны риски сокращения производства отдельных секторов.

Детально характеризуются риски и в стратегии Республики Алтай в пунктах с названиями: «Риск снижения устойчивости системы расселения демографического потенциала», «Риск значительного отставания в развитии социальной сферы», «Риск недостаточного инфраструктурного обеспечения», «Риск ухудшения качества человеческого капитала», «Риски и ограничения бюджетной системы Республики Алтай», «Риск снижения значимости республики в пространственном развитии страны». «Новые риски в условиях меняющейся экономической конъюнктуры», «Риск снижения темпов развития стратегической туристической отрасли».

Обращает на себя внимание таблица «Анализ стратегических рисков развития Ивановской области», в которой присутствуют такие графы: риски, причины, факторы, следствие, метод управления, уровень риска. В таблице подобным

образом охарактеризованы: риск бюджетной несостоятельности; риск кадровой несостоятельности; риск низкого качества государственного управления и местного самоуправления; риск нехватки жизнеобеспечивающих специалистов; риск снижения доходов населения; риск замедления экономического развития; риск недостаточной инвестиционной привлекательности; риск повышения износа основных фондов, находящихся на балансе Ивановской области и муниципальных образований, до критического уровня; риск низкого качества работы органов местного самоуправления муниципальных образований.

В подтверждение тезиса о смешении рисков и угроз приведем список угроз из стратегии Новосибирской области, где подробно описаны 9 угроз:

- ограничение возможностей для экономического развития;
- ограниченные возможности сбыта на внутреннем рынке;
- утрата интеллектуального лидерства и потеря компетенций во многих научных направлениях;
- дальнейший неконтролируемый рост сферы торгово-посреднических услуг без надлежащего увеличения их качества;
- возможный бурный экономический рост других регионов России, что вызовет угрозу перелива в эти регионы квалифицированных кадров из Новосибирской области;
- ускоренное развитие Новосибирской городской агломерации без надлежащей поддержки и гармоничного развития других территорий и сельских поселений области;
- утрата городом Новосибирском привлекательности среди сибирских городов;
- утрата лидерства в логистике и дистрибуции без проактивного опережающего развития транспортно-логистической инфраструктуры;
- усиление конкуренции за человеческие ресурсы.

В стратегиях аграрных регионов, большинство из которых находится в зоне рискованного земледелия, упоминаются соответствующие климатические риски, а также риски эпизоотий.

Любопытно, что риск распространения новых вирусов упомянут только в одной стратегии — Кемеровской области, а риск распространения пандемий — в Стратегии Республики Крым.

Отмечено несколько случаев, когда в стратегиях оформлялось специальное приложение, посвященное рискам и угрозам (Республика

Крым, Новосибирская область, Челябинская область (риски сценариев), Хабаровский край).

Особенно выделяется приложение «Основные риски развития Республики Крым и механизмы противодействия». В нем рассмотрены:

- экономические риски (геоэкономические, макроэкономические, бюджетного недофинансирования, технологического отставания, сокращения туристического потока);
- социальные риски (социально-демографические, межнациональной и межконфессиональной напряженности);
- риски государственного управления (отсутствия согласованности интересов федеральных, региональных и местных политических элит; недостатка компетенций в сфере государственного и муниципального управления);
- риски в области безопасности (снижения уровня обеспеченности питьевой водой гарантированного качества жилищно-коммунального сектора и предприятий, водой для использования в сельскохозяйственном и промышленном производстве; природных катаклизмов: засух, землетрясений, оползней, распространения пандемий; техногенных аварий, возникающих вследствие высокого износа оборудования или террористических актов; экологические).

Аномально большое количество упоминаний слова «риск» объясняется обычно тем, что риски описываются применительно ко всем проектам (Архангельская область) или мероприятиям (Забайкальский край), а также, если описание риска вводится в формат изложения материала (и в заголовки разделов/подразделов) по каждой отрасли или сфере (Сахалинская область).

Очень редко описание рисков сопровождается количественными показателями — не более 6 случаев.

Про управление рисками упоминается в 7 стратегиях. Один из немногих случаев, когда в явном виде говорится о создании системы управления рисками (в увязке с проектным управлением) — Стратегия Московской области. В Тамбовской области выявление системных социально-экономических рисков, прогнозирование их возникновения, подготовка предложений по созданию механизмов управления рисками, предотвращению возникновения рисков и минимизации их возможных негативных последствий является одной из функций Экономического совета при главе администрации Тамбовской области, на который возложено общее управление ходом реализации стратегии.

Риски и угрозы чаще всего прорабатываются на стадии анализа и упоминаются в соответствующем разделе текста или приложении. Реже под анализ рисков отводится отдельный раздел. Также риски упоминаются при описании сценариев, отдельных проектов, мероприятий или отраслей.

Качество проработки рисков и угроз и устойчивость к кризисам

Сказывается ли качество работы с рисками и угрозами в стратегиях со способностью противостоять угрозам и рискам? Воспользуемся для ответа на этот вопрос исследованием, в котором рассчитаны интегральные индексы региональной резилентности российских регионов за ряд лет и средний индекс за период 2007-2006 годов [Климанов, Казакова, Михайлова, 2019: 16-18]. По замыслу авторов эти индексы показывают устойчивость регионов к экономическим и финансовым кризисам. Расчет коэффициента корреляции между балльной оценкой качества работы с рисками и угрозами и резилентностью показал отсутствие корреляции (0,066). Это наглядно видно и в таблице 2: подавляющее большинство регионов из верхней части списка имеет значение индекса резилентности меньше нуля (то есть относится к нерезилиентным) или чуть выше нуля.

Можно это интерпретировать следующим образом: регионы, осознающие свою уязвимость, лучше других работают с угрозами и рисками в стратегиях, но это никак не сказывается на их шокоустойчивости относительно экономических кризисов. Одних упоминаний рисков в стратегии недостаточно, должна создаваться и функционировать система управления рисками, но и она далеко не всегда сможет противодействовать факторам регионального развития «первой природы».

Выводы и рекомендации

- 1. В большинстве стратегий российских регионов уделяется внимание рискам и угрозам, однако лишь в трети случаев это делается относительно качественно, а мероприятия по противодействию рискам прорабатываются не более чем в 8 % стратегий.
- 2. В результате экспертной балльной оценки выстроен ранжированный ряд региональных стратегий по качеству проработки рисков и угроз, что позволяет рекомендовать для изучения

лучшей практики стратегии Сахалинской, Курганской, Новосибирской, Ивановской областей, Забайкальского края, Республики Крым.

- 3. Актуальна методическая проработка различий в понятиях «проблема», «слабая сторона», «угроза», «риск», «негативная тенденция». На практике наблюдается смешение угроз и рисков. Не учитывается, что «риск» всегда связан с вероятностью, при том что угроза может быть уже и реальной. Если руководствоваться правилами SWOT-анализа, то «угроза» всегда внешняя, но в ряде стратегий говорится и о внутренних угрозах.
- 4. Имеет смысл продумать понятие «стратегический риск». На наш взгляд, это риск с большим негативным влиянием на развитие региона. Реализация стратегического риска вынуждает изменять сценарий развития. Для каждого стратегического риска должен быть проработан адаптивный сценарий.
- 5. В качестве основного метода работы с выявленными стратегическими рисками в стратегиях предлагается расширять сценарность. Так, Е. Бухвальд считает: «Мы полагаем необходимой сценарность стратегии в виде описания потенциально вероятных трендов социально-экономического развития страны и, соответственно, системных планов действия... на случай наступления тех или иных негативных обстоятельств, возникновения тех или иных рисков и даже "шоков" с соответствующими компенсирующими механизмами и пр.» [Бухвальд, 2016: 9]. При этом полезно выделить набор наиболее вероятных трендовых сценариев и набор адаптивных сценариев, реализуемых в ответ на внешние шоки.
- 6. Стратегии, повышающие шокоустойчивость региона:
- уделяют повышенное внимание разделам «Угрозы» и «Слабости» при проведении SWOT-анализа;
 - содержат раздел с анализом рисков;
- содержат большой набор проработанных сценариев, включая адаптивные (антикризисные);
- предлагают создание региональной системы управления рисками и должности рискменеджера;
- содержат проработанный раздел «Безопасность» с перечнем необходимых кризисных протоколов.
- 7. Регионы, осознающие свою уязвимость, лучше других работают с угрозами и рисками в стратегиях, но это практически не влияет на их шокоустойчивость относительно экономических кризисов.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

- Будаева К. В., 2017. Разработка стратегий социальноэкономического развития: компаративный анализ институциональной деятельности регионов России в 2015–2016 годах // Региональная экономика. Юг России. № 1 (15). С. 57–66.
- Будаева К. В., 2018. Структурно-содержательный анализ и оценка качества стратегий развития регионов: дис. ... канд. экон. наук. М. 169 с.
- Бухвальд Е. М., 2016. Стратегическое планирование в России: «отложить нельзя реализовать» // Региональная экономика. Юг России. № 2. С. 4–13.
- Жихаревич Б. С., Прибышин Т. К., 2013. Распространение практики стратегического планирования в городах России: 1997–2013 гг. // Известия Русского географического общества. Т. 145, № 6. С. 1–10.
- Климанов В. В., Будаева К. В., Чернышова Н. А., 2017. Промежуточные итоги стратегического планирования в регионах России // Экономическая политика. № 5. С. 104–127.
- Климанов В. В., Казакова С. М., Михайлова А. А., 2019. Ретроспективный анализ устойчивости регионов России как социально-экономических систем // Вопросы экономики. № 5. С. 46–64.
- Международный стандарт ИСО 3100 «Менеджмент риска Руководство», 2018. URL: http://isomanagement.com/wp-content/uploads/2019/03/ ISO-31000-2018.pdf (дата обращения: 09.07.2020).
- Методические рекомендации по разработке и корректировке стратегии социально-экономического развития субъекта Российской Федерации и плана мероприятий по ее реализации: утв. Приказом Минэкономразвития 23.03.2017, 2017. № 132 (2017). 28 с.
- Обзор качества анализа рисков и угроз в стратегиях социально-экономического развития субъектов Российской Федерации, июнь 2020, 2020. URL: https://stratplan.ru/89/?publicationtree_id=89 (дата обращения: 18.07.2020).
- Оценка качества разработки региональных стратегий развития в России, 2016 // Региональная экономика: теория и практика. № 4. С. 178–196.
- Региональное стратегирование, прогнозирование и программирование в Российской Федерации. 2018 : ежегод. докл., 2019. М.: ИРОФ. 100 с.
- Телушкина Е. Н., 2018. Учет рисков в стратегиях социально-экономического развития регионов // Электронное научное издание «Ученые заметки ТОГУ». Т. 9, № 1. С. 677–682.
- Территориальное стратегическое планирование при переходе к рыночной экономике: опыт городов России, 2003 / Б. С. Жихаревич, Л. Э. Лимонов [и др.]. СПб. : Леонтьевский центр. 384 с.
- Федеральный закон от 28.06.2014 г. № 172-ФЗ (ред. от 31.12.2017) «О стратегическом планировании в Российской Федерации», 2014. URL: http://www.

- consultant.ru/document/cons_doc_LAW_164841/fe7140d7cfc6c641ae322fe648d99702d8b2a8f1.
- Яковлева С. И., 2017. Угрозы, вызовы, риски и проблемы как важные категории стратегического планирования регионов // Псковский регионологический журнал. № 3 (31). С. 3–18.
- Budaeva K. V., Klimanov V. V., 2016. Content and Retrospective Analysis of Regional Strategizing in Russia // Regional Research of Russia. Vol. 6, № 2. P. 175–83.
- Zhikharevich B. S., Pribyshin T. K., 2020. The First Five Years of Urban Strategic Planning in Russia under Federal Law (2014–2019) // Regional Research of Russia. Vol. 10. P. 202–212.

REFERENCES

- Budaeva K.V., 2017. Razrabotka strategiy sotsialnoekonomicheskogo razvitiya: komparativnyy analiz institutsionalnoy deyatelnosti regionov Rossii v 2015–2016 godakh [Development of Strategies for Socio-Economic Development: A Comparative Analysis of the Institutional Activities of the Regions of Russia in 2015–2016]. *Regionalnaya ekonomika. Yug Rossii* [Regional Economy. South of Russia], no. 1 (15), pp. 57-66.
- Budaeva K.V., 2018. Strukturno-soderzhatelnyy analiz i otsenka kachestva strategiy razvitiya regionov: dis. ... kand. ekon. nauk [Structurally Meaningful Analysis and Assessment of the Quality of Regional Development Strategies. Cand. econ. sci. abs. diss]. Moscow. 169 p.
- Bukhvald E.M., 2016. Strategicheskoye planirovaniye v Rossii: «otlozhit nelzya realizovat» [Strategic Planning in Russia: "Postpone or Actualize"]. Regionalnaya ekonomika. Yug Rossii [Regional Economy. South of Russia], no. 2, pp. 4-13.
- Zhikharevich B.S., Pribyshin T.K., 2013. Rasprostraneniye praktiki strategicheskogo planirovaniya v gorodakh Rossii: 1997–2013 gg. [Diffusion of Practic of Strategic Planning in Russian Cities and Towns in 1997–2013]. *Izvestiya Russkogo geograficheskogo obshchestva* [Proceedings of the Russian Geographical Society], vol. 145, no. 6, pp. 1-10.
- Klimanov V.V., Budaeva K.V., Chernyshova N.A., 2017. Promezhutochnyye itogi strategicheskogo planirovaniya v regionakh Rossii [Preliminary Results of Strategic Planning in Russian Regions]. *Ekonomicheskaya politika* [Economic Policy], no. 5, pp. 104-127.
- Klimanov V.V., Kazakova S.M., Mikhailova A.A., 2019. Retrospektivnyy analiz ustoychivosti regionov Rossii kak sotsialno-ekonomicheskikh sistem [A Retrospective Analysis of the Stability of Russian Regions as Socio-Economic Systems]. *Voprosy ekonomiki* [Issues of Economics], no. 5, pp. 46-64.

- Mezhdunarodnyy standart ISO 3100 «Menedzhment riska Rukovodstvo», 2018 [International Standard ISO 3100 "Risk Management Management"]. URL: http://iso-management.com/wp-content/uploads/2019/03/ISO-31000-2018.pdf(accessed 18 July 2020).
- Metodicheskiye rekomendatsii po razrabotke i korrektirovke strategii sotsialno-ekonomicheskogo razvitiya subyekta Rossiyskoy Federatsii i plana meropriyatiy po eye realizatsii: utv. Prikazom Minekonomrazvitiya 23.03.2017. 2017. № 132 (2017), 2017 [Methodological Recommendations on the Development and Adjustment of the Strategy of Socio-Economic Development of the Subject of the Russian Federation and the Action Plan for Its Implementation. Approved by the Order of the Ministry of Economic Development of March 23, 2017 No. 132]. 28 p.
- Obzor kachestva analiza riskov i ugroz v strategiyakh sotsialno-ekonomicheskogo razvitiya subyektov Rossiyskoy Federatsii, iyun 2020, 2020 [Review of Quality of Risk and Threat Analysis in the Strategies of Socio-Economic Development of the Constituent Entities of the Russian Federation, June 2020]. URL: https://stratplan.ru/89/?publicationtree_id=89 (accessed 18 July 2020).
- Otsenka kachestva razrabotki regionalnykh strategiy razvitiya v Rossii, 2016 [Quality Assessment of the Development of Regional Development Strategies in Russia]. *Regionalnaya ekonomika: teoriya i praktika* [Regional Economics: Theory and Practice], no. 4, pp. 178-196.
- Regionalnoye strategirovaniye, prognozirovaniye i programmirovaniye v Rossiyskoy Federatsii, 2018: ezhegod. dokl., 2019 [Regional Planning, Forecasting and Programming in the Russian Federation. 2018. Annual Report]. Moscow, IROF. 100 p.
- Telushkina E.N., 2018. Uchet riskov v strategiyakh sotsialno-ekonomicheskogo razvitiya regionov [Risks Records in Regional Socio-Economic Strategies]. *Elektronnoye nauchnoye izdaniye «Uchenyye zametki TOGU»* [Electronic Scientific Journal "Scientists notes PNU"], vol. 9, no. 1, pp. 677-682.
- Zhikharevich B.S., Limonov L.E. et al., eds. Territorialnoye strategicheskoye planirovaniye pri perekhode k rynochnoy ekonomike: opyt gorodov Rossii, 2003 [Territorial Strategic Planning in the Transition to a Market Economy: The Experience of Russian Cities]. Saint Petersburg, Leontyevskiy tsentr Publ. 384 p.
- Federalnyy zakon ot 28.06.2014 g. № 172-FZ (red. ot 31.12.2017) «O strategicheskom planirovanii v Rossiyskoy Federatsii», 2014 [Federal Law of June 28, 2014 No. 172-FZ "On Strategic Planning in the Russian Federation" (as Amended on December 31, 2017)]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_164841/fe7140d7 cfc6c641ae322fe 648d99702d8b2a8f1.

Yakovleva S.I., 2017. Ugrozy, vyzovy, riski i problemy kak vazhnyye kategorii strategicheskogo planirovaniya regionov [Threats, Challenges, Risks and Problems as Important Categories of Strategic Planning of Regions]. *Pskovskiy regionologicheskiy zhurnal* [Pskov Journal of Regional Studies], no. 3 (31), pp. 3-18.

Budaeva K.V., Klimanov V.V., 2016. Content and Retrospective Analysis of Regional Strategizing in Russia. *Regional Research of Russia*, vol. 6, no. 2, pp. 175-83.

Zhikharevich B.S., Pribyshin T.K., 2020. The First Five Years of Urban Strategic Planning in Russia Under Federal Law (2014–2019). *Regional Research of Russia*, vol. 10, pp. 202-212.

Information About the Author

Boris S. Zhikharevich, Doctor of Sciences (Economics), Professor, Deputy Director, Leontief Centre, 7-ya Krasonarmeyskaya St, 25, 190005 Saint Petersburg, Russian Federation; Chief Researcher, Institute of Regional Economic Studies Russian Academy of Science, Serpukhovskaya St, 38, 190013 Saint Petersburg, Russian Federation, zhikh@leontief.ru, https://orcid.org/0000-0002-7171-6335

Информация об авторе

Борис Савельевич Жихаревич, доктор экономических наук, профессор, заместитель директора, Леонтьевский центр, 7-я Красноармейская ул., 25, 190005 г. Санкт-Петербург, Российская Федерация; главный научный сотрудник, Институт проблем региональной экономики РАН, ул. Серпуховская, 38, 190013 г. Санкт-Петербург, Российская Федерация, zhikh@leontief.ru, https://orcid.org/0000-0002-7171-6335

DOI: https://doi.org/10.15688/re.volsu.2020.4.3

UDC 332.1 Submitted: 09.06.2020 LBC 65.04 Accepted: 20.07.2020

SUSTAINABILITY ASSESSMENT OF RUSSIAN MACRO-REGIONS BY MEANS OF THE INDEX OF INCLUSIVE DEVELOPMENT¹

Sofia M. Kazakova

Center for Regional Policy of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration,
Moscow, Russian Federation;
Institute for Public Finance Reform, Moscow, Russian Federation

Abstract. The article analyzes the concepts of "sustainable development" and "inclusive growth" in relation to territorial systems, substantiates the need for their application not only at the national, but also at the regional and macro-regional levels. The author adapts the methodology suggested by the World Economic Forum for the calculation of the Inclusive Development Index in relation to the macro-regions of Russia, which are federal districts, for the period 2008–2018. As a result of the study, the author makes a rating of the inclusive development of macro-regions. The leader of the rating during 11 years is the Central Federal District. The second and third ranks have the Ural and North-Western federal districts. The least stable from the point of view of inclusive development are the Siberian and North Caucasian federal districts. The fourth, fifth and sixth places are occupied by the Far Eastern, Volga and Southern Federal districts. Macro-regions were also divided into groups in accordance with average values of the inclusive development index and their dynamics for the whole period under analysis: developed, developing, stagnating and regressing regions. The Central and Far Eastern federal districts were classified as developed ones, North-Western, Volga and Ural districts as stagnating ones, and Southern, North-Caucasian and Siberian federal districts as regressing ones. None of the macro-regions was included into the developing group. A retrospective analysis of the economic, social and environmental development as a whole indicates the negative dynamics of the inclusive growth in the macro-regions of Russia. The lowest values with negative dynamics show the intergenerational equality and sustainability indicators, what is explained by a low level of debt sustainability of the regions, the growing demographic dependency ratio and a relatively high volume of gross emissions into the atmosphere. The methodology suggested by the author can be used as an alternative indicator to gross regional product at the macroregional level.

Key words: sustainability, sustainable development, macro-region, federal districts of the Russian Federation, inclusive development, inclusive development index, economic growth, standard of living.

Citation. Kazakova S.M., 2020. Sustainability Assessment of Russian Macro-Regions by Means of the Index of Inclusive Development. *Regionalnaya ekonomika. Yug Rossii* [Regional Economy. South of Russia], vol. 8, no. 4, pp. 30-38. (in Russian). DOI: https://doi.org/10.15688/re.volsu.2020.4.3

 УДК 332.1
 Дата поступления статьи: 09.06.2020

 ББК 65.04
 Дата принятия статьи: 20.07.2020

ОЦЕНКА УСТОЙЧИВОСТИ МАКРОРЕГИОНОВ РОССИИ НА ОСНОВЕ ИНДЕКСА ИНКЛЮЗИВНОГО РАЗВИТИЯ ¹

Софья Михайловна Казакова

Центр региональной политики Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, г. Москва, Российская Федерация; Институт реформирования общественных финансов, г. Москва, Российская Федерация

© Казакова С.М., 2020

Аннотация. В статье анализируются концепции «устойчивого развития» и «инклюзивного роста» применительно к территориальным системам, обосновывается необходимость их использования не только на уровне государств, но и на региональном и макрорегиональном уровнях. Автором адаптируется предложенная Всемирным экономическим форумом методология расчета Индекса инклюзивного развития по отношению к макрорегионам России, которыми выступают федеральные округа, за период 2008–2018 годов. В результате исследования автором сформирован рейтинг инклюзивного развития макрорегионов. Лидером рейтинга является Центральный федеральный округ, наименее устойчивые с точки зрения инклюзивного развития – Сибирский и Северо-Кавказский федеральные округа. На четвертом, пятом и шестом местах – Дальневосточный, Приволжский и Южный федеральные округа соответственно. Макрорегионы были также распределены на группы в соответствии со средними значениями индекса инклюзивного развития за весь рассматриваемый период, а также их динамикой: развитые, развивающиеся, стагнирующие и регрессирующие. К развитым были отнесены Центральный и Дальневосточный федеральные округа, к стагнирующим – Северо-Западный, Приволжский и Уральский, к регрессирующим – Южный, Северо-Кавказский и Сибирский федеральные округа. В группу развивающихся не вошел ни один макрорегион. Ретроспективный анализ экономического, социального и экологического развития в целом свидетельствует об отрицательной динамике инклюзивного роста в макрорегионах России. Наиболее низкие значения, имеющие отрицательную динамику, – по показателям межпоколенческого равенства и устойчивости, что объясняется низким уровнем долговой устойчивости регионов, растущим из года в год коэффициентом демографической нагрузки, а также достаточно высоким объемом валовых выбросов в атмосферу. Предложенная автором методология может использоваться в качестве альтернативы валовому региональному продукту на макрорегиональном уровне.

Ключевые слова: устойчивость, устойчивое развитие, макрорегион, федеральные округа Российской Федерации, инклюзивное развитие, индекс инклюзивного развития, экономический рост, уровень жизни.

Цитирование. Казакова С. М., 2020. Оценка устойчивости макрорегионов России на основе индекса инклюзивного развития // Региональная экономика. Юг России. Т. 8, № 4. С. 30–38. DOI: https://doi.org/10.15688/re.volsu.2020.4.3

Введение и постановка проблемы

В мировой науке применительно к территориальным и экономическим системам широкое распространение получила концепция «устойчивого развития» (sustainable development). Общее понимание устойчивого социально-экономического развития сводится к соблюдению баланса между развитием человеческого общества и эксплуатацией ресурсов [Климанов, Казакова, Михайлова, 2018].

Устойчивое развитие государства подразумевает не только его экономическое развитие, но и обеспечение социального межпоколенческого равенства наряду с защитой окружающей среды. Обсуждение этой концепции стало более активным с момента принятия Повестки ООН в области устойчивого развития, послужившей триггером для формирования концептуальной основы устойчивости городов и населенных пунктов [United Nation, 2015]. При этом во многих теоретических работах под устойчивостью территориальных систем различного уровня понимается их способность противостоять кризисам, включая стадии адаптации и восстановления [Foster, 2007; Hill, Wial, Wolman, 2008; Simmie, Martin, 2010]. Однако такая трактовка понятия связана скорее с краткосрочной финансово-экономической устойчивостью, нежели поддержанием состояния сбалансированного развития на долгосрочную перспективу.

Необходимость именно инклюзивного роста признается также и на уровне крупных международных организаций [Краснокутский, Змияк, Яровая, 2018]. Так, в Европейской стратегии умного, устойчивого и инклюзивного роста («Еигоре 2020»), принятой еще в 2010 г., инклюзивный рост рассматривается в качестве инструмента социальной и территориальной сплоченности [Еигоре-2020, 2020].

Концепция инклюзивного развития (inclusive growth) отдельными экспертами переводится как «согласованный рост» [Лясковская, Григорьева, 2018], что для национальных экономик означает их вовлеченность в улучшение качества жизни населения не только внутри сраны, но и в глобальном контексте. И данная концепция вполне может быть применена по отношению к регионам и макрорегионам с целью оценки их вовлеченности в развитие страны.

Методология исследования

Для оценки устойчивого развития территориальной системы может использоваться Индекс инклюзивного развития (*The Inclusive Development Index*), активно применяющийся в последнее время в качестве модификации к ва-

ловому внутреннему продукту и представляющий собой комплексный показатель, который отражает как экономический рост, так и устойчивость экономического и экологического развития, а также уровень жизни населения. Инклюзивный рост направлен прежде всего на учет потребностей будущих поколений и содействие развитию наиболее уязвимых слоев населения [World Economic Forum, 2018].

Сам индекс, разработанный Всемирным экономическим форумом в 2017 г., включает ряд показателей, отражающих рост и развитие, уровень жизни и уровень социального неравенства, межпоколенческое равенство и устойчивое развитие (рис. 1).

Индекс инклюзивного развития является более точным показателем оценки развития государств, поскольку, несмотря на рост ВВП, потенциальные темпы роста национальной экономики снижаются, если не обеспечивается инклюзивное развитие. Он рассчитывается по 12 показателям, сгруппированным в три субиндекса, а также по пятилетнему тренду значений показателей. Рейтинг инклюзивного развития составляется отдельно для развитых (29 стран – в 2018 г.) и развивающихся (74 страны) национальных экономик в силу их высокой дифференциации по доходам. Ключевым выводом рейтинга является то, что ВВП на душу населения довольно слабо коррелирует с показателями Индекса инклюзивного развития, и то, что несмотря на экономический рост, многие страны обладают значительным неиспользованным потенциалом для одновременного экономического развития и социальной вовлеченности.

При применении концепции инклюзивного роста и развития, закладываемой в основу данно-

го индекса, по отношению к макрорегионам России следует иметь в виду, что, несмотря на то что в принятой в 2018 г. Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 г. определена роль макрорегионов как инструмента развития межрегионального сотрудничества, направленного на сокращение уровня межрегиональной дифференциации, оценка устойчивости макрорегионов с точки зрения их вклада в долгосрочное развитие страны до сих пор не проводилась. При этом, несмотря на то что многие эксперты признают значимость выделения макрорегионов как объектов региональной политики [Кузнецова, 2019; Лексин, Порфирьев, 2016] и при формировании развития макрорегионов нередко создаются государственные программы, имеющие территориальную направленность [Государственные программы развития ..., 2016], вопросы организации управления макрорегионами по-прежнему не решены. В контексте высокой дифференциации развития субъектов Российской Федерации и недостаточной реализации потенциала межрегионального сотрудничества проведение оценки устойчивого развития макрорегионов становится особенно актуальным.

Макрорегионами в данном исследовании выступают федеральные округа Российской Федерации в силу сложившегося в отечественной практике понимания данного понятия и особенностей государственной статистики, ведущей учет социально-экономических показателей в рамках регионов и федеральных округов.

Следует также отметить, что не все показатели, используемые Всемирным экономическим форумом, могут быть перенесены в методологию оценки инклюзивного развития макро-

Рис. 1. Ключевые показатели инклюзивного роста и развития

Примечание. Составлено по: [World Economic Forum, 2018].

регионов России в первозданном виде, поэтому в данном исследовании происходит их адаптация. Ряд показателей, например такие, как валовый региональный продукт (ВРП), который является комплексным экономическим показателем, использовать нецелесообразно в силу того, что при перенесении статистических показателей с регионального на макрорегиональный уровень не учитывается межрегиональный фактор перераспределения добавленной стоимости - часть ВРП, произведенного внутри одного региона, реализуется в другом регионе (при этом данный регион не обязательно входит в тот же макрорегион), и, соответственно, добавленная стоимость распределяется неравномерно. Некоторые показатели (индекс Джини, скорректированные чистые накопления) для федеральных округов рассчитать проблематично в силу особенностей государственной статистики.

Период оценки (2008–2018 гг.) выбран неслучайно, поскольку в этот период национальная экономика и экономики регионов столкнулись с крупным финансовым кризисом 2008–2009 гг. и валютным кризисом 2014 г., что не могло не повлиять на их суммарный уровень устойчивости.

С учетом указанных особенностей, в рамках трех субиндексов будут использоваться показатели, представленные в таблице 1.

Для стандартизации показателей используется метод линейного масштабирования, который отражает реальное расположение показателя между референтными точками (максимальным и минимальным значениями выборки).

Для показателей, положительно влияющих на соответствующий субиндекс, используется следующая формула расчета (здесь и далее – на примере субиндекса роста и развития):

$$G_{ij} = \frac{X_{ij} - X_{\min j}}{X_{\max j} - X_{\min j}},$$
 (1)

где G_{ij} — значение субиндекса роста и развития i-го макрорегиона в j-м году; X_{ij} — значение показателя роста и развития i-го макрорегиона в j-м году; $X_{\max j}$ и $X_{\min j}$ — максимальное и минимальное значения показателя из всей группы включенных в рассмотрение макрорегионов в j-м году.

Для показателей, отрицательно связанных с развитием, используется следующая формула расчета:

$$G_{ij} = I - \frac{X_{ij} - X_{\min j}}{X_{\max j} - X_{\min j}},$$
 (2)

Для определения итогового значения субиндекса для каждого макрорегиона берется среднее значение субиндекса за 2008–2018 гг.:

$$G_i = \frac{\sum_{j=2008}^{2018} G_{ij}}{11}.$$
 (3)

Данные формулы расчета применяются для всех трех субиндексов, интегральный индекс инклюзивного развития для каждого макрорегиона рассчитывается как среднеарифметическое трех субиндексов:

Таблица 1 Показатели оценки инклюзивного развития макрорегионов России

Индексы	Показатели	Единицы измерения
Индекс роста и	Среднемесячная номинальная начисленная заработная плата работников	Рубли
развития	организаций	
	Инвестиции в основной капитал на душу населения с учетом дефлятора	Рубли
	Уровень занятости населения в возрасте 15–72 лет (доля занятого населения в возрасте 15–72 лет в общей численности занятого населения в	%
	возрасте 15–72 лет в общей численности занятого населения в возрасте 15–72 лет)	
	Ожидаемая продолжительность жизни при рождении	Число лет
Индекс инклюзив-	Фактическое конечное потребление домохозяйств, в постоянных ценах	Млн рублей
ности	Доля населения с денежными доходами ниже величины прожиточного	%
	минимума в общей численности населения (для макрорегионов берется	
	среднее значение по субъектам РФ, входящим в его состав)	
	Отношение реальных денежных доходов населения к денежным дохо-	%
	дам предыдущего года	
Индекс межпоко-	Отношение объема государственного долга к ВРП	%
ленческого равенст-	Коэффициент демографической нагрузки (доля лиц нетрудоспособных	%
ва и устойчивости	возрастов в общей численности лиц трудоспособного возраста)	
	Удельный объем валовых выбросов в атмосферу к ВРП	Тонн / 1 млн рублей

Примечание. Составлено автором на основе данных Федеральной службы государственной статистики.

$$IDI_i = \frac{G_i + I_i + S_i}{3},\tag{4}$$

где IDI_i – интегральный индекс инклюзивного развития i-го макрорегиона; G_i – субиндекс роста и развития i-го макрорегиона; I_i — субиндекс инклюзивности i-го макрорегиона; S_i — субиндекс межпоколенческого равенства и устойчивости i-го макрорегиона.

Если обратить внимание на значения субиндексов в каждом макрорегионе, можно выделить следующие тенденции. В целом же значения субиндекса роста и развития находятся на достаточно высоком уровне (от 0,64 в Северо-Кавказском федеральном округе до 0,89 в Северо-Западном и Дальневосточном федеральных округах). Это объясняется в первую очередь стабильным увеличением ожидаемой продолжительности жизни и позитивным трендом в динамике объема среднемесячной заработной платы работников организаций.

Результаты исследования

В таблице 2 представлены результаты расчетов для каждого макрорегиона России за 2008–2018 годы. Следует отметить, что значение среднего индекса инклюзивного развития было самым высоким в 2008–2009 гг. (0,56), а

Таблица 2 Значения индекса инклюзивного развития и субиндексов по федеральным округам России

Нидекс регион развития Макророрования Приформа Дравиче развития Дравиче развит															
Нидекс регион разви- распом		3.5	Среднее	Общая						Годы					
развития ОСЗФО 0,66	Индекс	регион	за пе- риод	за период (%)											
развития ЮФО	Индекс	,	0,68	+20			_	,	0,67	0,70	0,69		_		0,72
Скфо 0,44 -34,5 0,52 0,52 0,43 0,43 0,43 0,43 0,43 0,43 0,44 0,42 0,40 0,42 0,40 Пфо 0,51 -5,8 0,52 0,53 0,51 0,63 0,62 0,63 0,63 0,62 0,60 0,63 0,62 0,60 0,62 0,60 0,62 0,60 0,62 0,60 0,62 0,60 0,62 0,60 0,62 0,60 0,62 0,60 0,62 0,60 0,62 0,60 0,62 0,60 0,62 0,60 0,60 0,61 0,60 0,60 0,60 0,63 0,63 0,62 0,60 0,65 0,54 0						,			- , -		- ,			,	
ПФО 0,51 -5,8 0,52 0,53 0,51 0,49 0,50 0,52 0,51 0,49 0,49 0,49 0,49 0,49 0,49 0,49 0,49 0,49 0,49 0,49 0,49 0,49 0,49 0,40 0,63 0,62 0,63 0,62 0,63 0,62 0,60 0,62 0,64 0,63 0,63 0,62 0,60 0,63 0,63 0,62 0,60 0,63 0,63 0,62 0,60 0,63 0,63 0,60 0,63 0,63 0,60 0,60 0,60 0,60 0,50 <th< th=""><td>развития</td><td>ЮФО</td><td></td><td>,</td><td></td><td>,</td><td>_</td><td>,</td><td>,</td><td>,</td><td>,</td><td></td><td>,</td><td>,</td><td></td></th<>	развития	ЮФО		,		,	_	,	,	,	,		,	,	
УФО 0,63 -1,5 0,65 0,64 0,63 0,64 0,63 0,63 0,62 0,62 0,64 0,64 СФО 0,42 -11,1 0,45 0,45 0,45 0,45 0,43 0,42 0,40 0,39 0,38 0,41 0,40 ПВФО 0,56 +9,8 0,51 0,59 0,58 0,60 0,58 0,53 0,58 0,60<		СКФО							_				_	_	
СФО ДВОО О,56 -1,1 0,45 0,45 0,45 0,45 0,45 0,43 0,42 0,40 0,38 0,34 0,40 0,38 0,41 0,40 0,40 0,38 0,41 0,40 0,40 0,56 0,55 0,54 0,56 0,56 0,55 0,56 0,55 0,53 0,63 0,66 0,66 0,61 0,60 0,60 0,60 0,60 0,60 0,60 0,60 0,60 0,60 0,60 0,60 0,60 0,60 0,72 0,73 0,72 0,74 0,73 0,71								,	,			,	,	0,49	
ДВФО Средний 0,56 +9,8 0,51 0,59 0,58 0,60 0,58 0,57 0,56 0,55 0,54 0,56 0,56 0,56 0,56 0,53		УФО	0,63	-1,5	0,65	0,64	,	0,64	0,63	0,63	0,62	0,60	0,62	0,64	
Субиндекс роста роста и развития (ПфО от 10,85 от 10,85) -5.4 0,56 от 10,79 (0,75) 0,54 (0,54) 0,54 (0,54) 0,53 (0,53) 0,54 (0,54) 0,96 (0,96		СФО	0,42	,	,	,	,	0,45	0,43	0,42	0,40	0,39	0,38	0,41	0,40
Субиндекс роста роста и развития ЦФО 0,85 +10,1 0,79 0,85 0,86 0,84 0,86 0,85 0,82 0,85 0,86 0,87 роста и развития СЗФО 0,95 -8,3 0,97 0,97 0,96 0,96 0,96 0,96 0,96 0,96 0,87 0,89 НОФО 0,66 +12,7 0,63 0,66 0,62 0,62 ФО 0,72		ДВФО													
роста и развития		Средний	0,54	-5,4	0,56		0,54	0,54	0,54	0,54	0,53	0,53		0,53	
Иразвития Нофо 1,66 +12,7 0,63 0,66 0,66 0,66 0,65 0,67 0,66 0,65 0,67 0,71 0,71 СКФО 0,61 +10,4 0,58 0,60 0,59 0,59 0,60 0,61 0,61 0,60 0,60 0,63 0,64 ПФО 0,72 +4,4 0,69 0,72 0,72 0,73 0,72 0,74 0,73 0,71 0,72 0,72 0,72 УФО 0,92 +8,1 0,87 0,95 0,93 0,95 0,92 0,91 0,91 0,86 0,94 0,95 0,94 ДВФО 0,87 +12,7 0,79 0,91 0,88 0,91 0,88 0,85 0,85 0,86 0,92 0,89 Средний 0,79 +6,7 0,75 0,80 0,79 0,70 0,70 0,78 0,80 0,79 0,77 0,79 0,80 0,80 Средний 0,79 +6,7 0,75 0,80 0,79 0,80 0,79 0,70 0,70 0,70 0,80 0,80 СВФО 0,46 +15,6 0,45 0,47 0,42 0,41 0,44 0,45 0,47 0,48 0,49 0,51 0,52 СФО 0,40 -7,5 0,40 0,40 0,42 0,41 0,44 0,43 0,44 0,43 0,44 0,43 0,44 0,43 ДВФО 0,42 +20,5 0,39 0,41 0,39 0,40 0,42 0,43 0,44 0,44 0,44 СКФО 0,43 -8,3 0,48 0,41 0,42 0,43 0,44 0,42 0,45 0,45 0,45 0,45 СКФО 0,32 -79 0,86 0,37 0,27 0,27 0,26 0,24 0,22 0,20 0,19 0,14 СКФО 0,43 -8,5 0,47 0,43 0,44 0,43 0,44 0,43 0,44 0,43 0,44 0,43 0,44 0,44 СФО 0,43 -8,5 0,47 0,43 0,44 0,44 0,44 0,43 0,44 0,42 0,44 0,44 ОфО 0,23 -79 0,86 0,37 0,27 0,27 0,26 0,24 0,22 0,20 0,19 0,14 СФО 0,43 -8,5 0,47 0,43 0,44 0,44 0,44 0,43 0,42 0,42 0,41 0,44 ОфО 0,43 -8,5 0,47 0,43 0,44 0,44 0,44 0,44 0,44 0,44 0,44 ОфО 0,43 -8,5 0,47 0,43 0,44 0,44 0,44 0,44 0,44 0,44 0,44 ОфО 0,23 -40 0,30 0,35 0,40 0,40 0,40 0,40 0,40 0,40 0,40 0,40 ОфО 0,43 -8,5 0,47 0,43 0,44 0,44 0,44 0,44 0,44 0,44 0,44 0,44 ОфО 0,40 -75 0,86 0,37 0,27 0,27 0,26 0,28 0,27 0,26 0,24 0,24 0,44 0,44 ОфО 0,40	Субиндекс	ЦФО	0,85	+10,1	,	0,85	0,85	0,86	0,84	0,86	0,85	0,82	0,85	0,86	0,87
ПОФО О,61	роста		0,95												
ПФО 0,72	и развития	ЮФО	0,66	+12,7		0,66			0,65	0,67	0,66	0,65	0,65	0,71	0,71
УФО 0,92 +8,1 0,87 0,95 0,93 0,95 0,92 0,91 0,96 0,94 0,95 0,94 СФО 0,72 +5,8 0,69 0,72 0,73 0,74 0,72 0,73 0,72 0,69 0,70 0,72 0,73 ДВФО 0,87 +12,7 0,79 0,91 0,88 0,91 0,88 0,88 0,85 0,85 0,86 0,92 0,89 Субиндекс инклюзивности ЦФО 0,78 +11 0,73 0,76 0,75 0,70 0,78 0,79 0,80 0,79 0,80 0,79 0,77 0,79 0,80 0,80 Субиндекс инклюзивности ЦФО 0,78 +11 0,75 0,80 0,79 0,80 0,79 0,78 0,80 0,81 0,81 0,81 0,81 0,81 0,81 0,81 0,81 0,81 0,82 0,89 0,80 0,81 0,81 0,81 0,81 0,81 <td< th=""><td></td><td>СКФО</td><td>0,61</td><td>+10,4</td><td>0,58</td><td>0,60</td><td>0,59</td><td>0,59</td><td>0,60</td><td>0,61</td><td>0,61</td><td>0,60</td><td>0,60</td><td>0,63</td><td>0,64</td></td<>		СКФО	0,61	+10,4	0,58	0,60	0,59	0,59	0,60	0,61	0,61	0,60	0,60	0,63	0,64
СФО 0,72 +5,8 0,69 0,72 0,73 0,74 0,72 0,73 0,72 0,69 0,70 0,72 0,73 ДВФО 0,87 +12,7 0,79 0,91 0,88 0,91 0,88 0,88 0,85 0,85 0,86 0,92 0,89 Субиндекс инклюзивности ЦФО 0,78 +11 0,73 0,76 0,75 0,70 0,79 0,80 0,79 0,77 0,79 0,80 0,80 Субиндекс инклюзивности ЦФО 0,78 +11 0,73 0,76 0,75 0,75 0,77 0,78 0,80 0,80 0,80 0,79 0,77 0,79 0,80 Субиндекс 0,40		ПФО	0,72	+4,4	0,69	0,72	0,72	0,73	0,72	0,74	0,73	0,71	0,72	0,72	0,72
ДВФО 0,87		УФО	0,92	+8,1	0,87	0,95	0,93	0,95	0,92	0,91	0,91	0,86	0,94	0,95	0,94
Средний 0,79 +6,7 0,75 0,80 0,79 0,80 0,79 0,80 0,79 0,80 0,79 0,80 0,79 0,80 0,79 0,77 0,79 0,80 0,80 Субиндекс инклюзивности ЦФО 0,78 +11 0,73 0,76 0,75 0,75 0,77 0,78 0,80 0,81 0,81 СЗФО 0,53 +9,8 0,51 0,53 0,52 0,52 0,52 0,52 0,53 0,54 0,55 0,56 КФО 0,46 +15,6 0,45 0,47 0,42 0,41 0,44 0,45 0,47 0,48 0,49 0,51 0,52 СКФО 0,40 -7,5 0,40 0,40 0,43 0,44 0,43 0,40 0,42 0,40 0,37 0,58 0,59 0,57 0,58 0,59 0,57 0,58 0,59 0,57 0,58 0,59 0,57 0,58 0,59 0,57 0,58		СФО	0,72	+5,8	0,69	0,72	0,73	0,74	0,72	0,73	0,72	0,69	0,70	0,72	0,73
Субиндекс инклюзивности ЦФО 0,78 +11 0,73 0,76 0,75 0,77 0,78 0,80 0,80 0,81 0,81 Инклюзивности инклюзивности СЗФО 0,53 +9,8 0,51 0,53 0,52 0,52 0,52 0,52 0,53 0,54 0,55 0,56 КФО 0,46 +15,6 0,45 0,47 0,42 0,41 0,44 0,45 0,47 0,48 0,49 0,51 0,52 СКФО 0,40 -7,5 0,40 0,40 0,43 0,44 0,43 0,40 0,42 0,40 0,37 0,38 0,37 ПФО 0,54 -8,3 0,60 0,55 0,53 0,54 0,53 0,59 0,59 0,57 0,58 0,59 УФО 0,43 -8,3 0,48 0,41 0,42 0,43 0,42 0,43 0,44 0,44 ДВФО 0,42 +20,5 0,39 0,41 0,39 <td< th=""><td></td><td>ДВФО</td><td>0,87</td><td>+12,7</td><td>0,79</td><td>0,91</td><td>0,88</td><td>0,91</td><td>0,88</td><td>0,88</td><td>0,85</td><td>0,85</td><td>0,86</td><td>0,92</td><td>0,89</td></td<>		ДВФО	0,87	+12,7	0,79	0,91	0,88	0,91	0,88	0,88	0,85	0,85	0,86	0,92	0,89
ИНКЛЮЗИВНОСТИ СЗФО О,46 Н5,6 О,45 О,47 О,42 О,41 О,44 О,45 О,57 О,58 О,50 О,		Средний	0,79	+6,7	0,75	0,80	0,79	0,80	0,79	0,80	0,79	0,77	0,79	0,80	0,80
КОФО 0,46 +15,6 0,45 0,47 0,42 0,41 0,44 0,45 0,47 0,48 0,49 0,51 0,52 СКФО 0,40 -7,5 0,40 0,40 0,43 0,44 0,43 0,40 0,42 0,40 0,37 0,38 0,37 ПФО 0,57 +1,8 0,57 0,57 0,56 0,54 0,57 0,58 0,59 0,59 0,57 0,58 0,58 УФО 0,54 -8,3 0,60 0,55 0,53 0,54 0,54 0,53 0,53 0,52 0,54 0,55 СФО 0,43 -8,3 0,48 0,41 0,42 0,43 0,43 0,42 0,43 0,44	Субиндекс	ЦФО	0,78	+11	0,73	0,76	0,75	0,75	0,77	0,78	0,78	0,80	0,80	0,81	0,81
СКФО 0,40 -7,5 0,40 0,40 0,43 0,44 0,43 0,40 0,42 0,40 0,37 0,38 0,37 ПФО 0,57 +1,8 0,57 0,57 0,56 0,54 0,57 0,58 0,59 0,59 0,57 0,58 0,58 УФО 0,54 -8,3 0,60 0,55 0,53 0,54 0,54 0,53 0,54 0,54 0,53 0,52 0,54 0,55 СФО 0,43 -8,3 0,48 0,41 0,42 0,43 0,43 0,42 0,44	инклюзивности	СЗФО	0,53	+9,8	0,51	0,53	0,52	0,50	0,52	0,52	0,52	0,53	0,54	0,55	0,56
ПФО 0,57 +1,8 0,57 0,57 0,56 0,54 0,57 0,58 0,59 0,59 0,57 0,58 0,58 УФО 0,54 -8,3 0,60 0,55 0,53 0,54 0,54 0,54 0,53 0,53 0,52 0,54 0,55 СФО 0,43 -8,3 0,48 0,41 0,42 0,43 0,43 0,42 0,43 0,44 <td></td> <td>ЮФО</td> <td>0,46</td> <td>+15,6</td> <td>0,45</td> <td>0,47</td> <td>0,42</td> <td>0,41</td> <td>0,44</td> <td>0,45</td> <td>0,47</td> <td>0,48</td> <td>0,49</td> <td>0,51</td> <td>0,52</td>		ЮФО	0,46	+15,6	0,45	0,47	0,42	0,41	0,44	0,45	0,47	0,48	0,49	0,51	0,52
ПФО 0,57 +1,8 0,57 0,57 0,56 0,54 0,57 0,58 0,59 0,59 0,57 0,58 0,58 УФО 0,54 -8,3 0,60 0,55 0,53 0,54 0,54 0,54 0,53 0,53 0,52 0,54 0,55 СФО 0,43 -8,3 0,48 0,41 0,42 0,43 0,43 0,42 0,43 0,44 <td></td> <td>СКФО</td> <td>0,40</td> <td>-7,5</td> <td>0,40</td> <td>0,40</td> <td>0,43</td> <td>0,44</td> <td>0,43</td> <td>0,40</td> <td>0,42</td> <td>0,40</td> <td>0,37</td> <td>0,38</td> <td>0,37</td>		СКФО	0,40	-7,5	0,40	0,40	0,43	0,44	0,43	0,40	0,42	0,40	0,37	0,38	0,37
СФО 0,43 -8,3 0,48 0,41 0,42 0,43 0,43 0,42 0,43 0,42 0,43 0,44 0,44 0,44 0,44 0,44 0,44 0,44 0,44 0,44 0,44 0,44 0,44 0,44 0,44 0,44 0,44 0,43 0,42 0,43 0,44 0,43 0,45 0,47 Србиндекс межпоколенческого равенства устойчивости ЦФО 0,40 +75 0,28 0,28 0,29 0,36 0,40 0,45 0,47 0,49 0,48 0,49 Меж поколенческого равенства устойчивости 0,37 -18,6 0,43 0,42 0,37 0,37 0,34 0,34 0,32 0,37 0,35 ПФО 0,25 -60 0,35 0,41 0,37 0,28 0,23 0,27 0,26 0,28 0,27 0,26 0,20 0,20 0,19 0,14 ПФО 0,23 -79 0,86 0,37 0,27 0,26 <td< th=""><td></td><td>ПФО</td><td>0,57</td><td></td><td>0,57</td><td>0,57</td><td>0,56</td><td>0,54</td><td>0,57</td><td>0,58</td><td>0,59</td><td>0,59</td><td>0,57</td><td>0,58</td><td>0,58</td></td<>		ПФО	0,57		0,57	0,57	0,56	0,54	0,57	0,58	0,59	0,59	0,57	0,58	0,58
ДВФО 0,42 +20,5 0,39 0,41 0,39 0,40 0,40 0,42 0,43 0,44 0,43 0,45 0,47 Субиндекс межпоколенческого равенства устойчивости ЦФО 0,40 +75 0,28 0,28 0,29 0,36 0,40 0,45 0,47 0,49 0,48 0,49 МФО 0,37 -18,6 0,43 0,42 0,37 0,34 0,32 0,37 0,35 0,41 0,37 0,38 0,37 0,35 0,41 0,37 0,38 0,37 0,35 0,49 0,48 0,49 ОФО 0,25 -60 0,35 0,41 0,37 0,28 0,28 0,28 0,23 0,21 0,20 0,20 0,20 0,19 0,14 ОФО 0,25 -60 0,35 0,41 0,37 0,28 0,23 0,21 0,20 0,20 0,20 0,19 0,14 ОКФО 0,43 -49 0,30 0,30		УФО	0,54	-8,3	0,60	0,55	0,53	0,54	0,54	0,54	0,53	0,53	0,52	0,54	0,55
Средний 0,52 +5,9 0,51 0,51 0,50 0,51 0,51 0,52 0,53 0,52 0,53 0,54 Субиндекс межпоколенческого равенства устойчивости ПФО 0,40 +75 0,28 0,28 0,29 0,36 0,40 0,45 0,45 0,47 0,49 0,48 0,49 Межпоколенческого равенства устойчивости ЮФО 0,25 -60 0,35 0,41 0,37 0,28 0,23 0,21 0,20 0,20 0,20 0,19 0,14 ПФО 0,23 -79 0,86 0,37 0,27 0,26 0,28 0,27 0,26 0,24 0,24 0,18 УФО 0,43 -8,5 0,47 0,43 0,44 0,44 0,44 0,44 0,44 0,44 0,44 0,42 0,42 0,41 0,43 ОСФО 0,11 -94,3 0,17 0,20 0,20 0,18 0,14 0,44 0,44 0,44 0,44		СФО	0,43	-8,3	0,48	0,41	0,42	0,43	0,43	0,43	0,42	0,43	0,42	0,44	0,44
Субиндекс межпоколенческого равенства устойчивости		ДВФО	0,42	+20,5	0,39	0,41	0,39	0,40	0,40	0,42	0,43	0,44	0,43	0,45	0,47
мекпоколенческого равенства устойчивости СЗФО 0,37 -18,6 0,43 0,42 0,37 0,34 0,34 0,32 0,37 0,38 0,37 0,35 НОФО 0,25 -60 0,35 0,41 0,37 0,28 0,23 0,21 0,20 0,20 0,19 0,14 ПФО 0,23 -79 0,86 0,37 0,27 0,26 0,28 0,27 0,26 0,24 0,24 0,18 УФО 0,43 -8,5 0,47 0,43 0,44		Средний	0,52	+5,9	0,51	0,51	0,50	0,50	0,51	0,51	0,52	0,53	0,52	0,53	0,54
НОФО 0,25 -60 0,35 0,41 0,37 0,28 0,23 0,21 0,20 0,20 0,20 0,19 0,14 ОКФО 0,32 -79 0,86 0,37 0,27 0,26 0,28 0,27 0,26 0,24 0,24 0,24 0,18 ПФО 0,23 -40 0,30 0,30 0,25 0,20 0,20 0,22 0,20 0,18 0,18 УФО 0,43 -8,5 0,47 0,43 0,44 0,44 0,44 0,43 0,42 0,41 0,43 0,43 СФО 0,11 -94,3 0,17 0,20 0,20 0,18 0,14 0,02 0,06 0,04 ДВФО 0,40 -5,7 0,35 0,45 0,48 0,48 0,47 0,41 0,39 0,38 0,37 0,25 0,33	Субиндекс	ЦФО	0,40	+75	0,28	0,28	0,29	0,36	0,40	0,45	0,45	0,47	0,49	0,48	0,49
равенства устойчивости Офо 10,25 -00 0,35 0,41 0,57 0,28 0,25 0,21 0,20 0,20 0,20 0,19 0,14	межпоколен-	СЗФО	0,37	-18,6	0,43	0,42	0,37	0,37	0,34	0,34	0,32	0,37	0,38	0,37	0,35
Устойчивости ПФО 0,23 -40 0,30 0,30 0,25 0,20 0,20 0,24 0,24 0,22 0,20 0,20 0,24 0,24 0,24 0,18 0,18 0,18 0,18 0,10		ЮФО	0,25		0,35	0,41	0,37	0,28	0,23	0,21	0,20	0,20	0,20	0,19	0,14
ПФО 0,23 -40 0,30 0,30 0,25 0,20 0,24 0,22 0,22 0,20 0,18 0,18 УФО 0,43 -8,5 0,47 0,43 0,44 0,44 0,44 0,43 0,42 0,42 0,41 0,43 0,43 СФО 0,11 -94,3 0,17 0,20 0,20 0,18 0,14 0,10 0,07 0,04 0,02 0,06 0,04 ДВФО 0,40 -5,7 0,35 0,45 0,48 0,48 0,47 0,41 0,39 0,38 0,37 0,25 0,33	равенства устойчивости	СКФО	0,32	-79	0,86	0,37	0,27	0,27	0,26	0,28	0,27	0,26	0,24	0,24	0,18
УФО 0,43 -8,5 0,47 0,43 0,44 0,44 0,44 0,43 0,42 0,41 0,43 0,43 СФО 0,11 -94,3 0,17 0,20 0,20 0,18 0,14 0,10 0,07 0,04 0,02 0,06 0,04 ДВФО 0,40 -5,7 0,35 0,45 0,48 0,48 0,47 0,41 0,39 0,38 0,37 0,25 0,33		ПФО	_	-40	0,30	0,30	0,25	0,20	0,20	0,24	0,22	0,22	0,20	0,18	0,18
СФО 0,11 -94,3 0,17 0,20 0,20 0,18 0,14 0,10 0,07 0,04 0,02 0,06 0,04 ДВФО 0,40 -5,7 0,35 0,45 0,48 0,48 0,47 0,41 0,39 0,38 0,37 0,25 0,33		УФО												0,43	
ДВФО 0,40 -5,7 0,35 0,45 0,48 0,48 0,47 0,41 0,39 0,38 0,37 0,25 0,33		СФО	0,11	-94,3	0,17	0,20	0,20	0,18	0,14	0,10	0,07	0,04	0,02	0,06	0,04
		ДВФО	0,40		0,35	0,45	0,48	0,48	0,47	0,41	0,39	0,38	0,37	0,25	0,33
		Средний	0,31	-32,5	0,40	0,36	0,33	0,32	0,31	0,31	0,29	0,29	0,29	0,27	0,27

Примечание. Составлено автором.

самые низкие значения индекс принимает в 2014–2018 гг. (0,53). Среднее значение субиндекса роста и развития при этом сохраняется на прежнем уровне, субиндекса инклюзивности – растет, но незначительными темпами, субиндекса межпоколенческого равенства и устойчивости – заметно сократилось (с 0,40 в 2008 г. до 0,27 в 2018 г.).

Средние значения субиндекса вовлеченности в макрорегионах чуть выше 0,5, в целом наблюдается его позитивная динамика. Однако, если максимальное значение индексов принимать за единицу, становится понятным, что возможный потенциал вклада федеральных округов раскрыт не полностью, что может в том числе быть объяснено недостаточной поддержкой межрегионального сотрудничества со стороны органов государственной власти.

В то же время субиндекс межпоколенческого равенства и устойчивости демонстрирует очень низкие значения, имеющие отрицательную динамику. Это объясняется низким уровнем долговой устойчивости регионов России, растущим из года в год коэффициентом демографической нагрузки, а также достаточно высоким объемом валовых выбросов в атмосферу.

Таким образом, на основе полученных данных можно составить рейтинг инклюзивного развития макрорегионов России (табл. 3).

Лидером рейтинга инклюзивного развития за 11 лет являются Центральный федеральный округ, на втором и третьем местах — Уральский и Северо-Западный федеральные округа. Наименее устойчивыми с точки зрения инклюзив-

ного развития являются Сибирский и Северо-Кавказский федеральные округа. На четвертом, пятом и шестом местах — Дальневосточный, Приволжский и Южный федеральные округа соответственно.

Ориентируясь на методологию Всемирного экономического форума, можно разбить макрорегионы на четыре группы:

- 1) развитые макрорегионы, у которых среднее значение индекса инклюзивного развития за 2008–2018 гг. выше 0,5, и средние темпы роста положительные; к ним относятся Центральный и Дальневосточный федеральные округа;
- 2) развивающиеся макрорегионы, у которых среднее значение индекса инклюзивного развития за период 2008—2018 гг. ниже 0,5, но средние темпы роста положительные; в группу не включен ни один макрорегион;
- 3) стагнирующие макрорегионы, у которых среднее значение индекса инклюзивного развития за период 2008—2018 гг. выше 0,5, но средние темпы роста отрицательные; к данной группе относятся Северо-Западный, Приволжский и Уральский федеральные округа;
- 4) регрессирующие макрорегионы, где среднее значение индекса инклюзивного развития за 2008–2018 гг. ниже 0,5 и средние темпы роста отрицательные; в группу вошли Южный, Северо-Кавказский и Сибирский федеральные округа.

В Центральном федеральном округе высокие показатели развития связаны с максимальными по рассматриваемой выборке и стабильно растущими значениями уровня занятос-

 Таблица 3

 Рейтинг инклюзивного развития макрорегионов России

Годы	Макрорегионы								
т оды	ЦФО	С3ФО	ЮФО	СКФО	ПФО	УФО	СФО	ДВФО	
2008	4	2	7	3	5	1	8	6	
2009	3	2	6	7	5	1	8	4	
2010	1	3	6	8	5	1	7	4	
2011	1	3	6	8	5	2	7	4	
2012	1	3	6	8	5	2	7	4	
2013	1	3	6	7	5	2	8	4	
2014	1	3	6	7	5	2	8	4	
2015	1	2	6	7	5	3	8	4	
2016	1	2	6	7	5	3	8	4	
2017	1	3	6	7	5	2	8	4	
2018	1	3	6	8	5	2	7	4	
Средний	1	3	6	7	5	2	8	4	
рейтинг									
за 11 лет									

Примечание. Составлено автором.

ти населения и уровня потребления домохозяйств, минимальным уровнем бедности, небольшим уровнем закредитованности регионов, а также незначительным объемом валовых выбросов в атмосферу.

Распределение Дальневосточного федерального округа в группу развитых может быть связано с высоким уровнем заработных плат за счет «северного коэффициента», с самым высоким среди макрорегионов ростом реальных денежных доходов населения, а также достаточно большими объемами инвестиций в основной капитал за счет концентрации промышленного производства. Кроме того, в макрорегионе сохраняется достаточно благоприятная экологическая обстановка — об этом свидетельствует небольшой объем валовых выбросов в атмосферу.

Стагнация Северо-Западного, Приволжского и Уральского федеральных округов предположительно связана с преимущественно отрицательной динамикой показателей в рамках субиндекса межпоколенческого равенства и устойчивости, а также в Северо-Западном отрицательными, а в Приволжском и Уральском невысокими темпами роста показателей, связанных с экономическим ростом и развитием.

Регионы Южного, Северо-Кавказского и Сибирского федеральных округов характеризуются высоким уровнем долговой нагрузки бюджетов, низким уровнем жизни населения, в том числе незначительным вкладом в его развитие (об этом можно судить по низким значениям и динамике инвестиций в основной капитал). Сибирский федеральный округ также является лидером по удельному объему валовых выбросов в атмосферу к ВРП. В этой связи данные макрорегионы можно охарактеризовать как стагнирующие.

Выводы

Таким образом, предложенная Всемирным экономическим форумом оценка инклюзивного развития, с одной стороны, позволяет комплексно подойти к оценке устойчивости макрорегионов за счет учета показателей, не только отражающих экономический рост, но и социальное развитие и экологический аспект. С другой стороны, данная методология позволяет выявить некоторые недостатки системы статистического учета в России, не позволяющие полностью адаптировать существующие зарубежные методологии.

Следует отметить, что в ближайшее время общее понимание макрорегионов как федеральных округов, а соответственно и использование их для экономического районирования территории России, может измениться. Так, в Стратегии пространственного развития выделено 12 макрорегионов, часть из которых совпадает с федеральными округами. Предполагалось, что в 2020 г. будет завершено формирование стратегий развития макрорегионов [Распоряжение Правительства ..., 2019], где в том числе будут определены основные тенденции социально-экономического развития макрорегиона на основе анализа его социально-экономического положения, направления и сценарии их социально-экономического развития, механизмы и инструменты реализации основных направлений, а также меры государственной поддержки [Постановление Правительства ..., 2015].

В связи с внедряемыми изменениями принципиально важным является определение роли макрорегиональных образований в развитии страны, а также внедрение новой методологии оценки их устойчивости и инклюзивного развития.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ В статье представлена часть результатов работы «Устойчивость региональных экономических систем в условиях глобальных вызовов», выполненной в рамках гранта РФФИ № 18-010-00771.

The publication presents a part of the results of the project "Sustainability of Regional Economic Systems in the Context of Global Challenges" carried out under the grant of the Russian Foundation for Basic Research No. 18-010-00771.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

- Государственные программы развития макрорегионов России: подходы к анализу, 2016 / под ред. В. В. Климанова. М.: Ленанд. 194 с.
- Климанов В. В., Казакова С. М., Михайлова А. А., 2018. Региональная резилиентность: теоретические основы постановки вопроса // Экономическая политика. Т. 13, № 6. С. 164–187.
- Краснокутский П. А., Змияк С. С., Яровая Н. С., 2018. Концепция инклюзивного роста: новые возможности или осознанная необходимость? // Теоретическая экономика. № 6. С. 77–86.
- Кузнецова О. В., 2019. Альтернативные подходы к определению роли макрорегионов России в системе государственного управления // Федерализм. № 4. С. 112–125.

- Лексин В. Н., Порфирьев Б. Н., 2016. Организация статистических исследований и системного мониторинга развития макрорегионов // Регион: экономика и социология. № 3. С. 3–27.
- Лясковская Е. А., Григорьева К. А., 2018. Рейтинг инклюзивного развития макрорегионов Российской Федерации // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия «Экономика и менеджмент». Т. 12, № 2. С. 45–53.
- Распоряжение Правительства Российской Федерации от 27 декабря 2019 г. № 3227-р «Об угверждении плана реализации Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года», 2019. URL: https://www.economy.gov.ru/material/file/108d64418eca19f746e96fa20a7b6eb7/27122019_3227-p.pdf.
- Постановление Правительства Российской Федерации от 8 августа 2015 г. № 822 «Об утверждении Положения о содержании, составе, порядке разработки и корректировки стратегий социально-экономического развития макрорегионов», 2015. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_184509/92d969e26a4326c5d02fa79b8f9cf4994ee5633b/.
- Europe-2020, 2020. A European strategy for smart, sustainable and inclusive growth. URL: http://ec.europa.eu/research/era/docs/en/ec-understanding-era-13.pdf.
- Foster K. A., 2007. A Case Study Approach to Understanding Regional Resilience. Institute of Urban and Regional Development, University of California, Berkeley, Working Paper 2007-08. 2007. URL: https://www.econstor.eu/bitstream/10419/59413/1/592535347.pdf.
- Hill E. W., Wial H., Wolman H., 2008. Exploring Regional Economic Resilience. Institute of Urban and Regional Development, University of California, Berkeley, Working Paper 2008-04. URL: https://escholarship.org/uc/item/7fq4n2cv.
- Simmie J., Martin R. L., 2010. The Economic Resilience of Regions: Towards an Evolutionary Approach // Cambridge Journal of Regions, Economy and Society. Vol. 3. P. 27–43.
- United Nations. About the Sustainable Development Goals, 2015. URL: https://www.un.org/sustainable development/ru/sustainable-development-goals/.
- World Economic Forum. The Inclusive Development Index 2018. Summary and Data Highlights, 2018. URL: https://www.weforum.org/reports/the-inclusive-development-index-2018.

REFERENCES

- Klimanov V.V., ed. Gosudarstvennye programmy razvitiya makroregionov Rossii: podhody k analizu, 2016 [State Programs for the Development of Macro-Regions of Russia: Approaches to Analysis]. Moscow, Lenand Publ. 194 p.
- Klimanov V.V., Kazakova S.M., Mikhaylova A.A., 2018. Regionalnaya rezilientnost: teoreticheskie osnovy

- postanovki voprosa [Regional Resilience: Theoretical Basics of the Question]. *Economicheskaya politika* [Economic Policy], vol. 13, no. 6, pp. 164-187.
- Krasnokutskij P.A., Zmijak S.S., Jarovaja N.S., 2018. Konceptsiya inklyuzivnogo rosta: novye vozmozhnosti ili osoznannaya neobhodimost? [The Concept of Inclusive Growth: New Opportunities or a Conscious Need?]. *Teoreticheskaya ekonomika* [Theoretical Economics], no. 6, pp. 77-86.
- Kuznetsova O.V., 2019. Alternativnye podhody k opredeleniyu roli makroregionov Rossii v sisteme gosudarstvennogo upravleniya [Alternative Approaches to Determining the Role of Macro-Regions of Russia in the Public Administration System]. Federalizm [Federalism], no. 4, pp. 112-125.
- Leksin V.N., Porfirjev B.N., 2016. Organizatsiya statisticheskih issledovaniy i sistemnogo monitoringa razvitiya makroregionov [Organization of Statistical Research and System Monitoring of the Development of Macro-Regions]. *Region: ekonomika i sotsiologiya* [Region: Economics and Sociology], no. 3, pp. 3-27.
- Ljaskovskaja E.A., Grigorjeva K.A., 2018. Reyting inkluzivnogo razvitiya makroregionov Rossiyskoy Federatsii [The Rating of Inclusive Development of Macro-Regions of the Russian Federation]. *Vestnik Yuzhno-Uralskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija «Ekonomika i menedzhment»* [Bulletin of the South Ural State University. Series "Economics and Management"], vol. 12, no. 2, pp. 45-53.
- Rasporyazhenie Pravitelstva Rossiyskoy Federatsii ot 27 dekabrya 2019 g. № 3227-r «Ob utverzhdenii plana realizatsii Strategii prostranstvennogo razvitiya Rossiyskoy Federatsii na period do 2025 goda», 2019 [Order of the Government of the Russian Federation of December 27, 2019 no. 3227-p "On Approval of the Implementation Plan of the Spatial Development Strategy of the Russian Federation for the Period Until 2025"]. URL: https://www.economy.gov.ru/material/file/108d64418eca19f 746e96fa20a7b6eb7/27122019_3227-p.pdf.
- Postanovlenie Pravitelstva Rossiyskoy Federatsii ot 8 avgusta 2015 g. № 822 «Ob utverzhdenii Polozheniya o soderzhanii, sostave, poryadke razrabotki i korrektirovki strategiy socialnoekonomicheskogo razvitiya makroregionov», 2015 [Decree of the Government of the Russian Federation of August 8, 2015 no. 822 "On Approval of the Regulation on the Content, Composition, Procedure for the Development and Adjustment of Strategies for the Socio-Economic Development of Macroregions"]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_184509/92d969e26a4326c 5d02fa 79b8f9cf4994ee5633b/.
- Europe-2020, 2020. A European Strategy for Smart, Sustainable and Inclusive Growth. URL: http://ec.europa.eu/research/era/docs/en/ec-understanding-era-13.pdf.

- Foster K.A., 2007. A Case Study Approach to Understanding Regional Resilience. Institute of Urban and Regional Development. University of California, Berkeley, Working Paper 2007-08. 2007. URL: https://www.econstor.eu/bitstream/10419/59413/1/592535347.pdf.
- Hill E.W., Wial H., Wolman H., 2008. Exploring Regional Economic Resilience. Institute of Urban and Regional Development. University of California, Berkeley, Working Paper 2008-04. URL: https://escholarship.org/uc/item/7fq4n2cv.
- Simmie J., Martin R.L., 2010. The Economic Resilience of Regions: Towards an Evolutionary Approach. *Cambridge Journal of Regions, Economy and Society*, vol. 3, pp. 27-43.
- United Nations. About the Sustainable Development Goals, 2015. URL: https://www.un.org/sustainable development/ru/sustainable-development-goals/.
- World Economic Forum. The Inclusive Development Index 2018. Summary and Data Highlights, 2018. URL: https://www.weforum.org/reports/the-inclusive-development-index-2018.

Information About the Author

Sofia M. Kazakova, Junior Researcher, Center for Regional Policy of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Prosp. Vernadskogo, 82, Bld. 1, 119571 Moscow, Russian Federation; Expert, Institute for Public Finance Reform, Bolshoy Kislovsky Lane, 1, Bld. 2, 125009 Moscow, Russian Federation, smk@irof.ru, https://orcid.org/0000-0002-2306-7924

Информация об авторе

Софья Михайловна Казакова, младший научный сотрудник, Центр региональной политики Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, просп. Вернадского, 82, стр. 1, 119571 г. Москва, Российская Федерация; эксперт, Институт реформирования общественных финансов, Большой Кисловский переулок, 1, стр. 2, 125009 г. Москва, Российская Федерация, smk@irof.ru, https://orcid.org/0000-0002-2306-7924

DOI: https://doi.org/10.15688/re.volsu.2020.4.4

UDC 332.132 Submitted: 20.07.2020 LBC 65.04 Accepted: 30.08.2020

DETERMINANTS OF CITY GROWTH IN RUSSIA 1

Inna V. Manaeva

Belgorod State National Research University, Belgorod, Russian Federation

Alexandra V. Kanishcheva

Belgorod State National Research University, Belgorod, Russian Federation

Anna S. Tkacheva

Belgorod State National Research University, Belgorod, Russian Federation

Abstract. Today in Russia there are 1120 cities that are located in the territories with varying degrees of concentration. In the federal districts and regions of the Russian Federation, there is a wide disparity not only in the size of cities, but also in their growth rates. At a decrease in the population in small cities, there is an increase in big towns and cities with more than one million inhabitants. This trend shows the "attraction" of the population from regions into capital cities. The aim of the article is to assess the effects of factors that can influence the growth of a city in the Russian Federation. The scientific novelty of the research consists in the analysis of the influence of external (infrastructure, security) and internal (economic, social, infrastructure, human capital, environmental situation) factors on the growth of cities. The paper presents a system of factor indicators of urban growth. Cities of different sizes have different levels of life standard, and therefore author's methodology was tested in terms of urban sizes: towns, medium-sized cities, large cities, million-plus cities. The significant factors in the growth of millionplus cities in the Russian Federation are the initial population size and average monthly wages. The growth in the population of large cities is negatively affected by the spatial concentration of industrial enterprises. A high level of average monthly wages contributes to an increase in the population of this type of cities. A significant positive impact on the growth of large cities depends on the concentration of mining industry, volume of investments in fixed assets, number of doctors. The concentration of mining industrial production has a positive effect on the basic growth rate of medium-sized cities. The concentration of manufacturing and the volume of investment in fixed assets have a significant positive effect on the growth of small towns. The practical significance of the obtained results consists in the possibility of creation of a methodological toolkit for the assessment of urban systems of the region, which can become the basis for the development of an algorithm for the strategic planning of the spatial development of cities in the Russian Federation.

Key words: spatial economy, urban growth, city, population size, determinant of city growth, urban economy, region, city size, Theil index.

Citation. Manaeva I.V., Kanishcheva A.V., Tkacheva A.S., 2020. Determinants of City Growth in Russia. *Regionalnaya ekonomika. Yug Rossii* [Regional Economy. South of Russia], vol. 8, no. 4, pp. 39-52. (in Russian). DOI: https://doi.org/10.15688/re.volsu.2020.4.4

 УДК 332.132
 Дата поступления статьи: 20.07.2020

 ББК 65.04
 Дата принятия статьи: 30.08.2020

ДЕТЕРМИНАНТЫ РОСТА ГОРОДОВ В РОССИИ ¹

Инна Владимировна Манаева

Белгородский государственный национальный исследовательский университет, г. Белгород, Российская Федерация

Александра Владимировна Канищева

Белгородский государственный национальный исследовательский университет, г. Белгород, Российская Федерация

© Манаева И.В., Канищева А.В., Ткачева А.С., 2020

Анна Сергеевна Ткачева

Белгородский государственный национальный исследовательский университет, г. Белгород, Российская Федерация

Аннотация. На сегодняшний день в России насчитывается 1 120 городов, которые размещены в территориальном пространстве с разной степенью концентрации. В федеральных округах и регионах РФ наблюдается широкая дифференциация не только в размерах городов, но и в темпах их роста. На фоне снижения численности населения в малых городах наблюдается рост крупных городов и миллионников, данная тенденция демонстрирует «притяжение» столичными городами населения из регионов. Цель статьи – оценить эффекты факторов, которые могут оказать влияние на рост города в РФ. Научная новизна исследования заключается в учете влияния внешних (инфраструктура, безопасность) и внутренних (экономические, социальные, инфраструктура, человеческий капитал, экологическая ситуация) параметров на рост городов. В работе представлена система факторных показателей городского роста. Города различного размера имеют разный уровень качества жизни, в связи с чем апробация авторской методики проводилась в разрезе городских размеров: малые города, средние города, большие города, крупные города, города-миллионники. Значимыми факторами роста таких городов в РФ являются первоначальная численность населения и среднемесячная заработная плата. На рост численности населения крупных городов отрицательно влияет пространственная концентрация обрабатывающего производства. Высокий уровень среднемесячной заработной платы способствует увеличению численности населения данного типа городов. Значимое положительное влияние на рост больших городов оказывает концентрация промышленности по виду деятельности «добыча полезных ископаемых», объем инвестиций в основной капитал, численность врачей. Концентрация промышленного производства по виду деятельности «добыча полезных ископаемых» положительно влияет на базовый темп роста средних городов. Значимое положительное влияние на рост малых городов оказывает концентрация обрабатывающего производства и объем инвестиций в основной капитал. Практическая значимость полученных результатов заключается в обеспечении возможности создания методического инструментария оценки городских систем региона, который может стать основой для разработки алгоритма стратегического планирования пространственного развития городов РФ.

Ключевые слова: пространственная экономика, рост городов, город, численность населения, детерминанта роста города, городская экономика, регион, размер города, индекс Тейла.

Цитирование. Манаева И. В., Канищева А. В., Ткачева А. С., 2020. Детерминанты роста городов в России // Региональная экономика. Юг России. Т. 8, № 4. С. 39–52. DOI: https://doi.org/10.15688/re.volsu.2020.4.4

Введение

В области экономики города динамика численности населения и закономерности распределения размеров городов являются предметом активных исследований мирового экономического сообщества в течение последних десятилетий. Городской рост рассматривается как с позиции увеличения производительности отдельных городов, так и с позиции роста численности населения, данные параметры являются индикаторами городской эффективности.

Процесс роста и развития городов Российской Федерации происходит неравномерно, под влиянием географических и экономических факторов. Рыночные трансформации постсоветского периода спровоцировали цепочку серьезных проблем в городской среде. Примечательно, что наибольшее воздействие они оказали на города центральной и восточной части РФ. На сегодняшний день в Российской Федерации насчитывается 1 120 городов, которые размещены в территориальном пространстве с разной степенью концентрации. В границах федеральных округов Российской Федерации наблюдается дисбаланс

не только в размерах городов, но и темпах их роста. В более ранних исследованиях, анализируя динамику численности населения за 2003-2013 гг. в границах федеральных округов, заключили, что на фоне снижения численности населения в малых городах наблюдается рост крупных городов и миллионников, данная тенденция демонстрирует «притяжение» столичными городами населения из регионов [Манаева, 2016]. Наибольшее количество городов имеет численность населения менее 100 тыс. чел.: в Центральном федеральном округе - 85 %, Северо-Западном федеральном округе - 93 %, Южном федеральном округе - 81 %, Северо-Кавказском федеральном округе – 75 %, Приволжском федеральном округе - 84 %, Уральском федеральном округе - 85 %, Сибирском федеральном округе -84 %, Дальневосточном федеральном округе -85 %. На территории России нет городов с численностью населения от 2 000 до 5 000 тыс. человек. Москва (12 692 тыс. чел.) и Санкт-Петербург (5 392 тыс. чел.) оторваны от основной массы городов.

Цель статьи – оценить эффекты факторов, которые могут оказать влияние на рост города в РФ.

Теоретические предпосылки исследования детерминант роста городов

Литература по новой экономической географии предполагает, что рост населения происходит за счет рыночного потенциала или доступа к рынку [Christensen, Mccord, 2016; Da Mata et al., 2007; Mulligan, Crampton, 2005]. Естественные и искусственные удобства (климат, среднегодовые температуры, городская инфраструктура) оказывают значимое влияние на рост городов [Mulligan, Crampton, 2005]. Доступ к природным ресурсам положительно влияет на увеличение численности населения городов [Bhagat, Mohanty, 2009]. Инвестиции в автомагистрали способствуют экономическому росту и увеличению численности населения городов [Baum-Snow et al., 2020]. Метрополитены приводят к децентрализации города и оказывают экономически незначительное влияние на рост численности населения [Gonzalez-Navarro, Turner, 2018]. Эффекты глобализации положительно сказываются на росте индустриально развитых городов и не оказывают влияние на старопромышленные города [Potlogea, 2018].

Во многих исследованиях человеческий капитал продемонстрировал положительный эффект на увеличение численности населения городов. Распространение знаний повышает экономию за счет масштаба и улучшает управление с помощью инновационного решения городских проблем [Beeson De Jong, Troesken 2001; Black, Henderson, 1999, 2003; Deliktas, Onder, Karadag, 2012]. Чтобы измерить человеческий потенциал, Е. Глейзер, Д. Шеинкман и А. Шлеифер использовали ряд переменных образования [Glaeser, Scheinkman, Shleifer, 1995]. В более поздних работах К. Симон и К. Нардинелли [Simon, Nardinelli, 2002], Е. Глейзер и А. Саиз [Glaeser, Saiz, 2004] применяют показатель – доля выпускников университетов, так как эта более дискриминационная мера человеческого капитала обычно связана с более сильными эффектами. Исследователи подчеркивают, что наличие положительной автокорреляции между человеческим потенциалом и ростом городов может быть ошибочной по ряду причин. Например, высококвалифицированные работники являются более мобильными (обладают сильными стимулами для переезда) и, в результате, будут мигрировать в быстрорастущих городах. В качестве альтернативы эффект может быть сильнее в городах с более строгими ограничениями зонирования, в которых наблюдается более медленный рост населения.

Е. Росси-Хансберг и М. Райт представили модель роста городов, в основу которой положен экзогенный шок производительности, характерный для каждой отрасли промышленности. В ситуации возникновения данного шока увеличивается объем производства, что провоцирует рост численности населения городов, специализирующихся в данной отрасли [Rossi-Hansberg, Wright, 2007].

Особую популярность имеет теория роста городов, представленная в работах К. Габаикса [Gabaix, 1999], Дж. Икноута [Eeckhout, 2004], М. Партриджа, Д. Рикмана, К. Али, М. Олферда [Partridge et al., 2008], К. Шлютера, М. Треде [Schluter, Trede, 2013], А. Лаланн, М. Цумпе [Lalanne, Zumpe, 2015]. Модели роста городов базируются на балансе преимуществ, издержках агломерации, экономических силах (занятость, транспортные издержки, рыночные потенциалы, технологические инновации).

Проблематика размещения, роста и развития городов в пространственной экономике приобретает актуальность в работах российских ученых в начале XXI века. А.И. Трейвыш провел оценку динамики ранга городов России с 1967 по 2002 г. и заключил, что в значительной части они (ранги) сохраняются, данный результат подтверждает стабильность городской системы Российской Федерации [Трейвыш, 2009]. А.М. Архипов разработал функциональную типологию городов с выделением признаков: степень развитости функциональной структуры, территориальное содержание функций, экономико-географическое положение [Архипов, 2010]. В. Андреев провел оценку размещения городов Приволжья с использованием закона Ципфа [Андреев, Лукиянова, Кадышев, 2017]. Е.А. Коломак представила эмпирические закономерности развития городской системы России, провела анализ уровня урбанизации, предложила эконометрические оценки факторов развития городской системы [Коломак, 2018].

Данные и методы

Города, отличающиеся по численности населения, имеют разный уровень качества жизни. Таким образом, оценку целесообразно проводить в разрезе городских размеров согласно следующей классификации: малые города — численность населения до 20 тыс. чел.; средние города — от 20 тыс. до 100 тыс. чел.; крупные города — от 100 тыс. до 250 тыс. чел.; крупные города — от

250 тыс. до 1 000 тыс. чел.; города-миллионники – свыше 1 000 тыс. чел.

Авторы предлагают включить в экономикоматематическую модель ряд факторов, продиктованных положениями неоклассической теории, эндогенного роста. Неоклассические модели подчеркивают роль физического капитала как основного фактора экономического развития, что способствует притоку населения в город. Эндогенные теории выделяют в качестве основного условия человеческий капитал. Была сформирована система факторов, оказывающих влияние на рост городов РФ: внешние факторы: инфраструктура и безопасность; внутренние факторы: экономические, социальные, инфраструктура, человеческий капитал, экологическая ситуация. С учетом информации, включенной в базу данных «Экономика городов России», сайта Федеральной службой государственной статистики и выделенных факторов роста городов, в таблице 1 представлены показатели авторской модели.

В исследовании определено 13 факторов городского роста в РФ. Расстояние от города до ближайшей железнодорожной станции является показателем внешней транспортной инфраструктуры, которая определяет возможности получения внешних ресурсов. Среднее количество зарегистри-

рованных преступлений в сфере экономики характеризует благоприятную ситуации для жизни в регионе, на территории которого расположен город.

Пространственная концентрация производства определена одним из условий роста городов в РФ, оценка которой будет проведена путем расчета индекса Тейла по показателям объема производства в секторе «обрабатывающее производство» и секторе «добыча полезных ископаемых».

Важным свойством данного показателя, позволяющим рассматривать географические уровни (макрорегион, регион, город), является способность определить долю составляющих и их групп в общей неравномерности.

Индекс Тейла рассчитывается по следующей формуле:

$$T = \sum_{r=1}^{R} \left(\frac{Y_r}{Y} \ln \frac{Y_r}{Y/R} \right), \tag{1}$$

где

$$Y = \sum_{r=1}^{R} Y_r. \tag{2}$$

Здесь Y_r — значение переменной в городе r; Y — значение переменной на агрегированном уровне; R — число городов.

Таблица 1 Система факторных показателей городского роста в России

Фактор	воздействия	Показатели модели	Обозначение
Внешний	Инфраструктура	1.1. Расстояние от города до ближайшей железнодорожной станции	$DIST_t$
	Преступность	C_t	
Внутренние	Экономические	ритории которого расположен город 3.1. Индекс Тейла по показателю объема производства в секторе обрабатывающего производства	T_1
		3.2. Индекс Тейла по показателю объема производства в секторе добычи полезных ископаемых	T_2
		3.3. Среднемесячная заработная плата в городе	W_t
		3.4. Объем инвестиций в основной капитал в расчете на душу населения	It
	Социальные	4.1. Общая площадь жилых помещений на одного жителя	H_t
		4.2. Численность врачей на 10 000 человек населения, человек	M_t
		4.3. Число больничных коек круглосугочных стационаров на 10 000 человек населения	B_t
	Инфраструктура	5.1. Число внутригородских маршрутов автобусов	BR_t
	Человеческий	6.1. Численность населения в городе	Y_t
	потенциал	6.2. Доля выпущенных специалистов из образовательных учреждений высшего профессионального образования от численности населения в городе	PE_t
	Экологическая ситуация	7.1. Количество выброшенных веществ в атмосферу	DS_t

Примечание. Составлено авторами.

Индекс Тейла может принимать значения от 0 (показатель равномерно рассеян по городам) до $ln\ R$ (концентрация в одном городе). Чем больше значения индекса, тем выше пространственные различия.

Среднемесячная заработная плата — показатель внутренних ресурсов города. Считаем, что города с высоким уровнем заработной платы являются привлекательными для мигрантов, молодых специалистов. Объем инвестиций в основной капитал оказывает влияние на относительный экономический рост в городе. Представляется, что города с экономическим ростом являются привлекательными для трудоспособного населения, данный фактор способствует естественному приросту населения. Для социальной сферы определены три показателя, для внутригородской инфраструктуры — один — «число внутригородских маршрутов автобусов».

Отдельно авторами был выделен блок «человеческий потенциал». Зарубежные ученые эмпирически доказали наличие связи между человеческим потенциалом и ростом городского населения [Simon, Nardinelli, 2002; Glaeser, Saiz, 2004]. По аналогии с зарубежными работами в исследовании в качестве индикаторов человеческого потенциала будет использоваться «доля выпускников образовательных учреждений высшего профессионального образования в общей численности населения города» и «численность населения города».

Экологическая ситуация в городе является важным фактором, определяющим качество жизни, в связи с чем в модель включена переменная «количество выброшенных веществ в атмосферу».

Экономико-математические расчеты проводились для двух зависимых переменных: 1) темп роста численности населения города по отношению к базовому периоду (1997 г.); 2) темп роста численности населения города по отношению к предыдущему периоду. Полученные регрессионные модели будут иметь вид:

$$\begin{split} &\ln \Delta y_{t1} = \text{const} + \beta_{1} \ln Y_{t} + \beta_{2} \ln DISTt + \beta_{3} \ln Ct + \\ &\beta_{4} \ln T1 + \beta_{5} \ln T2 + \beta_{6} \ln Wt + \beta_{7} \ln It + \beta_{8} \ln Ht + \\ &\beta_{9} \ln Mt + \beta_{10} \ln Bt + \beta_{11} \ln BRt + \beta_{12} \ln PEt + \\ &\beta_{13} \ln DSt + \varepsilon_{t}, \end{split} \tag{3}$$

$$\ln \Delta y_{t2} = \text{const} + \beta_1 \ln Y_t + \beta_2 \ln DISTt + \beta_3 \ln Ct + \beta_4 \ln T1 + \beta_5 \ln T2 + \beta_6 \ln Wt + \beta_7 \ln It + \beta_8 \ln Ht + \beta_9 \ln Mt + \beta_{10} \ln Bt + \beta_{11} \ln BRt + \beta_{12} \ln PEt + \beta_{13} \ln DSt + \varepsilon_t,$$
(4)

где ΔYt_1 – темп роста численности населения города t по отношение к 1997 г.; ΔYt_2 – темп роста численности населения города t по отношение к предыдущему году; β_1 - β_{13} – коэффициенты модели, которые будут получены методом наименьших квадратов; ϵ_r – ошибка измерения.

Принимая во внимание тот факт, что эффект от ряда факторов («среднемесячная заработная плата», «объем инвестиций в основной капитал на душу населения», «доля выпущенных специалистов из образовательных учреждений высшего профессионального образования от численности населения в городе», показатели социальной сферы) появится через некоторый интервал времени, факторные показатели возьмем за предыдущий период.

Период исследования: 1998—2001 гг., 2004 г., 2008 г., 2012—2018 гг: объект – 1 077 городов России, источник первичной статистической информации — сборники и базы данных Федеральной службы государственной статистики и базы данных «Экономика городов России». Все показатели использовались по значению натурального логарифма. Расчеты проводились методом наименьших квадратов в программе Gretl.

Тенденции городского роста в России

Результаты оценки темпа роста городов России представлены в таблицах 2–6.

Для оценки роста городов-миллионников было построено шесть моделей. Обратим внимание, что в большинстве моделей коэффициенты детерминации имеют высокие значения. Для таких городов не проводилась оценка влияния внешних факторов, так как в каждом таком городе имеются железнодорожные станции. Два города (Москва и Санкт-Петербург) являются самостоятельными субъектами РФ, в связи с чем принято решение о нецелесообразности включения в модель переменной «среднее количество зарегистрированных преступлений в сфере экономики на 100 тыс. чел. населения в регионе», на территории которого расположен город.

В первую модель мы включили факторы человеческого потенциала и два экономических фактора. На темп роста численности населения городов-миллионников по отношению к 1997 г. существенное влияние оказывает человеческий потенциал, причем влияние численности населения наиболее значимо. Отрицательное влияние на рост численности населения оказывает пространственная концентрация обрабатывающего производства. В данной модели уровень заработной платы не оказывает значимого влияния на темп роста численности населения в обследуемых городах.

Tаблица 2 Оценки регрессий темпа роста численности населения городов-миллионников РФ в 1998–2018 гг.

Переменная	Mo	del 1	Mo	del 2	Mod	el 3	Mo	del 4	Mod	del 5	Mod	del 6
	$\Delta Y t_1$	ΔYt_2	$\Delta Y t_1$	$\Delta Y t_2$	$\Delta Yt1$	$\Delta Y t_2$	$\Delta Y t_1$	$\Delta Y t_2$	$\Delta Y t_1$	$\Delta Y t_2$	ΔYt_1	$\Delta Y t_2$
Const (ln)	2,3	0,9	3,1	5,1	4,5	3,9	3,8	4	7,7	5,5	5,4	5,4
	(1)		(0,3)***	(0,8)**	(0,02)***	(0,3)***	(0,5)***	(0,5)***	(1,7)***	(2)***	(0,4)***	(0,5)***
Y (ln)	0,9	0,9	0,7	0,6			0,6	0,6				
, ,	(0,1)**	(0,1)***	(0,01)***	(0,03)***			(0,1)***	(0,1)***				
$DIST_{t}(ln)$												
$C_{t}(ln)$												
$T_1(ln)$	-0,2	-0,3			0,2	0,2						
1 ()	(0,1)**	(0,04)**			(0,01)*	(0,2)						
$T_2(ln)$			-0,1	-0,01	-0,2	-0,3						
2 ()			(0,01)	(0,01)*	(0,03)	(0,3)						
I (ln)					-0,1	0,6	-0,1	-0,2			-0,3	-0,3
` ´					(0,04)**	(0,01)**	(0,1)	(0,1)			(0,1)**	(0,1)*
$W_t(ln)$	-0,1	-0,3	0,2	0,2	0,1	-0,2	0,2	-0,1			0,3	0,2
, ,	(0,1)	(0,1)	(0,01)***	(0,1)***	(0,02)***	(0,01)*	(0,1)***	(0,1)			(0,1)**	(0,1)*
$H_{t}(ln)$									-0,1	-0,2		
									(0,3)	(0,4)		
$M_{\iota}(ln)$									0,2	0,1		
									(0,1)	(0,1)		
B_t (ln)									-0,4	-0,1		
. ,									(0,4)***	(0,6)***		
BR_{t} (ln)									0,03	0,01		
` '									(0,1)*	(0,01)		
$PE_{t}(\ln)$	0,1	0,1	-0,5	-0,5			-0,6	-0,6				
	(0,04)*	(0,2)	(0,1)***	(0,2)***			(0,2)***	(0,2)***				
$DS_{t}(ln)$											-0,1	-0,02
											(0,03)*	(0,01)*
R^2	0,8	0,7	0,7	0,5	0,9	0,7	0,7	0,6	0,2	0,1	0,4	0,2
Cmam.	0,3	0,3	0,03	0,1	0,03	0,1	0,2	0,3	0,3	0,3	0,2	0,3
ошибка												
модели												
Количество	139	139	150	150	140	140	150	150	154	150	149	149
наблюдений												

Примечание. Таблицы 2–6 рассчитаны по данным Росстата и Мультистата [Регионы России, 2019а, 2019б; Экономика городов России, 2020].

Здесь и далее: *** – уровень значимости ошибки 1 %; **– уровень значимости ошибки 5 %; * – уровень значимости ошибки 10 %.

Tаблица 3 Оценки регрессий темпа роста численности населения крупных городов РФ в 1998–2018 гг.

Переменная	Mod	el 1	Mod	el 2	Mode	:13	Mo	del 4	Mod	lel 5	Mod	lel 6
	$\Delta Y t_1$	ΔYt_2	$\Delta Y t_1$	ΔYt_2	$\Delta Y t_1$	ΔYt_2	$\Delta Y t_1$	$\Delta Y t_2$	$\Delta Y t_1$	$\Delta Y t_2$	$\Delta Y t_1$	$\Delta Y t_2$
Const (ln)	4,3	9,9	1,7	1,4	1,7	1,4	6,9	5,4	6,3	2,9	2,6(2)*	1,6
	(0,4)***	(2,1)***	(0,001)***	(0,7)**	(0,001)***	(0,7)***	(2)**	(2,7)*	(0,8)***	(0,9)***		(0,9)*
Y (ln)			0,7	0,01	0,8	0,2 (0,1)					0,5	0,6
. ,			(0,001)***	(0,1)	(0,001)***	. , , , ,					(0,1)**	(0,2)***
$DIST_t(ln)$	-0,01	-0,02										
	(1,1)***	(1,3)**										
$C_t(ln)$	0,04	-1,2										
	(0,05)	(1,1)										
$T_1(ln)$			0,0001*	-0,001			-0,03	-0,1			-0,03	-0,1
			(0,01)	(0,01)			(0,03)	(0,03)*			(0,01)*	(0,01)
$T_2(ln)$					-0,01 (0,01)	-0,001	-0,03	-0,03			-0,01	-0,02
						(0,01)	(0,02)	(0,02)			(0,9)	(0,01)
I(ln)							-0,2	-0,3			-0,04	-0,3
							(0,1)	(0,2)			(0,1)*	(0,1)*
$W_t(ln)$			0,01	0,4	0,01	0,3	-0,1	0,3			0,1	0,8
			(0,1)***	(0,04)***	(0,1)**	(0,04)***	(0,03)	(0,1)*			(0,02)**	(0,2)***
$H_{t}(ln)$									-0,04	1,4	-1,4	-1,1
									(0,2)	(0,2)***	(0,9)	(0,4)*
$M_{t}(ln)$									0,2	0,3	0,9	-0,5
									(0,1)	(0,2)***	(0,7)	(0,6)
$B_t(ln)$									-0,6	-0,5	0,1	0,8
` ´									(0,1)***	(0,2)***	(0,6)**	(0,7)***
$BR_t(ln)$									0,1	-0,1	-0,01	-0,2
									(0,03)***	(0,04)***	(0,1)	(0,1)*

Окончание таблицы 3

Переменная	Mod	lel 1	Mod	el 2	Mode	1 3	Mo	del 4	Mod	del 5	Mod	lel 6
	ΔYt_1	ΔYt_2	$\Delta Y t_1$	$\Delta Y t_2$	$\Delta Y t_1$	$\Delta Y t_2$	$\Delta Y t_1$	ΔYt_2	ΔYt_1	$\Delta Y t_2$	$\Delta Y t_1$	ΔYt_2
$PE_{t}(ln)$			-0,2	-0,1	0,04	0,04					-0,03	-0,1
			(0,1)*	(0,1)	(0,1)	(0,1)					(0,2)	(0,3)
$DS_t(ln)$											-0,01	-0,01
											(0,1)*	(0,1)*
R^2	0,9	0,2	0,9	07	0,9	0,7	0,3	0,3	0,3	0,3	0,8	0,9
Стат. ошибка модели	0,02	1,01	0,001	0,3	0,001	0,3	0,3	0,5	0,3	0,6	0,2	0,01
Количество наблюдений	92	92	92	92	92	92	92	92	430	431	424	424

Таблица 4

Оценки регрессий темпа роста численности населения больших городов РФ в 1998–2018 гг.

Переменная	Mo	del 1	Mo	del 2	Mo	del 3	Mod	del 4
	$\Delta Y t_1$	$\Delta Y t_2$	$\Delta Y t_1$	ΔYt_2	ΔYt_1	ΔYt_2	$\Delta Y t_1$	$\Delta Y t_2$
Const (ln)	5,4	4,7	1,7	5,1	5,5	4,7	2,7	9
	(0,5)***	(0,1)	(2)***	(1,4)***	(0,2)***	(0,1)***	(2,5)***	(0,9)***
Y (ln)							-0,2	-0,5
							(0,2)	(0,2)*
$DIST_{t}(ln)$	0,01	-0,01						
	(0,01)	(0,01)						
$C_t(ln)$	-0,1	-0,02						
	(0,1)***	(0,01)**						
$T_I(ln)$			-0,1	-0,1			-0,01	0,02
			(0,1)**	(0,01)**			(0.01)	(0,01)
$T_2(ln)$			0,01	0,01			0,04	0,02
			(0,2)	(0,01)			(0,07)***	(0,01)*
I (ln)			0,1	-0,1			0,04	0,03
			(0,03)*	(0,02)**			(0,01)***	(0,01)**
W_{t} (ln)			-0,01	-0,1			-0,04	-0,2
			(0,1)	(0,1)***			(0,1)	(0,1)**
$H_t(ln)$					-0,1	-0,01	-1,3	-0,2
					(0,1)	(0,01)	(0,7)	(0,9)
M_t (ln)					0,1	-0,1	0,6	0,6
					(0,1)	(0,01)	(0,1)***	(0,1)**
$B_t(ln)$					-0,1	-0,01	-0,1	-0,3
					(0,1)**	(0,09)	(0,04)**	(0,03)***
$BR_{t}(ln)$					-0,01	-0,06	-0,04	0,05
					(0,01)	(0,04)	(0,04)	(0,03)
$PE_{t}(ln)$							0,02	0,01
							(0,1)	(0,1)
$DS_t(ln)$					-0,01	-0,2	-0,1	-0,04
					(0,1)*	(0,01)**	(0,04)*	(0,04)*
R^2	0,2	0,2	0,6	0,7	0,1	0,1	0,9	0,9
Cmam.	0,2	0,1	0,1	0,1	0,01	0,1	0,1	0,04
ошибка								
модели								
Количество	148	148	148	148	804	804	812	812
наблюдений								

Таблица 5

Оценки регрессий темпа роста численности населения средних городов РФ в 1998–2018 гг.

Переменная	Mod	iel 1	Mod	el 2	Mo	del 3	Mod	del 4	Mo	del 5	Mod	lel 6
	$\Delta Y t_1$	$\Delta Y t_2$	ΔYt_1	ΔYt_2	ΔYt_1	$\Delta Y t_2$	$\Delta Yt1$	$\Delta Y t_2$	$\Delta Y t_1$	ΔYt_2	$\Delta Y t_1$	$\Delta Y t_2$
Const (ln)	4,9 (0,2)***	4,7 (0,1)***	5,7 (0,2)***	4,7 (0,1)***	4,7 (0,03)***	4,6 (0,01)***	5,1 (0,1)***	4,6 (0,03)***	4,5 (0,1)***	4,6 (0,02)	5,2 (0,4)***	4,7 (0,1)***
Y (ln)	(0,2)	(0,1)	(0,2)	(0,1)	(0,03)	(0,01)	(0,1)	(0,03)	0,03	0,01	(0,4)	(0,1)
DIST _t (ln)	-0,1	-0,01							(0,03)	(0,01)*		
	(0,01)**	(0,01)*										
$C_t(ln)$	-0,1 (0,02)**	-0,01 (0,07)*										
T_1 (ln)			-0,01 (0,01)	0,01 (0,01)							-0,03 (0,01)***	-0,01 (0,01)*
$T_2(ln)$			0,01 (0,01)**	-0,01 (0,01)*							0,01 (0,01)***	0,01 (0,02)*
I (ln)			0,03 (0,01)***	0,01 (0,01)*	0,01 (0,01)***	0,01 (0,001)*					0,01 (0,01)	-0,04 (0,01)

Окончание таблицы 5

Переменная	Mo	del 1	Mod	el 2	Mo	del 3	Mod	del 4	Mo	del 5	Mod	lel 6
	$\Delta Y t_1$	ΔYt_2	$\Delta Y t_1$	$\Delta Y t_2$	$\Delta Y t_1$	$\Delta Y t_2$	$\Delta Yt1$	ΔYt_2	$\Delta Y t_1$	ΔYt_2	$\Delta Y t_1$	ΔYt_2
W_t (ln)			-0,2 (0,1)***	-0,02 (0,01)**	-0,02 (0,01)***	-0,01 (0,01)***		-		-	-0,01 (0,02)	0,02 (0,01)***
H_t (ln)							0,2 (0,1)***	0,01 (0,01)*			0,4 (0,1)***	0,12 (0,04)**
M_t (ln)							0,1 (0,02)***	0,01 (0,01)**			0,13 (0,1)	0,04 (0,04)
$B_t(ln)$							0,03 (0,01)*	0,01 (0,01)*			-0,1 (0,03)	0,9 (0,01)
BR_{t} (ln)							0,01 (0,01)*	0,01 (0,01)*			0,02 (0,01)*	0,05 (0,01)*
PE_{t} (ln)									0,01 (0,01)	0,01 (0,01)**		
$DS_t(ln)$											-0,01 (0,01)*	-0,01 (0,05)*
R^2	0,1	0,1	0,4	0,2	0,1	0,1	0,1	0,1	0,01	0,01	0,9	0,8
Стат. ошибка модели	0,2	0,06	0,1	0,01	0,2	0,1	0,1	0,07	0,2	0,1	0,02	0,01
Количество н аблюдений	1 078	1 138	2 03 1	2 03 1	4 684	4 767	3 287	3 31 4	3 287	3 287	3 314	3 314

Таблица 6 Оценки регрессий темпа роста численности населения малых городов РФ в 1998–2018 гг.

Переменная	Mo	del 1	Mod	iel 2	Mod	del 3	Mod	el 4
	$\Delta Y t_1$	$\Delta Y t_2$	$\Delta Y t_1$	$\Delta Y t_2$	$\Delta Y t_1$	$\Delta Y t_2$	$\Delta Y t_1$	ΔYt_2
Const (ln)	4,5	4,7	4,9	4,6	5,1	4,5	5,3 (0,1)***	4,6
	(0,3)***	(0,1)***	(0,02)***	(0,01)***	(0,1)***	(0,02)***		(0,04)***
Y (ln)					-0,03	0,01		
					(0,1)***	(0,01)		
$DIST_{t}(ln)$	-0,02	-0,03						
	(0,01)**	(0,01)**						
$C_t(ln)$	-0,01	-0,02						
	(0,03)**	(0,01)**						
$T_{I}(ln)$			0,03	0,01				
			(0,01)***	(0,05)***				
$T_2(ln)$			-0,001	-0,03				
			(0,04)	(0,03)				
I (ln)			0,03	0,02				
			(0,03)***	(0,02)**				
$W_t(ln)$			-0,02	-0,01				
			(0,04)	(0,001)				
H_t (ln)					0,1	0,02	0,3	0,08
					(0,02)***	(0,01)*	(0,1)***	(0,01)
$M_t(ln)$					0,01	0,01	0,01	0,02
					(0,01)	(0,01)	(0,02)	(0,007)***
$B_t(ln)$					-0,012	-0,05	-0,001	-0,01
					(0,01)	(0,01)	(0,01)	(0,08)
$BR_t(ln)$					0,01	-0,04	0,02	0,004
					(0,01)*	(0,03)	(0,01)*	(0,002)
$PE_{t}(ln)$								
$DS_t(ln)$					-0,01	0,001	-0,01	-0,001
?					(0,02)		(0,04)**	(0,001)***
R^2	0,1	0,1	0,8	0,4	0,2	0,2	0,2	0,2
Cmam.	0,1	0,1	0,1	0,1	0,1	0,04	0,1	0,7
ошибка								
модели								
Количество	1 2 1 1	1 237	3 3 1 5	3 368	1 207	1 207	1 346	1 345
н аблюдений								

Во вторую модель включены экономические факторы и человеческий потенциал. Значимое положительное влияние на темп роста численности населения городов-миллионников за анализируемый период оказывает численность населения города и уровень среднемесячной заработной платы. Отрицательный эффект на рост населения в этих городах обнаружен для пространственной концентрации добычи полезных

ископаемых и доли выпущенных специалистов из образовательных учреждений высшего профессионального образования от численности населения в городе. При этом влияние второго фактора более значимо.

В третьей модели проведена оценка влияния всех экономических факторов на рост городов-миллионников. Значимое положительное влияние на темп роста населения по отношению к

1997 г. оказывает пространственная концентрация обрабатывающего производства и среднемесячная заработная плата. Значимость второго фактора выше. Статистически значимое отрицательное влияние на рост населения в этих городах оказывает объем инвестиций в основной капитал на душу населения.

При оценке темпа роста города по отношению к предыдущему году наблюдается противоположная картина. Переменная пространственная концентрация обрабатывающего производства утрачивает значимость. Значимость объема инвестиций в основной капитал приобретает положительное влияние (значимость увеличивается), а уровень среднемесячной заработной платы - отрицательное (значимость уменьшается). Влияние человеческого потенциала и экономических факторов (объем инвестиций в основной капитал на душу населения, среднемесячная заработная палата) представлено в четвертой модели. Значимыми факторами являются численность населения и среднемесячная заработная плата, данный результат логичен и предсказуем. Однако при анализе влияния факторов на ежегодный темп роста численности населения переменная среднемесячная заработная плата теряет значимость. Отрицательное влияние на рост численности населения в таких городах оказывает доля выпущенных специалистов из образовательных учреждений высшего профессионального образования от численности населения в городе.

В пятой модели представлены результаты оценки влияния социальных факторов на рост численности населения в городах-миллионниках. Наибольшей отрицательной значимостью обладает фактор «число больничных коек на 10 тыс. чел.». Оценка влияния экологической ситуации на рост численности населения проводилась совместно с экономическими факторами (модель 6). Получен логичный результат: неблагоприятная экологическая ситуация негативно сказывается на росте населения в городах-миллионниках РФ.

При оценке влияния внешних факторов на рост численности населения в крупных городах РФ (табл. 3) получен предполагаемый результат (модель 1). Расстояние до железнодорожной станции оказывает значимое отрицательное влияние на темп роста численности населения. Фактор «среднее количество зарегистрированных преступлений в сфере экономики» не получил подтверждения значимости на темп роста крупных городов РФ.

Модель 2 демонстрирует результат влияния оценки человеческого потенциала и двух экономических факторов на изменение численности населения в крупных городах РФ за анализируемый период. Все факторы проявили значимость на темп роста численности населения относительно 1997 г., причем наиболее значимыми оказались «численность населения» и «среднемесячная заработная плата». Фактор «доля выпущенных специалистов из образовательных учреждений высшего профессионального образования от численности населения в городе» отрицательно влияет на рост населения. Возможно предположить, что выпускники вузов мигрируют в столичный регион. Положительную значимость на темп роста крупных городов РФ по отношению к предыдущему году сохраняет показатель «среднемесячная заработная плата».

Третья модель построена по аналогии со второй, отличие в том, что фактор пространственной концентрации по показателю объема производства в секторе «обрабатывающее производство» был заменен на сектор «добыча полезных ископаемых». Получили измененный результат: положительную значимость сохранил показатель «среднемесячная заработная плата», все остальные переменные в данной конфигурации модели оказались незначимы.

Отдельно проведена оценка влияния экономических (модель 4) и социальных (модель 5) факторов на изменения численности населения в крупных городах РФ. При оценке темпа роста численности населения к 1997 г. все экономические факторы оказались незначимы. Анализируя цепной темп роста численности населения, определили, что на увеличение населения в крупных городах отрицательно влияет пространственная концентрация обрабатывающего производства, высокий уровень среднемесячной заработной платы способствует увеличению численности населения обследуемых городов.

На цепной темп роста численности населения крупных городов значимое влияние оказывают все социальные факторы, причем «число больничных коек на 10 000 чел.» и «число маршрутов автобусов» оказывают негативное влияние на результирующий показатель.

Шестая модель демонстрирует влияние всех внутренних факторов на темп роста обследуемых городов. Итак, значимое положительное влияние обнаружено для численности населения города и среднемесячной заработной платы, причем значимость второго фактора выше для цеп-

ного темпа роста. «Объем инвестиций в основной капитал на душу населения», «площадь жилых помещений на одного жителя» (для цепного темпа роста), «число маршрутов автобусов» (для цепного темпа роста), «количество выброшенных в атмосферу загрязняющих веществ» оказывают значимое отрицательное влияние на увеличение численности населения крупных городов РФ в анализируемом периоде.

Рассматривая влияние внешних факторов на рост численности населения больших городов РФ (табл. 4, модель 1), определили, что расстояние до ближайшей железнодорожной станции не является статистически значимым фактором. Значимое отрицательное влияние на темп роста обследуемых городов оказывает фактор «среднее количество зарегистрированных преступлений в сфере экономики».

Вторая модель демонстрирует влияние экономических факторов на изменение численности населения больших городов РФ. Значимое отрицательное влияние оказывает пространственная концентрация обрабатывающего производства. Неоднозначный результат продемонстрировал показатель «объем инвестиций в основной капитал на душу населения»: при оценке базового темпа роста численности населения (к 1997 г.) он оказывает значимое положительное влияние, цепного - отрицательное, причем значимость фактора увеличивается. Также наблюдается значимое отрицательное влияние среднемесячной заработной платы на рост численности населения. Мы можем предположить, что большие города в основном не являются региональными центрами, в связи с чем происходит отток трудоспособного населения в крупные города и Москву. Рост заработной платы в обследуемых городах является привлекательным фактором для миграции жителей из средних и малых городов.

Отдельно проводилась оценка влияния человеческого потенциала на рост больших городов, но ввиду того, что анализ продемонстрировал отсутствие значимости показателей, считаем нецелесообразным их включение в таблицу 4.

Третья модель — это модификация факторов социальной сферы и экологической ситуации. Полученный результат логичен и предсказуем: отрицательное влияние оказывают выбросы в атмосферу вредных веществ.

Отдельно проведена оценка влияния внутренних факторов на рост численности больших городов РФ (модель 4). Значимое положитель-

ное влияние на численность населения в обследуемых городах оказывает концентрация промышленности по виду деятельности «добыча полезных ископаемых», объем инвестиций в основной капитал, численность врачей. Возможно предположить, что города, на территории которых расположены предприятия по добыче полезных ископаемых, являются привлекательными для трудоспособных мигрантов. Так же, как и в предыдущих моделях, обнаружено значимое негативное влияния выбросов загрязняющих веществ в атмосферу. При оценке цепного темпа роста выявлено, что численность населения города отрицательно влияет на темп его роста. Ввиду того, что города данного типа имеют численность населения от 100 до 250 тыс. чел., они являются центрами притяжения для трудовых мигрантов из сельской местности. Учитывая полученные результаты анализа, можем предположить, что трудоспособное население для переезда выбирает не большие по численности населения города.

В ходе оценки влияния внешних факторов на темп роста численности населения средних городов (табл. 5, модель 1) было установлено их значимое негативное влияние.

Анализируя экономические факторы (модель 2), получили противоречивый результат. Концентрация промышленного производства по виду деятельности «добыча полезных ископаемых» положительно влияет на базовый темп роста (к 1997 г.), но на цепной темп роста наблюдается менее значимое отрицательное влияние данного фактора. В данной модификации и в третьей модели выявлено значимое отрицательное влияние переменной «среднемесячная заработная плата» на рост населения обследуемых городов. Способствует увеличению численности населения в средних городах приток инвестиций в основной капитал.

Все социальные факторы (модель 4) продемонстрировали значимое положительное влияние на темп роста обследуемых городов. Человеческий потенциал (модель 5) является положительно значимым для цепного темпа роста населения в средних городах.

Модификация факторов (экономические, социальные, инфраструктуры, экологические), представленная в шестой модели, показала ожидаемый и логичный результат. Значимое положительное влияние на результирующий показатель оказывает концентрация промышленного производства по виду деятельности «добыча

полезных ископаемых», среднемесячная заработная плата, уровень жилищного фонда, внутригородская инфраструктура. Неблагоприятная экологическая ситуация и концентрация обрабатывающего производства негативно отражаются на росте населения в средних городах РФ.

В ходе анализа влияния обозначенных факторов на темп роста малых городов РФ (табл. 6) из исследования был исключен показатель «доля выпущенных специалистов из образовательных учреждений высшего профессионального образования от общей численности населения», так как на территории малых городов отсутствуют высшие учебные заведения, в отдельных городах работают филиалы вузов. Для получения объективного результата было решено данный показатель в моделировании не использовать.

При оценке влияния внешних факторов на рост малых городов РФ за анализируемый период (модель 1) выявлена их значимая положительная роль. Из числа экономических факторов (модель 2) значимое положительное влияние на рост малых городов оказывает концентрация обрабатывающего производства и объем инвестиций в основной капитал.

Модификация факторов, представленная в третьей модели, показала неоднозначный результат. На базовый темп роста численности населения малых городов РФ (к 1997 г.) оказывает значимое положительное влияние объем жилищного фонда и внутригородская инфраструктура. Численность населения города отрицательно влияет на его рост. Данную ситуацию можно объяснить тем, что из городов, численность населения которых совсем низкая, имеет место отток жителей. Факторы инфраструктуры и численности населения теряют значимость для цепного темпа роста обследуемых городов.

В четвертой модели представлена модификация социальных факторов, инфраструктуры и экологической ситуации. Отрицательное влияние на увеличение численности населения в малых городах оказывают выбросы загрязняющих веществ в атмосферу. Обозначенные социальные факторы и внутригородская инфраструктура оказывают положительное влияние на темп роста населения в малых городах РФ.

Заключение

Проведенный анализ позволил оценить эффекты детерминант роста городов различных

размеров. Значимыми факторами роста городов-миллионников в РФ являются первоначальная «численность населения» и «среднемесячная заработная плата». Отрицательное влияние на рост численности населения в таких городах оказывает доля выпущенных специалистов из образовательных учреждений высшего профессионального образования от численности населения в городе. Анализируя цепной темп роста численности населения крупных городов, определили, что на их рост отрицательно влияет пространственная концентрация обрабатывающего производства, высокий уровень среднемесячной заработной платы способствует увеличению численности населения данного типа городов. На рост больших городов выявлено значимое отрицательное влияние среднемесячной заработной платы. Большие города не являются региональными центрами, из-за чего и происходит отток трудоспособного населения в крупные города и Москву. Рост заработной платы в данном типе городов является привлекательным фактором для миграции.

Значимое положительное влияние на рост больших городов оказывает концентрация промышленности по виду деятельности «добыча полезных ископаемых», объем инвестиций в основной капитал, численность врачей. Города, на территории которых расположены предприятия по добычи полезных ископаемых, являются привлекательными для трудоспособных мигрантов. Концентрация промышленного производства по виду деятельности «добыча полезных ископаемых» положительно влияет на базовый темп роста средних городов. Способствует увеличению численности населения в средних городах приток инвестиций в основной капитал. Значимое положительно влияние на рост малых городов оказывает концентрация обрабатывающего производства и объем инвестиций в основной капитал. На базовый темп роста численности населения малых городов РФ (к 1997 г.) оказывает значимое положительное влияние объем жилищного фонда и внутригородская инфраструктура.

Результат проведенного исследования может быть использован при разработке стратегий пространственного развития городских систем регионов. Интересен ученым, которые исследуют проблемы роста и размещения городов в пространственной экономике, органам региональной и муниципальной власти.

ПРИМЕЧАНИЕ

- 1 Исследование поддержано грантом РФФИ, проект № 19-010-00523.
- The study was supported by the RFBR grant, project No. 19-010-00523.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

- Андреев В. В., Лукиянова В. Ю., Кадышев Е. Н., 2017. Анализ территориального распределения населения в субъектах Приволжского федерального округа с применением закона Ципфа и Гибрат // Прикладная эконометрика. Т. 48. С. 97–121.
- Архипов А. М., 2010. Функциональная типология городов Центральной России // Вестник Академии. N 2. С. 47–51.
- Коломак Е. А., 2018. Городская система современной России. Новосибирск: ИЭОПП СО РАН. 144 с.
- Манаева И. В., 2016. Городское экономическое неравенство РФ: показатели, оценка // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. Т. 12, вып. 10. С. 46–57.
- Регионы России. Основные социально-экономические показатели городов. 2019, 2019а // Федеральная служба Государственной статистики. URL: http://www.gks.ru/free_doc/doc_2018/region/reg-gor18.pdf (дата обращения: 07.04.2020).
- Регионы России. Основные социально-экономические показатели. 2019, 2019б. URL: https://www.gks.ru/folder/210/document/13204 (дата обращения: 07.04.2020).
- Трейвыш А. И., 2009. Развитие России глазами страноведа. М.: Новый хронограф. 369 с.
- Экономика городов России, 2020 // Многофункциональный статистический портал. URL: http:// www.multistat.ru/?menu_id=9310004 (дата обращения: 07.04.2020).
- Baum-Snow N., Henderson J. V., Turner M.A., Zhang Q., Brandt L., 2020. Does investment in national highways help or hurt hinterland city growth? // Journal of Urban Economics. Vol. 115. URL: https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S0094119018300287?via%3Dihubhttps (date of access: 07.07.2020). DOI: https://doi.org/10.1016/j.jue.2018.05.001.
- Beeson P. E., De Jong D. N., Troesken W., 2001. Population growth in U.S. counties, 1840-1990 // Regional Science and Urban Economics. Vol. 31 (6). P. 669–699.
- Bhagat R. B., Mohanty S., 2009. Emerging pattern of urbanization and the contribution of migration in urban growth in India // Asian Population Studies. Vol. 5 (1). P. 5–20.
- Black D., Henderson V., 1999. A theory of urban growth // Journal of Political Economy. Vol. 107 (2). P. 252–284.

- Black D., Henderson V., 2003. Urban evolution in the USA// Journal of Economic Geography. Vol. 3 (4). P. 343–372.
- Christensen P., Mccord G. C., 2016. Geographic determinants of China's urbanization // Regional Science and Urban Economics. Vol. 59. P. 90–102. DOI: https://doi.org/10.1016/j.regsciurbeco.2016.05.001.
- Da Mata D., Deichmann U., Henderson J. V., Lall S. V., Wang H. G., 2007. Determinants of city growth in Brazil // Journal of Urban Economics. Vol. 62 (2). P. 252–272. DOI: https://doi.org/10.1016/j.jue.2006.08.010.
- Deliktas E., Onder A. O., Karadag M., 2012. The size distribution of cities and determinants of city growth in Turkey // European Planning Studies. Vol. 21 (2). P. 251–263. DOI: https://doi.org/10.1080/09654313. 2012.722922.
- Eeckhout J., 2004. Gibrat's law for (all) cities // The American Economic Review. Vol. 94. P. 1429–1451.
- Gabaix X., 1999. Zipf's law and the growth of cities // The American Economic Review. Vol. 89. P. 129–132.
- Glaeser E., Scheinkman J., Shleifer A., 1995. Economic-growth in a crosssection of cities // Journal of Monetary Economics. Vol. 36 (1). P. 117–143.
- Glaeser E. L., Saiz A., 2004. The rise of the skilled city // Brookings-Wharton Papers on Urban Affairs. Vol. 5. P. 47–95.
- Gonzalez-Navarro M., Turner M. A., 2018. Subways and urban growth: Evidence from earth // Journal of Urban Economics. Vol. 108. P. 85–106. DOI: https://doi.org/10.1016/j.jue.2018.09.002.
- Lalanne A., Zumpe M., 2015. Gibrat's law, Zipf's law and Cointegration. URL: https://mpra.ub.uni-muenchen. de/67992/ (date of access: 15.02.2020).
- Mulligan G. F., Crampton J. P., 2005. Population growth in the world's largest cities // Cities. Vol. 22 (5). P. 365–380. DOI: https://doi.org/10.1016/j.cities. 2005.07.001.
- Partridge M. D., Rickman D. S., Ali K., Olfert M. R., 2008. Employment growth in the American urban hierarchy: long live distance // Journal of Macroeconomics. Vol. 8 (1). P. 1–8. DOI: https://doi.org/10.2202/1935-1690.1627.
- Potlogea A. V., 2018. Globalization and the skilled city // Journal of Urban Economics. Vol. 107. P. 1–30. DOI: https://doi.org/10.1016/j.jue.2018.07.003.
- Rossi-Hansberg E., Wright M. L., 2007. Urban structure and growth // The Review of Economic Studies. Vol. 74. P. 597–624. DOI: https://doi.org/10.1111/j.1467-937X.2007.00432.x.
- Schluter C., Trede M., 2013. Gibrat, Zipf, Fisher and Tippett: City Size and Growth Distributions Reconsidered. URL: https://www.wiwi.uni-muenster. de/cqe/sites/cqe/files/CQE_Paper/CQE_WP_27_2013.pdf (date of access: 15.05.2020).
- Simon C. J., Nardinelli C., 2002. Human capital and the rise of American cities: 1900–1990 // Regional Science and Urban Economics. Vol. 32 (1). P. 59–96. DOI: https://doi.org/10.1016/S0166-0462(00)00069-7.

REFERENCES

- Andreev V.V., Lukiyanova V.Yu., Kadyshev E.N., 2017. Analiz territorialnogo raspredelenija naselenija v subyektah Privolzhskogo federalnogo okruga s primeneniem zakona Cipfa i Gibrat [Analysis of the Territorial Distribution of the Population from the Subject of the Volga Federal District Using the Zipf and Gibrat Law]. *Prikladnaya ekonometrika* [Applied Econometrics], vol. 48, pp. 97-121.
- Arkhipov A.M., 2010. Funkcionalnaja tipologija gorodov Centralnoj Rossi [Functional Typology of Cities in Central Russia]. *Vestnik Akademii* [Academy Bulletin], vol. 2, pp. 47-51.
- Kolomak E.A., 2018. *Gorodskaja sistema sovremennoj Rossii* [Urban System of Modern Russia]. Novosibirsk, IEOPP SO RAN. 144 p.
- Manaeva I.V., 2016. Gorodskoe jekonomicheskoe neravenstvo RF: pokazateli, ocenka [Urban Economic Inequality in the Russian Federation: Indicators, Assessment]. *Nacionalnye interesy: prioritety i bezopasnost* [National Interests: Priorities and Security], vol. 12, iss. 10, pp. 46-57.
- Regiony Rossii. Osnovnye socialno-jekonomicheskie pokazateli gorodov. 2019, 2019a [Regions of Russia. The Main Socio-Economic Indicators of Cities. 2019]. Federalnaja sluzhba Gosudarstvennoj statistiki [Federal State Statistics Service]. URL: http://www.gks.ru/free_doc/doc_2018/region/reggor18.pdf(accessed 7 April 2020).
- Regiony Rossii. Osnovnye socialno-jekonomicheskie pokazateli. 2019, 2019b [Regions of Russia. The Main Socio-Economic Indicators. 2019]. URL: https://www.gks.ru/folder/210/document/13204 (accessed 7 April 2020).
- Treivysh A.I., 2009. *Razvitie Rossii glazami stranoveda* [Development of Russia Through the Eyes of Country Scientist]. Moscow, Novyy khronograf Publ. 369 p.
- Jekonomika gorodov Rossii, 2020 [Economy of Russian Cities]. *Mnogofunkcionalnyj statisticheskij portal* [Multifunctional Statistical Portal]. URL: http://www.multistat.ru/?menu_id=9310004 (accessed 7 April 2020).
- Baum-Snow N., Henderson J.V., Turner M.A., Zhang Q., Brandt L., 2020. Does Investment in National Highways Help or Hurt Hinterland City Growth? *Journal of Urban Economics*, vol. 115. URL: https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S0094119018300287?via%3Dihub (accessed 7 July 2020). DOI: https://doi.org/10.1016/j.jue.2018.05.001.
- Beeson P.E., De Jong D.N., Troesken W., 2001. Population Growth in U.S. Counties, 1840–1990. *Regional Science* and *Urban Economics*, vol. 31 (6), pp. 669-699.
- Bhagat R.B., Mohanty S., 2009. Emerging Pattern of Urbanization and the Contribution of Migration in Urban Growth in India. *Asian Population Studies*, vol. 5 (1), pp. 5-20.

- Black D., Henderson V., 1999. A Theory of Urban Growth. *Journal of Political Economy*, vol. 107 (2), pp. 252-284.
- Black D., Henderson V., 2003. Urban Evolution in the USA. *Journal of Economic Geography*, vol. 3 (4), pp. 343-372.
- Christensen P., Mccord G.C., 2016. Geographic Determinants of China's Urbanization. *Regional Science and Urban Economics*, vol. 59, pp. 90-102. DOI: https://doi.org/10.1016/j.regsciurbeco.2016.05.001.
- Da Mata D., Deichmann U., Henderson J.V., Lall S.V., Wang H.G., 2007. Determinants of City Growth in Brazil. *Journal of Urban Economics*, vol. 62 (2), pp. 252-272. DOI: https://doi.org/10.1016/j.jue.2006.08.010.
- Deliktas E., Onder A.O., Karadag M., 2012. The Size Distribution of Cities and Determinants of City Growth in Turkey. *European Planning Studies*, vol. 21 (2), pp. 251-263. DOI: https://doi.org/10.1080/09654313.2012.722922.
- Eeckhout J., 2004. Gibrat's Law for (All) Cities. *The American Economic Review*, vol. 94, pp. 1429-1451.
- Gabaix X., 1999. Zipf's Law and the Growth of Cities. *The American Economic Review*, vol. 89, pp. 129-132.
- Glaeser E., Scheinkman J., Shleifer A., 1995. Economic-Growth in a Crosssection of Cities. *Journal of Monetary Economics*, vol. 36 (1), pp. 117-143.
- Glaeser E.L., Saiz A., 2004. The Rise of the Skilled City. *Brookings-Wharton Papers on Urban Affairs*, vol. 5, pp. 47-95.
- Gonzalez-Navarro M., Turner M.A., 2018. Subways and Urban Growth: Evidence from Earth. *Journal of Urban Economics*, vol. 108, pp. 85-106. DOI: https://doi.org/10.1016/j.jue.2018.09.002.
- Lalanne A., Zumpe M., 2015. Gibrat's Law, Zipf's Law and Cointegration. URL: https://mpra.ub.uni-muenchen. de/67992/ (accessed 15 February 2020).
- Mulligan G.F., Crampton J.P., 2005. Population Growth in the World's Largest Cities. *Cities*, vol. 22 (5), pp. 365-380. DOI: https://doi.org/10.1016/j.cities.2005.07.001.
- Partridge M.D., Rickman D.S., Ali K., Olfert M.R., 2008. Employment Growth in the American Urban Hierarchy: Long Live Distance. *Journal of Macroeconomics*, vol. 8 (1), pp. 1-8. DOI: https://doi.org/10.2202/1935-1690.1627.
- Potlogea A.V., 2018. Globalization and the Skilled City. *Journal of Urban Economics*, vol. 107, pp.1-30. DOI: https://doi.org/10.1016/j.jue.2018.07.003.
- Rossi-Hansberg E., Wright M.L., 2007. Urban Structure and Growth. *The Review of Economic Studies*, vol. 74, pp. 597-624. DOI: https://doi.org/10.1111/j.1467-937X.2007.00432.x.
- Schluter C., Trede M., 2013. *Gibrat, Zipf, Fisher and Tippett: City Size and Growth Distributions Reconsidered*. URL: https://www.wiwi.uni-muenster. de/cqe/sites/cqe/files/CQE_Paper/CQE_WP_27_2013.pdf (accessed 15 May 2020).
- Simon C.J., Nardinelli C., 2002. Human Capital and the Rise of American Cities: 1900–1990. *Regional Science and Urban Economics*, vol. 32 (1), pp. 59-96. DOI: https://doi.org/10.1016/S0166-0462(00)00069-7.

Information About the Authors

Inna V. Manaeva, Candidate of Sciences (Economics), Associate Professor, Department of World Economics, Belgorod State National Research University, Pobedy St, 85, 308015 Belgorod, Russian Federation, in.manaeva@yandex.ru, https://orcid.org/0000-0002-4517-7032

Alexandra V. Kanishcheva, Head of the Department of Career Guidance and Work with Regions, Belgorod State National Research University, Pobedy St, 85, 308015 Belgorod, Russian Federation, black shadow13@mail.ru, https://orcid.org/0000-0003-2960-3844

Anna S. Tkacheva, Assistant Lecturer, Department of World Economics, Belgorod State National Research University, Pobedy St, 85, 308015 Belgorod, Russian Federation, atkacheva1993@gmail.com, https://orcid.org/0000-0003-1649-2014

Информация об авторах

Инна Владимировна Манаева, кандидат экономических наук, доцент кафедры мировой экономики, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, ул. Победы, 85, 308015 г. Белгород, Российская Федерация, in.manaeva@yandex.ru, https://orcid.org/0000-0002-4517-7032

Александра Владимировна Канищева, начальник отдела профориентации и работы с регионами, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, ул. Победы, 85, 308015 г. Белгород, Российская Федерация, black shadow13@mail.ru, https://orcid.org/0000-0003-2960-3844

Анна Сергеевна Ткачева, ассистент кафедры мировой экономики, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, ул. Победы, 85, 308015 г. Белгород, Российская Федерация, atkacheva1993@gmail.com, https://orcid.org/0000-0003-1649-2014

DOI: https://doi.org/10.15688/re.volsu.2020.4.5

UDC 31:333 Submitted: 31.08.2020 LBC 65.051 Accepted: 01.10.2020

FEATURES OF MEASURING POVERTY INDICATORS: INTERNATIONAL AND RUSSIAN EXPERIENCE

Olga S. Oleynik

Volgograd Institute of Management, Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Volgograd, Russian Federation

Andrey B. Oleynik

Volgograd Region Branch of the Southern Main Department of the Central Bank of the Russian Federation, Volgograd, Russian Federation

Ekaterina V. Stepanova

Volgograd Institute of Management, Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Volgograd, Russian Federation

Abstract. The paper provides a comparative analysis of methodological approaches to poverty measuring in the Russian Federation and in the global perspective in the current situation on the following key aspects: methods of poverty measuring in official statistics, problems in defining and measuring subjective poverty in different countries. Through the empirical qualitative research we analyzed a wide base of official data and reports of the United Nations Economic Commission for Europe (UNECE), the Eurasian Economic Commission (EEC), the Interstate Statistical Committee of the Commonwealth of Independent States (CIS STAT), the Federal State Statistics Service, and subsequently analytically interpreted them. According to the results of the study, it was concluded that different countries use various methods of measuring the level of poverty and criteria for its assessment. This situation does not relate to the analytical needs of the society, government authorities and scientists. The Guide of UNECE was developed in order to ensure international comparability and accessibility of poverty indicators. The Guide substantiates the indicators and identifies the needs for appropriate baseline data for measuring poverty, and offers methodological recommendations for national statistical services. The multidimensional measurement of poverty is currently relevant. This approach allows to take into account not only monetary indicators, but also other aspects of people's life, such as health, living conditions, education, involvement in economic and social relations, etc. The study of the methodological features of poverty measuring in Russia revealed the need for a more detailed development of poverty indicators. At present, the Federal State Statistics Service is adopting new measures in order to include the Indices of Material Deprivation and Poverty and Social Exclusion Risk into the national list of indexes of Sustainable Development Goals. In addition, currently the transition to new methodological and practical approaches to Population Income Survey is being carried out.

Key words: poverty, household budgets, cash income, methodology, household needs, poverty income threshold, financial constraints.

Citation. Oleynik O.S., Oleynik A.B., Stepanova E.V., 2020. Features of Measuring Poverty Indicators: International and Russian Experience. *Regionalnaya ekonomika. Yug Rossii* [Regional Economy. South of Russia], vol. 8, no. 4, pp. 53-63. (in Russian). DOI: https://doi.org/10.15688/re.volsu.2020.4.5

© Олейник О.С., Олейник А.Б., Степанова Е.В., 2020

УДК 31:333 ББК 65.051 Дата поступления статьи: 31.08.2020 Дата принятия статьи: 01.10.2020

ОСОБЕННОСТИ ИЗМЕРЕНИЯ ИНДИКАТОРОВ БЕДНОСТИ: МЕЖДУНАРОДНЫЙ И РОССИЙСКИЙ ОПЫТ

Ольга Степановна Олейник

Волгоградский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, г. Волгоград, Российская Федерация

Андрей Борисович Олейник

Отделение по Волгоградской области Южного главного управления Центрального банка Российской Федерации, г. Волгоград, Российская Федерация

Екатерина Владимировна Степанова

Волгоградский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, г. Волгоград, Российская Федерация

Аннотация. В статье проведен сравнительный анализ методологических подходов к измерению бедности на международном уровне и в Российской Федерации в современных условиях по следующим ключевым аспектам: методы измерения бедности в официальной статистике, проблемы в определении и измерении субъективной бедности в разных странах. Широкую эмпирическую базу исследования составили официальные данные и доклады Европейской экономической комиссии Организации Объединенных Наций (ЕЭК ООН), Евразийской экономической комиссии, Межгосударственного статистического комитета Содружества Независимых Государств, Федеральной службы государственной статистики, с их последующей аналитической интерпретацией авторами. По результатам исследования сделан вывод, что в разных странах применяют различные методы измерения уровня бедности и критерии ее оценки, которые не соответствуют аналитическим потребностям общества, органов власти и ученых. Для обеспечения международной сопоставимости и доступности индикаторов бедности разработано Руководство (ЕЭК ООН), в котором обоснованы показатели и определены потребности в соответствующих исходных данных измерения бедности, предложены методические рекомендации для национальных статистических служб. В настоящее время актуальным является многомерное измерение бедности. Данный подход позволяет учитывать не только денежные показатели, но и другие аспекты жизни людей, такие как: здоровье, условия жизни, образование, включенность в экономические и социальные отношения и другие. Изучение особенностей методологии измерения бедности в России выявило необходимость более детальной разработки показателей бедности. В настоящее время Федеральная служба государственной статистики осуществляет мероприятия по включению в национальный перечень показателей Целей Устойчивого Развития индекса материальной депривации и индекса риска бедности и социальной исключенности. Кроме того, осуществляется переход на новые методологические и практические подходы к обследованию доходов населения.

Ключевые слова: бедность, бюджеты домашних хозяйств, денежные доходы, методология, потребности домашних хозяйств, черта бедности, финансовые ограничения.

Цитирование. Олейник О. С., Олейник А. Б., Степанова Е. В., 2020. Особенности измерения индикаторов бедности: международный и российский опыт // Региональная экономика. Юг России. Т. 8, № 4. С. 53–63. DOI: https://doi.org/10.15688/re.volsu.2020.4.5

Постановка проблемы

Достижения государств в области устойчивого развития зависят от человеческого потенциала общества. Именно человеческий капитал определяет процветание нации и способность осуществлять как становление рыночной экономики, так и развитие гражданского общества, то есть институты рынка должны обеспечить за-

щищенность индивида и представительство его интересов. Устойчивое развитие государства — это процесс экономических и социальных изменений, гарантирующий высокий уровень жизни населения, поэтому так важен индикатор бедности. Актуальным остается вопрос совершенствования методологии определения уровня бедности населения. Проблема, связанная со статистическим измерением бедности, сегодня привле-

кает к себе повышенное внимание и является одной из наиболее обсуждаемых как в мире, так и в России.

В нашей стране ежегодно проводится оценка эффективности деятельности руководителей субъектов РФ [Федеральный закон от 6 октября ..., 1999]. Оценка является сложной процедурой и меняется от года к году. Перечень показателей претерпевает значительные изменения и в последнем варианте одним из важных показателей является уровень бедности [Указ Президента РФ ..., 2019].

В мировой практике бедность определяется различными способами с использованием монетарного и немонетарного подходов. Статистические показатели, используемые при оценке уровня бедности, имеют методологические отличия при расчетах в разных странах, содержат свои плюсы и минусы. В ходе обсуждения учеными и практиками высказываются самые различные мнения об особенностях измерения и применения статистических показателей, используемых в качестве индикаторов бедности.

К статистическим показателям предъявляются многообразные требования, которые связаны как с официальными методологическими положениями, методами сбора, обработки и предоставления информации, так и с субъективными мнениями потребителей о качестве и достоверности показателей. Поэтому далее будут рассмотрены особенности методологических подходов измерения бедности в мире и в России.

Методологические подходы к измерению бедности на международном уровне

Бедность населения признается сейчас как явление, имеющее место во всех странах мира. Вопрос измерения уровня бедности поставлен на международном уровне в Повестке дня в области устойчивого развития на период до 2030 года [Резолюция 70-й сессии ..., 2015]. Целью номер один названа ликвидация нищеты в любых формах ее проявления. На международном уровне для обеспечения международной сопоставимости и доступности показателей бедности на конференции европейских статистиков в целях реализации этой идеи была создана Целевая группа для выработки предложений по измерению бедности.

В 2015 г. ЕЭК ООН проведено обследование методов измерения бедности в официальной статистике. Данное исследование выявило серь-

езные проблемы как в определении, так и в измерении субъективной бедности в разных странах. В программе были предусмотрены вопросы, которые задавались в ходе обследования и раскрывали следующие проблемы измерения бедности: удовлетворение потребностей домохозяйств; финансовые ограничения домашних хозяйств; самооценка восприятия человека как бедного; оценка необходимого минимального уровня дохода домохозяйств; минимальные потребности домохозяйства [Монетарная бедность, 2015].

В 2017 г. Целевая группа составила Руководство, где разработаны показатели и определены потребности в соответствующих исходных данных измерения бедности, а также предложены методические рекомендации для национальных статистических служб [Руководство по измерению бедности, 2017]. В Руководстве рассмотрены основные определения бедности по признакам: неравенство, риск бедности и другим. Кроме того, учитывая широкое определение бедности и сложность ее статистического измерения, ученые-статистики предлагают дальнейшую работу и научное обсуждение различных методов измерения бедности, а также возможность дополнительных ее измерений в современном мире. Важным для статистиковпрактиков является вопрос измерения бедности (данный показатель должен поддаваться практическому измерению).

По-нашему мнению, следует отметить, что при измерении уровня бедности необходимо учитывать: методологические вопросы (делать правильно); потребности государственной политики (должно быть полезным, поскольку на основе оценок бедности делаются практические выводы и принимаются политические решения).

При решении методологических вопросов, во-первых, должно быть четко определено, что подлежит измерению. Это население, которое имеет доходы в нижней шкале распределения. Когда будет определено что подлежит измерению, определение бедности требуется перевести в статистическую сферу деятельности. Казалось бы, это техническая проблема, но она тесно связана с государственной политикой социальной защиты населения.

Во-вторых, должна быть использована единая шкала эквивалентности, применение разных может давать и разную картину бедности.

Для измерения бедности на международном уровне разработаны и используются разнообразные методы. В Европейском союзе статистическая служба для описания бедности применяет «экономическое измерение» (данные обследования домашних хозяйств), где используются следующие три группы при измерении риска оказаться в бедности и социальной изоляции, бедные: по уровню доходов; по жизненным условиям; вследствие низкой трудовой активности [Материалы с сайта ..., 2020].

В настоящее время актуальным является многомерное измерение бедности. Данный подход позволяет учитывать не только денежные показатели, а и другие аспекты жизни людей, такие как: здоровье, условия жизни, образование, включенность в экономические и социальные отношения и т. п. [Фролова, 2018].

Итоги опубликованного анализа национальной статистической практики государств - членов Евразийского экономического союза (далее – ЕАЭС) по формированию показателей абсолютной монетарной бедности показал, что используемые методы оценки бедности в разной степени соответствуют рекомендациям, представленным в Руководстве ЕЭК ООН [Методологическая практика государств ..., 2019]. Все государства - члены ЕАЭС участвуют в глобальных оценках Всемирного банка с использованием единой международной черты бедности. Национальные оценки абсолютной монетарной бедности производят на основании данных выборочных наблюдений домашних хозяйств путем соотнесения среднедушевого показателя материального благосостояния (доходов или потребительских расходов), учитывающего натуральные поступления, и национального порога бедности. Однако в оценке уровня абсолютной монетарной бедности с использованием национального порога в государствах членах ЕАЭС имеют место серьезные методологические различия.

Отличаются методы формирования выборочной совокупности обследуемых домашних хозяйств, в том числе доли населения, принимающего одномоментно участие в обследовании, и ротации этого населения, а также формат и периодичность проведения наблюдения. Например, во всех государствах — членах ЕАЭС, кроме России, наблюдение проводится на протяжении всего календарного отчетного года с ежемесячным (в Армении) и ежеквартальным (Беларусь, Казахстан, Кыргызстан) опросом домашних хозяйств; в России опрос домашних хозяйств проводится один раз в год в начале года, следующего за отчетным.

Используются разные подходы к выбору и оценке критерия материального благосостояния – показателя, наиболее близко отражающего реальные возможности населения в удовлетворении физиологических и духовных потребностей и обеспечении своей жизнедеятельности.

Так, в Армении и Кыргызстане используется агрегат потребления, включающий потребительские расходы домашних хозяйств, а также стоимость продукции собственного производства или полученной в подарок и условно исчисленную стоимость товаров длительного пользования; в Казахстане - среднедушевые доходы, использованные на потребление, по своей сути представляющие собой потребительские расходы и также включающие продукцию собственного производства или полученной в подарок; в Беларуси – располагаемые ресурсы, включающие денежные средства домашних хозяйств, а также стоимость потребленных продуктов питания собственного производства (за минусом затрат на их производство) и полученных в натуральной форме выплат; в России - среднедушевые денежные доходы населения (с учетом данных отчетности хозяйствующих субъектов, административных органов, кредитных и иных организаций) [Обзор методов и источников ..., 2013].

Применяются разные границы (черты) бедности, в которых отличается набор продуктов питания, включенных в продовольственный компонент, его калорийность, доля стоимости продовольственного компонента в черте бедности, а также национальные методологические подходы к расчету этих минимальных норм и стандартов. Например, в Армении и Кыргызстане долю бедного населения определяют с использованием черты бедности, в Беларуси, Казахстане и России - прожиточного минимума. В Армении доля продовольственной составляющей (минимальной продовольственной корзины) в общем размере верхней черты бедности составляет примерно 55-57 %, а ее калорийность – 2 232 ккал на душу населения в сутки; в Беларуси доля стоимости минимального набора продуктов питания в бюджете прожиточного минимума (черте малообеспеченного населения) составляет примерно 55 %; в Казахстане доля стоимости продовольственной корзины является фиксированной и составляет 55 % от величины прожиточного минимума, а ее калорийность – 2 175 ккал на душу населения в сутки; в Кыргызстане доля продовольственной корзины в общем размере черты бедности не фиксирована и зависит от текущего потребления домашних хозяйств, но ее состав должен обеспечивать потребление на уровне 2 100 ккал на душу населения в сутки; в России доля стоимости минимального набора продуктов питания в величине прожиточного минимума составляет примерно 46—47 %, а его калорийность — 2 236,7 ккал на душу населения в сутки [Методологическая практика государств ..., 2019].

Имеются различия в уровнях дезагрегации по социально-демографическим группам населения: разные возрастные группировки, в том числе связанные с используемыми в государствах – членах разными возрастными границами отнесения населения к трудоспособному и пожилому, разные группировки по размеру и составу домашних хозяйств, наличию в них работающих и безработных, а также иные различия. Помимо перечисленных различий в методологии оценки уровня абсолютной монетарной бедности, необходимо отдельно указать на различия в оценке бедности в соответствии с другими подходами: отличается набор показателей, рассчитываемых НСС государств - членов ЕАЭС для оценки относительной монетарной, многомерной и субъективной бедности. Кроме того, отличается набор рассчитываемых показателей, характеризующих дифференциацию населения по уровню материального благосостояния [Материалы с сайта ..., 2020].

Таким образом, в силу различий в методах формирования выборочной совокупности обследуемых домашних хозяйств, периодичности сбора информации, подходах к выбору показателей в качестве критерия материального благосостояния и методах их агрегирования, в применении шкал эквивалентности, в подходах к формированию границ бедности, в дезагрегации по социально-демографическим группам населения, а также в наборе показателей, используемых национальными статистическими службами государств - членов ЕАЭС для оценки бедности и неравенства, сопоставление соответствующих статистических данных на уровне ЕАЭС представляется невозможным. Тем не менее формируемые в государствах - членах ЕАЭС показатели позволяют наблюдать за прогрессом в области сокращения уровня бедности и неравенства населения по уровню материального благосостояния в динамике по годам в рамках отдельно взятого государства и проводить сравнения динамики показателей на уровне ЕАЭС.

Методологические подходы к измерению бедности в Российской Федерации

В Российской Федерации измерение показателей бедности населения осуществляется в соответствии с утвержденными нормативными документами Федеральной службы государственной статистики (Росстат) [Постановление Госкомстата России ... , 1996; Приказ Росстата № 164, 2019]. Рассчитываются показатели, характеризующие уровень абсолютной монетарной бедности, в соответствии с национальными определениями — доля населения с денежными доходами ниже величины прожиточного минимума.

Критерием материального благосостояния для оценки уровня абсолютной монетарной бедности определен денежный доход. Для расчета указанного индикатора используют баланс денежных доходов и расходов населения и результаты выборочного обследования доходов населения и участия в социальных программах (далее — ВОДН) [Методологические положения по расчету ..., 2018].

Доход домашнего хозяйства охватывает все поступления денежных средств и поступления, полученные в натуральной форме. Расчет денежного дохода как критерия материального благосостояния при оценке уровня абсолютной монетарной бедности осуществляется без применения шкал эквивалентности [Методологические положения по формированию ..., 2019].

В России в качестве черты бедности определена величина прожиточного минимума, которая представляет собой стоимость потребительской корзины, а также расходы на налоги и обязательные платежи низкодоходных домашних хозяйств. В составе потребительской корзины определяются: продукты питания (минимальный набор продуктов питания) – в натуральных показателях, и непродовольственные товары и услуги – в объеме по 50 % от стоимости минимального продуктового набора [Федеральный закон Российской Федерации ..., 2012].

При оценке бедности по основным социально-демографическим группам населения производится соизмерение доходов по каждому обследованному домашнему хозяйству с величиной прожиточного минимума, установленного по региону. Индикатор «доля населения с денежными доходами ниже величины прожиточного минимума» разрабатывается: по полу; возрастным (интервальным) группам; различным социально-эко-

номическим группам; числу детей в возрасте до 18 лет; типу населенных пунктов; работающему населению и другим [Методологические положения по расчету ..., 2018].

Наряду с индикатором «доля населения с денежным доходом ниже величины прожиточного минимума», характеризующим уровень абсолютной монетарной бедности с использованием национальной черты бедности, Росстат рассчитывает значительное количество индикаторов бедности и неравенства годовой периодичности, такие как: доля населения, живущего за международной чертой; распределение населения по величине среднедушевых денежных доходов; распределение населения по 20-процентным группам; децильный коэффициент фондов; коэффициент Джини; распределение малоимущих домашних хозяйств по основным социально-экономическим группам; показатели уровня и профиля бедности малоимущих домохозяйств (малоимущего населения) в разбивке по группам и другие [Уровень жизни, 2019].

Таким образом, изучение особенностей методологии измерения бедности в разных странах выявило необходимость дальнейшей более детальной разработки показателей по уровню бедности. Кроме того, следует учитывать повышенное внимание, уделяемое региональным индикаторам уровня бедности при оценке эффективности деятельности руководителей субъектов РФ [Постановление Правительства ..., 2019].

В нашей стране измерение показателя бедности производится на национальном и региональном уровнях, а на уровне муниципалитетов расчеты не выполняются (отсутствует методология измерения бедности на муниципальном уровне).

Обсуждение основных проблем измерения бедности в России

В результате проведенного исследования, по нашему мнению, следует выделить ряд проблем, которые в настоящее время нашли обсуждение у ученых и специалистов Федеральной службы государственной статистики.

Проблема 1. Несовершенство методов обследований домашних хозяйств. В Росстате выполняются мероприятия по внедрению новых методов обследований доходов домашних хозяйств и включению в официальные статистические данные индекса материальной депривации и индекса риска бедности и социальной исключенности.

Проблема 2. Длительные сроки разработки статистических показателей. Предварительная годовая оценка среднедушевого денежного дохода, формируемая на основании установленных сроков получения статистической и ведомственной отчетности организаций о выплатах населению и о поступлениях от населения денежных средств (более 300 показателей), публикуется в конце апреля следующего за отчетным годом; не установлен регламентированный срок утверждения величины прожиточного минимума, определяемого ежеквартально органами исполнительной власти субъектов Федерации.

Проблема 3. Отсутствие расчетов статистических показателей уровня бедности в разрезе по муниципальным образованиям. По данным Федеральной службы государственной статистики сформировать информацию не представляется возможным по следующим причинам:

- 1. Основные характеристики распределения доходов населения по результатам ВОДН формируются по региону без разбивки по муниципальным образованиям.
- 2. В разрезе муниципальных образований в качестве показателя доходов может быть использован только упрощенный аналог в объеме социальных выплат населению и налогооблагаемых денежных доходов, который ограничен информацией из административных источников [Материалы сайта Федеральной службы, 2020].
- 3. Размер выборочной совокупности обследований доходов населения обеспечивает репрезентативность только в целом по региону.
- 4. Величина прожиточного минимума, в соответствии с действующим законодательством, по муниципальным образованиям не устанавливается.

В настоящее время Федеральная служба государственной статистики осуществляет мероприятия по внедрению новой методологии обследования доходов населения, предусматривающей следующие методы и источники данных:

- 1. Дезагрегация. Выполняется по целевым группам обследуемых (выборках по возрасту, трудовому статусу, типу и категории домашнего хозяйства, месту проживания: городской/сельский).
- 2. Выборочные обследования населения (источник генеральная совокупность). Данный способ содержит следующие:
 - 2.1. Достоинства:
- 2.1.1. Информация о количестве бедных на основе соизмерения фактических доходов с чер-

той (границей) бедности (как получающих, так и не получающих меры социальной поддержки).

- 2.1.2. Достижение точности оценки материального благосостояния (дохода), формируемого на основе совокупного вклада каждого из совместно проживающих лиц.
 - 2.2. Недостатки:
- 2.2.1. Занижение уровня доходов за счет отказов от участия в обследовании лиц с относительно высокими доходами.
- 2.2.2. Некоторые компоненты доходов трудно оценить со слов обследуемых.
- 2.2.3. Сложность обследования и высокая стоимость выполнения работ.
- 3. Административные регистры получателей мер социальной поддержки. Использование административных регистров имеют следующие:
 - 3.1. Достоинства:
- 3.1.1. Точная информация о количестве бедных, которым назначены меры социальной поддержки.
- 3.1.2. Прямая связь с предпринимаемыми мерами по борьбе с бедностью.
- 3.1.3. Относительная простота и экономическая эффективность измерения бедности населения.
 - 3.2. Недостатки:
- 3.2.1. Не полный охват тех, кто имеет низкие доходы, но не обратился за назначением адресной социальной помощи по различным причинам (но может обратиться за ней в любой момент).
- 3.2.2. Критерий дохода не совпадает с категорией домохозяйства, в котором совокупность всех денежных поступлений может превышать порог для назначения социальной помощи (высокий риск излишнего охвата).
- 3.2.3. Короткий период для оценки доходов при определении права на получение социальной поддержки.

В Росстате разрабатывается и внедряется интерактивная информационно-статистическая платформы (далее – ИИСП) для анализа и оценки альтернативных мер социальной поддержки населения. Целью создания и функционирования ИИСП является обеспечение возможности по формированию нерегламентных запросов при анализе причинно-следственных связей динамики уровня бедности, а также возможности микромоделирования различных сценариев совершенствования механизмов оказания социальной помощи населению и влияния предлагаемых мер на динамику доходов

населения и уровень бедности [Материалы сайта Федеральной службы ..., 2020]. Метод микромоделирования (микросимуляций) даст более широкие возможности специалистам-статистикам, такие как: анализировать население по группам, выделенным по ряду признаков (уровню дохода, полу, возрасту, зоне проживания, льготам и др.); выявлять особенности распределения благосостояния; изучить и оценить результаты проводимых социальных реформ, а также осуществлять прогнозирование основных индикаторов бедности.

Заключение

Проведенный сравнительный анализ методологических подходов к измерению бедности на международном уровне и в Российской Федерации позволяет утверждать, что проблема, связанная со статистическим измерением бедности, сегодня привлекает к себе повышенное внимание и является одной из наиболее обсуждаемых в мире. Статистические показатели, используемые при оценке уровня бедности в разных странах, имеют методологические отличия при расчетах, свои плюсы и минусы. Актуальным остается вопрос применения единой методологии по измерению бедности (Руководство по измерению бедности ЕЭКООН) на национальных уровнях. Главной проблемой является обеспечение международной сопоставимости индикаторов бедности и доступности их заинтересованным пользователям. В статистических службах ряда стран осуществляют мероприятия по включению в национальный перечень показателей бедности индекса материальной депривации и индекса риска бедности и социальной исключенности, а также внедрения новых подходов к обследованию доходов населения. В этой связи особую актуальность приобретает совершенствование методов формирования выборочной совокупности обследуемых домашних хозяйств, уточнение периодичности сбора информации и подходов к выбору показателей в качестве критерия материального благосостояния, а также методов их агрегирования, применение шкал эквивалентности в подходах к формированию границ бедности. Обоснованное применение предложенных на международном уровне методов оценки уровня бедности в национальных статистических службах обеспечит возможность получения более точных и сопоставимых показателей.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

- Материалы с сайта Евразийской экономической комиссии, 2020. URL: http://www.eurasiancommission.org.ru (дата обращения: 05.09.2020).
- Материалы с сайта Межгосударственного статистического комитета Содружества Независимых Государств, 2020. URL: http://www.cisstat.org (дата обращения: 05.09.2020).
- Материалы с сайта Федеральной службы государственной статистики, 2020. URL: https://www.rosstat.gov.ru/(дата обращения: 05.09.2020).
- Методологическая практика государств членов Евразийского экономического союза по формированию показателей, характеризующих уровень бедности, 27.12.2019 г. 61 с., 2019. URL: http://www.eurasiancommission.org/ru/act/integr_i_makroec/dep_stat/econstat/Documents/Method/Poverty_Methodology.pdf (дата обращения: 23.05.2020).
- Методологические положения по расчету показателей денежных доходов и расходов населения: приказ Росстата от 2 июля 2014 № 465, с изм. и доп. от 20.11.2018, 2018. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/population/urov/met_1.rar (дата обращения: 15.11.2019).
- Методологические положения по формированию агрегированных показателей доходов домашних хозяйств на основе программы выборочного наблюдения доходов населения и участия в социальных программах: утв. приказом Федеральной службы государственной статистики от 22.03.2019 № 164, 2019. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/population/urov/met_1.rar (дата обращения: 13.05.2020).
- Методологическая практика государств членов Евразийского экономического союза по формированию показателей, характеризующих уровень бедности, экспресс-информация, 19.12.2019, 2019. URL: http://www.eurasiancommission.org/ru/act/integr_i_makroec/dep_stat/econstat/Documents/Method/Poverty_Methodology.pdf (дата обращения: 30.05.2020).
- Монетарная бедность. Бедность, неравенство и уязвимость в странах Европы и Центральной Азии с переходной и развивающейся экономикой, 2015 // Региональное бюро ПРООН по странам Европы и СНГ, Бюро ПРООН по поддержке политики и программ, ЕЭКООН. URL: http://www.unece.org (дата обращения: 13.12.2019).
- Обзор методов и источников данных для измерения бедности в странах Содружества: подготовлен в соответствии с Программой работ Межгосударственного статистического комитета Содружества Независимых Государств на 2014 г., утвержденной Решением 49-го заседания Совета руководителей статистических служб государств-участников Содружества Независимых Государств от 28–29 марта 2013 г., 2013. URL: http://www.

- cisstat.com/life_quality/03_method_lg.pdf (дата обращения: 18.05.2020).
- Постановление Госкомстата России от 16.07.1996 № 61 «Об утверждении методик расчета баланса денежных доходов и расходов населения и основных социально-экономических индикаторов уровня жизни населения», 1996. URL: Consultant. ru>document/cons_doc_LAW_12210/ (дата обращения: 13.05.2020).
- Постановление Правительства Российской Федерации от 17 июля 2019 г. № 915 «Об утверждении методик расчета показателей для оценки эффективности деятельности высших должностных лиц (руководителей высших исполнительных органов государственной власти) субъектов Российской Федерации и деятельности органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации, а также о признании утратившими силу некоторых актов Правительства Российской Федерации», 2019. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_330451/ (дата обращения: 15.05.2020).
- Резолюция 70-й сессии Генеральной ассамблеи ООН от 25.09.2015 «Преобразование нашего мира: Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года», 2015. URL: https://undocs.org/ru/A/RES/70/1 (дата обращения: 25.05.2020).
- Руководство по измерению бедности. Европейская Экономическая Комиссия Организации Объединенных Наций. Организация Объединенных Наций, Нью-Йорк и Женева, 2017. URL: https://www.unece.org/fileadmin/DAM/stats/publications/2018/ECECESSTAT20174_ru.pdf (дата обращения: 10.05.2020).
- Указ Президента РФ от 25 апреля 2019 г. № 193 «Об оценке эффективности деятельности высших должностных лиц (руководителей высших исполнительных органов государственной власти) субъектов Российской Федерации и деятельности органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации», 2019. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_330451/ (дата обращения: 11.05.2020).
- Уровень жизни, 2019 // Федеральная служба государственной статистики. URL: https://www.gks.ru/folder/13397?print=1 (дата обращения: 31.01.2020).
- Федеральный закон от 6 октября 1999 г. № 184-ФЗ «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации», 1999. URL: http://www.consultant.ru>document/cons_doc_LAW_14058/ (дата обращения: 13.05.2020).
- Федеральный закон Российской Федерации от 03.12.2012 № 227-ФЗ «О потребительской корзине в целом по Российской Федерации», 2012. URL: http://www.consultant.ru>document/cons_doc_LAW_138547/ (дата обращения: 13.05.2020).

Фролова Е. Б., 2018. О совершенствовании методологических положений по расчетам индексов немонетарной бедности по итогам выборочных наблюдений по социально-демографическим проблемам // Федеральная служба государственной статистики. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/rosstat/NMS/doc-frol.pdf (дата обращения: 25.12.2019).

REFERENCES

- Materialy s sajta Evrazijskoj Ekonomicheskoj komissii, 2020 [Data from the Eurasian Economic Commission Website]. URL: http://www.eurasiancommission.org.ru (accessed 5 September 2020).
- Materialy s sajta Mezhgosudarstvennogo statisticheskogo komiteta Sodruzhestva Nezavisimyh Gosudarstv, 2020 [Data from the Website of the Interstate Statistical Committee of the Commonwealth of Independent States]. URL: http://www.cisstat.org (accessed 5 September 2020).
- Materialy s sajta Federalnoj sluzhby gosudarstvennoj statistiki, 2020 [Data from the Website of the Federal State Statistic Service States]. URL: https://www.rosstat.gov.ru/ (accessed 5 September 2020).
- Metodologicheskaya praktika gosudarstv chlenov Evrazijskogo ekonomicheskogo soyuza po formirovaniyu pokazatelej, harakterizuyushchih uroven bednosti, 27.12.2019 g., 2019 [Methodological Practice of the Member States of the Eurasian Economic Union on the Formation of Indicators Characterizing the Level of Poverty, December 27, 2019]. 61 p. URL: http://www.eurasiancommission.org/ru/act/integr_i_makroec/dep_stat/econstat/Documents/Method/Poverty_Methodology.pdf(accessed 23 May 2020).
- Metodologicheskie polozheniya po raschetu pokazatelej denezhnyh dohodov i raskhodov naseleniya: prikaz Rosstata ot 2 iyulya 2014 № 465, s izm. i dop. ot 20.11.2018, 2018 [Methodological Provisions for Calculating Indicators of Monetary Income and Expenditure of the Population. Order of the Federal State Statistics Service of July 2, 2014 No. 465, with Amendments and Additions of November 20, 2018]. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/population/urov/met_1.rar (accessed 15 November 2019).
- Metodologicheskie polozheniya po formirovaniyu agregirovannyh pokazatelej dohodov domashnih hozyajstv na osnove programmy vyborochnogo nablyudeniya dohodov naseleniya i uchastiya v socialnyh programmah: utv. prikazom Federalnoj sluzhby gosudarstvennoj statistiki ot 22.03.2019 № 164, 2019 [Methodological Regulations for Aggregate Indicators Formation of Household Income Based on the Program of Selective Observation of the Populations Income and

- Participation in Social Programs, Approved by the Order of the Federal State Statistics Service of March 22, 2019 No. 164]. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/population/urov/met_1.rar (accessed 15 May 2020).
- Metodologicheskaya praktika gosudarstv chlenov Evrazijskogo ekonomicheskogo soyuza po formirovaniyu pokazatelej, harakterizuyushchih uroven bednosti, ekspress-informaciya, 19.12.2019, 2019 [Methodological Practice of the Member States of the Eurasian Economic Union on the Formation of Indicators Characterizing the Level of Poverty, Express Information, December 19, 2019]. URL: http://www.eurasiancommission.org/ru/act/integr_i_makroec/dep_stat/constat/Documents/Method /Poverty_Methodology.pdf (accessed 30 May 2020).
- Monetarnaya bednost. Bednost, neravenstvo i uyazvimost v stranah Evropy i Centralnoj Azii s perekhodnoj i razvivayushchejsya ekonomikoj, 2015 [Monetary Poverty. Poverty, Inequality and Vulnerability in Europe and Central Asia for Transition and Emerging Economies]. Regionalnoe byuro PROON po stranam Evropy i SNG, Byuro PROON po podderzhke politiki i programm, EEKOON [UNDP Regional Office for Europe and CIS, UNDP Bureau for Policy and Program Support, UNECE]. URL: http://www.unece.org (accessed 13 December 2019).
- Obzor metodov i istochnikov dannyh dlya izmereniya bednosti v stranah Sodruzhestva: podgotovlen sootvetstvii s Programmoj rabot Mezhgosudarstvennogo statisticheskogo komiteta Sodruzhestva Nezavisimyh Gosudarstv na 2014 g., utverzhdennoj Resheniem 49-go zasedaniya Soveta rukovoditelej statisticheskih sluzhb gosudarstv-uchastnikov Sodruzhestva Nezavisimyh Gosudarstv ot 28–29 marta 2013 g., 2013 [Methods and Data Sources Review for Measuring Poverty in the Commonwealth of Independent States: Prepared in Accordance with the Work Program of the Interstate Statistical Committee of the Commonwealth of Independent States for 2014, Approved by the Decision of the 49th Meeting of the Council of Heads of Statistical Services of the Member States of the Commonwealth of Independent States on March 28–29, 2013]. URL: http://www.cisstat.com/life quality/03 method lg.pdf. (accessed 18 May 2020).
- Postanovlenie Goskomstata Rossii ot 16.07.1996 № 61 «Ob utverzhdenii metodik rascheta balansa denezhnyh dohodov i raskhodov naseleniya i osnovnyh socialno-ekonomicheskih indikatorov urovnya zhizni naseleniya», 1996 [Resolution of the Russian Federal State Statistics Service Dated July 16, 1996 No. 61 "On Approval of Methods for Calculating the Balance of Cash Income and Expenditure of the Population and the Main Social

and Economic Indices of the Standard of Living of the Population"]. URL: Consultant.ru>document/ cons doc LAW 12210/ (accessed 13 May 2020).

Postanovlenie Pravitelstva Rossijskoj Federacii ot 17 iyulya 2019 g. № 915 «Ob utverzhdenii metodik rascheta pokazatelej dlya ocenki effektivnosti deyatelnosti vysshih dolzhnostnyh lic (rukovoditelej vysshih ispolnitelnyh organov gosudarstvennoj vlasti) subyektov Rossijskoj Federacii i deyatelnosti organov ispolnitelnoj vlasti subyektov Rossijskoj Federacii, a takzhe o priznanii utrativshimi silu nekotoryh aktov Pravitelstva Rossijskoj Federacii», 2019 [Decree of the Government of the Russian Federation of July 17, 2019 No. 915 "On the Approval of Methods for Calculating Indicators for Assessing the Effectiveness of Activities of Senior Officials (Heads of the Highest Executive Bodies of State Power) of the Constituent Entities of the Russian Federation and the Activities of Executive Bodies of the Constituent Entities of the Russian Federation, as Well as on the Recognition of Invalidation of Some Acts of the Government of the Russian Federation"]. URL: http://www.consultant.ru/document/ cons doc LAW 330451/(accessed 10 May 2020).

Rezolyuciya 70-j sessii Generalnoj assamblei OON ot 25.09.2015 «Preobrazovanie nashego mira: Povestka dnya v oblasti ustojchivogo razvitiya na period do 2030 goda», 2015 [Resolution of the 70th Session of the UN General Assembly Dated September 25, 2015 "Transforming Our World: The 2030 Agenda for Sustainable Development"]. URL: htps://undocs.org/ru/A/RES/70/1 (accessed 25 May 2020).

Rukovodstvo po izmereniyu bednosti. Evropejskaya Ekonomicheskaya Komissiya Organizacii Obyedinennyh Nacij. Organizaciya Obyedinennyh Nacij, Nyu-Jork i Zheneva, 2017 [Guide on Poverty Measurement. United Nations Economic Commission for Europe (Statistical Division), the United Nations Human Settlements. New York, Geneva]. URL: https://www.unece.org/fileadmin/DAM/stats/publications/2018/ECECESSTAT20174_en.pdf (accessed 10 May 2020).

Ukaz Prezidenta RF ot 25 aprelya 2019 g. № 193 «Ob ocenke effektivnosti deyatelnosti vysshih dolzhnostnyh lic (rukovoditelej vysshih

ispolnitelnyh organov gosudarstvennoj vlasti) subyektov Rossijskoj Federacii i deyatelnosti organov ispolnitelnoj vlasti subyektov Rossijskoj Federacii», 2019 [Decree of the President of the Russian Federation of April 25, 2019 No. 193 "On the Assessment of the Effectiveness of Activities of Senior Officials (Heads of the Highest Executive Bodies of State Power) of the Constituent Entities of the Russian Federation and the Activities of the Executive Authorities of the Constituent Entities of the Russian Federation"]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_330451/ (accessed 11 May 2020).

Uroven zhizni, 2019 [Living Standard]. Federalnaya sluzhba gosudarstvennoj statistiki [Federal State Statistics Service]. URL: https://www.gks.ru/folder/13397? Print=1 (accessed 31 January 2020).

Federalnyj zakon ot 6 oktyabrya 1999 g. № 184-FZ «Ob obshchih principah organizacii zakonodatelnyh (predstavitelnyh) i ispolnitelnyh organov gosudarstvennoj vlasti subyektov Rossijskoj Federacii», 1999 [Federal Law of October 6, 1999 No. 184-FZ "On General Principles of Organization of Legislative (Representative) and Executive Bodies of State Power of the Constituent Entities of the Russian Federation"]. URL: http://www.consultant.ru>document/cons_doc_ LAW_14058/ (accessed 13 May 2020).

Federalnyj zakon Rossijskoj Federacii ot 03.12.2012

№ 227-FZ «O potrebitelskoj korzine v celom po
Rossijskoj Federacii», 2012 [Federal Law of the
Russian Federation Dated 03.12.2012 No. 227-FZ "On
the Consumer Basket as a Whole in the Russian
Federation"]. URL: http://www.consultant.ru>
document/ cons_doc_LAW_ 138547/ (accessed
13 May 2020).

Frolova E.B., 2018. O sovershenstvovanii metodologicheskih polozhenij po raschetam indeksov nemonetarnoj bednosti po itogam vyborochnyh nablyudenij po socialnodemograficheskim problemam [On the Improvement of Methodological Provisions for Calculating Non-Monetary Poverty Indices Based on the Results of Sample Observations on Socio-Demographic Problems]. Federalnaya sluzhba gosudarstvennoj statistiki [Federal State Statistics Service]. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/rosstat/NMS/doc-frol.pdf (accessed 25 December 2019).

Information About Authors

Olga S. Oleynik, Doctor of Sciences (Economics), Professor, Department of Accounting, Analysis and Audit, Volgograd Institute of Management, Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Gagarina St, 8, 400131 Volgograd, Russian Federation, oleyniko@vlgr.ranepa.ru, https://orcid.org/0000-0002-5890-3988

Andrey B. Oleynik, Candidate of Sciences (Economics), Head of the Economic Department, Volgograd Region Branch of the Southern Main Department of the Central Bank of the Russian Federation, Prosp. im. V.I. Lenina, 18, 400066 Volgograd, Russian Federation, bonizm@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-1774-0916

Ekaterina V. Stepanova, Candidate of Sciences (Philology), Associate Professor, Department of Linguistics and Intercultural Communication, Volgograd Institute of Management, Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Gagarina St, 8, 400066 Volgograd, Russian Federation, stepanova.volg@mail.ru, https://orcid.org/0000-0003-4860-0956

Информация об авторах

Ольга Степановна Олейник, доктор экономических наук, профессор кафедры учета, анализа и аудита, Волгоградский институт управления — филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, ул. Гагарина, 8, 400131 г. Волгоград, Российская Федерация, oleyniko@vlgr.ranepa.ru, https://orcid.org/0000-0002-5890-3988

Андрей Борисович Олейник, кандидат экономических наук, начальник экономического отдела, Отделение по Волгоградской области Южного главного управления Центрального банка Российской Федерации, просп. им. В.И. Ленина, 18, 400066 г. Волгоград, Российская Федерация, bonizm@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-1774-0916

Екатерина Владимировна Степанова, кандидат филологических наук, доцент кафедры лингвистики и межкультурной коммуникации, Волгоградский институт управления — филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, ул. Гагарина, 8, 400066 г. Волгоград, Российская Федерация, stepanova.volg@mail.ru, https://orcid.org/0000-0003-4860-0956

DOI: https://doi.org/10.15688/re.volsu.2020.4.6

UDC 338.57 Submitted: 14.08.2020 LBC 65.25 Accepted: 16.09.2020

IMPACT OF THE CORONAVIRUS CRISIS ON THE DYNAMICS OF CONSUMER PRICES IN RUSSIAN REGIONS

Natalia A. Roslyakova

Institute of Control Sciences of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Lyudmila V. Dorofeeva

North-Western Institute of Management, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Saint Petersburg, Russian Federation

Abstract. The coronavirus infection, which has rapidly spread around the world and started determining global trends, has transformed the life of modern society. Over the past months, in the acute phase of restrictive measures, there have been both explosive growth in demand (digital goods) and negative trends connected with bankruptcies and cuts of salaries. All these fluctuations in supply and demand had an active impact on prices of various segments of the consumer market. The purpose of this paper is to analyze the dynamics of prices in the consumer market of Russian regions and assess possible trends in the postcrisis period, taking into account regional characteristics. In order to do this, the authors assess the main trends in the market of Russian regions at the beginning of the crisis; determine the price dynamics in the period 2019–2020 for separate market segments; specify the nature of certain factors associated with the impact of the crisis on different types of markets; identify promising trends in price dynamics. As a result of the research for five groups of regions with different characteristics of socio-economic conditions and the level of market development the following conclusions were made: 1) a slowdown in the growth of prices for services for the vast majority of regions was revealed; 2) for the Depression cluster, intensive growth in prices for services is caused by weak market development, high costs and concentration on the segment of necessary services (low elasticity in price and income); 3) with similar price dynamics in the non-food segment of Above-average and Below-average clusters, various reasons are specified. In the first case, there is a delayed demand due to rising prices, in the second there is hidden inflation, when people do not have money for goods. For a number of regions, there is a trend towards the emergence of new agents in the markets, due to rising prices (Depression for non-food products, Above-average and Below-average for food products).

Key words: regions of Russia, coronavirus, socio-economic trends, socio-economic transformations, price dynamics.

Citation. Roslyakova N.A., Dorofeeva L.V., 2020. Impact of the Coronavirus Crisis on the Dynamics of Consumer Prices in Russian Regions. *Regionalnaya ekonomika. Yug Rossii* [Regional Economy. South of Russia], vol. 8, no. 4, pp. 64-75. (in Russian). DOI: https://doi.org/10.15688/re.volsu.2020.4.6

 УДК 338.57
 Дата поступления статьи: 14.08.2020

 ББК 65.25
 Дата принятия статьи: 16.09.2020

ВЛИЯНИЕ КОРОНАКРИЗИСА НА ДИНАМИКУ ПОТРЕБИТЕЛЬСКИХ ЦЕН В РЕГИОНАХ РОССИИ

Наталья Андреевна Рослякова

Институт проблем управления им. В.А. Трапезникова РАН, г. Москва, Российская Федерация

Людмила Владимировна Дорофеева

Северо-западный институт управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация

© Рослякова Н.А., Дорофеева Л.В., 2020

Аннотация. Коронавирусная инфекция, которая стремительно захватила инициативу в определении глобальных по масштабу тенденций, трансформировала жизнь современного общества. За прошедшие месяцы в острой фазе ограничительных мероприятий наблюдались как резкие всплески спроса (цифровая техника), так и негативные тенденции, связанные с банкротствами и переходом на режим частичной занятости и экономии зарплатных фондов. Все эти колебания спроса и предложения имели активное влияние на ценовые параметры различных сегментов потребительского рынка. Цель статьи состоит в анализе динамики цен на потребительском рынке регионов России и оценке возможных трендов в посткризисный период, с учетом региональных особенностей. Для этого авторы оценивают основные тенденций, сложившиеся на рынке регионов России к началу кризиса; определяют динамику цен в период 2019–2020 гг. по отдельным сегментам рынка; обосновывают характер действия отдельных факторов, связанных с влиянием кризиса, на разные типы рынков; выявляют перспективные тенденции динамики цен. В результате проведенного исследования для пяти групп регионов с различными характеристиками социально-экономического состояния и уровня развития рынка были получены следующие выводы: 1) для подавляющего большинства регионов выявлено замедление роста цен на услуги; 2) для кластера Депрессия интенсивный рост цен на услуги вызван слабым развитием рынка, высокими издержками и концентрацией на сегменте необходимых услуг (низкая эластичность по цене и доходу); 3) при схожей динамике цен в непродовольственном сегменте кластеров Выше среднего и Ниже среднего обоснованы различные причины. В первом случае имеет место отложенный спрос из-за роста цен, во втором – скрытая инфляция, когда люди не имеют денег на товары. Для ряда регионов намечена тенденция к появлению новых агентов на рынках вследствие роста цен (Депрессия для непродовольственных товаров, Выше среднего и Ниже среднего для продовольственных).

Ключевые слова: регионы России, коронавирус, социально-экономические тенденции, социально-экономические трансформации, динамика цен.

Цитирование. Рослякова Н. А., Дорофеева Л. В., 2020. Влияние коронакризиса на динамику потребительских цен в регионах России // Региональная экономика. Юг России. Т. 8, № 4. С. 64–75. DOI: https://doi.org/10.15688/re.volsu.2020.4.6

Введение

Коронавирусная инфекция, которая стремительно захватила инициативу в определении глобальных по масштабу тенденций, трансформировала жизнь современного общества. В число товаров первой необходимости повсеместно вошли средства индивидуальной защиты (маски и перчатки), которые ранее активно использовались только работниками медицинских учреждений. Любые предприятия, претендующие на осуществление своей деятельности в период пандемии, стали активными потребителями дезинфицирующих средств. Изменилась жизнь городов, меры по самоизоляции и запрету массовых мероприятий заставили улицы опустеть. Однако так или иначе само течение кризисной ситуации заставляет людей адаптироваться к новым условиям. Как справедливо заметил Г. Онищенко, главным результатом пандемии и этапа самоизоляции является то, что люди осознали опасность и выработали персональные меры защиты [Онищенко, 2020].

При этом относительная стабилизация ситуации в обществе ставит новые вопросы и проблемы перед экономикой страны. Закрытие торговых центров в крупных и крупнейших городах повлекло затоваривание в сфере потребительских товаров (одежда, товары для дома, строй-

материалы и т. п.). Однако наибольший негативный эффект наблюдался в сфере предоставления платных услуг населению, сокращение которых в апреле – июне 2020 г. достигло 37,2 % по сравнению с аналогичным периодом прошлого года, когда наблюдался рост [Потребительский спрос, 2020]. Банкротство ряда компаний, режим экономии на заработной плате в связи с переходом на удаленный график работы привели к существенным изменениям уровня дохода и благосостояния граждан. Несомненно, колебания совокупных спроса и предложения отразились на ценовых параметрах. Учитывая существенную дифференциацию как товарных рынков, так и регионов России, следует понимать, что изменение не будет однонаправленным и монотонным по всей территории страны. Исследованию тенденций ценовых трансформаций посвящена настоящая статья.

Обзор теорий формирования стоимости и законов ценообразования

Цена и стоимость являются краеугольными камнями экономической теории. Сейчас эти понятия во многом сливают в единое. Говоря об истории развития научной мысли, посвященной вопросам стоимости и цены, следует подчеркнуть, что на протяжении XVII–XXI вв. оформи-

лись два основных направления. Первое в формировании цены и стоимости отталкивается от потребительских предпочтений, полезности и в общем параметров спроса. Это взгляды меркантилистов, маржиналистов, неоклассиков. Второе опирается на вклад различных факторов производства (труда, земли, капитала) в формирование стоимости (себестоимости). И сущность цены заключается в обеспечении воспроизводства этих компонентов производства. То есть в целом направление связано с параметрами предложения.

Вообще развитие экономической теории как науки и изучение основ рыночной экономики стало актуальной задачей с развитием обширной торговли Великобританией в XVII веке. У истоков стоит школа меркантилистов, которые основу благосостояния видели в торговле, и, соответственно, их внимание было направлено на разработку теории меновой стоимости. Учитывая опыт работы в колониях, Т. Ман определяет важное свойство меновых стоимостей разных товаров – их неравенство, неэквивалентность [Ман, 1621]. То есть следует понимать, что меркантилисты однозначно видели разницу между потребительской и меновой стоимостью (в терминах А. Смита) и на основе этой разницы формировали торговую прибыль.

Почти параллельно с данной системой взглядов стала формироваться альтернативная система У. Петти. Он определил стоимость как некоторое внутреннее свойство товара и выдвинул идею о том, что стоимость возможно выразить через первичные величины (труд и землю). Одной из предложенных единиц стоимости было среднее дневное пропитание взрослого человека (не его труд) [Шпалтаков, 2000]. Другой мерой стоимости являлась рента с единицы земли. На этом основании богатство определяется У. Петти как совокупность возмещаемых затрат, заработной платы и ренты.

Соответственно, на этом основании У. Петти выделил естественную и искусственную цену, первая из которых как раз определялась на основе затрат, а вторая учитывала факторы спроса и предложения, потребительских предпочтений и т. п.

Следующим витком развития затратной теории стало понимание стоимости Ф. Кенэ. Основываясь на исследованиях сельскохозяйственного производства с помощью экономических таблиц, он пришел к выводу о появлении чистого (прибавочного) продукта. На этой основе была

сформулирована концепция производительного труда. Более того, дальнейшее обращение этого сельскохозяйственного продукта осуществлялось по определенным ценам. И, поскольку в каждом новом сельскохозяйственном цикле могли воспроизводиться рабочая сила и средства производства, то этот обмен считался эквивалентным. На основе этих двух тезисов (о эквивалентности обмена и производительности сельскохозяйственного труда) также осуществлялась критика меркантилизма в той части, которая касалась понимания торговли как источника богатства и денег как источника его накопления. Сам Ф. Кенэ говорит о том, что обмен не является производительным трудом, а, следовательно, и не создает чистого продукта [Кенэ, Тюрго, Дюпон де Немур, 2008].

Завершенность идеям факторной природы формирования стоимости придал А. Смит. Весьма популярен пример, который он приводит относительно полезности воды и алмаза. Определяя слово стоимость, А. Смит приводит два различных значения: 1) полезность какого-нибудь предмета; 2) возможность приобретения других предметов, которую дает обладание данным предметом. Первую можно назвать потребительной стоимостью, вторую - меновой стоимостью [Смит, 1776]. При этом было доказано, что улучшение полезных свойств товара основывается на труде, который вкладывается в товар, в том числе и в капитальные производственные средства и землю. На этой базе было обосновано, что именно труд является источником увеличения потребительской стоимости. Таким образом были заложены основы трудовой теории стоимости (также эту концепцию называют классической).

Далее, рассуждая об исчислении меновой стоимости и определении действительных (позже они были определены как равновесные) меновых цен на товары, факторах, определяющих эту действительную цену, и причинах отклонения меновой и потребительской стоимости, он делает вывод о независимом характере процессов формирования меновой и потребительской стоимости. Развитие эта идея А. Смита получила у Ж.-Б. Сэя, который, опираясь на идею о независимости стоимости и цены, обосновывает возможность формирования последней на основании ее полезности и без точного соответствия затратам труда [Аникин, 1985]. С другой стороны, Ж.-Б. Сэй продолжал развивать идеи о влиянии факторов на формирование стоимости. Однако он дополнит этот перечень фактором капитала, который также создает свой вклад в стоимости товара через ренту. В этом смысле можно сказать, что Ж.-Б. Сэй выступает как некоторый предтеча неоклассического синтеза.

В дальнейших исследованиях К. Маркс продолжал развивать идеи классической стоимости А. Смита. Через обоснования двойственного характера – конкретного и обезличенного была обоснована концепция, которая получила название трудовой теории. Конкретный труд – это такой труд, который вносится в продукт в непосредственном виде (например, операции сборки деталей работником, работа по управлению машиной или оборудованием). Обезличенный труд - это труд, который уже воплотился в некоторых предметах (то есть машина, оборудование являются примерами обезличенного труда). На основе этого свойства труда обосновывается то, что меновая стоимость, то есть цена, является необъемлемым свойством товара, то есть утверждается, что основу цены определяет объем общественного труда, затраченного на его производство [Блауг, 1994]. Соответственно, через трудовую теорию стоимости торговую прибыль К. Маркс воспринимал так труд, присвоенный торговцами, но неоплаченный ими.

Теория, основывающаяся на понятии полезности как основы цены, также имела свое развитие. Австрийская школа Е. Бём-Баверка и К. Мергера обосновала такое понятие, как предельная полезность, что заложило основу так называемому маржиналистскому подходу. Согласно этой концепции формирование ценности предполагает ограниченность этого блага (само понятие предельности предполагает анализ ценности последней/последующей единицы товара), что формирует предельную его пользу [Бём-Баверк, 1884; Менгер, 2005]. И далее основным принципом ценообразования становится причинная связь с человеческими потребностями. То есть в основу формирования меновой стоимости ложатся редкость (доступность) блага для потребителя и уровень его полезности.

Следующий шаг в развитии маржиналистской теории сделал А. Маршалл, завершив формирование так называемой неоклассической (глобальной торговой) модели. Через формулирование закономерностей спроса и предложения (крест Маршалла) было обосновано, что в рыночной экономике возможно достижение таких условий, когда оценка полезности и уровень производствен-

ных затрат сравняются (то есть стоимость станет равной цене) [Маршалл, 1891].

Более глубоко эти противоречия между двумя направлениями взглядов на стоимость и цену были осмыслены в рамках институциональной экономики. В целом можно сказать, что данные подходы к ценообразованию применимы для разных типов экономических систем. Аналогичное мнение, что различные теории стоимости и цены не противоречат друг другу, а дополняют понимание различных процессов ценообразования, можно встретить и у других авторов [Ветрова, Губанова, 2013].

Говоря о том, что цены также складываются под влиянием норм, традиций, формальных и неформальных правил, институционалисты обосновали другой взгляд на формирование, например, цен. По их мнению, при сложившейся ценовой норме (особенно характерно для ежедневно потребляемых товаров), если продавец повысит цену, даже имея объективные основания в виде повысившихся расходов, потребитель не примет ее (неформальный институт), а государство может оказать определенное давление для приведения к норме (формальный институт). Кроме того, формирование институтов на рынке обусловливает рост различных транзакционных выплат, а это означает, что в процессе ценообразования, кроме продавца и потребителя, появляются дополнительные агенты, которые также претендуют на свою норму прибыли [Тумаланов, 2010].

Анализ существенного изменения институциональной среды, который был характерен для России в 90-е гг., позволил установить важнейшие характеристики разных типов экономик, для которых применимы различные модели ценообразования. Это было оформлено в понятиях продуктивной и непродуктивной экономик [Литвинцева, 2002]. Для продуктивной экономики (классической рыночной) действует обычный закон спроса и предложения, когда с ростом цен растет предложение товаров. И при этом рыночные цены покрывают производственные издержки производителей. В этом случае вне зависимости от того, будут ли цены установлены рынком или административным путем, инфляционные процессы будут иметь затухающий характер по мере сокращения предложения и роста цен. С другой стороны, в непродуктивной экономике отсутствуют такие положительные цены, которые могли бы обеспечить издержки. Имеется в виду, что в дополнение к поставке ресурсов для производства должны быть еще выделены дополнительные деньги, и только в таких условиях могут быть покрыты издержки. В отсутствие такой практики происходят процессы усиления инфляции, роста цен на фоне сокращения совокупного предложения. В конечном итоге постоянный рост цен выдавливает с рынка такие компании и целые отрасли, что наблюдалось в России в период перехода к рынку.

Соответственно первая модель порождает превышение предложения над спросом, а вторая, наоборот, стремится к превышению спроса над предложением. Первую чаще называют конкурентной экономикой, вторую - плановой. И соответственно для первой системы, именно исходя из логики превышения предложения над спросом, цена устанавливается исходя из предпочтений потребителя и его полезности. Раз спрос на какое-либо благо предъявлен, оно создается. В непродуктивной экономике ситуация обратная, может быть осуществлена предоплата и не получена продукция, осуществлены инвестиции и не завершено строительство объекта. Соответственно в условиях недостаточного предложения цены объективно необходимо определять на основе затрат производителей. Эти диспропорции получили название рецессионного и инфляционного разрывов (подробнее об этом: [Нижегородцев, 2011]).

В этом смысле институциональная теория не отрицает определенных ранее рыночных сил, под влиянием которых складываются цена и сто-имость, однако установлено, что действие институтов может ограничивать их рыночную силу.

В общем можно сказать, что в настоящее время в мире преобладает именно первая модель ценообразования (базирующаяся на постулатах маржиналистов, меркантилистов и неоклассиков), которая направлена на отношения спроса, а не производства. Соответственно в основе лежит стремление постоянного подстегивания спроса через формирование цен на основе потребительских интересов.

В общем смысле такая система ценообразования закладывает основу для существенных диспропорций на межстрановом уровне (например, проблема голода и отсутствия воды в Африке). Склонность к перепроизводству в странах с развитой рыночной экономикой позволяет относиться расточительно к производимым товарам. При этом перелив избытка товаров невозможен (нерационален с позиции данной концепции маржинализма), так как в противном случае

нарушится баланс, связанный с редкостью и востребованностью, и эти товары перестанут обеспечивать некоторые рычаги влияния в международных отношениях и приносить повышенную прибыль в международной торговле. Это справедливо и для отдельных категорий товаров с так называемым интеллектуальным имиджем [Гужвин, 2009], которые не должны быть общедоступными и массовыми, поскольку их главная функция: выделять своих обладателей в определенную отличную от других группу (очень яркий пример – поклонники АйФонов). И здесь под влиянием рекламы и маркетинга кривая полезности сдвигается вверх даже в условиях отсутствия роста полезных свойств.

С другой стороны, производители товаров, которые не обладают подобным интеллектуальным имиджем и стоимость которых (обусловленная факторами производства) ниже той, что формируется в современной среде, вынуждены идти на хитрости. Таким образом формируются новые, неведомые потребителям ранее потребности и полезности. Так возникает целый пласт фиктивных полезностей, направленных на повышение стоимости, как суррогатов объективных производственных затрат.

Коронавирус отличается от остальных глобальных потрясений тем, что он не мобилизовал (что всегда случается во время войн и ЧС), а наоборот, затормозил мировую экономику. Более того, неспособность рынков быстро и успешно реагировать на подобные трансформации требует осмысления новых принципов их устройства. Одним из вариантов решения проблемы является концепция ноономики [Бодрунов, 2019], которая восходит к идеям о ноосфере В.И. Вернадского [Вернадский, 1988]. Ключевая идея ноосферы в том, что при высоком уровне развития сознания человека у него отпадает меркантильная жажда к безостановочному потреблению, а возникает понимание удовлетворенности. Аналогичное прочтение концепции Вернадского заложено в идеях устойчивого потребления (рационального потребления).

Однако такая трансформация требует новых подходов к потреблению и правил ценообразования. Например, сейчас потребителям проще менять одежду несколько раз в год, поскольку цена одной вещи невысока. Часто ремонт какойто одежды сопоставим по стоимости с ее заменой на новую. И может возникнуть вполне рациональное желание. Однако, если речь идет о вещи, которая выполнена из качественного ма-

териала, подогнана по фигуре, имеет подходящую расцветку (фасон) и т. п., то ее замена на вещь из масс-маркета определенно не будет вести к повышению полезности. Соответственно, если речь идет о таких трансформациях, когда каждый человек будет иметь небольшое количество качественной одежды и не будет ее менять несколько раз за год, должны возникать условия, чтобы производители одежды могли иметь прибыль и продолжать свою деятельность. Это требует серьезных трансформаций принципов ценообразования, которое, по нашему мнению, будет восходить к классическим правилам, способствующим воспроизводству.

Кластеризация регионов России и пропорции потребительского рынка в них

Для российских регионов характерны разные типы экономических систем, что обусловливает их высокую дифференциацию. Поскольку работа по анализу влияния коронавируса на тенденции спроса и предложения уже была начата авторами в работе [Рослякова, Митрофанова, Дорофеева, 2020], то мы сохраним общие контуры исследования. В частности, мы будем

основываться на результатах кластеризации регионов, представленных и описанных в указанной работе. В дальнейшем исследовании мы будем опираться на официальные данные статистических источников [Информационно-аналитические материалы, 2020; Официальные статистические показатели, 2020; Регионы России, 2019]. Основные параметры кластеров представлены в таблице 1.

Как видно из таблицы 1, диспропорции существенны, однако, рассматривая динамику, можно найти еще более яркие примеры неравномерности развития российских регионов. Так, разрыв между самым высоким и самым низким объемом розничной торговли в 2000 г. составлял 2 293,9 % (почти в 23 раза) (г. Москва — 68 083 руб., Республика Ингушетия — 2 968 руб.). Это соотношение к 2019 г. сократилось до 780,3 % (г. Москва — 403 426 руб., Республика Ингушетия — 51 702 руб.).

Исследование динамики показателя оборота розничной торговли в расчете на душу населения в сопоставлении со значением по РФ в период с 2000 по 2019 г. представлено на рисунке.

Значения показателя за 2019 г. в кластере Столичные (148 %) в 3 раза выше, чем в кластере Депрессия (40 %). За рассматриваемый

Регионы	Количество	Валовой регио-	Среднедушевые	Доля населения с
	регионов	нальный продукт	реальные денеж-	денежными дохо-
		на душу населе-	ные доходы насе-	дами ниже вели-
		ния, тыс. руб.	ления в месяц,	чины прожиточно-
			тыс. руб.	го минимума, %
Ульяновская область	55	280,0	22,8	15,3
(кластер 1)				
Среднее по кластеру		432,0	27,1	14,6
Ниже среднего				
г. Санкт-Петербург	3	781,2	45,0	6,6
(кластер 2)				
Среднее по кластеру		920,4	52,7	6,9
Столичные				
Карачаево-Черкесская	6	165,4	18,1	22,9
Республика (кластер 3)				
Среднее по кластеру		187,4	18,3	26,0
Депрессия				
Ямало-Ненецкий АО	5	5 710,1	79,4	5,8
(кластер 4)				
Среднее по кластеру		3 623,2	69,5	8,6
Ресурсные				
Воронежская область	16	404,8	30,3	8,9
(кластер 5)				
Среднее по кластеру		471,0	29,3	12,0
Выше среднего				

Примечание. Источник: [Рослякова, Митрофанова, Дорофеева, 2020].

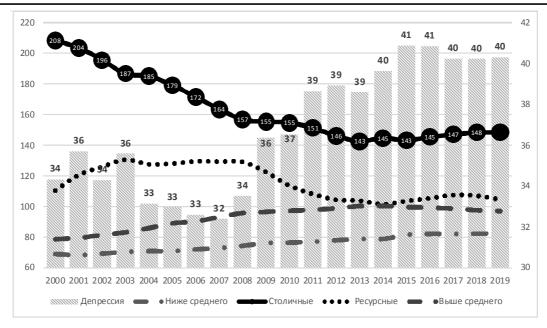

Рисунок. Отношение среднего значения оборота розничной торговли в расчете на душу населения по кластеру к значению по РФ, %

Примечания. Составлено авторами по: [Регионы России, 2019; Информационно-аналитические материалы, 2020]. Данные по кластеру Депрессия вынесены на отдельную ось (справа), чтобы проиллюстрировать резкую смену динамики, которая не видна при общероссийском масштабе изменений.

период разрыв между средними значениями по РФ и кластеру Столичные сократился на 50 %, что говорит о более быстром наращивании объема торговли в регионах, входящих в остальные кластеры (особенно кластеры Выше среднего, Ниже среднего, Депрессия, см. на рисунке). Рост объемов розничной торговли, который наметился после 2006 г. (особенно ярко проявился в кластере Депрессия), вызван введением в РФ материнского капитала, о котором было объявлено президентом России Владимиром Путиным 10 мая 2006 г. в ходе послания Федеральному собранию Российской Федерации [Путин, 2006].

Замедление роста объемов розничной торговли в кластере Столичные также может быть вызвано перенасыщением рынка и более интенсивным ростом цен на наиболее востребованные товары импортного производства.

Несмотря на позитивную динамику, которая определенно направлена на сглаживание тенденций потребления, если сопоставлять доли (отдельных кластеров) по показателям оборота розничной торговли и численности населения за 2019 г., то можно наблюдать следующие диспропорции. В кластере Ниже среднего проживает 43,4 % населения (от общероссийского уровня), при этом на него приходится только 35,3 % оборота розничной торговли. Аналогич-

ная тенденция и в кластере Депрессия, где на 2,2 % населения приходится только 1 % оборота розничной торговли. Сложившиеся пропорции свидетельствуют о низкой покупательной способности населения.

Более сбалансирована ситуация в кластере Выше среднего, где проживает 35,2 % населения, на которые приходится 34,7 % оборота розничной торговли, и в кластере Ресурсные (на 1,7 % населения приходится 1,9 % оборота розничной торговли). Наиболее яркая и обратная по характеру диспропорция сложилась в кластере Столичные, где на 17 % населения приходится более 27 % оборота розничной торговли. То есть даже при 20-летней динамике к сокращению доли потребления в общероссийском объеме регионы данного кластера сохраняют повышенную долю потребления.

Также следует отметить, что главным объектом торговой инфраструктуры в сложившейся до коронавирусного кризиса модели работы розничного рынка являлись торговые центры, которые за счет концентрации потока людей (что составляет ключевое конкурентное преимущество торгового центра перед любой другой формой организации торговли) добивались относительно низкого уровня цен и транзакционных издержек. Также важным фактором обеспечения низких цен до пандемии было развитие сете-

вых торговых компаний, которые за счет масштабности товарных потоков обеспечивали более низкие цены.

Проникновение в розничную торговлю сетевых магазинов, являющихся в большинстве своем основными арендаторами в торговых центрах, в кластерах различно. Это соответственно также будет влиять на глубину изменений в структуре торговли и динамике цен в пандемию и после нее. Так, например, в кластере Депрессия доля оборота розничных торговых сетей в общем объеме розничной торговли в 2019 г. составляла всего 16,9 %, в то время как аналогичное значение для кластера Столичные составляло 48 %. Это обстоятельство обусловливает различные пути адаптации к новым реалиям. Если для кластера Столичные важным стало активное развитие онлайн торговли, то для кластера Депрессия важнейшую роль играют воспроизводство недостающего объема инфраструктуры мелкой розничной торговли и развитие нерыночных форм обмена.

При рассмотрении аналогичных показателей для рынка продовольственной продукции можно отметить, что наиболее высокий уровень развития сетевых магазинов наблюдается в кластерах Столичные и Ниже среднего. Если для регионов кластера Столичные это связано с высокой плотностью населения (здесь на 0,3 % территории РФ проживает 17,4 % населения), то для кластера Ниже среднего это обусловлено возможностями сетевых продуктовых магазинов устанавливать более низкие цены по сравнению с небольшими розничными точками продаж, что часто связано с продвижением более экономных товаров под собственным брендом или собственных торговых марок (СТМ) и связанное с этим снижение дифференциации номенклатуры [Дорофеева, 2020].

Изменение ценовых пропорций и условий ценообразования после пандемии

Первая тенденция, которая обращает на себя внимание, — это существенное сокращение цен в сегменте услуги. Изменение ценовой динамики представлено в таблице 2. Это подтверждает тезис о резком сокращении спроса на различные потребительские услуги [Потребительский спрос, 2020], который был приведен выше. Можно видеть, что в этом сегменте для четырех кластеров (кроме кластера Депрессия) складываются классические ценовые реакции, с падением спроса начинают сокращаться цены.

Противоположная ситуация наблюдается в кластере Депрессия, где, с одной стороны, из-за низкой платежеспособности присутствуют только услуги, которые можно отнести к категории первой необходимости (например, ЖКХ), а с другой стороны, вследствие роста издержек может происходить интенсивный отток поставщиков услуг с рынка, что повышает спрос и толкает уровень цен вверх.

Для непродовольственных товаров также наблюдаются разнонаправленные тенденции изменения цен. Для регионов Столичного кластера наблюдается замедление роста цен, что возможно благодаря масштабам рынка. Так, массовый перевод учащихся и работников на удаленный режим привел к всплеску спроса на компьютеры и ноутбуки. В Москве наблюдался рост продаж на 38 % (по сравнению с 2019 г.) в количественном выражении и 46 % в денежном [Эксперты: пик спроса ..., 2020)]. То есть имела место ситуация, когда, предоставляя небольшую скидку, продавцы обеспечивали сбыт более современной, производительной, высококачественной техники, которая была значительно дороже анало-

Таблица 2 Динамика цен на разные товарные категории в январе – июле 2019–2020 гг. в регионах различных групп (кластерах), %

Название кластера		Изменение динамики цен в январе – июле 2020 г. по сравне-								
	нию с январем – и	нию с январем – июлем 2019 г. на отдельные категории								
	продовольственные	продовольственные непродовольственные услуги								
	товары	товары								
Ниже среднего	87,5	27,8	-34,2							
Столичные	27,3	-17,4	-29,0							
Депрессия	51,9	280,0	41,7							
Ресурсные	36,4	70,0	-51,7							
Выше среднего	70,8	70,8 23,5 -31,6								

Примечание. Составлено авторами по: [Официальные статистические показатели, 2020].

гов. Для регионов других кластеров, где острота ограничительных мер оказалась существенно ниже, а масштабы рынка не столь существенны, ожидаемо наблюдался рост цен. Лидерами негативных тенденций вновь являются регионы кластера Депрессия, где рост цен обусловлен издержками, а сохранение таких параметров - низким уровнем развития розничного рынка и работой в сегментах только необходимых товаров. То есть те агенты рынка, которые присутствуют там, просто не могут уйти и перестать выполнять социальную функцию доставки необходимых непродовольственных товаров. Также существенно ускорился рост в регионах Ресурсного кластера, что обусловлено удаленностью и труднодоступностью. Наименьшие темпы роста цен наблюдаются в кластерах Выше среднего и Ниже среднего. С этой динамикой связано падение спроса. Однако, если в кластере Выше среднего вектор идет на откладывание спроса и накопление ликвидности в ситуации неопределенности, то в кластере Ниже среднего падение спроса на непродовольственные товары обусловлено очень интенсивным ростом цен на продовольствие, все деньги преимущественно уходят на питание.

Кроме того, высокому росту цен на продовольствие в кластерах Выше среднего и Ниже среднего способствуют очень высокий уровень развития сетей и отсутствие альтернативы в виде несетевых магазинов. В условиях благоприятной коньюнктуры они способны обеспечить более низкие цены и выиграть в конкурентной борьбе с мелкими магазинами. Однако в кризисный период, когда уже существует барьер для входа на рынок регионов местных производителей, сетевые компании склонны к поведению монополиста, стремящегося максимизировать свою прибыль. Однако интенсивный рост цен является стимулом для рыночной трансформации и для появления местных агентов.

Заключение

Учитывая анализ сложившихся тенденций, можно сказать, что до конца года для всех регионов, кроме кластера Депрессия, следует ожидать ускоренного роста цен на услуги, которые усиленно сдерживались в период острой фазы пандемии, что будет призвано наверстать понесенные убытки.

Также для кластеров Выше среднего и Ниже среднего факторами стабилизации цен на продовольственном рынке будут развитие конкурентной среды и появление, актуализация местных поставщиков продовольствия (причем не только в виде магазинов, но и в виде частной торговли, бартерного обмена, коллективной закупки продовольствия длительного срока хранения на базах и овощных хозяйствах).

Для кластера Столичных регионов, где благодаря масштабам рынка и развитой конкуренции наименее остро встал вопрос с ростом цен на все категории товаров и услуг, дальнейшее развитие будет связано с повышением качества (в части соответствия всем требованиям по безопасности). То есть веским основанием для повышения цен будет возможность купить товары или получить услуги в небольшом магазине (салоне), где не наблюдается скопление людей, а также осуществить покупку онлайн.

В кластере Ресурсные, где есть платежеспособность населения, высокие цены, обусловливают формирование отложенного спроса из-за повышенных издержек на доставку. Это создает предпосылки для дальнейшего роста цен.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

- Аникин А. В., 1985. Юность науки: Жизнь и идеи мыслителей-экономистов до Маркса. 4-е изд. М.: Политиздат. 367 с.
- Бём-Баверк О., 1884. Капитал и процент. Основы теории ценности хозяйственных благ // Библиотека «Мир книг». URL: https://mir-knig.com/read_ 327181-1# (дата обращения: 07.08.2020).
- Блауг М., 1994. Экономическая мысль в ретроспективе. 4-е изд. М.: Дело Лтд. 720 с.
- Бодрунов С. Д., 2019. Общая теория ноономики. М. : Культурная революция. 504 с.
- Вернадский В. И., 1988. Философские мысли натуралиста / отв. ред. А. Л. Яншин. М.: Наука. 520 с.
- Ветрова Е. А., Губанова Н. В., 2013. К вопросу о противоречиях в теориях ценообразования // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. N 12 (128). С. 39–42.
- Гужвин П. А., 2009. Концептуальные основы информационной теории стоимости // Вестник Саратовского государственного социально-экономического университета. № 1. С. 8–11.
- Дорофеева Л. В., 2020. Кризис проверка стран на устойчивость: использование опыта 2014 года // Экономика коронакризиса: вызовы и решения: сб. науч. тр. / под ред. Р. М. Нижегородцева. М.: ООО «НИПКЦ Восход-А». С. 36–43. DOI: 10.25728/coronacrisis.2020.7-dorofeyeva.
- Информационно-аналитические материалы, 2020 // Федеральная служба государственной статис-

- тики. URL: https://rosstat.gov.ru/compendium (дата обращения: 04.08.2020).
- Кенэ Ф., Тюрго А. Р. Ж., Дюпон де Немур П. С., 2008. Физиократы. Избранные экономические произведения / [пер. с фр.: А. В. Горбунов [и др.], пер. с англ. и нем.: П. Н. Клюкин]. М.: Эксмо. 1198 с.
- Литвинцева Г. П., 2002. Анализ ценовых диспропорций в российской экономике // Проблемы прогнозирования. № 4. С. 15–31.
- Ман Т., 1621. Рассуждение о торговле Англии с Ост-Индией. Ответ на различные возражения, которые обычно делаются против нее // Научная цифровая библиотека «Порталус». URL: https:// portalus.ru/modules/economics/rus_readme.php? subaction=showfull&id=1102593942&archive= 1254315027&start_from=&ucat=& (дата обращения: 06.08.2020).
- Маршалл А., 1891. Принципы экономической науки // Библиотечно-информационный комплекс Финансового университета при Правительстве РФ. URL: http://www.library.fa.ru/files/Marshall.pdf (дата обращения: 06.08.2020).
- Менгер К., 2005. Избранные работы. М.: Издательский дом «Территория будущего». 496 с.
- Нижегородцев Р. М., 2011. Неравновесная динамика макросистем и механизмы преодоления мирового кризиса. Новочеркасск: НОК. 100 с.
- Онищенко Г., 2020. Как защитить себя и близких // Газета «Российская кооперация». URL: https://rus.coop/ru/articles/gennadiy-onishchenko-daleksklyuzivnoe-intervyu-o-koronaviruse-/ (дата обращения: 04.08.2020).
- Официальные статистические показатели, 2020 // Единая межведомственная информационно-статистическая система (ЕМИСС). URL: https://www.fedstat.ru/ (дата обращения: 20.07.2020).
- Потребительский спрос: региональные различия. Бюллетень о текущих тенденциях российской экономики, 2020 // Аналитический центр при Правительстве РФ. URL: https://ac.gov.ru/uploads/2-Publications/BRE/_%D0%B8%D1%8E%D0%BB%D1%8C web.pdf (дата обращения: 10.08.2020).
- Путин В. В., 2006. Послание Федеральному Собранию Российской Федерации // Официальный сайт Президента РФ. URL: http://kremlin.ru/events/president/transcripts/23577 (дата обращения: 10.08.2020).
- Регионы России. Социально-экономические показатели: стат. сб., 2019. М.: Росстат. 1204 с.
- Рослякова Н. А., Митрофанова И. В., Дорофеева Л. В., 2020. Коронакризис и трансформация потребительского спроса в регионах России // Экономика: вчера, сегодня, завтра. Т. 10, № 5A. С. 448–468. DOI: 10.34670/AR.2020.46.64.052.
- Смит А., 1776. Исследование о природе и причинах богатства народов // Библиотека «Гумер». URL: https://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Econom/smit/smit 1.pdf (дата обращения: 05.08.2020).

- Тумаланов Н. В., 2010. Рынок и цена: институциональный аспект теории ценообразования // Вестник Чувашского университета. № 1. С. 500–505.
- Шпалтаков В. П., 2000. История экономических учений: Курс лекций. Ч. 1. Омск: Изд-во Омского гос. унта путей сообщения. 89 с.
- Эксперты: пик спроса на ноутбуки в России на фоне COVID-19 прошел, 2020 // РИА Новости. URL: https://ria.ru/20200720/1574574299.html (дата обращения: 08.08.2020).

REFERENCES

- Anikin A.V., 1985. Yunost nauki: Zhizn i idei myslitelejekonomistov do Marksa [The Youth of Science: The Life and Ideas of Economic Thinkers Before Marx]. Moscow, Politizdat. 367 p.
- Böhm von Bawerk O., 1884. Kapital i procent. Osnovy teorii cennosti hozyajstvennyh blag [Capital and Interest. Fundamentals of the Theory of the Value of Economic Goods]. *Biblioteka «Mir knig»* [The Library "World of Books"]. URL: https://mir-knig.com/read 327181-1#(accessed 7 August 2020).
- Blaug M., 1994. *Jekonomicheskaja mysl v retrospective* [Economic Theory in Retrospect]. Moscow, Delo Ltd Publ. 720 p.
- Bodrunov S.D., 2019. *Obshchaya teoriya noonomiki* [The General Theory of Noonomic]. Moscow, Kulturnaya revolutsiya Publ. 504 p.
- Vernadskij V.I., 1988. *Filosofskie mysli naturalista* [Philosophical Thoughts of a Naturalist]. Moscow, Nauka Publ. 520 p.
- Vetrova E.A., Gubanova N.V., 2013. K voprosu o protivorechiyah v teoriyah cenoobrazovaniya [About Question of Contradictions in Pricing Theories]. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki* [Bulletin of Tambov University. Series: Humanities], no. 12 (128), pp. 39-42.
- Guzhvin P.A., 2009. Konceptualnye osnovy informacionnoj teorii stoimosti [Conceptual Foundations of the Information Theory of value]. *Vestnik Saratovskogo gosudarstvennogo socialno-ekonomicheskogo universiteta* [Bulletin of the Saratov State Socio-Economic University], no. 1, pp. 8-11.
- Dorofeeva L.V., 2020. Krizis proverka stran na ustojchivost: ispolzovanie opyta 2014 goda [Crisis Testing Countries for Sustainability: Using the Experience of 2014]. Nizhegorodtsev R.M., ed. *Ekonomika koronakrizisa: vyzovy i resheniya: sb. nauch. tr.* [Economics of Coronacrisis: Challenges and Solutions: Collection of Scientific Works]. Moscow, OOO «NIPKTs Voskhod-A», pp. 36-43. DOI: 10.25728/coronacrisis. 2020.7-dorofeyeva.
- Informacionno-analiticheskie materialy, 2020 [Information and Analytical Materials]. Federalnaya sluzhba gosudarstvennoj statistiki [Federal State Statistics

- Service]. URL: https://rosstat.gov.ru/compendium (accessed 4 August 2020).
- Quesnay F., Turgot A.R.J., Dupont de Nemours P.S., 2008. Fiziokraty. Izbrannye ekonomicheskie proizvedeniya [The Physiocrats. Selected Economic Works]. Moscow, Eksmo Publ. 1198 p.
- Litvinceva G.P., 2002. Analiz cenovyh disproporcij v rossijskoj ekonomike [Analysis of Price Distortions in the Russian Economy]. *Problemy prognozirovaniya* [Studies on Russian Economic Development], no. 4, pp. 15-31.
- Mun T., 1621. Rassuzhdenie o torgovle Anglii s Ost-Indiej. Otvet na razlichnye vozrazheniya, kotorye obychno delayutsya protiv nee [A Dicsource of Trade from England to the East-Indies Answering To-Divers Objections Which Are Usually Made Against the Same]. Nauchnaya cifrovaya biblioteka «Portalus» [Scientific Digital Library "Portalus"]. URL: https://portalus.ru/modules/economics/rus_readme.php?subactionshowfull&id=1102593942&archive=1254315027&start_from=&ucat=& (accessed 6 August 2020).
- Marshall A., 1891. Principyekonomicheskoj nauki [Principles of Economics]. *Bibliotechno-informacionnyj kompleks Finansovogo universiteta pri Pravitelstve RF* [Library and Information Complex of the Financial University Under the Government of the RF]. URL: http://www.library.fa.ru/files/Marshall.pdf (accessed 6 August 2020).
- Menger C., 2005. *Izbrannye raboty* [Selected Works]. Moscow, Territoriya budushchego Publ. 496 p.
- Nizhegorodtsev R. M., 2011. *Neravnovesnaya dinamika makrosistem i mekhanizmy preodoleniya mirovogo krizisa* [Non-Equilibrium Dynamics of Macro Systems and Mechanisms for Overcoming the Global Crisis]. Novocherkassk, NOK Publ. 100 p.
- Onishchenko G., 2020. Kak zashchitit sebya i blizkih [How to Protect Yourself and Your Loved Ones]. *Gazeta «Rossijskaya kooperaciya»* [Newspaper "Russian Cooperation"]. URL: https://rus.coop/ru/articles/gennadiy-onishchenko-dal-eksklyuzivnoe-intervyu-o-koronaviruse-/(accessed 4 August 2020).
- Oficialnye statisticheskie pokazateli [Official Statistics], 2020. Edinaya mezhvedomstvennaya informacionnostatisticheskaya sistema (EMISS) [Unified Interdepartmental Information And Statistical System (UIISS)]. URL: https://www.fedstat.ru/ (accessed 20 July 2020).

- Potrebitelskij spros: regionalnye razlichiya. Byulleten o tekushchih tendenciyah rossijskoj ekonomiki, 2020 [Consumer Demand: Regional Differences. Bulletin on Current Trends in the Russian Economy]. *Analiticheskij centr pri Pravitelstve RF* [Analytical Center Under the Government of the RF]. URL: https://ac.gov.ru/uploads/2-Publications/BRE/_%D0%B8%D1%8E%D0%BB%D1%8C_web.pdf (accessed 10 August 2020).
- Putin V.V., 2006. Poslanie Federalnomu Sobraniyu Rossijskoj Federacii [Message to the Federal Assembly of the Russian Federation]. *Oficialnyj sajt Prezidenta RF* [Official Website of the President of the Russian Federation]. URL: http://kremlin.ru/events/president/transcripts/23577 (accessed 10 August 2020).
- Regiony Rossii. Sotsial'no-ekonomicheskie pokazateli: stat. sb., 2019 [Regions of Russia. Socio-Economic Indicators. Statistical Compilation]. Moscow, Rosstat. 1204 p.
- Roslyakova N.A., Mitrofanova I.V., Dorofeeva L.V., 2020. Koronakrizis i transformaciya potrebitelskogo sprosa v regionah Rossii [The Coronacrisis and Transformation of Consumer Demand in the Russian Regions]. Ekonomika: vchera, segodnya, zavtra [Economics: Yesterday, Today and Tomorrow], vol. 10, no. 5A, pp. 448-468. DOI: 10.34670/AR.2020.46.64.052.
- Smit A., 1776. Issledovanie o prirode i prichinah bogatstva narodov [Inquiry into the Nature and Causes of the Wealth of Nations]. *Biblioteka «Gumer»* [The Library "Gumer"]. URL: https://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Econom/smit/smit_1.pdf (accessed 5 August 2020).
- Tumalanov N.V., 2010. Rynok i cena: institucionalnyj aspekt teorii cenoobrazovaniya [Market and Price: The Institutional Aspect of the Theory of Pricing]. *Vestnik Chuvashskogo universiteta* [Bulletin of Chuvash University], no. 1, pp. 500-505.
- Shpaltakov V.P., 2000. *Istoriya ekonomicheskih uchenij: Kurs lekcij. Ch. 1* [History of Economic Teachings: A Course of Lectures. Part 1]. Omsk, Izd-vo Omskogo gos. un-ta putey soobshcheniya. 89 p.
- Eksperty: pik sprosa na noutbuki v Rossii na fone COVID-19 proshel, 2020 [Experts: The Peak Demand for Laptops in Russia on the Background of COVID-19 Passed]. *RIA Novosti* [Russian Information Agency (RIA) News]. URL: https://ria.ru/20200720/1574574299.html (accessed 8 August 2020).

Information About the Authors

Natalia A. Roslyakova, Candidate of Sciences (Economics), Researcher, Institute of Control Sciences of the Russian Academy of Sciences, Profsoyuznaya St, 65, 117997 Moscow, Russian Federation, roslyakovaNA@gmail.com, https://orcid.org/0000-0002-7511-2141

Lyudmila V. Dorofeeva, Candidate of Sciences (Economics), Associate Professor, Department of Public and Municipal Management, North-Western Institute of Management, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Prosp. Sredniy V.O., 57/43, 199178 Saint Petersburg, Russian Federation, dorofeevalucy@gmail.com, https://orcid.org/0000-0003-4789-3216

Информация об авторах

Наталья Андреевна Рослякова, кандидат экономических наук, научный сотрудник, Институт проблем управления им. В.А. Трапезникова РАН, ул. Профсоюзная, 65, 117997 г. Москва, Российская Федерация, roslyakovaNA@gmail.com, https://orcid.org/0000-0002-7511-2141

Людмила Владимировна Дорофеева, кандидат экономических наук, доцент кафедры государственного и муниципального управления, Северо-западный институт управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, просп. Средний В.О., 57/43, 199178 г. Санкт-Петербург, Российская Федерация, dorofeevalucy@gmail.com, https://orcid.org/0000-0003-4789-3216

DOI: https://doi.org/10.15688/re.volsu.2020.4.7

UDC 330.3 Submitted: 22.06.2020 LBC 65.2 Accepted: 05.08.2020

PUBLIC HEALTH PROTECTION AND ECONOMY: PRIORITIES OF POLITICAL AND ECONOMIC DECISIONS IN THE CONDITIONS OF PANDEMIC

Victoria S. Konovalova

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation

Artem S. Konovalov

Saratov Chernyshevsky State University, Saratov, Russian Federation

Igor M. Kublin

Socio-Economic Institute, Saratov State Tchnical University named after Yu.A. Gagarin, Saratov, Russian Federation

Irina V. Arakelova

Volgograd State Medical University of the Ministry of Healthcare of the Russian Federation, Volgograd, Russian Federation

Abstract. The coronavirus disease (COVID-19) pandemic has posed an unprecedented challenge to healthcare systems around the world. As of May 16, 2020, severe acute respiratory syndrome coronavirus-2 (SARS-CoV-2, which is the causative agent of COVID-19) was identified in the vast majority of countries. There are more than 4.6 million confirmed cases and more than 300 000 deaths worldwide, according to official sources. In addition, according to the latest forecasts of the development of the situation associated with the spread of the pandemic, COVID-19 could lead to about 40 million deaths worldwide this year. Such a scenario is possible, provided that a vaccine against coronavirus infection will not be developed soon. Currently, in the absence of pharmaceutical interventions which are effective enough to be used as a preventive measure and when there are no drugs, the main strategy for fighting COVID-19 focuses on non-pharmaceutical interventions. These non-pharmaceutical interventions typically include a package of mitigation and suppression measures (for example, isolation on a case-by-case basis, protection of vulnerable groups, closing schools, limitation of publicly planned or any other activities, and introduction of selfisolation throughout the country). Obviously, these measures, in particular social distancing, are aimed at risk minimization of SARS-CoV-2 contagion from person to person. Having found itself in emergency conditions, the Russian government faced a difficult task when making political and economic decisions: to increase funding for healthcare or to ensure the welfare of the country's economy. The aim of the article is to analyze and assess the degree of influence of the pandemic factor on the socio-economic situation, influence of the factors of the epidemic process on political and economic decision-making.

Key words: political decisions, economic decisions, decision-making process, pandemic, policy-making, economy, healthcare, COVID-19, Russian Federation.

Citation. Konovalova V.S., Konovalov A.S., Kublin I.M., Arakelova I.V., 2020. Public Health Protection and Economy: Priorities of Political and Economic Decisions in the Conditions of Pandemic. *Regionalnaya ekonomika*. *Yug Rossii* [Regional Economy. South of Russia], vol. 8, no. 4, pp. 76-86. (in Russian). DOI: https://doi.org/10.15688/re.volsu.2020.4.7

© Коновалова В.С., Коновалов А.С., Кублин И.М., Аракелова И.В., 2020

УДК 330.3 ББК 65.2 Дата поступления статьи: 22.06.2020 Дата принятия статьи: 05.08.2020

ОХРАНА ЗДОРОВЬЯ ГРАЖДАН И ЭКОНОМИКА: ПРИОРИТЕТЫ ПОЛИТИКО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ РЕШЕНИЙ В УСЛОВИЯХ ПАНДЕМИИ

Виктория Сергеевна Коновалова

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, г. Москва, Российская Федерация

Артем Сергеевич Коновалов

Саратовский национальный исследовательский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского, г. Саратов, Российская Федерация

Игорь Михайлович Кублин

Социально-экономический институт – Саратовский государственный технический университет им. Ю.А. Гагарина, г. Саратов, Российская Федерация

Ирина Владимировна Аракелова

Волгоградский государственный медицинский университет Минздрава России, г. Волгоград, Российская Федерация

Аннотация. Пандемия коронавирусной болезни 2019 (COVID-19) бросила беспрецедентный вызов системам здравоохранения всех стран мира. По состоянию на 16 мая 2020 г. тяжелый острый респираторный синдром коронавирус-2 (SARS-CoV-2, который является возбудителем COVID-19) был обнаружен в подавляющем большинстве стран. Согласно официальным источникам по всему миру наблюдается более чем 4,6 млн подтвержденных случаев заболевания и более 300 000 смертей. Кроме того, по последним прогнозам развития ситуации, связанной с распространением пандемии, COVID-19 может привести к примерно 40 млн смертей в мире в этом году. Такой сценарий возможен при условии, если в скором времени не будет разработана вакцина против коронавирусной инфекции. На сегодняшний день, в отсутствии фармацевтических мер, являющихся достаточно эффективными для их применения в качестве профилактических средств или лекарственных препаратов, основная стратегия борьбы с COVID-19 была сосредоточена на вмешательствах нефармацевтического характера (ВНХ). Эти ВНХ, как правило, включают в себя пакет мер по смягчению и подавлению (например, изоляция по конкретному случаю, защита уязвимых групп, закрытие школ, ограничение общественных запланированных или любых других мероприятий и введение самоизоляции по всей стране). Очевидно, что данные меры, в частности социальное дистанцирование, направлены на минимизацию риска передачи SARS-CoV-2 от человека к человеку. Оказавшись в чрезвычайных условиях, перед руководством России встала непростая задача в области принятия политико-экономических решений: увеличить финансирование здравоохранения или обеспечить благосостояние экономики страны. Целью исследования является анализ и оценка степени воздействия фактора пандемии на социально-экономическую ситуацию, влияния факторов эпидемического процесса на принятие политико-экономических решений.

Ключевые слова: политические решения, экономические решения, процесс принятия решений, пандемия, формирование политики, экономика, здравоохранение, COVID-19, Российская Федерация.

Цитирование. Коновалова В. С., Коновалов А. С., Кублин И. М., Аракелова И. В., 2020. Охрана здоровья граждан и экономика: приоритеты политико-экономических решений в условиях пандемии // Региональная экономика. Юг России. Т. 8, № 4. С. 76-86. DOI: https://doi.org/10.15688/re.volsu.2020.4.7

Введение и постановка проблемы

Процесс принятия политико-экономических решений имеет особую важность для изучения в условиях кризиса, когда будущий результат от применяемых мер сложно спрогнозировать. В быстро изменяющейся кризисной ситуации повышается риск когнитивных иска-

жений при принятии решений, что негативно воздействует на скорости и результативности политических и экономических мер. Экономика в здравоохранении включает разработку методов рационального использования материальных и финансовых ресурсов, связанных с медицинским обслуживанием населения и охраной его здоровья.

Исследование функциональных элементов, способствующих формированию государственной политики в кризисной ситуации, о значимости которых говорил еще основоположник современной политологии Г.Д. Лассвелл, представляют собой теоретическую основу для данного исследования [Lasswell, 2013].

В качестве методологической основы реализации цели используются методы сравнительного анализа, индукции, дедукции, обобщения, метод системного анализа, экспертных оценок, а также методы, позволяющие проанализировать массивы информации, среди них контенти и ивент-анализ.

Беспрецедентный масштаб пандемии COVID-19 создает значительный риск сбоев в бизнесе и более длительного сокращения производства, превращая тем самым немедленный кризис в долгосрочное искаженное равновесие производительности, рынков труда и потенциала роста. Рост количества пациентов, обращающихся за медицинской помощью, в начале вспышки COVID-19 создал огромную нагрузку на системы здравоохранения стран во всем мире. Кроме того, под угрозой оказалась эффективность функционирования огромного числа секторов экономики. В результате государственные структуры начали активно изменять политический курс, подстраивая его под новые условия, с целью снизить риски в период пандемии. Большая часть правительств закрыли свои границы и ввели ограничения на передвижения внутри страны, запустили дистанционную форму осуществления рабочей деятельности и обучения. Тем не менее стоит учитывать, что реагирование на кризис и последующие меры наиболее тесным образом зависят от государственной политики, политических действий официальных лиц, социальных групп, контекстных условий, а также от того, как происходит взаимодействие внутреннего политического курса государства и глобального уровня принятия политико-экономических решений [Воронов, Валькович, 2001].

Реагирование на кризис, согласно А. Бойну и П. Т'Арту, происходит на двух уровнях: операционном и стратегическом. Первый ориентирован на выполнение целей, заложенных на втором уровне, и относится к поведению непосредственно на месте. Этот уровень включает в себя лиц, задействованных в сфере здравоохранения, ответственных лиц по чрезвычайным ситуациям и других специалистов, в обязаннос-

ти которых входит выполнение поставленных задач в политическом курсе. Второй уровень затрагивает политических деятелей, которые непосредственно принимают и проводят стратегический политический курс. Управление кризисом зависит от слаженных действий обоих уровней [Boin, Hart, 2010].

Вмешательства нефармацевтического характера (ВНХ) являются эффективными (например, для смягчения пика эпидемии, предотвращения перегрузки систем здравоохранения и снижения заболеваемости), эти долгосрочные меры также связаны со значительной безработицей, экономическими трудностями и социальными потрясениями (страны с ограниченными ресурсами показывают среднее падение доходов на 70 % и расходов на потребление на 30 %). Растет обеспокоенность по поводу того, являются ли эти длительные вмешательства эффективными, учитывая широко распространенные негативные явления в экономической устойчивости и возможностях сектора здравоохранения во всем мире. В результате многие страны в настоящее время рассматривают возможность снятия ограничений, увеличивая вероятность распространения заболевания. В этом отношении динамические ВНХ с интервалами смягченного социального дистанцирования могут служить реалистичной альтернативой для достижения целей ВНХ с минимальными неблагоприятными социально-экономическими последствиями. Тем не менее остается неясным: 1) какой должна быть частота и продолжительность таких динамических ВНХ; 2) каким должен быть идеальный «разрыв», когда вмешательства могут быть временно ослаблены, прежде чем резко увеличивается рост числа заболевших; 3) какую стратегию ВНХ следует адаптировать в глобальном масштабе по регионам с разнообразной медицинской и экономической инфраструктурой. Решение этих проблем имеет важное значение для разработки выполняемых, специфичных для контекста политик для предотвращения краха систем здравоохранения.

Россия начала реагировать на вспышку COVID-19 в конце января 2020 года. Объявленные к настоящему времени антикризисные меры правительства составляют примерно 1,4 трлн руб., или примерно 1,2 % ВВП, что меньше, чем во многих странах ОЭСР, где меры стимулирования превышают 10 % ВВП. Конкретные меры экономической поддержки, введенные федеральными и региональными правительствами и Цен-

тральным банком России (ЦБ РФ), в значительной степени совпадают с мерами, введенными в других странах, с определенными инструментами, нацеленными на региональные бюджеты, МСП, затронутые сектора и крупные, системно значимые компании. По состоянию на середину апреля 2020 г. Всемирный банк внес в каталог 723 меры политики, принятые в 113 странах для поддержки фирм в ответ на кризис COVID-19. Две трети этих мер предназначены для доступа к финансированию посредством новых займов на льготных условиях, отсрочки платежа, кредитных гарантий и поддержки занятости в виде субсидий на заработную плату и трансфертов работающим не по найму. Дополнительные 15 % мер поддержки связаны с различными формами отсрочки налогообложения.

Конкретные рыночные меры как в странах с высоким уровнем дохода, так и в развивающихся странах по-прежнему сосредоточены на секторах туризма и транспорта, в частности авиации, за которыми следуют другие услуги.

В цифровом секторе меры сосредоточены на внедрении цифровых технологий и цифровых платежей. В сфере услуг подсектора, получившие наибольшую поддержку вне туризма, включают транспорт, частное здравоохранение и строительство, причем последние связаны главным образом с инфраструктурой здравоохранения.

Наиболее часто используемые инструменты включают в себя поддержку долгового финансирования, занятости (исключая безработицу и специфичные для работников меры) и налогообложение. Политические меры были разделены на 11 категорий: долговое финансирование, бизнес-затраты, спрос, производство, налоги, поддержка занятости, деловой климат, бизнес-консультации, регулирование, модернизация бизнеса и другие финансы.

Результаты и апробация исследования

По статистике, представленной университетом Дж. Хопкинса на 24.05.2020 г., Россия находится на 3-м месте в мире по числу подтвержденных случаев заболевания COVID-19 [COVID-19 Dashboard ..., 2020]. Согласно официальной информации о коронавирусе в России «Стопкоронавирус.РФ» на начало июня было выявлено 414 878 заболевших, 175 877 человек выздоровело, 4 855 умерло, при 187 237 активных случаях [Отчет о текущей ситуации ..., 2020]. Первый случай заболевания новым COVID-19 про-

изошел 1 марта. 29 марта властями Москвы и Московской области был введен режим домашней самоизоляции, вслед за которыми самоизоляцию ввели еще 16 регионов РФ. 30 марта Президент России В.В. Путин объявил неделю с 30 марта по 3 апреля нерабочей с сохранением зарплат. Затем нерабочая неделя была продлена до 30 апреля. Потом было еще одно продление до 11 мая. После, с 12 мая, единый период нерабочих дней для всей страны и для всех отраслей экономик завершился, и страна перешла на постепенное снятие ограничений. Тем не менее режим самоизоляции в г. Москве и Московской области, как и во многих других регионах страны, был продлен до 31 мая 2020 года [Совещание с полномочными представителями ..., 2020; Российская Федерация. Указы мэра ..., 2020].

По мере роста заболеваемости становилось ясно, что система здравоохранения в России не была готова к такой эпидемии. Известно, что эффективность и результативность в принятии политико-экономических решений зависит не только от того, как государственные структуры будут реагировать на кризис, но в большей мере, как происходит подготовка к такой ситуации. В России, несмотря на постепенное увеличение государственных расходов на здравоохранение, наблюдается неэффективность ее функционирования. О необходимости ее реформирования заявляла председатель Совета Федерации В.И. Матвиенко. По ее инициативе началась реализация национального проекта «Здравоохранение», цель которого заключается в обеспечении стабильного финансирования, решении дефицита медицинского персонала в определенных областях, повышении качества социальных услуг, поощрении координации между федеральными и региональными органами данной сферы [Сенаторы обсудили ..., 2020]. Тем не менее Правительству РФ пришлось в срочном порядке принимать меры по подготовке медицинской сферы к пику заболеваемости коронавирусом.

В частности, на начальном этапе роста инфицирования отмечалась нехватка коек инфекционного профиля, медработников (В.В. Путин призвал при необходимости привлекать к работе ординаторов, преподавателей и студентов), новейшей или отремонтированной медицинской техники (например, аппаратов ИВЛ в среднем по России на 100 тыс. человек приходится 28 штук), наблюдается также дефицит средств индивидуальной защиты (так, одной из поликлиник Минобороны было поручено самостоятельно шить

маски, а заместитель министра здравоохранения Краснодарского края призвала младший медперсонал шить бахилы, поскольку это является обычной практикой медучреждений) [Совещание с полномочными представителями ..., 2020]. Однако к пику заражения, по сообщениям местных властей, регионы страны были подготовлены в достаточно короткие сроки. В результате 24 мая глава Роспотребнадзора А.Ю. Попова заявила, что больше половины субъектов России (44 из 85) могут приступить к начальному этапу смягчения ограничений. Тем не менее россиянам предстоит ожидать рост смертности от COVID-19, как показывает опыт других стран, он идет за пиком заболеваемости. За все время распространения коронавируса на территории РФ нехватки в оборудованных койках или медперсонала не наблюдалось.

Не менее важно обозначить меры Правительства РФ по поддержке здравоохранения. По состоянию на 24 мая 2020 г. было профинансировано производство оборудования и продукции для лечения эпидемиологических заболеваний. В частности, были одобрены займы под 1 % суммой на 14,5 млрд руб., 30 проектам выделено больше 10 млрд руб., 2 млрд руб. выплачено ФГУП «Московский эндокринный завод», который занимался производством медицинских масок. К 1 июня выпускалось до 4 млн масок в день. Страховые выплаты медперсоналу, заразившемуся коронавирусной инфекцией, Правительство РФ распорядилось выплатить в размере 11,5 млрд рублей. Также было поставлено произвести стимулирующие выплаты медицинским работникам за особые условия труда и нагрузку сверх нормы [Отчет о текущей ситуации ..., 2020].

Очевидно, что введение строгих мер самоизоляции на как можно более ранней стадии было необходимым для того, чтобы снизить нагрузку на здравоохранение страны и подготовить ее к чрезвычайной ситуации. Более того, пандемия доказывает, что система здравоохранения обладает гибкостью по отношению к адаптации в кризисной ситуации [Оперативный штаб озвучил ..., 2020].

Примечательной представляется статистика, опубликованная Центром «Досье», где был отражен рост числа заразившихся новой коронавирусной инфекцией в Москве [Анализ мер Правительства РФ ..., 2020]. В данной таблице приведены показатели по росту заболеваемости коронавирусом при условии, если бы не были приняты меры по противодействию распространению заболевания. Как видно из данных таблицы, без

введения карантина в Москве число заболевших превысило бы 2 млн человек, а смертность превысила бы обычный уровень в 10–15 раз.

С увеличением расходов на систему здравоохранения, социальные выплаты, поддержку бизнеса растет давление на финансовую систему страны. Настоящий кризис, вызванный COVID-19, будет иметь как краткосрочные, так и долгосрочные последствия для экономики России. Объявленный нерабочий период, затянувшийся более чем на месяц, сильно отразится на экономическом развитии страны.

Согласно мнению председателя ЦБ Э.С. Набиуллиной, ВВП России сократится на 1,5–2 %, а инфляция составит 3,8-4,8 %, в результате чего экономика страны в 2020 г. окажется в отрицательной зоне. Центр макроэкономического анализа и краткосрочного прогнозирования (ЦМАКП) составил прогноз, что падение российского ВВП в 2020 г. составит 2,3-2,5 %, в 2021 г. – 0,5-0,8 %. В целом падение ВВП окажется около 3 %. Рост экономики страны ожидается лишь в 2022 г. и составит 0,6-1 %. Следует учесть, что такие показатели возможны только при благоприятном развитии событий [Экономисты предупредили ..., 2020]. Кризис, вызванный коронавирусом, также негативно скажется и на реальных доходах населения, спад в которых составит 5-7 %.

По мнению замдиректора Института народнохозяйственного прогнозирования А.А. Широва, такие показатели могут стать худшими за последние два года. Наибольшее падение ожидается в инвестиционной и потребительской сферах. Министр экономического развития М.Г. Решетников сообщил, что совокупные издержки ВВП страны составляют около 100 млрд руб. в день [В Минэкономразвития оценили ..., 2020]. Остановка секторов бизнеса становится причиной, по которой предприятия отправляют в вынужденный отпуск своих сотрудников или урезают им заработные платы. ЦМКАП предупреждает, что резкого роста уровня бедности и безработицы не избежать. Нерабочий период в совокупности с падением цен на нефть могут привести к тому, что крупные предприятия не переживут кризис и не смогут вернуться в докризисные темпы.

Для смягчения отрицательного воздействия на экономику Правительство РФ приняло два антикризисных пакета на сумму в 2,1 трлн руб., что составляет 2,8 % ВВП. Однако, по мнению ряда экспертов, таких как глава Счетной палаты А.Л. Кудрин, упоминаемый выше А.А. Широв,

Таблица

Показатели по росту заболеваемости коронавирусом в г. Москве

	Количество б	ольных, чел.	Тяжелые случаи, чел. Умери			их всего, чел.	
Дата	без жесткого карантина	карантин с 26.03.2020	без жесткого карантина	карантин с 26.03.2020	без жесткого карантина	карантин с 26.03.2020	
15.03.20	500	500	6	6	—		
20.03.20	1 170	1 170	14	14	_	_	
25.03.20	2 729	2 729	35	35	_	_	
01.04.20	8 863	8 863	121	121		_	
05.04.20	17 336	17 336	242	242	4	4	
10.04.20	40 084	40 084	568	568	12	12	
15.04.20	92 642	92 642	1 322	1 322	32	32	
20.04.20	214 661	214 661	3 067	3 067	79	79	
25.04.20	494 661	255 932	7 101	7 101	187	187	
01.05.20	1 351 378	184 792	19 421	18 184	516	516	
05.05.20	2 240 562	77 203	37 965	21 254	1 013	1 013	
10.05.20	2 188 872	30 786	87 740	22 035	2 3 4 4	2 344	
15.05.20	1 505 587	19 326	174 725	22 161	5 422	3 033	
20.05.20	527 972	9 408	194 567	22 181	12 532	3 145	
25.05.20	189 508	1 553	200 946	22 184	24 959	3 164	
31.05.20	124 568	211	200 946	22 185	28 704	3 167	
05.06.20	28 884	70	200 946	22 185	28 704	3 167	
10.06.20	7 057	47	200 946	22 185	28 704	3 167	

Примечание. Составлено по: [Анализ мер Правительства ..., 2020].

государству придется увеличить этот процент от ВВП до 6–8 % [Вызов года, 2020]. Правительство РФ также разработало «План преодоления экономических последствий новой коронавирусной инфекции». Всего Планом будут затронуты 5,3 млн человек и 526 тыс. наиболее пострадавших предприятий.

В частности, в качестве господдержки малого и среднего бизнеса планируется предоставить выплаты и субсидии, льготные условия, отсрочки по кредитам, штрафам и арендным платам, налоговые послабления. Следует отметить, что Фонд национального благосостояния (ФНБ) накопил до 18 трлн руб., которые должны покрыть рецессию в экономике. Однако имеющиеся в распоряжении ФНБ средства, согласно бюджетному правилу, можно использовать для покрытия дефицита, вызванного нефтегазовым сектором. Вследствие этого, необходимо найти дополнительные источники, которые смогут вытянуть экономику РФ из кризисной ситуации, вызванной COVID-19. Одним из таких источников может стать строительство. По словам директора Института народнохозяйственного программирования Б.Н. Порфирьева, строительный сектор отличается мультипликативным эффектом, и как ожидается, он будет драйвером экономического роста вплоть до 2024 года [Борис Порфирьев, 2020].

Размышляя о стратегических последствиях и критических последствиях применения COVID-19 для отдельных лиц и обществ, эта пандемия заставляет нас пересмотреть образ жизни. Отдельные лица и общества во всем мире были подвержены этой новой неизвестной и невидимой угрозе, которая привела к заражению миллионов людей и к гибели более 400 тыс. человек.

Глобальные нормы будут коренным образом изменены, процесс, который мы уже наблюдаем и который предъявляет больше требований к правительствам стран. В то же время наш образ жизни - трансформация социальной дистанции сместит личную и профессиональную ориентацию людей на современные возможности коммуникаций, предлагаемые миром высоких технологий. Индивидуализм и виртуальная связь в сочетании с электронной ответственностью и защитой данных будут в основном укреплять и формировать социальные и культурные парадигмы наших обществ в качестве движущей силы технологического ускорения. Социально сглаженные и интеллектуальные средства к существованию, обеспечиваемые появляющимися технологиями, дают гибкость, возможности подключения и экономические преобразования, которые бросают вызов нашему традиционному мышлению и рабочим практикам.

Преимущества цифровой адаптации и социальной интеграции через технологические инструменты приведут к перспективному будущему электронного здравоохранения, электронного управления и электронного образования. Инновации, которые могут заставить общество функционировать более гладко во времена социальной напряженности. Однако такая индивидуальная и общественная взаимосвязь потребует отслеживаемого измерения рисков и уязвимостей в цифровой и технологической областях, дополняемых новой общественной культурой информационной грамотности и цифрового обучения.

Анализируя непосредственные стратегические последствия и критическое воздействие COVID-19 на государства, пандемия стала тревожным сигналом для каждого правительства, чтобы усилить механизмы устойчивости и потенциала своих систем здравоохранения. COVID-19 повышает требования государств и международных организаций к обновлению оценки рисков, связанных с угрозами со стороны человека, которые должны быть подкреплены действиями по обеспечению ответственности и отражены в национальных планах реагирования на кризисы, политических руководящих принципах и национальных стратегиях.

Хотя в этих национальных планах реагирования и стратегиях подчеркиваются приоритеты и императивы действий государства или международных организаций по достижению определенного набора целей, в них также определяются способы принятия и реализации стратегических действий в краткосрочной и долгосрочной перспективе. Поскольку процесс определения благоприятного исхода может быть долгосрочным и должен своевременно осуществляться, так же необходимы немедленные действия для стабилизации экономики, пострадавшей от пандемии.

В настоящее время стратегические действия государств требуют массивной мобилизации ресурсов и возможностей, чтобы успокоить компании и население перед лицом такого кризиса. Будущее экономической системы государства будет зависеть от способности правительства находить новый набор экономических инструментов, которые позволят экономикам постепенно перезагружать свои функции в эпоху цифровизации, ускоренного регионализма и деглобализации. Синхронизация усилий государства с частным сектором, международными организациями и другими финансовыми институтами имеет важное значение.

Такие совместные усилия могут потенциально привести к экономическим преобразованиям и инновациям, разумной экономике потребления и устойчивости. Но это будет означать действия государства, направленные на более широкое участие различных заинтересованных сторон, гибкость и более высокую оперативную эффективность в процессе принятия решений. Государства должны будут использовать возникающие возможности в области технологий, и предоставить большую автономию частному сектору для содействия инновационным решениям и создания сходящихся эффектов для достижения экономического восстановления. Адаптация государства к изменяющейся ситуации станет частью пути к новым сложившимся реалиям среды безопасности.

Следует также отметить, что риски кибербезопасности (такие как кибермошенничество) могут быть повышены из-за более широкого использования онлайновых и других цифровых платежей, в том числе новыми пользователями, и потенциального ослабления некоторых мер по управлению рисками в контексте кризиса. Финансовые учреждения и предприятия розничной торговли должны быть готовы постоянно корректировать меры по борьбе с мошенничеством с учетом изменения поведения потребителей. Согласно опросу, проведенному среди 1 068 взрослых американцев, TransUnion обнаружил, что 22 % были жертвами цифрового мошенничества, связанного с коронавирусом, в то время как число активных фишинговых сайтов возросло с 149 тыс. в январе до более 500 тыс. - в середине марта, согласно новому отчету из Atlas VPN.

Важно убедиться, что новые лимиты для увеличения объема транзакций не должны вызывать опасений. В ряде стран временно увеличены лимиты транзакций и баланса, особенно для тех продуктов счетов/платежей, которые используются населением, более уязвимым для COVID-19. Однако важно обеспечить, чтобы новые лимиты не создавали проблем с безопасностью, особенно для счетов, открытых посредством упрощенных процедур надлежащей проверки клиентов.

Важно осознавать большие цифровые разногласия в обществе. Во многих странах с формирующимся рынком и в развивающихся странах, где власти недавно призвали к более широкому использованию цифровых платежей, доступ к этим альтернативам не является универсальным. Это означает, что некоторые слои населе-

ния могут не иметь средств для их использования, что может привести к еще большему цифровому разрыву как непреднамеренному следствию. Неравномерное развитие процесса цифровизации регионов России становится существенным барьером для развития цифрового здравоохранения [Митрофанова и др., 2019].

Наконец, рассматривая стратегические последствия и влияние COVID-19 на международную систему, пандемия бросает вызов нашим нынешним представлениям о власти. Этот вызов власти может привести к серьезному внутреннему конфликту и региональной нестабильности, поскольку традиционные центры власти и влияния демонстрируют признаки слабости. Большинство великих держав будут испытывать более медленный экономический рост в результате уроков COVID-19, которые могут снизить уровень их амбиций и военного присутствия в зонах их интересов, а также уменьшить их влияние на зоны присутствия.

Вместо этого будет происходить активизация действий в направлении политической эксплуатации кризиса после COVID, который будет узаконен военными и невоенными средствами и извлечет выгоду из социальной поляризации и общественного недоверия к правительствам. Кроме того, некоторые из ограничительных мер и инструментов, используемых для борьбы с COVID-19, также бросают вызов традиционным ценностям, таким как свобода, демократия и религиозная практика, которые будучи добавленными к сильным популистским движениям могут увеличить существовавшие ранее трещины в государствах и в случае их возникновения в крупных державах могут привести к переопределению порядка.

В эпоху стратегической геополитической конкуренции перераспределение военных и политических сил повлияет на Европу и США, что вполне может привести к пересмотру глобальных цепочек поставок, в которых в настоящее время доминирует Китай. Некоторые действия по объяснению причин этого кризиса Китаем могут усилить напряженность между основными державами и создать соперничество и конфронтацию между ними.

Длительные периоды слабого спроса и предложения могут привести к росту структурной безработицы, постоянному снижению основного капитала и значительному ослаблению «духа животных». Поэтому выравнивание кривой рецессии (для учета как ее высоты, так и продолжительности) имеет решающее значение.

В периоды глубоких финансовых и корпоративных проблем, особенно если они вызваны внешними по отношению к сектору факторами, даже производительные банки и фирмы могут столкнуться с широко распространенными сбоями, которые могут подорвать производственный потенциал экономики и функционирование финансовых рынков.

Кроме того, фискальные издержки по спасению банков и фирм могут стать непомерно высокими (как это было во время кризиса в Восточной Азии в 1990-х гг.), что вынудит правительства затем сократить другие производительные расходы, чтобы создать фискальное пространство для катапультирования. Это говорит о необходимости сглаживания кривой финансового бедствия.

Несмотря на высокий уровень неопределенности, своевременные, ограниченные по времени, целевые и прозрачные меры могут помочь уменьшить риски. Необходимо оценить дополнительные потребности в финансировании, подготовить дополнительный бюджет и перераспределить государственные расходы. Это также может повлечь за собой сокращение расходов с более низким приоритетом, в том числе на менее важную инфраструктуру, финансируемую из внутренних источников, и новые инвестиционные проекты, направленные на более важные приоритетные расходы.

Существуют риски, присущие любому кризисному реагированию, учитывая как срочность, так и масштаб необходимых действий.

Основываясь на уроках, извлеченных из предыдущих экономических потрясений, включая мировой финансовый кризис 2008 г., следует отметить две конкретные проблемы.

Необходимо предпринять усилия, чтобы сосредоточиться на поддержке предприятий, ориентированных на рост (включая стартапы), реструктуризации фирм и избегании мер, которые рискуют поддержать зомби-фирмы.

В большинстве текущих сценариев предполагается, что этап восстановления продлится 18 месяцев после прекращения вспышки, и в течение этого периода многие фирмы, включая как крупные корпорации, так и МСП, столкнутся с риском несостоятельности. Недостаточные ресурсы для поддержки фирм должны быть приоритетными для тех предприятий, которые продемонстрировали докризисную жизнеспособность (что подтверждается 2019-м или последней доступной информацией баланса), чтобы избежать поддер-

жки несостоятельных фирм за счет более производительных предприятий. Это поможет ускорить период восстановления и минимизировать долгосрочные экономические искажения.

Политика должна быть четко определена, как потери будут социализированы. Поскольку кризис сохраняется и проблемы с ликвидностью становятся проблемами с платежеспособностью, важно четко понимать, как потери будут обобществлены. С экономической точки зрения такой шок, как пандемия COVID-19, был по сути невыгодным, и он по-разному повлияет на отдельные фирмы и домохозяйства. В этом контексте только правительство может служить страховщиком последней инстанции. Кроме того, шок и ответ могут непрозрачно распределить затраты по экономике или по поколениям. Социализация потерь неизбежно связана с трансфертами и спасением. Этот процесс должен восприниматься как справедливый, если страны хотят поддерживать социальную сплоченность. Принимая во внимание все вышесказанное, COVID-19 уже оказал огромное влияние на условия безопасности, и его влияние на отдельных лиц, государства и международный порядок будет по-прежнему меняться в обозримом будущем. С учетом этих обстоятельств проблемы управления будут оставаться эффективными и действенными, имея возможность устанавливать и осуществлять согласованные приоритетные действия и быстро реагировать на эту сложную, неопределенную и нестабильную обстановку в области международной безопасности, продолжая при этом обеспечивать доверие своих граждан.

Заключение

Таким образом, в чрезвычайных условиях руководство России оказалось перед непростой дилеммой: было необходимо принять решение об увеличении финансирования здравоохранения или обеспечении благосостояния экономики страны и, как следствие, будущего благосостояния всего общества. Правительство РФ сделало выбор в пользу первого, что неизбежно причинило огромный ущерб последнему. Сегодня пандемия вскрыла множество уязвимых мест в различных общественно значимых системах. Например, быстрая реорганизация медицинской сферы услуг и необходимость введения режима самоизоляции для всего населения показали, что система здравоохранения России не готова к таким чрезвычайным ситуациям. Следовательно, несмотря на высокий уровень адаптационных возможностей, и мер реагирования на ситуацию, очевидна важность вложения значительных инвестиций в подготовку этой государственной отрасли к кризису. Свою неэффективность ввиду зависимости от нефтяного сектора в очередной раз показала российская экономика. Для ее роста и быстрого оздоровления потребуется перестроить саму структуру всей экономической системы страны и провести модернизацию - вопросы, которые назрели уже давно. Эксперты заявляют, что произвести прогноз темпов выхода экономики из сложившейся ситуации даже на 2021 г. сложно, поскольку это зависит в большей мере от политических решений страны. Последние, в свою очередь, сегодня приобретают новую форму. В настоящее время от государственных структур требуется принятие оперативных политико-экономических решений, выстраивающихся вокруг ситуативных особенностей в каждом конкретном регионе. Президент России В.В. Путин на совещании глав регионов 8 апреля отметил необходимость ухода от стандартных процедур реагирования, назвав их в современных реалиях неэффективными, и призвал лиц, определяющих политический курс страны, прогнозировать возможные последствия тех или иных решений, а также заранее подготавливать план действий к каждому варианту развития событий.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

- Анализ мер Правительства РФ по борьбе с COVID-19, 2020 // Досье. URL: https://dossier.center/covid19/ (дата обращения: 24.05.2020).
- Борис Порфирьев: нужны нестандартные решения, 2020 // Интерфакс. URL: https://www.interfax.ru/interview/703317 (дата обращения: 25.05.2020).
- Воронов А. А., Валькович О. Н., 2001. Новые идеи в повышении качества медицинского обслуживания в России в XXI веке // Экономика здравоохранения. № 7-8. С. 62–65.
- В Минэкономразвития оценили потери экономики изза коронавируса, 2020 // РИА Новости. URL: https://ria.ru/20200424/1570539138.html (дата обращения: 25.05.2020).
- Вызов года. Ответственное производство и потребление, 2020 // Российская газета. URL: https://rg.ru/2020/05/11/chto-proizojdet-s-rossijskoj-ekonomikoj-v-2020-godu.html (дата обращения: 25.05.2020).
- Митрофанова И. В., Иншакова Е. И., Рябова И. А., Щербина А. Б., 2019. Цифровизация социохозяйственного комплекса Южного федерального округа: первые итоги реализации национальной про-

- граммы // Региональная экономика. Юг России. Т. 7, N 4. С. 70–87.
- Оперативный штаб озвучил статистику по заболеваемости новой коронавирусной инфекцией в России на 1 июня, 2020 // СТОПКОРОНАВИРУС.РФ. URL: https://стопкоронавирус.рф/news/20200601-1035.html (дата обращения: 01.06.2020).
- Отчет о текущей ситуации по борьбе с коронавирусом, 2020 // Коммуникационный центр Правительства РФ. URL: https://xn—80aesfpebagmfblc0a. xn—p1ai/ai/html/3/attach/2020-05-24_coronavirus_ government_report.pdf (дата обращения: 24.05.2020).
- Российская Федерация. Указы мэра Москвы. О внесении изменений в указ Мэра Москвы от 5 марта 2020 г. № 12-УМ: указ мэра Москвы от 29 марта 2020 г. № 34-УМ, 2020 // Российская газета. URL: https://rg.ru/2020/05/27/moscow-ukaz61-reg-dok.html (дата обращения: 25.05.2020).
- Сенаторы обсудили с министром здравоохранения Российской Федерации В. Скворцовой реализацию национального проекта, 2020 // Совет Федерации. URL: http://council.gov.ru/events/news/98425/ (дата обращения: 24.05.2020).
- Совещание с полномочными представителями Президента, 2020 // Kremlin.ru. URL: http://kremlin.ru/events/president/news/63084 (дата обращения: 24.05.2020).
- Экономисты предупредили о двухлетней рецессии в России, 2020 // PБК. URL: https://www.rbc.ru/economics/05/04/2020/5e889d2f9a79478c8de8f34e (дата обращения: 25.05.2020).
- Boin A., Hart P., 2010. Organising for Effective Emergency Management: Lessons from Research // The Australian Journal of Public Administration. № 69 (4). C. 357–371. URL: https://onlinelibrary. wiley.com/doi/epdf/10.1111/j.1467-8500.2010.00694.x (accessed 24 May 2020).
- COVID-19 Dashboard by the Center for Systems Science and Engineering (CSSE) at Johns Hopkins University (JHU), 2020 // Johns Hopkins University Whiting School of Engineering. Center for Systems Science and Engineering. URL: https://www.arcgis.com/apps/opsdashboard/index.html#/bda7594740fd40299423467b48e9ecf6 (accessed 24 May 2020).
- Lasswell H. D., 2013. The Political Science of Science: An Inquiry into the Possible Reconciliation of Mastery and Freedom // American Political Science Review. No. 50 (4). P. 961–979.

REFERENCES

Analiz mer Pravitelstva RF po borbe s COVID-19, 2020 [Analysis of the Measures of the Government of the Russian Federation to Combat COVID-19]. *Dosye* [Dossier]. URL: https://dossier.center/covid19/ (accessed 24 May 2020).

- Boris Porfirev: nuzhny nestandartnye resheniya, 2020 [We Need Non-Standard Solutions]. *Interfaks* [Interfax]. URL: https://www.interfax.ru/interview/703317 (accessed 25 May 2020).
- Voronov A.A., Valkovich O.N., 2001. Novye idei v povyshenii kachestva meditsinskogo obsluzhivaniya v Rossii v XXI veke [New Ideas in Improving the Quality of Medical Care in Russia in the XXI Century]. *Ekonomika zdravookhraneniya* [Health Economics], no. 7-8, pp. 62-65.
- V Minekonomrazvitiya ocenili poteri ekonomiki iz-za koronavirusa, 2020 [The Ministry of Economic Development Estimates the Economic Losses Due to Coronavirus]. *RIA Novosti* [RIA News]. URL: https://ria.ru/20200424/1570539138.html (accessed 25 May 2020).
- Vyzov goda. Otvetstvennoe proizvodstvo i potreblenie, 2020 [Challenge of the Year. Responsible Production and Consumption]. *Rossijskaya gazeta* [Russian Newspaper]. URL: https://rg.ru/2020/05/11/chto-proizojdet-s-rossijskoj-ekonomikoj-v-2020-godu.html (accessed 25 May 2020).
- Mitrofanova I.V., Inshakova E.I., Ryabova I.A., Shcherbina A.B., 2019. Cifrovizaciya sociohozyajstvennogo kompleksa Yuzhnogo federalnogo okruga: pervye itogi realizacii nacionalnoj programmy [Digitalization of the Socio-Economic Complex of the Southern Federal District: The First Results of the Implementation of the National Program]. Regionalnaya ekonomika. Yug Rossii [Regional Economy. South of Russia], vol. 7, no. 4, pp. 70-87.
- Operativnyj shtab ozvuchil statistiku po zabolevaemosti novoj koronavirusnoj infekciej v Rossii na 1 iyunya, 2020 [The Operational Headquarters Announced the Statistics on the Incidence of a New Coronavirus Infection in Russia on June 1]. STOPKORONAVIRUS.RF. URL: https://stopkoronavirus.rf/news/20200601-1035.html (accessed 1 June 2020).
- Otchet o tekushchej situacii po borbe s koronavirusom, 2020 [Report on the Current Situation in the Fight Against Coronavirus]. *Kommunikacionnyj centr Pravitelstva RF* [Communication Center of the Government of the Russian Federation]. URL: https://xn80aesfpebagmfblc0a.xnp1ai/ai/html/3/attach/2020-05-24_coronavirus_government_report.pdf (accessed 24 May 2020).
- Rossijskaya Federaciya. Ukazy mera Moskvy. O vnesenii izmenenij v ukaz Mera Moskvy ot 5 marta 2020 g. № 12-UM: ukaz mera Moskvy ot 29 marta 2020 g. № 34-UM, 2020 [Russian Federation. Decrees of the Mayor of Moscow. On Amendments to the Decree of the Mayor of Moscow Dated March 5, 2020 No. 12-UM: Decree of the Mayor of Moscow Dated March 29, 2020 No. 34-UM]. Rossijskaya gazeta [Russian Newspaper]. URL: https://rg.ru/2020/05/27/moscow-ukaz61-reg-dok.html (accessed 25 May 2020).

- Senatory obsudili s ministrom zdravoohraneniya Rossijskoj Federacii V. Skvorcovoj realizaciyu nacionalnogo proekta, 2020 [Senators Discussed with the Minister of Health of the Russian Federation V. Skvortsova the Implementation of the National Project]. Sovet Federacii [Council of the Federation]. URL: http://council.gov.ru/events/news/98425/ (accessed 24 May 2020).
- Soveshchanie s polnomochnymi predstavitelyami Prezidenta, 2020 [Meeting with Plenipotentiary Representatives of the President]. *Kremlin.ru*. URL: http://kremlin.ru/events/president/news/63084 (accessed 24 May 2020).
- Ekonomisty predupredili o dvuhletnej recessii v Rossii, 2020 [Economists Warned of Twoyear Recession in Russia]. *RBK*. URL: https://www.rbc.ru/economics/05/04/2020/5e889d2f9a79478c8de8f34e (accessed 25 May 2020).

- Boin A., Hart P., 2010. Organising for Effective Emergency Management: Lessons from Research. *The Australian Journal of Public Administration*, no. 69 (4), pp. 357-371. URL: https://onlinelibrary.wiley.com/doi/epdf/10.1111/j.1467-8500.2010.00694.x (accessed 24 May 2020).
- COVID-19 Dashboard by the Center for Systems Science and Engineering (CSSE) at Johns Hopkins University (JHU), 2020. *Johns Hopkins University Whiting School of Engineering. Center for Systems Science and Engineering.* URL: https://www.arcgis.com/apps/opsdashboard/index.html#/bda7594740fd40299423467b48e9ecf6 (accessed 24 May 2020).
- Lasswell H.D., 2013. The Political Science of Science: An Inquiry into the Possible Reconciliation of Mastery and Freedom. *American Political Science Review*, no. 50 (4), pp. 961-979.

Information About the Authors

Victoria S. Konovalova, Master Student, Department of Sociology and Psychology of Politics, Lomonosov Moscow State University, GSP-1, Leninskie Gory, 1, 119991 Moscow, Russian Federation, Konovalovaviktoria@mail.ru, https://orcid.org/0000-0003-3126-583

Artem S. Konovalov, Postgraduate Student, Saratov Chernyshevsky State University, Astrakhanskaya St, 83, 410012 Saratov, Russian Federation, askonart@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-9509-2061

Igor M. Kublin, Doctor of Sciences (Economics), Professor, Department of Marketing, Economics of Enterprises and Organizations, Socio-Economic Institute, Saratov State Technical University named after Yu.A. Gagarin, Radishcheva St, 89, 410003 Saratov, Russian Federation, ikublin@mail.ru, https://orcid.org/0000-0001-8985-6160

Irina V. Arakelova, Candidate of Sciences (Economics), Associate Professor, Department of Economics and Management, Volgograd State Medical University of the Ministry of Healthcare of the Russian Federation, Pavshikh Bortsov Sq., 1, 400131 Volgograd, Russian Federation, iv.arakelova@gmail.com, https://orcid.org/0000-0002-9140-3643

Информация об авторах

Виктория Сергеевна Коновалова, магистр кафедры социологии и психологии политики, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, микрорайон Ленинские горы, 1, 119991 г. Москва, Российская Федерация, Konovalovaviktoria@mail.ru, https://orcid.org/0000-0003-3126-583

Артем Сергеевич Коновалов, аспирант, Саратовский национальный исследовательский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского, ул. Астраханская, 83, 410012 г. Саратов, Российская Федерация, askonart@mail.ru https://orcid.org/0000-0002-9509-2061

Игорь Михайлович Кублин, доктор экономических наук, профессор кафедры маркетинга, экономики предприятий и организаций, Социально-экономический институт — Саратовский государственный технический университет им. Ю.А. Гагарина, ул. Радищева, 89, 410003 г. Саратов, Российская Федерация, ikublin@mail.ru, https://orcid.org/0000-0001-8985-6160

Ирина Владимировна Аракелова, кандидат экономических наук, доцент кафедры экономики и менеджмента, Волгоградский государственный медицинский университет Минздрава России, пл. Павших Борцов, 1, 400131 г. Волгоград, Российская Федерация, iv.arakelova@gmail.com, https://orcid.org/0000-0002-9140-3643

УСЛОВИЯ, РЕСУРСЫ, ФАКТОРЫ И МЕХАНИЗМЫ РАЗВИТИЯ ЮГА РОССИИ

DOI: https://doi.org/10.15688/re.volsu.2020.4.8

UDC 330'12 Submitted: 20.08.2020 LBC 65.04 Accepted: 29.09.2020

INDUSTRIAL CORES OF THE ECONOMIC FRAMEWORK FOR INNOVATIVE DEVELOPMENT OF SOUTHERN RUSSIAN REGIONS

Lyudmila G. Matveeva

Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russian Federation

Abstract. The imperatives of the spatial development of industry within regions of the South of Russia which have critical demand for innovations formed under the influence of external and internal factors, make necessary the search for new mechanisms that would create regional frameworks for innovation. Thus, taking into account the priority of the industrial sector in the innovative development of the region, the need to identify the borders of the frame of balanced innovation in this area confirms the relevance of the study. This article aims to discover the state and efficiency of using innovative potential of commercial actors that characterize the industrial landscape of the regions of the South of Russia as well as those that form frame matrices. The theoretical and methodological basis of this research is formed on the joint use of the system-synergetic, resource-efficient, process-targeted and endogenous approaches, as well as the combination of theories of industrial development, growth poles, balance and economic framework. In contrast to existing studies, the issue of making the industrial sector of the region innovative is analyzed from the point of view of the formation of an economic framework, the cores of which i.e. the nodes of business activity are the industrial drivers of the central territories, functioning in the cooperation with small and medium-sized innovatively active enterprises of the periphery. In order to achieve a balanced support of the framework for industrial innovation, the implementation of interregional projects, focusing on the creation of innovative clusters, is suggested. The structure of such clusters consists of industrial enterprises, which operate (or are ready for such a work) according to the import substitution model. The research concludes that the forms and scales of influence on the elements of measures in the economic framework that support innovative transformations in industry in certain regions of Southern Russia are determined not only by the state of the resource potential, but also by the specificity of certain territorial determinants, due to which these tasks should be directly connected to the goals of the social and economic development of the area under analysis.

Key words: macroregion, industrial innovation, economic framework, industrial core of the framework, innovative belt of regional industry.

Citation. Matveeva L.G., 2020. Industrial Cores of the Economic Framework for Innovative Development of Southern Russian Regions. *Regionalnaya ekonomika. Yug Rossii* [Regional Economy. South of Russia], vol. 8, no. 4, pp. 87-98. (in Russian). DOI: https://doi.org/10.15688/re.volsu.2020.4.8

© Матвеева Л.Г., 2020

УДК 330'12 ББК 65.04 Дата поступления статьи: 20.08.2020 Дата принятия статьи: 29.09.2020

ПРОМЫШЛЕННЫЕ ЯДРА ЭКОНОМИЧЕСКОГО КАРКАСА ИННОВАТИЗАЦИИ РЕГИОНОВ ЮГА РОССИИ

Людмила Григорьевна Матвеева

Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация

Аннотация. Императивы пространственного развития промышленности в границах южнороссийских регионов, обладающих критическим спросом на инновации, который сформировался под воздействием внешних и внутренних факторов, инициируют поиск новых механизмов создания региональных каркасов инноватизации. Учитывая приоритет промышленного сектора в инновационном развитии региона, необходимость идентификации вершин каркаса сбалансированной инноватизации данной сферы подтверждает актуальность проведенного исследования. Целью данной статьи является исследование состояния и эффективности использования инновационного потенциала промышленных акторов, характеризующих индустриальный ландшафт регионов Юга России и формирующих каркасные матрицы. Теоретико-методологический базис данного исследования сформирован на совместном использовании системно-синергетического, ресурсно-результативного, процессно-целевого и эндогенного подходов, а также на комбинации теорий промышленного развития, полюсов роста, сбалансированности, экономического каркаса. В отличие от существующих исследований проблема инноватизации промышленного сектора региона рассматривается с точки зрения формирования экономического каркаса, ядрами которого – узлами деловой активности – выступают промышленные драйверы центральных территорий, функционирующие в симбиозе с малыми и средними инновационно активными предприятиями периферии. Для решения задачи достижения сбалансированности опорного каркаса инноватизации промышленности предлагается реализация межрегиональных проектов по созданию инновационных кластеров, в структуру которых интегрированы промышленные предприятия, функционирующие (или готовые к такому переходу) по модели импортозамещения. Сделан вывод, что формы и масштабы влияния на элементы экономического каркаса мер, поддерживающих инновационные преобразования в промышленности в отдельных регионах Юга России, детерминируются не только состоянием ресурсного потенциала, но также спецификой конкретно территориальных детерминант, в силу чего данные задачи должны быть напрямую сопряжены с целями социально-экономического развития южнороссийских территорий.

Ключевые слова: макрорегион, инноватизация промышленности, экономический каркас, промышленные ядра каркаса, инновационный пояс промышленности региона.

Цитирование. Матвеева Л. Г., 2020. Промышленные ядра экономического каркаса инноватизации регионов Юга России // Региональная экономика. Юг России. Т. 8, № 4. С. 87–98. DOI: https://doi.org/10.15688/re.volsu.2020.4.8

Постановка проблемы

В сложившихся геополитических и геоэкономических условиях, когда под воздействием макроэкономических вызовов практически полностью исчерпан конъюнктурный потенциал экономического роста, происходит значительная трансформация парадигмы развития российской экономики в части активизации инновационных преобразований в промышленности регионов, в особенности в тех ее секторах, которые решают задачи импортозамещения. При этом, с одной стороны, успешное развитие региональных экосистем возможно только посредством активизации, наращивания масштабов и повышения эффективности инновационной деятельности; с другой стороны, отдельные инновационные решения стратегического и тактического характера в новой экономической ситуации, осложняющейся комбинацией неблагоприятных системных и циклических характеристик, не могут привести к заметным позитивным результатам.

В данном контексте существующая специфика развития регионов России, усугубляющаяся экономическими процессами внутри страны, в совокупности приводящими к сокращению внешней ресурсной базы регионального роста, определяет целесообразность применения эндогенного подхода при формировании стратегий и механизмов решения приоритетных задач территориально-локализованных социально-экономических систем. Это предполагает, во-первых, концентрацию усилий органов регионального управления и хозяйствующих субъектов на выявлении и использовании внутренних источников, резервов и ресурсов роста региональной эконо-

мики, во-вторых, формирование целостной поликомпонентной структуры промышленности, соединяющей стержневые элементы региона и создающей устойчивый каркас инновационно-ориентированного развития всех его территорий. Создание такого экономического каркаса, являющегося новой структурной моделью пространственной организации процессов инноватизации промышленности, адекватной особенностям региона, позволит согласовать различные действующие стратегии развития региональных подсистем и приоритезировать разрабатываемые решения по обеспечению инновационного развития с использованием имеющихся ресурсов.

Важное стратегическое значение имеет адаптированное к специфике конкретных регионов проецирование общефедеральных императивов политики инноватизации промышленности на их территории, что позволит соответствующим образом сформировать преимущественно инновационный вектор деятельности предприятий реального сектора, которые в последнее время под воздействием внешних угроз делают заметный крен в сторону импортозамещения. Отметим, что пока речь идет не о масштабном, а о рациональном импортозамещении, эффективность которого была наглядно продемонстрирована многими российскими компаниями в период пандемии коронавируса.

В то же время, несмотря на определенную коррекцию принимаемых мер, продолжающаяся структурная модернизация промышленности делает актуальным применение действенного инструментария поддержки принятия решений по ускоренному переходу промышленных предприятий региона на производство конкурентоспособной на внутреннем и внешних рынках продукции, которая сможет замещать импортные аналоги. Очевидно при этом, что успех такой политики как в ближайшей, так и долгосрочной перспективе возможен исключительно на основе активизации инновационной деятельности. Поэтому выбор наиболее эффективных форм и участников таких проектов должен осуществляться на новой методологической основе, суть которой состоит в том, чтобы верно определить те секторы промышленного производства в каждом отдельном регионе, которые уже функционируют по модели импортозамещения и/или готовы к наращиванию такого потенциала.

При этом существенное значение в решении этой задачи имеет не модернизация, понимаемая в широком смысле, а модернизация, осно-

ванная непосредственно на активизации инновационной деятельности компаний промышленного сектора, на повышении эффективности связей и партнерских отношений между ними, научным комплексом, генерирующим новшества, и сферами производственной деятельности, где происходит их коммерциализация и практическое использование.

Иными словами, одним из главных импульсов является стимулирование инновационного поведения промышленных предприятий в рамках интеграционных взаимодействий для модернизации уже существующих производств и создания новых, отвечающих современным требованиям и формирующих выгодные условия для привлечения инновационно-ориентированных инвестиций.

Большой научный потенциал данной проблематики присутствует в трудах российских исследователей, в числе которых Е.Г. Анимица, Г.И. Идрисов, А.Ю. Никитаева, Л.Н. Рощина, О.А. Романова, Я.П. Силин, С.А. Толкачев, О.А. Чернова и др. [Анимица, Новикова, Силин, 2017; Идрисов, 2016; Никитаева, Андрющенко, 2014; Романова, Лаврикова, 2012; Рощина, 2010; Толкачев, 2017; Чернова, Даренин, 2020]. В публикациях перечисленных ученых раскрываются теоретические и прикладные аспекты поддержки принятия стратегических решений в сфере управления региональными промышленными комплексами, включая вопросы инноватизации, информатизации и интеграционных взаимодействий.

На основе содержательного анализа стратегических документов развития Юга России разработана унифицированная модель структуры региональной стратегии, содержащая базовый и вариативный блоки, определяющие спектр обязательных, а также специфических управляющих воздействий на региональный потенциал. Эти решения ориентированы на переход на траекторию его целеориентированного наращивания для формирования сбалансированной структуры экономического каркаса инновационно-ориентированного развития [Доргушаова, 2016]. Данная модель предполагает перестройку организационной структуры территории в целях выравнивания внутрирегиональных воспроизводственных пропорций на основе использования инструментов государственной поддержки для формирования инновационного импульса в опорных точках каркаса и запуска механизма саморазвития в центре и инновационных преобразований на периферии.

В основу существующих моделей промышленного роста положена гипотеза о целесообразности развития инновационного потенциала и внедрения энергосберегающих технологий на промышленных предприятиях периферийных регионов [Chi Ung Song, Wankeun, 2015; Pack, Saggi, 2006]. Широкий спектр научных разработок посвящен оценке влияния технологических инноваций на открытость регионов к внешним связям [Sanstad, Roy, Sathaye, 2006; Trianni, Cagno, Farné, 2016].

В то же время необходимо дальнейшее развитие имеющихся механизмов формирования сбалансированной структуры экономического каркаса инновационного развития промышленной сферы региона, рассмотрение с новых методологических позиций возможности решения данной проблемы в ситуации, когда доминирующая роль принадлежит факторам, определяющим конкурентоспособность региона. Во многом успех решения данной задачи зависит от определения «ядер» каркаса и звеньев инновационной активности.

Концепция экономического каркаса формирования инновационного пояса в пространстве южнороссийских регионов

Реализация императивов инноватизации промышленности регионов, ориентированной на импортозамещение, предполагает формирование поддерживающих эти процессы экономических каркасов. В отличие от большинства научных разработок, где построение опорного каркаса связывается с формированием полюсов роста (как правило, это региональные центры), в статье используется новое видение экономического каркаса региона как объемной сети, которая охватывает как центры (полюса) роста, так и периферийные территории [Доргушаова, 2016]. В таком представлении каркаса определяются его системо- и структурообразующие характеристики (устойчивость, сбалансированность), которые способствуют наиболее эффективной реализации политики промышленной инноватизации [Гулин, Ермолов, 2015].

При этом именно региональные детерминанты во многом определяют основные компоненты сбалансированной «конструкции» экономического каркаса, уровень его устойчивости, а также узловые точки (ядра), которые обладают потенциалом эффективной интеграции с обслуживающими предприятиями периферии в проек-

тах импортозамещения. В методологическом плане, учитывая очевидное наличие временного фактора получения эффекта от указанной интеграции, необходим динамический подход, согласно которому конструкция каркаса рассматривается как развивающаяся система, обеспечивающая возможность адаптации ее компонент в соответствии с меняющимися внешними факторами. Особое внимание при этом уделяется вопросам развития информационно-аналитической платформы принятия управленческих решений относительно определения конструкции экономического каркаса, а также формированию системы индикаторов оценки его «устойчивости» при реализации стратегий инноватизации региональной промышленности.

Авторская гипотеза, базирующаяся на идее развития уже имеющихся рекомендаций по наполнению каркасных матриц [Доргушаова, 2016; Кушнаренко, 2015], состоит в том, что «ядрами» каркаса инновационного развития региональной промышленности способны выступать не только крупные промышленные объединения центральных территорий региона в симбиозе с малыми и средними предприятиями периферии, но также инкорпорированные в структуру узловых элементов профильные научные организации и институты поддержки.

Такое расширение каркасных матриц, однако, будет обоснованным при условии высокой степени корреляции ресурсного и результативного потенциала интегрирующихся участников. Данное утверждение предполагает проведение целеориентированной диагностики состояния и использования потенциала латентных участников интеграции.

Некоторые результаты деятельности промышленных предприятий в сфере инноваций приведены на рисунке 1.

На основании проведенной оценки воздействия результатов инновационной деятельности промышленных компаний на развитие производства получен вывод о том, что, несмотря на наметившуюся тенденцию к снижению темпов инновационной активности промышленных предприятий, проявление инновационного отклика в сравнительно большей степени выражается в расширении ассортимента товаров и улучшении их качества. При этом внедрение инноваций не оказывает значительного влияния на повышение гибкости производства, рост его энергоэффективности и прочие производственно-технологические изменения (см. рис. 2).

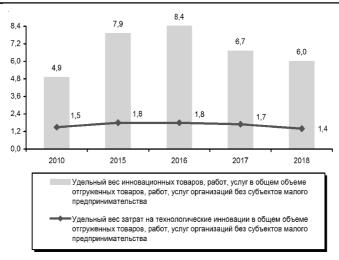

Рис. 1. Динамика инновационной деятельности промышленных предприятий России *Примечание*. Составлено по: [Росстат РФ. Технологическое развитие ..., 2020].

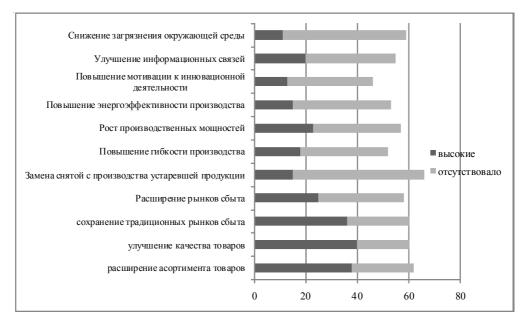

Рис. 2. Показатели оценки результатов инновационной деятельности промышленных компаний, % *Примечание*. Составлено по: [Росстат РФ. Технологическое развитие ... , 2020].

Выявленные в общероссийском масштабе тенденции проявляются и в регионах Юга России (см. табл. 1, 2), при этом передовые позиции занимают Ростовская область и Краснодарский край, а также Волгоградская область. И именно в этих регионах отмечается значительное превышение используемых новых производственных технологий над разработанными на промышленных предприятиях (рис. 3), что свидетельствует о высоких масштабах диффузии «готовых» промышленных инноваций в границах этих субъектов.

Также следует отметить, что исходя из рейтинга инновационных регионов России за 2019 г., Ростовская область попала в группу передовых

регионов, состоящую из 29 инновационных регионов России, и заняла 27-е место. Эти положительные тенденции в Ростовской области тесно сопряжены в целом с результативностью регионального развития, а также со снижением диспропорций в экономике.

В то же время, несмотря на достаточно высокий уровень развития ресурсного и результативного потенциала в ряде регионов ЮФО, развитие инноваций в данном макрорегионе, в рамках задачи достижения сбалансированности, сталкивается с рядом проблем. Наиболее значимой из них является высокая асимметрия социально-экономического развития входящих в его состав регионов. Так, результаты проведенной

Таблица 1

Внутренние затраты на научные исследования и разработки по регионам ЮФО, млн руб.

Регионы	2016 г.	2017 г.	2018 г.	2019 г.
Республика Адыгея	225,2	241,3	251,3	206,7
Республика Калмыкия	71,6	67,8	77,9	206,7
Республика Крым	1 410,9	1 487,7	1 503,1	90,7
Краснодарский край	5 866,1	5 422,0	6 323,6	1 412,5
Астраханская область	458,5	549,4	515,8	5 772,4
Волгоградская область	3 447,8	3 547,6	3 541,3	815,3
Ростовская область	13 663,8	13 102,3	12 944,3	3 727,9
г. Севастополь	653,1	813,8	826,1	15 960,6

Примечание. Составлено по: [Росстат РФ. Технологическое развитие ..., 2020].

Таблица 2

Объем инновационных товаров, работ, услуг в регионах ЮФО в 2017-2019 гг., млн руб.

Регионы	2016 г.	2017 г.	2018 г.	2019 г.
Республика Адыгея	4 577,2	3 386,6	4 434,9	7 264,1
Республика Калмыкия	41,7	40,9	189,2	152,1
Республика Крым	1 091,9	1 404,7	1 083,9	194,5
Краснодарский край	71 752,6	168 605,9	115 396,5	94 788,7
Астраханская область	13 179,9	696,1	642,4	1 329,7
Волгоградская область	21 341,3	25 053,7	20 764,3	29 336,5
Ростовская область	133 792,6	104 538,5	64 53 6,6	62 676,2
г. Севастополь	991,2	725,5	781,8	888,8

Примечание. Составлено по: [Росстат РФ. Технологическое развитие ..., 2020].

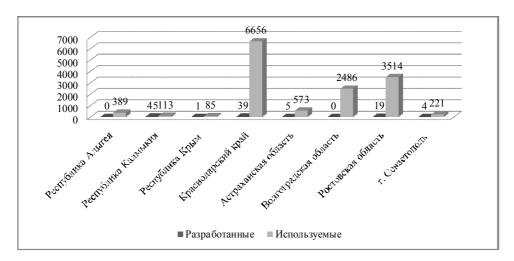

Рис. 3. Разработанные и используемые передовые производственные технологии по субъектам ЮФО в 2018 г., шт. *Примечание*. Составлено по: [Росстат РФ. Технологическое развитие ... , 2020].

диагностики показывают наличие устойчивых лидеров по всем показателям — Ростовская область, Краснодарский край, Волгоградская область. Астраханская область по ряду показателей опережает Волгоградскую, далее следуют остальные регионы ЮФО, в которых уровень инновационного потенциала является примерно одинаковым.

В данном контексте представляется целесообразным смещение фокуса исследования на

изучение роли партнерских отношений взаимодействующих промышленных предприятий макрорегиона и моделирование комплексной оценки эффективности и результативности их кластеризации. Также важно определение на этой основе таких форм взаимодействия, которые бы в наибольшей степени способствовали достижению целей сбалансированной инноватизации промышленности макрорегиона как в тактическом, так и стратегическом аспекте.

Формирование экономического каркаса, вершинами которого являются крупные промышленные предприятия ведущих регионов ЮФО, взаимодействующие с инновационно активными малыми и средними предприятиями периферийных территорий, а также с научными и образовательными учреждениями, способно при активизации стимулирующей функции государства обеспечивать рациональные воспроизводственные пропорции. Сбалансированная конструкция каркаса позволит «перенестись» региональной проблеме на пространственное развитие: это корпоративные (кластерные) структуры (региональные и межрегиональные), которые способны в совокупности с малыми и средними предприятиями, с новыми субъектами бизнеса на институциональной, хорошо выработанной основе решать инфраструктурные и конкретные производственные проблемы, которые требуют инновационного вмешательства. Это могут быть протокластеры, что особенно актуально и в парадигме импортозамещения, и в парадигме модернизационного развития, которое необходимо в южнороссийских регионах.

Однако реальной практикой тестируется, что хотя к настоящему времени отобраны участники и формируются 24 инновационных кластера, но, тем не менее, периферийные регионы в них не участвуют. Можно сказать, что сейчас нет механизма взаимодействия и вовлечения этих территорий в инновационные процессы. Надо их «привязывать» к активно развивающимся территориям и находить эффективные механизмы взаимодействия, надо формировать инфраструктуру экономического каркаса на основе матричного подхода: при создании кластерных матриц следует за основу брать активно развивающиеся крупные промышленные предприятия, которые могли бы способствовать развитию периферийных малых инновационных предприятий, получению синергетического эффекта от взаимодействия.

В рамках данной концепции возникает вопрос о критериях выделения/определения экономического каркаса, особенно в регионах разного типа — старопромышленных, аграрных, инновационно-ориентированных и других. Представляется, что в зависимости от типа региона необходимо определять направления, силу и масштаб регулирующей роли государственных институтов, корректируя ее в зависимости от активности и состоятельности функционирующих в регионе кластерных структур. В частности, в регионах

промышленной специализации государственную поддержку могут иметь крупные промышленные структуры, формирующие узлы (ядра) каркаса; в регионах аграрного типа на эту поддержку (или другие формы государственного регулирования) могут рассчитывать, например, агрохолдинги, также образующие узловые звенья каркаса. При таком ракурсе рассмотрения экономические каркасы – это аналог инновационно-производственной инфраструктуры региона. В ряде регионов формируются каркасные матрицы, преимущественно образуемые крупными производственными компаниями или их объединениями, а в некоторых регионах – инновационные кластеры, в состав которых входят как производственные, так и инфраструктурные компании.

Таким образом, обобщение результатов анализа тенденций развития промышленных кластеров как главных конструктов экономического каркаса сбалансированного инновационного развития регионов свидетельствует о высоком уровне их территориальной дифференциации.

Динамический профиль готовности промышленных предприятий регионов Юга России к переходу на модель импортозамещения

Поскольку для формирования действенной конструкции экономического каркаса необходимо научное обоснование предприятий, способных стать его узловыми элементами, которые аккумулируют внутренний потенциал промышленности региона и в своем взаимодействии определяют динамический профиль готовности регионов к ускоренному инновационному развитию промышленности, для их идентификации важно использовать адаптивный инструментарий оценки.

Практикой последних лет убедительно верифицируется эффективность решения данной задачи с применением когнитивного подхода, который позволяет спрогнозировать влияние внешних угроз и внутренних факторов на состояние внутреннего потенциала промышленности региона.

Этапность мер по построению когнитивной модели оценки влияния внешних угроз на состояние внутреннего потенциала региональной промышленности отражена на рисунке 4.

Для построения когнитивной карты в качестве узловых элементов выделены приведенные выше внешние угрозы, а также региональные факторы и возможности наращивания внутреннего инновационного потенциала промышленно-

Выявление и оценка степени влияния внешних воздействий (угроз) на состояние внутреннего инновационного потенциала промышленности региона (внешних для страны)

Оценка силы влияния внутренних и внешних (для региона внешних, но внутренних для страны) факторов, определяющих возможность противостояния внешним угрозам, а также обеспечивающим формирование и развитие внутреннего регионального потенциала промышленных инноваций

Построение когнитивной карты оценки и прогнозирования влияния факторов на состояние внутреннего инновационного потенциала региональной промышленности

Построение когнитивной модели влияния внешних угроз и внутренних факторов на состояние внутреннего инновационного потенциала региональной промышленности

Сценарное моделирование с разработкой мер по нивелированию влияния негативных и лимитирующих факторов с позиции достижения сбалансированности инновационного развития промышленности региона

Рис. 4. Этапность мер по построению когнитивной модели оценки влияния внешних угроз на состояние внутреннего потенциала региональной промышленности

Примечание. Составлено автором.

сти региона. Этот этап является базовой платформой для их дальнейшей дифференциации с целью определения отраслевой принадлежности участников каркасных матриц, готовых к переходу на модель импортозамещения (см. рис. 5).

Результаты анализа текущей ситуации готовности ряда отраслей промышленности к импортозамещению показали следующее: несмотря на то что в таких отраслях, как металлургия и пищевая промышленность процент перехода предприятий на модель импортозамещения достаточно высок, каждое пятое предприятие считает, что из-за смены поставщиков ухудшится качество закупаемых товаров. В основном так считают металлурги (около 40 %). Однако большинство все же надеется, что изменений в качестве не произойдет (62 %). На рост качества производимой продукции не рассчитывает никто.

Институт Гайдара провел исследование проблемы импортозамещения, уточнив позицию промышленных предприятий при сокращении импорта сырья, оборудования и комплектующих. В опросе участвовало более 1 000 предприятий обрабатывающих отраслей; 92 % респондентов

ответили, что у них есть план для случая двустороннего ужесточения санкций, базирующийся на активизации инновационной деятельности; 33 % заявили о планах по увеличению закупок российского оборудования и сырья. Более половины респондентов (около 57 %) отметили, что не собираются переключаться на отечественное сырье и верят, что смогут поддерживать импортные закупки в прежних объемах. Примерно 15 % собираются переориентироваться на закупки в других, не имеющих отношения к санкциям, странах (см. рис. 6). Почти 50 % этого не планируют, а каждый пятый, напротив, планирует сократить закупки из «разрешенных» стран.

По результатам исследования Института Гайдара было выявлено, предприятия каких отраслей промышленности больше всего готовы к импортозамещению. На первом месте оказались предприятия металлургии (50 %), затем – пищевой промышленности (35 %), и самыми неготовыми оказались предприятия легкой промышленности (9 %) и стройиндустрии (6 %). При этом большая часть промышленных предприятий ожидают рост цен, и только 11 % — снижение. Са-

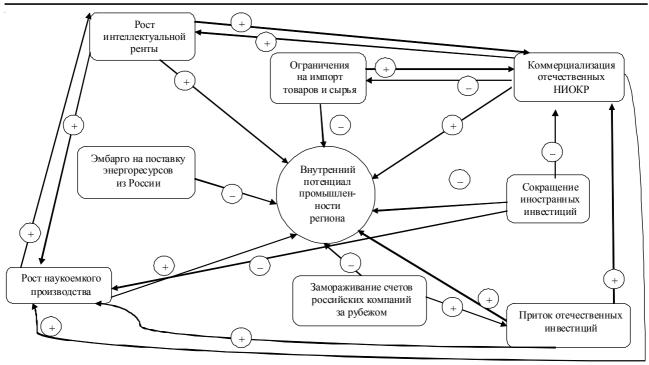

Рис. 5. Когнитивная карта влияния внешних угроз и внутренних факторов на состояние внутреннего потенциала промышленности региона

Примечание. Составлено автором.

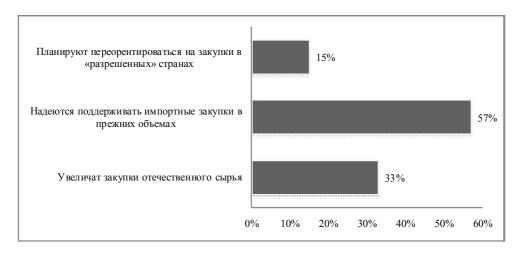

Рис. 6. Результаты анкетирования предприятий промышленности по проблеме импортозамещения *Примечание*. Составлено автором по результатам исследования Института Гайдара [Газета «Коммерсанть», 2019].

мый массовый рост цен ожидают предприятия пищевой промышленности -57 %, а также легкой промышленности (40 %) и машиностроения (35 %). Другая ситуация сложилась с металлургами — около 34 % ожидают понижение закупочных цен, в то время как 15 % считают, что цены повысятся (см. рис. 7).

По мнению респондентов, основные препятствия быстрому и масштабному переходу российских промышленных предприятий на модель импортозамещения проранжированы следующим

образом: отсутствие отечественных аналогов и сырья требуемого качества -60– $67\,\%$; низкое качество отечественного оборудования и сырья -26– $42\,\%$; недостаточная поддержка властями выпуска отечественного оборудования и сырья -10– $18\,\%$; завышенные цены на отечественное оборудование и сырье -8– $13\,\%$; недостаточные объемы выпуска отечественного оборудования и сырья -6– $14\,\%$.

Аналогичные тенденции характерны для промышленных предприятий южнороссийских

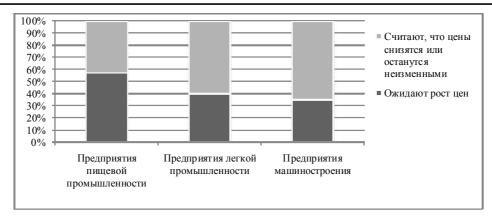

Рис. 7. Ожидания представителей предприятий различных отраслей относительно изменения закупочных цен в условиях импортозамещения

Примечание. Составлено автором по результатам исследования Института Гайдара [Газета «Коммерсанть», 2019].

регионов. Например, в Ростовской области в целях поддержки проектов импортозамещения в промышленном секторе для реализации промышленно-технологических проектов Фонд поддержки инноваций на конкурсной основе предоставляет целевые займы по ставке 5 % годовых сроком до 7 лет в объеме от 50 до 700 млн рублей. При этом важной задачей является обеспечение рационального импортозамещения в несырьевом секторе экономики данного региона. Оно выражается не в механическом сокращении доли сырьевых отраслей в ВРП и направлении региональных ресурсов в малоэффективные проекты по принципу «лишь бы они не были связаны с сырьем», а в формировании рациональных пропорций развития сырьевого и несырьевого секторов экономики, формируя в регионе законченные воспроизводственные цепочки. Как отмечают С.Г. Косенко и Е.Н. Поличкина, в основе решения задач импортозамещения должны лежать соображения экономической, а не политической целесообразности. При этом полностью отказаться от импортной продукции не представляется возможным ни для одной экономики мира, тем более в короткие сроки [Косенко, Поличкина, 2015]. Еще менее это возможно в высокотехнологичных секторах экономики.

Предприятия агропромышленного комплекса Краснодарского края обладают большим потенциалом импортозамещения и экспортного производства, что было наглядно продемонстрировано в период пандемии коронавируса 2020 года. «Модернизация производства на основе инноваций, улучшение качества производимой продукции и техники, создание благоприятного инвестиционного климата для привлечения инвестиций в промышленность края являются основными на-

правлениями реализации политики импортозамещения и ориентации на экспортное производство в Краснодарском крае» [Белова, Вертий, 2019: 45].

Таким образом, несмотря на наличие большого количества «преодолимых» барьеров для импортозамещения в промышленности Юга России, предприятия готовы и заинтересованы в переходе на эту модель.

Заключение

Результаты критического осмысления сложившихся в стране и регионах Юга России тенденций инноватизации промышленной сферы, в том числе в рамках решения политики импортозамещения, позволяют говорить о наличии значительного объема резервов недоиспользованного потенциала на их территориях, неразвитости и слабой сбалансированности экономических каркасов инновационного развития региональной промышленности.

Учитывая, что экономический каркас формируется преимущественно (по сравнению с государственным регулированием) под влиянием рыночных сил, в частности, спроса и предложения на инновационную продукцию промышленных предприятий региона, возможные управленческие решения органов власти, направленные на устойчивое развитие и формирование сбалансированной конструкции каркаса промышленности региона, будут преимущественно стимулировать развитие интеграционных взаимодействий крупного инновационно-ориентированного промышленного бизнеса центральных территорий (ядер каркаса) и предприятий и организаций периферии, готовых к участию в совместных с ним инновационных проектах. Кроме того, безусловно, важна роль государственного участия в формировании действенной институциональной среды поддержки такого рода взаимодействий, а также в совместном участии в регионально значимых инновационных проектах (например, в форме ГЧП) тех опорных элементов каркаса, которые максимально целеориентированы на достижение региональных стратегических целей импортозамещения в промышленности.

Принимая во внимание специфику и особенности научно-инновационного и социально-экономического потенциала регионов Юга России, представляется эффективным формирование межрегиональных инновационных консорциумов, период функционирования которых может ограничиваться временными параметрами совместно реализуемого инновационного проекта.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

- Анимица Е. Г., Новикова Н. В., Силин Я. П., 2017. Региональные аспекты новой индустриализации // Экономика региона. Т. 13. С. 684–696.
- Белова Л. А., Вертий М. В., 2019. Реализация политики импортозамещения и ее влияние на потенциал агропромышленного комплекса Краснодарского края // Вестник академии знаний. № 34 (5). С. 45–51.
- Гулин К. А., Ермолов А. П., 2015. Национальная промышленная политика России в рамках неоиндустриального вектора развития: концептуальные подходы // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. № 6. С. 58–77.
- Доргушаова А. К., 2016. Механизм формирования экономического каркаса несырьевого развития региона. Майкоп: Изд-во Майкоп. гос. технолог. унта. 299 с.
- Идрисов Г. И., 2016. Промышленная политика России в современных условиях. М.: Изд-во Ин-та Гайдара. 160 с.
- Косенко С. Г., Поличкина Е. Н., 2015. Проблемы импортозамещения: региональный аспект // Фундаментальные исследования. № 2. С. 17–44.
- Кушнаренко Т. В., 2015. Стратегии несырьевого развития региональной экономики: учет феномена многоукладности. Ростов H/H: Изд-во Ростов. гос. экон. ун-та (РИНХ). 305 с.
- Никитаева А. Ю., Андрющенко О. Г., 2014. Роль государственных институтов в обеспечении инновационного развития промышленности на региональном уровне // Региональная экономика. Юг России. № 1. С. 20–26.
- Романова О. А., Лаврикова Ю. Г., 2012. Промышленная политика как инструмент неоиндустриализации региональных промышленных систем

- // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. № 6 (24). С. 67–77.
- Росстат РФ. Технологическое развитие отраслей экономики, 2020. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/economydevelopment.
- Рощина Л. Н., 2010. Концептуальные основы многоуровневого подхода к управлению научно-инновационным потенциалом промышленности // Экономические науки. Т. 72, № 11. С. 157–164.
- Толкачев С. А., 2017. Индустрия 4.0 и ее влияние на технологические основы экономической безопасности России // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. № 1 (25). С. 86–91.
- Чернова О. А., Даренин А. И., 2020. Цифровые трансформации в промышленности как фактор экономического роста // Естественно-гуманитарные исследования. № 27. С. 222–226.
- Chi Ung Song, Wankeun Oh., 2015. Determinants of innovation in energy intensive industry and implications for energy policy // Energy Polic. Vol. 81. P. 122–130. DOI: http://dx.doi.org/10.1016/j.enpol.2015.02.022.
- Pack H., Saggi K., 2006. Is There a Case for Industrial Policy? A Critical Survey. URL: http://wbro.oxfordjournals.org/content/21/2/267.short.
- Sanstad Ah., Roy J., Sathaye Ja., 2006. Estimating energy-augmenting technological change in developing country industries // Energy Econ. No. 28 (5). P. 720–729. DOI: 10.1016/j.eneco.2006.07.005.
- Trianni A., Cagno E., Farné S., 2016. Barriers, drivers and decision-making process for industrial energy efficiency: a broad study among manufacturing small and medium-sized enterprises // Appl. Energy 162 (January). P. 1537–1551. DOI: http://dx.doi.org/10.1016/j.

REFERENCES

- Animicza E.G., Novikova N.V., Silin Ya.P., 2017. Regionalnye aspekty novoj industrializacii [Regional Dimensions of New Industrialization]. *Ekonomika regiona* [Economy of the Region], vol. 13, pp. 684-696.
- Belova L.A., Vertij M.V., 2019. Realizaciya politiki importozameshcheniya i ee vliyanie na potencial agropromyshlennogo kompleksa Krasnodarskogo kraya [Implementation of Import Substitution Policy and Its Impact on the Potential of the Agricultural Complex of the Krasnodar Territory]. *Vestnik akademii znanij* [Bulletin of the Academy of Knowledge], no. 34 (5), pp. 45-51.
- Gulin K.A., Ermolov A.P., 2015. Nacionalnaya promyshlennaya politika Rossii v ramkakh neoindustrialnogo vektora razvitiya: konceptualnye podkhody [National Industrial Policy of Russia Within the Neo-Industrial Vector of Development: Conceptual Approaches]. Ekonomicheskie i

- socialnye peremeny: fakty, tendencii, prognoz [Economic and Social Changes: Facts, Trends, Predictive Vector of Development: Conceptual Approaches], no. 6, pp. 58-77.
- Dorgushaova A.K., 2016. Mekhanizm formirovaniya ekonomicheskogo karkasa nesyrevogo razvitiya regiona [Mechanism of Formation of Economic Framework of Non-Resource Development of the Region]. Maykop, Izd-vo Maykopskogo gosudarstvennogo tekhnologicheskogo un-ta. 299 p.
- Idrisov G.I., 2016. *Promyshlennaya politika Rossii v sovremennykh usloviyakh* [Industrial Policy of Russia in Modern Conditions]. Moscow, Izd-vo Instituta Gaydara. 160 p.
- Kosenko S.G., Polichkina E.N., 2015. Problemy importozameshheniya: regionalnyj aspekt [Problems of Import Substitution: Regional Aspect]. *Fundamentalnye issledovaniya* [Basic Research], no. 2, pp. 17-44.
- Kushnarenko T.V., 2015. Strategii nesyrevogo razvitiya regionalnoj ekonomiki: uchet fenomena mnogoukladnosti [Strategies for the Non-Resource Development of the Regional Economy: Taking into Account the Phenomenon of Multilateralism]. Rostovon-Don, Izd-vo Rostovskogo gosudarstvennogo ekonomicheskogo un-ta (RINKh). 305 p.
- Nikitaeva A.Yu., Andryushhenko O.G., 2014. Rol gosudarstvennykh institutov v obespechenii innovacionnogo razvitiya promyshlennosti na regionalnom urovne [The Role of State Institutions in Ensuring Innovative Industrial Development at the Regional Level]. *Regionalnaya ekonomika. Yug Rossii* [Regional Economy. South of Russia], no. 1, pp. 20-26.
- Romanova O.A., Lavrikova Yu.G., 2012. Promyshlennaya politika kak instrument neoindustrializacii regionalnykh promyshlennykh sistem [Industrial Policy as a Tool for Neo-Industrialization of Regional Industrial Systems]. *Ekonomicheskie i socialnye peremeny: fakty, tendencii, prognoz* [Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast], no. 6 (24), pp. 67-77.

- Rosstat RF. *Tekhnologicheskoe razvitie otraslej ekonomiki*, 2020 [Technological Development of Economic Sectors]. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/economy_development.
- Roshhina L.N., 2010. Konceptualnye osnovy mnogourovnevogo podkhoda k upravleniyu nauchnoinnovacionnym potencialom promyshlennosti [Conceptual Framework for a Multilevel Approach to Managing the Scientific and Innovative Potential of Industry]. *Ekonomicheskie nauki* [Economic Sciences], vol. 72, no. 11, pp. 157-164.
- Tolkachev S.A., 2017. Industriya 4.0 i ee vliyanie na tekhnologicheskie osnovy ekonomicheskoj bezopasnosti Rossii [Industry 4.0 and Its Impact on the Technological Foundations of Russias Economic Security]. *Gumanitarnye nauki. Vestnik Finansovogo universiteta* [Humanities. Bulletin of the Financial University], no. 1 (25), pp. 86-91.
- Chernova O.A., Darenin A.I., 2020. Cifrovye transformacii v promyshlennosti kak faktor ekonomicheskogo rosta [Digital Transformations in Industry as a Factor in Economic Growth]. *Estestvenno-gumanitarnye issledovaniya* [Natural-Humanitarian Research], no. 27, pp. 222-226.
- Chi Ung Song, Wankeun Oh., 2015. Determinants of Innovation in Energy Intensive Industry and Implications for Energy Policy. *Energy Polic.*, vol. 81, pp. 122-130. DOI: http://dx.doi.org/10.1016/j.enpol.2015.02.022.
- Pack H., Saggi K., 2006. *Is There a Case for Industrial Policy? A Critical Survey*. URL: http://wbro.oxfordjournals.org/content/21/2/267.short.
- Sanstad Ah., Roy J., Sathaye Ja., 2006. Estimating Energy-Augmenting Technological Change in Developing Country Industries. *Energy Econ.*, no. 28 (5), pp. 720-729. DOI: 10.1016/j.eneco.2006.07.005.
- Trianni A., Cagno E., Farné S., 2016. Barriers, Drivers and Decision-Making Process for Industrial Energy Efficiency: A Broad Study Among Manufacturing Small and Medium-Sized Enterprises. *Appl. Energy*, no. 162 (January), pp. 1537-1551. DOI: http://dx.doi.org/10.1016/j.

Information About the Author

Lyudmila G. Matveeva, Doctor of Sciences (Economics), Professor, Department of Informational Economics, Southern Federal University, M. Gorkogo St, 88, 344006 Rostov-on-Don, Russian Federation, matveeva_lg@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-7156-5856

Информация об авторе

Людмила Григорьевна Матвеева, доктор экономических наук, профессор кафедры информационной экономики, Южный федеральный университет, ул. М. Горького, 88, 344006 г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация, matveeva_lg@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-7156-5856

DOI: https://doi.org/10.15688/re.volsu.2020.4.9

UDC 332.12 Submitted: 21.08.2020 LBC 65.049(2Poc) Accepted: 27.09.2020

SPATIAL DEVELOPMENT OF SOCIALLY ORIENTED NON-PROFIT ORGANIZATIONS IN THE URALS AND SOUTH OF RUSSIA

Elena B. Dvoryadkina

Ural State University of Economics, Yekaterinburg, Russian Federation

Dina M. Prostova

Ural State University of Economics, Yekaterinburg, Russian Federation

Elvin V. Dzhalilov

Ural State University of Economics, Yekaterinburg, Russian Federation

Abstract. The processes of spatial development of different regions are characterized by different features due to regional specificity, which is also formed under the influence of the structure of regional economy. One of its components is socially oriented non-profit organizations (SONPO). The purpose of the research is to conduct a comparative empirical study of the spatial development of SONPO's in regions of the Urals and Southern Russia, to identify common trends in their spatial development. The research methodology is based on the theory of spatial economy, in particular on the provisions of the territorial and resource approaches to the study of economic area. The research methods are based on the use and interpretation of basic indicators of the economic area abundance. The zone under analysis is the Ural macro-region (within the economic district) and the South of Russia (within the Southern Federal District). As a result of the research, trends in the spatial development of SONPO's in the economic area of the Urals and the South of Russia were revealed on the basis of parameters of the dynamics of the number of SONPO's, as well as the satisfaction of demand from SONPO's services. The conclusion about the importance of the spatial factor of SONPO's development was made. It was noted that the directions of the impact strengthening of SONPO's on the regional spatial development may be specific measures and activities written in regional programs to support their development, such as increase of the number of SONPO's, implementation of socially significant projects, a set of measures helping to overcome the existing barriers and restrictions in the activities of SONPO's, as well as the intensification of the implementation of municipal programs to support SONPO's. The results of the research can be used to control the status and effectiveness of SONPO's activities in the regions, as well as to specify the spatial development policy.

Key words: region, regional economic structure, spatial development, socially oriented non-profit organization, comparative empirical analysis, spatial factors, social services, territorial approach, resource approach.

Citation. Dvoryadkina E.B., Prostova D.M., Dzhalilov E.V., 2020. Spatial Development of Socially Oriented Non-Profit Organizations in the Urals and South of Russia. *Regionalnaya ekonomika. Yug Rossii* [Regional Economy. South of Russia], vol. 8, no. 4, pp. 99-113. (in Russian). DOI: https://doi.org/10.15688/re.volsu.2020.4.9

УДК 332.12Дата поступления статьи: 21.08.2020ББК 65.049(2Poc)Дата принятия статьи: 27.09.2020

ПРОСТРАНСТВЕННОЕ РАЗВИТИЕ СОЦИАЛЬНО ОРИЕНТИРОВАННЫХ НЕКОММЕРЧЕСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ УРАЛА И ЮГА РОССИИ

Елена Борисовна Дворядкина

Уральский государственный экономический университет, г. Екатеринбург, Российская Федерация

© Дворядкина Е.Б., Простова Д.М., Джалилов Э.В., 2020

Дина Михайловна Простова

Уральский государственный экономический университет, г. Екатеринбург, Российская Федерация

Эльвин Вахидович Джалилов

Уральский государственный экономический университет, г. Екатеринбург, Российская Федерация

Аннотация. Процессы пространственного развития различных регионов характеризуются различными особенностями, обусловленными региональными различиями, формирующимися в том числе под влиянием структуры региональной экономики, одним из компонентов которой являются социально ориентированные некоммерческие организации (СОНКО). Цель данной статьи состоит в проведении сравнительного эмпирического исследования пространственного развития СОНКО регионов Урала и Юга России, выявлении общих тенденций их пространственного развития. Методология исследования базируется на теории пространственной экономики, в частности на положениях территориального и ресурсного подходов к исследованию экономического пространства. Методы исследования основаны на использовании базовых показателей насыщенности экономического пространства и их интерпретации. Полигоном исследования выступают Уральский макрорегион (в границах экономического района) и Юг России (в границах Южного федерального округа). В результате проведенного исследования выявлены тенденции пространственного развития СОНКО в экономическом пространстве Урала и Юга России на основе параметров динамики количества СОНКО, а также насыщенности спроса на услуги СОНКО. Сделан вывод о значимости пространственного фактора развития СОНКО. Отмечено, что направлениями усиления влияния СОНКО на пространственное развитие регионов могут являться конкретные меры и мероприятия, закрепленные в региональных программах поддержки их развития и касающиеся увеличения количества СОНКО, реализующих социально значимые проекты, реализации комплекса мер по преодолению существующих барьеров и ограничений в деятельности СОНКО, а также активизации реализации муниципальных программ поддержки СОНКО. Результаты работы могут использоваться для проведения мониторинга состояния и эффективности деятельности СОНКО в регионах, а также формирования положений политики пространственного развития.

Ключевые слова: регион, структура региональной экономики, пространственное развитие, социально ориентированная некоммерческая организация, сравнительный эмпирический анализ, пространственные факторы, социальные услуги, территориальный подход, ресурсный подход.

Цитирование. Дворядкина Е. Б., Простова Д. М., Джалилов Э. В., 2020. Пространственное развитие социально ориентированных некоммерческих организаций Урала и Юга России // Региональная экономика. Юг России. Т. 8, № 4. С. 99—113. DOI: https://doi.org/10.15688/re.volsu.2020.4.9

Постановка проблемы

Вопросы исследования пространственных показателей развития регионов традиционно относятся к разряду актуальных, учитывая имеющиеся различия в плотности населения, а также в плотности экономических агентов, функционирующих в различных видах экономической деятельности. В научной литературе довольно активно представлена оценка процессов развития некоммерческого сектора в региональном разрезе [Оценка экономической и социальной ..., 2018; Суслова, Гордеева, 2012; Антропова, Коробейникова, 2015; Третьякова, Целютина, Авилова, 2016; Артамонова, 2019; Шабунова, Косыгина, 2019], однако не уделено достаточного внимания анализу пространственных показателей функционирования и развития СОНКО.

В современных процессах функционирования и развития СОНКО пространственный аспект приобретает особое значение, что во многом объясняется тем фактом, что конкрет-

ными пространственными формами, в которых происходит деятельность СОНКО, являются регионы и муниципалитеты, безусловными лидерами среди которых выступают крупнейшие и крупные города как ядра экономического роста и как территории, являющиеся точками притяжения больших масс населения. Соответственно методологически продуктивным будет являться обобщение подходов к изучению экономического пространства региона, что позволит обосновать авторскую позицию по вопросу исследования функционирования и развития СОНКО.

Некоммерческий сектор является неотъемлемым компонентом региональной экономики, для анализа и оценки которого применяются различные виды методик, содержащих экономические, социальные, финансовые и другие виды показателей. Но, как правило, во главу угла при оценке региональных тенденций ставится территориальный контекст. Между тем возрастает актуальность изучения пространственных аспектов

функционирования и развития СОНКО, что обусловливается рядом причин.

Во-первых, организации данного типа приобретают большое значение для развития экономики регионов в связи с нарастанием тенденций перехода от концепции устойчивого развития к концепции ответственного развития, что сопровождается усилением значения пространственного фактора.

Во-вторых, при подготовке нормативно-правовых актов субъектов РФ и муниципальных правовых актов, регламентирующих вопросы поддержки СОНКО, обязательным условием эффективности работы всей системы поддержки СОНКО является учет социально-экономических и иных особенностей региона и муниципалитета, в том числе и пространственных. А.В. Суворова совершенно справедливо отмечает, что «...возрастающее прикладное значение исследования всей многоаспектности развития пространства превращает понятие "пространственное развитие" из научно-теоретического термина в термин, активно используемый в официальных документах, которые создаются органами государственной власти и органами местного самоуправления» [Суворова, 2019: 58].

В-третьих, вопросы разработки перспективных направлений развития СОНКО в субъекте РФ требуют учета основных положений не только стратегии социально экономического развития субъекта РФ, но и стратегии его пространственного развития.

Цель данного исследования состоит в сравнительном эмпирическом анализе пространственного развития СОНКО регионов Урала и Юга России и в выявлении общих и особенных тенденций. Достижение поставленной цели решается с помощью следующих задач: идентифицировать подходы к исследованию экономического пространства региона; проанализировать показатели насыщенности экономического пространства регионов Урала и Юга России СОНКО и спроса на их услуги; выявить факторы, влияющие на пространственное развитие СОНКО.

Обзор научных источников и методологический базис исследования

Анализ научной литературы, посвященной проблематике экономического пространства, позволяет заключить, что к настоящему времени сложились несколько подходов к его изучению и структурированию.

Н.М. Сурнина в своем исследовании описывает широкую палитру подходов к исследованию экономического пространства, среди которых выделяет 11 макроподходов, включающих, среди прочих, социологический, когнитивный, геокультурный, цивилизационный, геосистемный и другие макроподходы [Сурнина, 2003].

По мнению Е.Г. Анимицы и В.А. Сухих, к исследованию экономического пространства существуют хозяйственный (деятельностный), процессный, территориальный, информационный, ресурсный, институциональный и иные подходы, причем территориальный подход признается в качестве основного [Анимица, Сухих, 2007].

И.В. Митрофанова обобщила различные трактовки экономического пространства, что позволило выявить такие подходы, как территориальный, системно-структурный, геополитический, инновационный, институциональный, процессный [Митрофанова, 2008].

О.А. Бияков на основе монографических исследований современных ученых о сущности категории «экономическое пространство» в качестве главных подходов выделяет: ресурсный, территориальный и информационный [Бияков, 2004]. Следует отметить, что такая вариация подходов, сложившихся к исследованию экономического пространства, является самой распространенной. В качестве примера приведем точки зрения Г.Х. Батова [Батов, 2014], А.В. Митрофанова [Митрофанов, 2013], С.В. Захарова [Захаров, 2016], С.А. Сухинина [Сухинин, 2018], М.Е. Галь и С.А. Оруджовой [Галь, Оруджова, 2018].

Исследователи О.Г. Смешко [Смешко, 2014], А.Г. Каримов и Э.Р. Чувашаева [Каримов, Чувашаева, 2014] пришли к заключению о необходимости выделения территориального, ресурсного, информационного и процессного подходов. В.Н. Овчинников, Н.П. Кетова и А.Г. Дружинин [Овчинников, Кетова, Дружинин, 2019] выделяют такую же группу подходов, проведя систематизацию существующих точек зрения относительно исследования экономического пространства региона и его структуризации, а также особо отмечают тот факт, что существенное место в современной трактовке экономического пространства занял кластерный подход. А.А. Песоцкий дополнительно к указанным называет институциональный подход, а также отмечает, что иногда выделяется инновационный подход как подвид процессного, и системный подход [Песоцкий, 2015].

По мнению А.Ю. Волошиной, экономическое пространство исследуется российскими учеными, как правило, в рамках четырех основных концепций: ресурсной, территориальной, информационной и факторной [Волошина, 2013]. В рамках факторной концепции отметим исследовательскую позицию О.В. Иншакова и Д.П. Фролова о выделении в экономическом пространстве шести компонентов-факторов [Иншаков, Фролов, 2005].

И.Н. Корабейников, помимо указанных, дополнительно выделяет распределительный, социо-экономический, объектный подходы [Корабейников, 2015]. В.А. Экова полагает необходимым включить в перечень теоретических подходов также: институциональный, объектносубъектный, процессный, эволюционно-генетический [Экова, 2012].

С.А. Иванов и В.В. Ложко констатируют факт концептуальной уязвимости существующих сегодня детерминантов понятия «регион», слабо связанных с пространственными аспектами его развития, и предлагают идею выделения так называемых «феноменологических полей» в структурировании экономического пространства, в которых ведущую регулятивную роль играют те или иные ключевые процессы, механизмы, те или иные виды политики. Наиболее важными полями сложившихся процессов экономического пространства являются «финансовое поле», «технологическое поле» и «кадровое поле» [Иванов, Ложко, 2015]. Данный подход, на наш взгляд, является направлением в рамках процессного подхода к изучению экономического пространства региона.

Представив выше сложившиеся подходы, позволяющие исследовать сущность экономического пространства, резюмируем, что к группе базовых концепций целесообразно отнести территориальный, ресурсный, информационный и процессный подходы, однако следует дополнить данный перечень еще и институциональным подходом; остальные подходы отнесем к группе вспомогательных подходов, применение которых зависит от конкретной исследовательской цели [Дворядкина, 2017].

Отметим, что для территориального подхода при определении экономического пространства ключевым атрибутом является понятие территории, и предполагается идентификация географических характеристик (критериев) развития экономических процессов.

Ресурсный подход базируется на сущностном определении в качестве базового детерми-

нанта, определяющего экономическое пространство, наличия ресурсов в регионе и отношений по поводу их использования, распределения и перераспределения.

Информационный подход раскрывает сущность экономического пространства региона через базовый фактор — информационный, подразумевающий функционирование информационных потоков между различными субъектами хозяйственной деятельности.

Процессный подход предполагает идентификацию экономических процессов в качестве ключевых параметров, раскрывающих сущность экономического пространства.

Институциональный подход содержательно характеризует экономическое пространство региона через трактовку региона как пространственного института с выделением в качестве субъектов экономического пространства различных институтов (экономических агентов) и их взаимодействий.

Резюмируя изложенное, отметим, что проведение анализа и оценки функционирования СОНКО будет являться наиболее продуктивным в рамках синтеза территориального и ресурсного подходов к исследованию экономического пространства.

Результаты исследования

Сравнительный эмпирический анализ пространственного развития СОНКО выполняется на основе расчета трех коэффициентов:

- 1) общий коэффициент насыщенности СОНКО экономического пространства региона (количество СОНКО в субъекте РФ на единицу площади);
- 2) коэффициент насыщенности спроса на услуги СОНКО в экономическом пространстве региона (численность получателей услуг СОНКО в субъекте РФ на единицу площади);
- 3) темп роста количества СОНКО в субъекте РФ в динамике (индикатор того, становится ли экономическое пространство региона более насыщенным СОНКО, или, наоборот, более разряженным).

В экономическом пространстве региона, в соответствии с Федеральным законом «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросу поддержки социально ориентированных некоммерческих организаций» [Федеральный закон от 5 апреля ..., 2010], могут функционировать СОНКО, которые создаются в таких формах, как: общественные объединения (кроме политических партий), религиоз-

ные организации (объединения), общины коренных малочисленных народов Российской Федерации, казачьи общества, некоммерческие партнерства, частные учреждения, автономные некоммерческие организации, фонды, объединения юридических лиц (ассоциации и союзы).

По выбранным статистическим показателям рассчитаем общий коэффициент насыщенности СОНКО для выбранных регионов: Уральский макрорегион взят в границах экономического района и включает 7 субъектов РФ, Юг России представлен субъектами РФ, входящими в состав Южного федерального округа, период анализа — с 2015 по 2019 год. Насыщенность территорий исследуемых субъектов СОНКО рассчитаем с помощью общей формулы:

$$K_{H} = \frac{N}{S}, \qquad (1)$$

где ${\rm K_H}$ — коэффициент насыщенности территории субъекта; N — количество СОНКО в субъекте; S — площадь территории исследуемого субъекта.

Смысловая нагрузка, которую несет данный коэффициент, заключается в характеристике уровня обеспеченности территорий исследуемых субъектов РФ данными организациями, где расчет количества СОНКО, приходящихся на единицу площади, позволяет проводить сопоставление данных по разным регионам, а также осуществлять оценку характера размещения. Насыщенность организаций типа СОНКО характеризует

возможности потребления социальных услуг в регионе. Для расчета коэффициентов насыщенности СОНКО необходимы показатели площади территорий исследуемых субъектов (табл. 1).

Рассчитаем коэффициент насыщенности СОНКО в экономическом пространстве регионов по формуле 1 и представим результаты расчетов в таблице 2.

В целом за 2015–2019 гг. коэффициент насыщенности СОНКО в экономическом пространстве рассматриваемых макрорегионов вырос: в Уральском макрорегионе – с 23,59 до 23,76, в Южном федеральном округе – с 32,56 до 38,11. Причем, в разрезе субъектов РФ, входящих в состав того или иного макрорегиона, наблюдается разнонаправленная динамика данного показателя (см. рис. 1, 2).

Отметим, что рассчитанные значения коэффициентов насыщенности экономического пространства по субъектам РФ свидетельствуют о том, что экономическое пространство Уральского макрорегиона является более равномерно насыщенным, тогда как насыщенность экономического пространства Южного федерального округа является более фрагментарной. По итогам 2019 г. в Уральском макрорегионе коэффициент насыщенности варьирует от 10,05 в Курганской области до 43,01 в Республике Удмуртия, в Южном федеральном округе — соответственно от 4,51 в Республике Калмыкия до 716,44 в г. Севастополь; как видно, размах вариации существенно различается.

Таблица 1 Площадь территории субъектов РФ, входящих в состав Уральского макрорегиона и Южного федерального округа

Субъекты	Площадь территории, тыс. км ²	Ранг субъекта					
Урал							
Республика Башкортостан	142,9	III					
Удмуртская Республика	42,1	VII					
Пермский край	160,2	II					
Оренбургская область	123,7	IV					
Курганская область	71,5	VI					
Свердловская область	194,3	I					
Челябинская область	88,5	V					
Южный федеральный округ							
Республика Адыгея	7,8	VII					
Астраханская область	49,0	V					
Волгоградская область	112,9	I					
Республика Калмыкия	74,7	IV					
Краснодарский край	75,5	III					
Ростовская область	100,9	II					
Республика Крым	26,1	VI					
Город Севастополь	0,9	VIII					

Примечание. Составлено по: [Регионы России ..., 2019].

Неравномерность территориального развития СОНКО отмечена и в исследованиях других авторов. Например, анализ, проведенный А.С. Артамоновой, позволил «...выявить стабильное увеличение числа социально ориентированных некоммерческих организаций в России и в то же время значительные территориальные диспропорции по этому показателю, что, на наш взгляд, свидетельствует о различной степени востребованности СОНКО в качестве альтернативы государственным учреждениям» [Артамонова, 2018: 60]. О.А. Чернова отмечает, что «...южнороссийские регионы характеризуются высокой

асимметрией внутрирегионального пространства...» [Чернова, 2018: 160].

В целом коэффициенты насыщенности по субъектам РФ Юга России выше, чем у субъектов Уральского макрорегиона, например, у Республики Крым, Республики Адыгея, Краснодарского края, г. Севастополь. Это связано в первую очередь с особой экономической и демографической привлекательностью данных субъектов, увеличением инвестиций и выделяемых на развитие данных субъектов средств из бюджета. Темпы роста количества СОНКО в исследуемых регионах представлены в таблице 3.

Таблица 2 Коэффициент насыщенности СОНКО в экономическом пространстве регионов Урала и Юга России

Регион	Коэффициент насыщенности СОНКО					
Гегион	2015 г.	2016 г.	2017 г.	2018 г.	2019 г.	
Урал						
Республика Башкортостан	35,81	34,68	31,73	31,85	32,43	
Республика Удмуртия	43,87	43,80	44,15	42,54	43,01	
Свердловская область	27,48	26,43	26,28	24,22	25,83	
Курганская область	6,50	6,95	8,72	10,00	10,05	
Оренбургская область	16,96	19,24	18,65	17,44	17,28	
Пермский край	19,30	18,90	19,18	19,08	20,36	
Челябинская область	16,46	18,02	20,72	21,31	22,32	
Уральский макрорегион	23,59	23,61	23,50	22,92	23,76	
Южный федеральный округ						
Республика Адыгея	62,88	61,85	62,24	58,65	60,83	
Астраханская область	20,11	20,48	19,60	17,15	16,85	
Волгоградская область	25,89	24,90	24,26	22,33	29,25	
Республика Калмыкия	3,45	3,57	3,21	3,22	4,51	
Краснодарский край	81,86	83,98	81,94	76,46	76,85	
Ростовская область	19,01	21,81	23,91	28,47	31,08	
Республика Крым	58,32	80,56	92,21	96,05	98,58	
Город Севастополь	355,34	504,63	701,39	763,89	716,44	
Южный федеральный округ	32,56	34,93	35,80	35,44	38,11	

Примечание. Таблицы 2-4 составлены авторами.

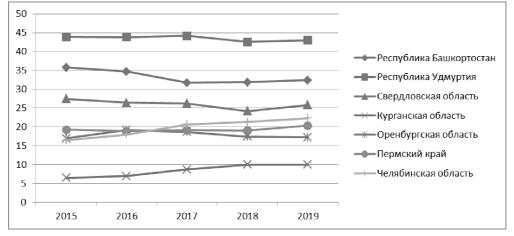

Рис. 1. Динамика количества СОНКО Уральского макрорегиона в 2015-2019 гг. Примечание. Рисунки 1-4 составлены по: [Итоги выборочного обследования ... , 2015-2019].

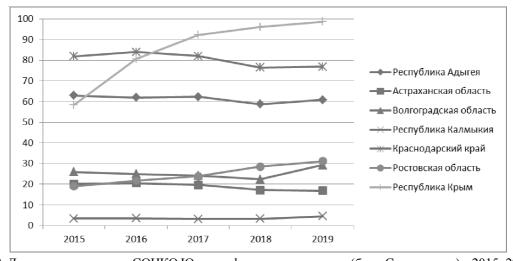

Рис. 2. Динамика количества СОНКО Южного федерального округа (без г. Севастополя) в 2015–2019 гг.

Tаблица 3 Темпы роста СОНКО в экономическом пространстве регионов Урала и Юга России

Регион	Темпы роста СОНКО, %						
Тегион	2016/2015	2017/2015	2018/2015	2019/2015			
	Урал						
Республика Башкортостан	96,85	88,61	88,94	90,56			
Республика Удмуртия	99,84	100,65	96,97	98,05			
Свердловская область	96,18	95,62	88,13	93,97			
Курганская область	106,88	134,19	153,76	154,62			
Оренбургская область	113,39	109,96	102,81	101,86			
Пермский край	97,93	99,39	98,87	105,49			
Челябинская область	109,47	125,87	129,44	135,62			
Уральский макрорегион	100,10	99,59	97,15	100,73			
Южный федеральный округ							
Республика Адыгея	98,37	98,98	93,27	96,73			
Астраханская область	101,83	97,46	85,29	83,77			
Волгоградская область	96,20	93,70	86,28	113,00			
Республика Калмыкия	103,49	93,02	93,41	130,62			
Краснодарский край	102,59	100,10	93,41	93,88			
Ростовская область	114,75	125,79	149,82	163,52			
Республика Крым	138,13	158,12	164,69	169,03			
Город Севастополь	142,02	197,39	214,98	201,63			
Южный федеральный округ	107,27	109,96	108,85	117,05			

Устойчивый рост СОНКО в Уральском макрорегионе отмечается в трех субъектах из семи, а это Курганская область, Пермский край и Челябинская область. В ЮФО устойчивые темпы роста СОНКО отмечаются в пяти субъектах из восьми, это Волгоградская область, Республика Калмыкия, Ростовская область, Республика Крым, город Севастополь. Отдельными акторами являются Республика Крым и город Севастополь, развитию которых в действующей экономической и геополитической повестке уделяется особое внимание.

Социально ориентированные некоммерческие организации выступают в качестве одного из важнейших институциональных факторов разви-

тия региональной экономики в силу того, что способствуют обеспечению политической и социальной стабильности в регионе, повышению жизненного уровня населения региона и развитию гражданского общества в целом. Спектр услуг, реализуемых СОНКО в региональных экономиках, достаточно обширен. В Специальном докладе Общественной палаты Российской Федерации «Участие НКО в оказании услуг в социальной сфере» отмечается: «На современном этапе развития рынка услуг в социальной сфере наблюдается увеличение интереса и доверия государства к деятельности СОНКО как к поставщикам, способным повысить качество услуг, удовлетворенность граждан — их получателей. В отдельных случаях СОНКО оказывают уникальные услуги, которые отсутствуют в государственной и муниципальной сети, но востребованы у населения» [Участие НКО ..., 2019: 12]. Таким образом, значимость изучения показателя насыщенности спроса на услуги СОНКО в экономическом пространстве регионов повышается.

Насыщенность территорий исследуемых субъектов спросом на услуги СОНКО рассчитаем с помощью общей формулы:

$$Kp = \frac{P}{S}, \qquad (2)$$

где Kp — коэффициент насыщенности территории субъекта; P — численность получателей услуг СОНКО в субъекте $P\Phi$; S — площадь территории исследуемого субъекта.

Расчет коэффициента насыщенности спроса на услуги СОНКО в экономическом пространстве исследуемых регионов представлен в таблице 4.

Проведенные расчеты позволяют сделать вывод о росте насыщенности экономического пространства регионов Урала и Юга России по параметру спроса на услуги СОНКО. По Уральскому макрорегиону данный коэффициент насыщенности увеличился с 5,709 в 2015 г. до 8,618 в 2019 г., по Южному федеральному округу — соответственно с 3,698 до 6,577. Численность получателей услуг социально ориентированных

некоммерческих организаций росла в анализируемый период, динамика представлена на рисунках 3 и 4.

Проведя сравнительный анализ представленных показателей, можно сделать вывод, что полученный коэффициент насыщенности спроса на услуги СОНКО имеет тенденцию к постоянному росту среди субъектов Южного федерального округа, в то время как на территории Уральского макрорегиона отмечается общий рост численности получателей услуг СОНКО, однако выделяется некоторая цикличность в виде небольших колебаний (роста и спада спроса). В общем насыщенность экономического пространства спросом на услуги СОНКО в Уральском макрорегионе выше, чем в ЮФО. Это говорит об относительной стабильности данного рынка услуг на территории Уральского макрорегиона, который на данный момент уже прошел фазу активного роста количества СОНКО, в то время как ЮФО проходит фазу активного развития и роста данного сектора, в особенности это характерно для Республики Крым и города Севастополь.

Следует отметить, что процесс насыщения экономического пространства регионов напрямую связан с процессом активизации доступа СОНКО на рынок услуг в социальной сфере, который происходит в рамках исполнения послания Президента РФ Федеральному собранию Российской Федерации от 3 декабря 2015 года [Посла-

Таблица 4 Коэффициент насыщенности спроса на услуги СОНКО в экономическом пространстве регионов Урала и Юга России

Регион	Коэффициент насыщенности спроса на услуги СОНКО						
гегион	2015 г.	2016 г.	2017 г.	2018 г.	2019 г.		
Урал							
Республика Башкортостан	4,36	4,53	4,57	7,81	8,29		
Республика Удмуртия	8,34	6,01	7,06	8,88	10,22		
Свердловская область	8,10	8,67	8,79	12,24	9,77		
Курганская область	0,86	1,25	1,82	3,37	3,45		
Оренбургская область	8,96	5,92	6,45	6,27	6,04		
Пермский край	3,96	5,04	6,49	7,37	8,37		
Челябинская область	3,94	6,39	9,92	14,66	14,08		
Уральский макрорегион	5,71	5,83	6,69	8,94	8,62		
Ю	жный феде	ральный от	круг				
Республика Адыгея	0,90	3,61	3,67	4,49	5,16		
Астраханская область	2,67	2,73	4,19	4,50	5,40		
Волгоградская область	1,57	1,30	2,12	3,29	3,39		
Республика Калмыкия	0,01	0,11	0,15	0,17	0,15		
Краснодарский край	8,30	5,73	7,94	8,87	9,05		
Ростовская область	2,95	2,76	2,94	4,45	5,38		
Республика Крым	2,49	5,12	10,56	10,58	14,67		
Город Севастополь	404,53	409,65	688,83	622,12	738,00		
Южный федеральный округ	3,70	3,38	5,03	5,74	6,58		

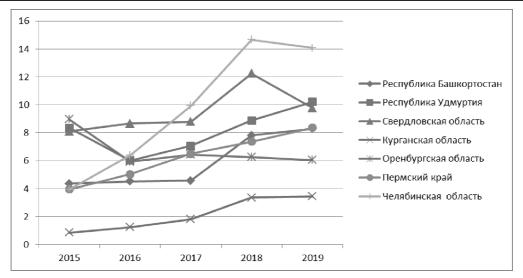

Рис. 3. Динамика спроса на услуги СОНКО Уральского макрорегиона в период 2015–2019 гг.

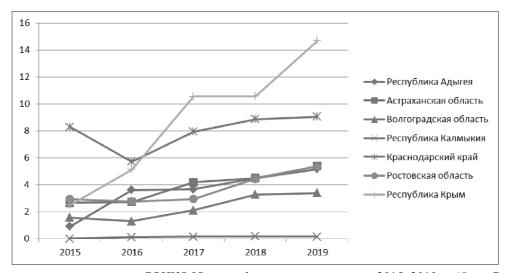

Рис. 4. Динамика спроса на услуги СОНКО Южного федерального округа за 2015–2019 гг. (без г. Севастополь)

ние Президента ... , 2015]. Осуществляется реализация Комплекса мер по обеспечению поэтапного доступа СОНКО, осуществляющих деятельность в социальной сфере, к бюджетным средствам, выделяемым на предоставление социальных услуг населению, на 2016–2020 гг., утвержденного Правительством РФ 23 мая 2016 г. № 3468п-П44 [Комплекс мер ... , 2016].

По данным Минэкономразвития России, в 2018 г. практически все субъекты Российской Федерации осуществляли реализацию указанного выше Комплекса мер. Обеспечение поэтапного доступа СОНКО к бюджетным средствам, выделяемым на предоставление населению услуг в социальной сфере, происходило по пяти основным направлениям: социальная защита и социальное обслуживание, культура, образование, физическая культура и спорт, а также охрана здоровья граждан [Отчет о реализации субъекта-

ми ..., 2018]. При этом 26 субъектов Российской Федерации в инициативном порядке развивали доступ СОНКО к бюджетным средствам, выделяемым на предоставление услуг населению по направлению «молодежная политика». В число субъектов Российской Федерации - лидеров по передаче услуг СОНКО (по объему средств бюджетов субъектов Российской Федерации, фактически переданных СОНКО на оказание услуг), из числа регионов Урала и Юга России вошли: Республика Башкортостан (социальная защита и социальное обслуживание, культура), Свердловская область (образование), Пермский край (здравоохранение), Оренбургская область (физическая культура и массовый спорт), Волгоградская область (молодежная политика).

В целом рост числа получателей услуг СОНКО напрямую связан с финансовым аспектом. На федеральном и региональном уровнях

выделяется все большее число грантов и субсидий на различные проекты, связанные с социальной поддержкой населения, что позволяет расширять охват получателей услуг СОНКО.

Выводы и предложения

Проведенное сравнительное эмпирическое исследование развития СОНКО в экономическом пространстве регионов Урала и Юга России позволило выявить ряд общих тенденций.

- 1. Рост насыщенности экономического пространства Урала и Юга России за счет увеличения количества СОНКО в целом, хотя по отдельным субъектам Российской Федерации в составе исследуемых макрорегионов наблюдается разнонаправленная динамика. Например, среди регионов Урала количество СОНКО сократилось в рассматриваемом периоде в Республике Башкортостан, Республике Удмуртия, Свердловской области, тогда как в Пермском крае, Оренбургской области, Курганской области и Челябинской области оно выросло. Среди регионов Южного федерального округа рост произошел в Волгоградской области, Республике Калмыкия, Ростовской области, Республике Крым, городе Севастополь, а снижение количества СОНКО наблюдалось в Республике Адыгея, Астраханской области, Краснодарском крае.
- 2. Общие коэффициенты насыщенности экономического пространства Юга России выше, чем Урала, однако само качество экономического пространства является разным, на Юге России оно более фрагментарно. Кроме того, влияние на общие показатели Южного федерального округа оказывают показатели Республики Крым и города Севастополь.
- 3. Коэффициент насыщенности спроса на услуги СОНКО имеет тенденцию к постоянному росту среди субъектов Южного федерального округа, в то время как на территории Уральского макрорегиона отмечается общий рост численности получателей услуг СОНКО, однако выделяется небольшая цикличность в виде небольших колебаний (роста и спада спроса). В целом насыщенность экономического пространства спросом на услуги СОНКО в Уральском макрорегионе выше, чем в Южном федеральном округе.

СОНКО, являясь конструктом экономического пространства региона, выступают как ресурс, необходимый для функционирования, развития социума, формирования и выражения его интересов [Дворядкина, Простова, 2019], что имеет прямое

отношение к парадигме не просто устойчивого, а ответственного регионального развития.

Усиление влияния СОНКО на формирование положительных тенденций пространственного развития регионов Урала и Юга России, по мнению авторов, может происходить по следующим конкретным для региональной экономики направлениям:

- рост числа СОНКО, реализующих социально значимые проекты, направленные на решение конкретных задач социально-экономического развития регионов Урала и Юга России, на региональном и муниципальном уровнях, в том числе реализующих проекты при государственной поддержке;
- содействие развитию благотворительной деятельности граждан и организаций, а также добровольческой (волонтерской) деятельности, рост доли молодежи, участвующих в проектах СОНКО:
- реализация комплекса мер по преодолению существующих барьеров и ограничений в деятельности СОНКО;
- повышение качества и эффективности деятельности СОНКО, реализующих социально значимые проекты на региональном и муниципальном уровнях;
- рост информированности жителей регионов о деятельности СОНКО, в том числе увеличение числа публикаций, посвященных вопросам развития и деятельности СОНКО, в средствах массовой информации;
- содействие развитию кадрового потенциала СОНКО в области подготовки, переподготовки и повышения квалификации работников и добровольцев;
- рост числа муниципальных программ поддержки СОНКО, разработанных и реализованных с учетом местных социально-экономических, экологических, культурных и других особенностей.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

- Анимица Е. Г., Сухих В. А., 2007. Пространственно-временная парадигма в социоэкономике: региональный аспект. Пермь: Изд-во Перм. ун-та. 140 с. Антропова Ю. Ю., Коробейникова А. П., 2015. Роль социально ориентированных некоммерческих организаций в развитии инноваций в социальной сфере региона // Дискуссия. № 11 (63). С. 64–70.
- Артамонова А. С., 2019. Оценка функционирования социально ориентированных некоммерческих

- организаций в регионах // Современная экономика: проблемы и решения. № 5 (113). С. 104–118.
- Артамонова А. С., 2018. Функционирование социально ориентированных некоммерческих организаций в регионах // Проблемы развития территории. Вып. 5 (97). С. 55–67.
- Батов Г. Х., 2014. Экономическое пространство: проблемы становления в регионе // Региональная экономика: теория и практика. № 42 (369). С. 2–11.
- Бияков О. А., 2004. Теория экономического пространства: методологический и региональный аспекты. Томск: Изд-во Том. ун-та. URL: http://vtit.kuzstu.ru/books/shelf/book7/index.html.
- Волошина А. Ю., 2013. Пространство мегаэкономики: концептуальные основы идентификации в глобальной экономике // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 3, Экономика. Экология. № 2 (23). С. 214–221.
- Галь М. Е., Оруджова С. А., 2018. Теоретические особенности оценки категории «экономическое пространство региона» // Вестник Академии знаний. № 29 (6). С. 86–92.
- Дворядкина Е. Б., 2017. Возможности применения пространственных концепций к исследованию новой индустриализации // Региональная экономика: вызовы, приоритеты, стратегические ориентиры. Екатеринбург: Изд-во Урал. гос. экон. ун-та. С. 134–139.
- Дворядкина Е. Б., Простова Д. М., 2019. Некоммерческие организации в региональной экономике: теоретический подход к исследованию // Journal of New Economy. Т. 20, № 4. С. 47–69.
- Захаров С. В., 2016. Концептуальные подходы к изучению сущности понятия «пространственно-экономическая трансформация» // Менеджер. Вестник Донецкого государственного университета управления. № 2. С. 112–119.
- Иванов С. А., Ложко В. В., 2015. О пространственном подходе в теории региональной экономики // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия «Экономика и менеджмент». Т. 9, № 1. С. 18–25.
- Иншаков О. В., Фролов Д. П., 2005. Экономическое пространство и пространственная экономика // Экономическая наука современной России. № 4. С. 174–180.
- Итоги выборочного обследования социально ориентированных некоммерческих организаций за 2015 г. на основе формы № 1-СОНКО, 2015. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/1-sonko2015.doc.
- Итоги выборочного обследования социально ориентированных некоммерческих организаций за 2016 г. на основе формы № 1-СОНКО, 2016. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/1-sonko2016.doc.
- Итоги выборочного обследования социально ориентированных некоммерческих организаций за 2017 г. на основе формы № 1-СОНКО, 2017. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/1-sonko2017.doc.

- Итоги выборочного обследования социально ориентированных некоммерческих организаций за 2018 г. на основе формы № 1-СОНКО, 2018. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/1-sonko2018.doc.
- Итоги выборочного обследования социально ориентированных некоммерческих организаций за 2019 г. на основе формы № 1-СОНКО, 2019. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/JLd0i BvH/12015-%D1%81%D0%BE% D0%BD%D0% BA%D0%BE-2019.doc.
- Каримов А. Г., Чувашаева Э. Р., 2014. К уточнению сущности и содержания категории «экономическое пространство» // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. № 10-2. С. 62–67.
- Комплекс мер по обеспечению поэтапного доступа социально ориентированных некоммерческих организаций, осуществляющих деятельность в социальной сфере, к бюджетным средствам, выделяемым на предоставление социальных услуг населению, на 2016–2020 годы: утв. Правительством Российской Федерации 23 мая 2016 г. № 3468п-П44, 2016. URL: https://economy.gov.ru/material/file/126367430a2e623cd0504093c32dd9e3/kompleks_mer.pdf.
- Корабейников И. Н., 2015. Особенности и компоненты информационно-экономического пространства // Вестник Уральского федерального университета. Серия: Экономика и управление. Т. 14, № 5. С. 687–716.
- Митрофанов А. В., 2013. Единство экономического пространства: подходы к трактовке и содержание понятия // Вестник Пензенского государственного университета. № 2. С. 46–52.
- Митрофанова И. В., 2008. К вопросу о природе и сущности экономического пространства // Региональная экономика: теория и практика. № 9 (66). С. 2–10.
- Овчинников В. Н., Кетова Н. П., Дружинин А. Г., 2019. Развитие рынков и структуризация экономического пространства региона // Terra Economicus. № 17 (2). С. 77–95.
- Отчет о реализации субъектами Российской Федерации мер по обеспечению доступа социально ориентированных некоммерческих организаций к предоставлению услуг в социальной сфере и механизмов поддержки социально ориентированных некоммерческих организаций в 2018 г., 2018. URL: https://www.economy.gov.ru/material/file/38874c2e0fbf00453e82a99c37d619d2/otchet_2018.pdf.
- Оценка экономической и социальной эффективности добровольческой деятельности: методические подходы и проблемы реализации, 2018 / под ред. И. В. Мерсияновой. М.: НИУ ВШЭ. 198 с.
- Песоцкий А. А., 2015. Теоретические подходы к определению понятия «экономическое пространство» // Вопросы экономики и права. № 4. С. 41–44.

- Послание Президента Российской Федерации Федеральному собранию 3 декабря 2015 года, 2015. URL: http://kremlin.ru/events/president/news/50864.
- Регионы России. Социально-экономические показатели: стат. сб., 2019. М.: Росстат. 1204 с.
- Смешко О. Г., 2014. Региональная экономика: факторы развития: монография. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та управления и экономики. 266 с.
- Суворова А. В., 2019. Пространственное развитие: содержание и особенности // Journal of New Economy. Т. 20, № 3. С. 51–64.
- Сурнина Н. М., 2003. Пространственная экономика: проблемы теории, методологии и практики. Екатеринбург: Изд-во Урал. гос. экон. ун-та. 287 с.
- Суслова Е. В., Гордеева Е. С., 2012. Факторы региональных различий масштабов некоммерческого сектора в РФ // Вопросы статистики. № 4. С. 51–57.
- Сухинин С. А., 2018. Концептуальные подходы к рассмотрению, идентификация и структурирование экономического пространства региона // Азимут научных исследований: экономика и управление. Т. 7, № 2 (23). С. 316–319.
- Третьякова Л. А., Целютина Т. В., Авилова Ж. Н., 2016. Определение характера участия некоммерческих организаций в развитии экономического пространства региона // Вестник Белгородского государственного технологического университета им. В. Г. Шухова. № 10. С. 237–243.
- Участие НКО в оказании услуг в социальной сфере: спец. докл. Общественной палаты Российской Федерации, 2019 / Общественная палата Российской Федерации; сост. и общ. ред. Е. А. Тополева-Солдунова, Е. Г. Орлова, О.В. Коротеева [и др.]. М.: Современные информационные системы. 96 с.
- Федеральный закон от 5 апреля 2010 г. № 40-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросу поддержки социально ориентированных некоммерческих организаций», 2010. URL: http://www.consultant.ru/document/cons doc LAW 99113.
- Чернова О. А., 2018. Отношения интеграции и сетизации в развитии многоукладной экономики региона // Село России. № 1. С. 158–166.
- Шабунова А. А., Косыгина К. Е., 2019. Методика оценки экономической активности некоммерческого сектора в регионе // Проблемы развития территории. № 5 (103). С. 7–23.
- Экова В. А., 2012. Теоретико-методологические подходы к исследованию пространственной неоднородности социально-экономического развития региона // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. Вып. 3. С. 13–16.

REFERENCES

Animicza E.G., Sukhikh V.A., 2007. Prostranstvennovremennaya paradigma v socioekonomike:

- *regionalnyj aspekt* [Spatio-Temporal Paradigm in Socioeconomics: Regional Aspect]. Perm, Izd-vo Permskogo un-ta. 140 p.
- Antropova Yu., Korobejnikova A.P., 2015. Rol socialno orientirovannykh nekommercheskikh organizacij v razvitii innovacij v socialnoj sfere regiona [The Role of Socially Oriented Non-Profit Organizations in the Development of Innovations in the Social Sphere of the Region]. *Diskussiya* [Discussion], vol. 63, no. 11, pp. 64-70.
- Artamonova A.S., 2019. Ocenka funkcionirovaniya socialno orientirovannykh nekommercheskikh organizacij v regionakh [Assessment of the Functioning of Socially Oriented Non-Profit Organizations in the Regions]. Sovremennaya jekonomika: problemy i resheniya [Modern Economics: Problems and Solutions], no. 5 (113), pp. 104-118.
- Artamonova A.S., 2018. Funkcionirovanie socialno orientirovannykh nekommercheskikh organizacij v regionakh [Functioning of Socially Oriented Non-Profit Organizations in the Regions]. *Problemy razvitiya territorii* [Territory Development Problems], iss. 5 (97), pp. 55-67.
- Batov G.Kh., 2014. Jekonomicheskoe prostranstvo: problemy stanovleniya v regione [Economic Area: Problems of Formation in the Region]. *Regionalnaya jekonomika: teoriya i praktika* [Regional Economy: Theory and Practice], no. 42 (369), pp. 2-11.
- Biyakov O.A., 2004. Teoriya jekonomicheskogo prostranstva: metodologicheskij i regionalnyj aspekty [Economic Area Theory: Methodological and Regional Aspects]. Tomsk, Izd-vo Tomskogo un-ta. URL: http://vtit.kuzstu.ru/books/shelf/book7/index.html.
- Voloshina A.Yu., 2013. Prostranstvo megaekonomiki: kontseptualnye osnovy identifikatsii v globalnoy ekonomike [Megaeconomy Space: Conceptual Bases of Identification in Global Economy]. Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 3, Ekonomika. Ekologiya [Journal of Volgograd State University. Economics], no. 2 (23), pp. 214-221.
- Gal M.E., Orudzhova S.A., 2018. Teoreticheskie osobennosti ocenki kategorii «jekonomicheskoe prostranstvo regiona» [Theoretical Features of the Assessment of the Category "Economic Area of the Region"]. *Vestnik Akademii znanij* [Academy of Knowledge Bulletin], no. 29 (6), pp. 86-92.
- Dvoryadkina E.B., 2017. Vozmozhnosti primeneniya prostranstvennykh koncepcij k issledovaniyu novoj industrializacii [Possible Applications of Spatial Concepts to the Research of New Industrialization]. Regionalnaya jekonomika: vyzovy, prioritety, strategicheskie orientiry [Regional Economy: Challenges, Priorities, Strategic Guidelines]. Yekaterinburg, Izd-vo Ural. gos. ekon. un-ta, pp. 134-139.
- Dvoryadkina E.B., Prostova D.M., 2019. Nekommercheskie organizatsii v regionalnoy jekonomike: teoreticheskiy

- podkhod k issledovaniyu [Nonprofit Organisations in the Regional Economy: A Theoretical Approach to the Research]. *Journal of New Economy*, vol. 20, no. 4, pp. 47-69.
- Zakharov S.V., 2016. Konceptualnye podkhody k izucheniyu sushhnosti ponyatiya «prostranstvennojekonomicheskaya transformaciya» [Conceptual Approaches to the Study of the Concepts Essence of "Spatial and Economic Transformation"]. *Menedzher. Vestnik Donetskogo gosudarstvennogo universiteta upravleniya* [Manager. Bulletin Donetsk State University of Management], no. 2, pp. 112-119.
- Ivanov S.A., Lozhko V.V., 2015. O prostranstvennom podkhode v teorii regionalnoj jekonomiki [On the Spatial Approach in the Theory of Regional Economics]. Vestnik Yuzhno-Uralskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya «Jekonomika i menedzhment» [Bulletin South Ural State University. Series "Economics and Management"], vol. 9, no. 1, pp. 18-25.
- Inshakov O.V., Frolov D.P., 2005. Jekonomicheskoe prostranstvo i prostranstvennaya jekonomika [Economic Area and Spatial Economics]. *Jekonomicheskaya nauka sovremennoj Rossii* [Economic Science of Modern Russia], no. 4, pp. 174-180.
- Itogi vyborochnogo obsledovaniya socialno orientirovannykh nekommercheskikh organizacij za 2015 g. na osnove formy № 1-SONKO, 2015 [The Results of a Sample Survey of Socially-Oriented Non-Profit Organizations in 2015 Based on Form No. 1-SONPO]. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/1-sonko2015.doc.
- Itogi vyborochnogo obsledovaniya socialno orientirovannykh nekommercheskikh organizacij za 2016 g. na osnove formy № 1-SONKO, 2016 [The Results of a Sample Survey of Socially-Oriented Non-Profit Organizations in 2016 Based on Form No. 1-SONPO]. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/1-sonko2016.doc.
- Itogi vyborochnogo obsledovaniya socialno orientirovannykh nekommercheskikh organizacij za 2017 g. na osnove formy № 1-SONKO, 2017 [The Results of a Sample Survey of Socially-Oriented Non-Profit Organizations in 2017 Based on Form No. 1-SONPO]. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/1-sonko2017.doc.
- Itogi vyborochnogo obsledovaniya socialno orientirovannykh nekommercheskikh organizacij za 2018 g. na osnove formy № 1-SONKO, 2018 [The Results of a Sample Survey of Socially-Oriented Non-Profit Organizations in 2018 Based on Form No. 1-SONPO]. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/1-sonko2018.doc.
- Itogi vyborochnogo obsledovaniya socialno orientirovannykh nekommercheskikh organizacij za 2019 g. na osnove formy № 1-SONKO, 2019 [The Results of a Sample Survey of Socially-Oriented

- Non-Profit Organizations in 2019 Based on Form No. 1-SONPO]. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/JLd0iBvH/1-%D1%81%D0%BE%D0%BD%D0%BA%D0%BE-2019.doc.
- Karimov A.G., Chuvashaeva E.R., 2014. K utochneniyu sushhnosti i soderzhaniya kategorii «ekonomicheskoe prostranstvo» [To Clarify the Essence and Content of the Category "Economic Area"]. *Mezhdunarodnyj zhurnal prikladnykh i fundamentalnykh issledovanij* [International Journal of Applied and Basic Research], no. 10-2, pp. 62-67.
- Kompleks mer po obespecheniyu poehtapnogo dostupa socialno orientirovannykh nekommercheskikh organizacij, osushchestvlyayushchikh deyatelnost v socialnoj sfere, k byudzhetnym sredstvam, vydelyaemym na predostavlenie socialnykh uslug naseleniyu, na 2016–2020 gody: utv. Pravitelstvom Rossijskoj Federacii 23 maya 2016 g. № 3468p-P44, 2016 [A Set of Measures to Ensure Phased Access of Socially-Oriented Non-Profit Organizations Operating in the Social Sphere to Budget Funds Allocated for the Provision of Social Services to the Population for 2016–2020. Approved by the Government of the Russian Federation on May 23, 2016 № 3468p-P44]. URL: https://economy.gov.ru/ material/file/1263 67430a2e623cd0504093c32dd9e3/ kompleks mer.pdf.
- Korabejnikov I.N., 2015. Osobennosti i komponenty informacionno-jekonomicheskogo prostranstva [Features and Components of the Information and Economic Space]. *Vestnik Uralskogo federalnogo universiteta. Seriya: Jekonomika i upravlenie* [Bulletin of the Ural Federal University. Series: Economics and Management], vol. 14, no. 5, pp. 687-716.
- Mitrofanov A.V., 2013. Edinstvo jekonomicheskogo prostranstva: podkhody k traktovke i soderzhanie ponyatiya [Unity of Economic Area: Approaches to Interpretation and Content of the Concept]. *Vestnik Penzenskogo gosudarstvennogo universiteta* [Penza State University Bulletin], no. 2, pp. 46-52.
- Mitrofanova I.V., 2008. K voprosu o prirode i sushhnosti jekonomicheskogo prostranstva [On the Nature and Essence of Economic Area]. *Regionalnaya jekonomika: teoriya i praktika* [Regional Economics: Theory and Practice], no. 9 (66), pp. 2-10.
- Ovchinnikov V.N., Ketova N.P., Druzhinin A.G., 2019. Razvitie rynkov i strukturizaciya jekonomicheskogo prostranstva regiona [Market Development and Structuring of the Regions Economic Area]. *Terra Economicus*, no. 17 (2), pp. 77-95.
- Otchet o realizacii subyektami Rossijskoj Federacii mer po obespecheniyu dostupa socialno orientirovannykh nekommercheskikh organizacij k predostavleniyu uslug v socialnoj sfere i mekhanizmov podderzhki socialno orientirovannykh nekommercheskikh organizacij v 2018 g., 2018 [Report on the Implementation by the Constituent Entities of the Russian Federation of Measures to Ensure Access by

- Socially Oriented Non-Profit Organizations to the Provision of Social Services and Support Mechanisms for Socially Oriented Non-Profit Organizations in 2018]. URL: https://www.economy.gov.ru/material/file/38874c 2e0fbf00453e82a99c37d619d2/otchet 2018.pdf.
- Mersiyanova I.V., ed. Ocenka jekonomicheskoj i socialnoj jeffektivnosti dobrovolcheskoj deyatelnosti: metodicheskie podkhody i problemy realizacii, 2018 [Assessment of the Economic and Social Effectiveness of Volunteer Activities: Methodological Approaches and Implementation Problems]. Moscow, NIU VShE. 198 p.
- Pesoczkij A.A., 2015. Teoreticheskie podkhody k opredeleniyu ponyatiya «jekonomicheskoe prostranstvo» [Theoretical Approaches to the Definition of "Economic Area"]. *Voprosy jekonomiki i prava* [Economic and Legal Issues], no. 4, pp. 41-44.
- Poslanie Prezidenta Rossijskoj Federacii Federalnomu sobraniyu 3 dekabrya 2015 goda, 2015 [The Presidents Message to the Federal Assembly on December 3, 2015]. URL: http://kremlin.ru/events/president/news/50864.
- Regiony Rossii. Sotsialno-ekonomicheskiye pokazateli: stat. sb., 2019 [Regions of Russia. Socio-Economic Indicators. Statistical Compilation]. Moscow, Rosstat. 1204 p.
- Smeshko O.G., 2014. *Regionalnaya jekonomika: faktory razvitiya: monografiya* [Regional Economics: Development Factors. Monograph]. Saint Petersburg, Izd-vo Sankt-Peterburgskogo un-ta upravleniya i ekonomiki. 266 p.
- Suvorova A.V., 2019. Prostranstvennoe razvitie: soderzhanie i osobennosti [Spatial Development: Content and Features]. *Journal of New Economy*, vol. 20, no. 3, pp. 51-64.
- Surnina N.M., 2003. Prostranstvennaya jekonomika: problemy teorii, metodologii i praktiki [Spatial Economics: Problems of Theory, Methodology and Practice]. Yekaterinburg, Izd-vo Uralskogo gosudarstvennogo ekonomicheskogo un-ta. 287 p.
- Suslova E.V., Gordeeva E.S., 2012. Faktory regionalnykh razlichij masshtabov nekommercheskogo sektora v RF [Factors of Regional Differences in the Scale of the Non-Profit Sector in Russia]. *Voprosy statistiki* [Statistical Issues], no. 4, pp. 51-57.
- Sukhinin S.A., 2018. Konceptualnye podkhody k rassmotreniyu, identifikaciya i strukturirovanie jekonomicheskogo prostranstva regiona [Conceptual Approaches to Consideration, Identification and Structuring of the Regions Economic Area]. Azimut nauchnykh issledovanij: jekonomika i upravlenie [Azimuth of Scientific

- Research: Economics and Management], vol. 7, no. 2 (23), pp. 316-319.
- Tretyakova L.A., Celyutina T.V., Avilova Zh.N., 2016. Opredelenie kharaktera uchastiya nekommercheskikh organizacij v razvitii jekonomicheskogo prostranstva regiona [Determination of the Nature of Participation of Non-Profit Organizations in the Development of the Regions Economic Area]. *Vestnik Belgorodskogo gosudarstvennogo tekhnologicheskogo Universiteta im. V.G. Shukhova* [Bulletin of Belgorod State Technical University named after V.G. Shukhov], no. 10, pp. 237-243.
- Topoleva-Soldunova E.A., Orlova E.G., Koroteeva O.V., Spivak A.M., Olkhovskij R.M., Vavilova A.A., Benevolenskij V.B. *Uchastie NKO v okazanii uslug v socialnoj sfere: spec. dokl. Obshhestvennoj palaty Rossijskoj Federacii*, 2019 [Participation of NPOs in Provision of Services in the Social Sphere. Special Report of the Public Chamber of the Russian Federation]. Moscow, Sovremennye informatsionnye sistemy Publ. 96 p.
- Federalnyj zakon ot 5 aprelya 2010 g. № 40-FZ «O vnesenii izmenenij v otdelnye zakonodatelnye akty Rossijskoj Federacii po voprosu podderzhki socialno orientirovannykh nekommercheskikh organizacij», 2010 [Federal Law No. 40-FZ of April 5, 2010 on Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation to Support Socially Oriented Non-Profit Organizations]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW 99113/.
- Chernova O.A., 2018. Otnosheniya integracii i setizacii v razvitii mnogoukladnoj jekonomiki regiona [Relationship of Integration and Networking in the Development of a Multi-Layered Regional Economy]. *Selo Rossii* [Rural Russia], no. 1, pp. 158-166.
- Shabunova A.A., Kosygina K.E., 2019. Metodika ocenki jekonomicheskoj aktivnosti nekommercheskogo sektora v regione [Methodology for Evaluating the Economic Activity of the Non-Profit Sector in the Region]. *Problemy razvitiya territorii* [Territory Development Issues], no. 5 (103), pp. 7-23.
- Jekova V.A., 2012. Teoretiko-metodologicheskie podkhody k issledovaniyu prostranstvennoj neodnorodnosti socialno-jekonomicheskogo razvitiya regiona [Theoretical and Methodological Approaches to the Research of Spatial Heterogeneity of Socio-Economic Development of the Region]. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya: Ekonomika. Upravleniye. Pravo* [Bulletin of the Saratov University. New Series. Series Economics. Control. Right], iss. 3, pp. 13-16.

Information About the Authors

Elena B. Dvoryadkina, Doctor of Sciences (Economics), Professor, Department of Regional, Municipal Economics and Governance, Ural State University of Economics, 8 Marta/Narodnoy Voli St, 62/45, 620144 Yekaterinburg, Russian Federation, elena.dvoryadkina@yandex.ru, https://orcid.org/00000-0001-5163-0334

Dina M. Prostova, Lecturer, Department of Foreign Languages, Ural State University of Economics, 8 Marta/Narodnoy Voli St, 62/45, 620144 Yekaterinburg, Russian Federation, citygirl81@yandex.ru, https://orcid.org/0000-0003-1203-194X

Elvin V. Dzhalilov, Postgraduate Student, Department of Regional, Municipal Economics and Governance, Ural State University of Economics, 8 Marta/Narodnoy Voli St, 62/45, 620144 Yekaterinburg, Russian Federation, elvin.dzhalilov.94@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-1990-4785

Информация об авторах

Елена Борисовна Дворядкина, доктор экономических наук, профессор кафедры региональной, муниципальной экономики и управления, Уральский государственный экономический университет, ул. 8 Марта/Народной воли, 62/45, 620144 г. Екатеринбург, Российская Федерация, elena.dvoryadkina@yandex.ru, https://orcid.org/0000-0001-5163-0334

Дина Михайловна Простова, преподаватель кафедры иностранных языков, Уральский государственный экономический университет, ул. 8 Марта/Народной воли, 62/45, 620144 г. Екатеринбург, Российская Федерация, citygirl81@yandex.ru, https://orcid.org/0000-0003-1203-194X

Эльвин Вахидович Джалилов, аспирант кафедры региональной, муниципальной экономики и управления, Уральский государственный экономический университет, ул. 8 Марта/Народной воли, 62/45, 620144 г. Екатеринбург, Российская Федерация, elvin.dzhalilov.94@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-1990-4785

DOI: https://doi.org/10.15688/re.volsu.2020.4.10

UDC 332.49; 316.7 Submitted: 05.06.2020 LBC 65.049(2) Accepted: 07.08.2020

DIGITALIZATION AS A FACTOR IN SOCIO-ECONOMIC INTEGRATION OF MULTICULTURAL REGIONS IN SOUTHERN RUSSIA ¹

Anna V. Ermishina

Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russian Federation

Lyudmila V. Klimenko

High School of Business, Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russian Federation

Pavel E. Budaev

High School of Business, Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russian Federation

Abstract. The ethnocultural diversity of regional development often becomes a factor in the disunity and impedes the processes of social and economic integration. The authors identify factors contributing to social cohesion at the macro-, mezo- and microlevels. Digitalization is a new factor in this system, which leads to a new society, new economy, and new system of integrative values. Most studies recognize the positive role of digital technology in enhancing social cohesion. However, digitalization will become a significant factor in the increase of the level of social cohesion if a critical mass of the population uses the information technology constantly in order to achieve their various goals. The logical question arises as to whether there is currently a digital divide in the multicultural and multiethnic region of Southern Russia. The study is based on the data concerning the use of information technology, information and telecommunication networks by the population. They were collected in the course of federal statistical observations. An analysis of ICT usage indicators in households of the North Caucasian Economic Region allows us to conclude that multi-ethnic subregions in Southern Russia show different degrees of involvement in the processes of digital transformation. Currently, Kabardino-Balkaria and Rostov region are digital leaders of the North Caucasian Economic Region in terms of aggregate indicators of using information and communication technologies. An intermediate position is occupied by Karachay-Cherkessia, Krasnodar and Stavropol krais, which are slightly above average. But there is a significant lag in these indicators in North Ossetia-Alania, Adygea and Dagestan. However, positive trends in digitalization indicators are observed in every North Caucasian federal entity and this should lead to a decrease in digital inequality and an increase in the role of digitalization as a factor in the societal dynamics of multicultural regions in Southern Russia.

Key words: multiethnic regions, Southern Russia, differentiation, digitalization, social cohesion, societal dynamics, integration, information and communication technologies.

Citation. Ermishina A.V., Klimenko L.V., Budaev P.E., 2020. Digitalization as a Factor in Socio-Economic Integration of Multicultural Regions in Southern Russia. *Regionalnaya ekonomika. Yug Rossii* [Regional Economy. South of Russia], vol. 8, no. 4, pp. 114-124. (in Russian). DOI: https://doi.org/10.15688/re.volsu.2020.4.10

УДК 332.49; 316.7Дата поступления статьи: 05.06.2020ББК 65.049(2)Дата принятия статьи: 07.08.2020

ЦИФРОВИЗАЦИЯ КАК ФАКТОР СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ ПОЛИКУЛЬТУРНЫХ РЕГИОНОВ ЮГА РОССИИ ¹

Анна Вениаминовна Ермишина

Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация

© Ермишина А.В., Клименко Л.В., Будаев П.В., 2020

Людмила Владиславовна Клименко

Высшая школа бизнеса Южного федерального университета, г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация

Павел Евгеньевич Будаев

Высшая школа бизнеса Южного федерального университета, г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация

Аннотация. Этнокультурное многообразие регионального развития зачастую становится фактором разобщенности и затрудняет процессы социально-экономической интеграции. Исследователи выделяют широкий круг факторов, способствующих социальной сплоченности, на макро-, мезо- и микроуровнях. Новым фактором в этой системе является цифровизация, в результате которой возникает и новое общество, и новая экономика, и новая система интегративных ценностей. Большинство исследований признают позитивную роль цифровых технологий в повышении социальной сплоченности. Однако, чтобы цифровизация стала значимым фактором повышения уровня социальной сплоченности общества, критическая масса населения должна в полной мере использовать информационные технологии для достижения различных целей. Логично возникает вопрос о том, имеет ли место цифровое неравенство в поликультурном и полиэтничном регионе южной России в настоящее время. Информационной базой исследования выступают данные федеральных статистических наблюдений использования населением информационно-телекоммуникационных технологий и сетей. Анализ показателей использования ИКТ в домохозяйствах Северо-Кавказского экономического района (СКЭР) позволяет заключить, что полиэтничные субрегионы Юга России в разной степени включены в процессы цифровой трансформации. В настоящее время цифровыми лидерами СКЭР по совокупности показателей использования информационно-коммуникативных технологий оказываются Кабардино-Балкария и Ростовская область. Карачаево-Черкесия, Краснодарский и Ставропольский края занимают промежуточное положение, немного выше среднего уровня. А наибольшее отставание фиксируется в Северной Осетии – Алании, Адыгее и Дагестане. Между тем положительная динамика показателей цифровизации наблюдается во всех субъектах СКЭР, что должно привести к снижению цифрового неравенства и повышению значимости цифровизации в укреплении социальной сплоченности на Юге России.

Ключевые слова: полиэтничные регионы, Юг России, дифференциация, цифровизация, социальная сплоченность, социетальная динамика, интеграция, информационно-коммуникационные технологии.

Цитирование. Ермишина А. В., Клименко Л. В., Будаев П. В., 2020. Цифровизация как фактор социальноэкономической интеграции поликультурных регионов Юга России // Региональная экономика. Юг России. Т. 8, № 4. C. 114–124. DOI: https://doi.org/10.15688/re.volsu.2020.4.10

Введение

Неравномерность социально-экономического развития регионов остается на протяжении последних десятилетий значимой проблемой для современной России. Наряду с регионами, находящимися на этапе вторичной модернизации и перехода к информационному обществу, в стране присутствуют субрегионы с низким уровнем социально-экономического развития (демодернизированные, со слабо развитой экономической инфраструктурой). Осложняет ситуацию гетерогенность этнокультурного и конфессионального состава некоторых территорий. Данные условия не способствуют интенсификации экономических связей и формированию социетальной целостности макрорегиональных сообществ.

К числу многосоставных российских регионов относится Юг России (территории двух федеральных округов – ЮФО и СКФО), в состав которого входит 13 субъектов, восемь из них являются национальными республиками. Особенностью постсоветского социально-экономическо-

го развития Юга России является выраженная региональная дифференциация: различные республики, края и области обладают разной степенью развития экономической инфраструктуры. В частности, Краснодарский край и Ростовская область представляют собой территории с относительно высокими показателями функционирования рыночных институтов. Тогда как республики Северного Кавказа отличают слабые темпы социально-экономического развития.

Исследователи называют широкий круг факторов социальной интеграции на макро-, мезо- и микроуровнях. Традиционно первичными считаются общая территория, язык, культура, история, государство, право, а также ценностно-идеологический и/или социально-культурный комплексы (общие национальные интересы и цели, системы ценностей, национальные идеи и пр.). Необходимость интеграции в экономической, социальной и политической сферах общества на макро-, мезо- и микроуровнях также признается важным фактором развития потенциала социальной интеграции [Константинова, 2019].

Между тем совсем незначительное число исследований посвящено влиянию новых цифровых технологий на социетальную динамику, уровень социальной интеграции и социальной сплоченности. В результате цифровизации и внедрения технологий четвертой промышленной революции возникают и новое общество, и новая экономика, и новая система интегративных ценностей. Таким образом, массовое распространение новых цифровых технологий может выступить драйвером экономического развития республиканского сегмента Юга России и создать дополнительные стимулы для расширения и укрепления социально-экономических связей между полиэтничными территориями.

Обзор литературы

Большинство исследований признают позитивную роль цифровых технологий в повышении социальной сплоченности. Так, в европейском проекте Радара социальной сплоченности цифровые навыки наряду с экономическим процветанием и государственными социальными расходами отнесены к социетальным драйверам, препятствующим возникновению социальной эксклюзии [Eurofound, 2018]. Эмпирические исследования в студенческой среде Новой Зеландии демонстрируют степень, в которой цифровое и сетевое взаимодействие влияют на социальное участие и социальную сплоченность [Marlowe, Bartley, Collins, 2016]. Анализ кейсов в отдельных сельских населенных пунктах Ирландии также показывает, что используемые жителями информационно-коммуникационные технологии (ИКТ) становятся неотъемлемой частью социальных отношений, играя важную роль в обеспечении социальной сплоченности [Wallace et al., 2017]. Необходимость достижения цифровой интеграции и социальной сплоченности декларируется в качестве важнейшей задачи образования в Испании, решение которой требует обеспечения всеобщего доступа к цифровым технологиям [Lázaro et al., 2015].

В России цифровизация объявлена государством в качестве одного из приоритетных направлений национального развития и заложена в программные документы [Об утверждении программы ..., 2017]. Исследователи отмечают, что цифровая трансформация в России рассматривается в числе факторов стабилизации политического режима и источника его новой легитимности [Малышева, 2018], что также способствует по-

вышению уровня социальной интеграции российского общества. Процесс цифровизация в настоящее время стремительно развивается и играет все более ощутимую роль в жизни общества [Гаджиев, 2019].

Социологи отмечают тот факт, что ИКТ настолько трансформировали социальные взаимоотношения и ценностные ориентиры в России, что появился новый общественный феномен цифровая культура [Алешкина, Апокина, 2019], под которой подразумевается способность использования отдельными гражданами и обществом в целом ИКТ для социально-профессиональной и коммуникативной активности в цифровом пространстве [Гребняк, 2019]. Если дефицит, дозирование и недостоверность информации поддерживают неравенство и разобщенность людей, то доступность информации благодаря цифровым технологиям (наличие компьютера, доступа к интернету) служит основой для снижения степени информационного неравенства, повышения степени вовлеченности граждан в общественные процессы, в том числе способствующие социальной сплоченности. Формирующаяся на общей основе цифровая культура в значительной степени интегрирует российское общество, особенно молодое поколение.

Ускорение цифровой трансформации России декларировано на самом высокой уровне государственной власти как целевая установка Национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации» (2017 г.) [Об утверждении программы ..., 2017]. Кроме того, реализация других национальных проектов («Образование», «Наука», «Медицина», «Культура») во многом предполагает внедрение цифровых технологий (дистанционное обучение, подготовка кадров в сфере ІТ, цифровая медицина, электронные библиотеки, виртуальные культурные мероприятия и пр.) [Национальные цели ..., 2019]. На момент принятия программы среди ключевых проблем ее реализации в работах некоторых авторов было отмечено региональное цифровое неравенство, оцениваемое по показателям кадровой и технологической готовности населения и организаций регионов к реализации программы [Кузнецов, 2019]. Действительно, чтобы цифровизация стала значимым фактором повышения уровня сплоченности общества, критическая масса населения должна в полной мере использовать информационные технологии для достижения различных целей. Логично возникает вопрос о том, имеет ли место цифровое неравенство в поликультурном и полиэтничном регионе южной России в настоящее время.

Информационная база исследования

Для анализа нами выбраны десять субъектов Северо-Кавказского экономического района (СКЭР) без учета Республики Крым и города Севастополь, имеющие тесные экономические связи, относительно сходные природные и климатические особенности, что позволяет рассматривать их совокупность как целостный экономический район с высокой степенью полиэтничности. Юг России характеризуется также высокой степенью регионального экономического неравенства. По показателю валового регионального продукта на душу населения лидер региона – Краснодарский край опережает аутсайдера - Республику Ингушетия почти в 3,5 раза, при этом существенно отставая от среднероссийского значения этого показателя [Ермишина, 2019].

Информационной базой исследования выступают данные общероссийских статистических наблюдений использования населением информационно-телекоммуникационных технологий и сетей ². Результаты сравнения данных по Российской Федерации в целом, по Москве, как субъекту РФ с передовым (эталонным) уровнем использования цифровых технологий, и 10 субъектам СКЭР позволяют получить представление об уровне цифрового равенства/неравенства на рассматриваемых территориях.

Современные показатели цифровизации на Юге России

Уровень использования цифровых технологий населением СКЭР в 2019 г. отличается от среднероссийского. Так, по количеству персональных компьютеров в домохозяйствах населения только в Ростовской области и Карачаево-Черкесской Республике показатели выше среднероссийского значения (69 %). В Республике Северная Осетия - Алания доля домохозяйств с персональными компьютерами не достигает и 50 %. В то же время доступ к сети Интернет во всех субъектах СКЭР, кроме Ставропольского края и Северной Осетии - Алании, выше среднероссийского значения. Лидером здесь оказывается Кабардино-Балкарская Республика с охватом более 85 % домашних хозяйств. А вот доступ в Интернет с персонального компьютера на уровне среднероссийского значения имеют домашние хозяйства только в Ростовской области (68%). Более половины домохозяйств Ингушетии, Адыгеи, Северной-Осетии – Алании и Дагестана для выхода в Интернет используют только мобильные телефоны (см. рис. 1).

Показатель доли домохозяйств, имеющих широкополосный доступ к сети Интернет, входит в число целевых Национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации» [Об утверждении программы ..., 2017]. Базовое значение индикатора в 2017 г. составляло 73 %, целевое в 2019 г. – 79 %, а к 2024 г. планируется достигнуть 97 %. Между тем только в Кабардино-Балкарской Республике показатель в 83 % достигает/превышает и целевой, и среднероссийский уровень. Ниже среднероссийского уровня по этому показателю семь из десяти субъектов СКЭР (рис. 1).

Техническая оснащенность домохозяйств гаджетами показывает, что по числу переносных компьютеров (ноутбуки, лептопы, ультрабуки и пр.) и планшетных устройств, используемых для выхода в Интернет, лидируют домохозяйства экономически модернизированных территорий Юга России – Ростовской области и Краснодарского края. Меньше всего используется таких устройств в Чечне и Северной Осетии. Тогда как по количеству стационарных компьютеров лидируют Ростовская область и Чечня, а отстают Адыгея и Карачаево-Черкесия. Обращает на себя внимание, что самый популярный гаджет - мобильный телефон или смартфон наиболее часто присутствует в домохозяйствах Кабардино-Балкарии (что немного опережает даже столичные показатели). Наименьшее значение использования мобильных телефонов для выхода в Интернет фиксируется в Чечне (см. рис. 2).

Среди домашних хозяйств, не подключенных к сети Интернет, в качестве наиболее распространенных причин этого выступают нежелание населения пользоваться глобальной сетью и отсутствие навыков работы в Интернете. На этом фоне отсутствие мотивации использования информационных технологий таким образом наиболее выражено в Адыгее и Северной Осетии. Более выраженный недостаток умений обращения с интернет-ресурсами фиксируется среди домохозяйств Ставропольского и Краснодарского краев. Высокие затраты в качестве причин отказа от подключения Интернет больше всего отмечаются в Ставропольском крае и Северной Осетии (см. рис. 3).

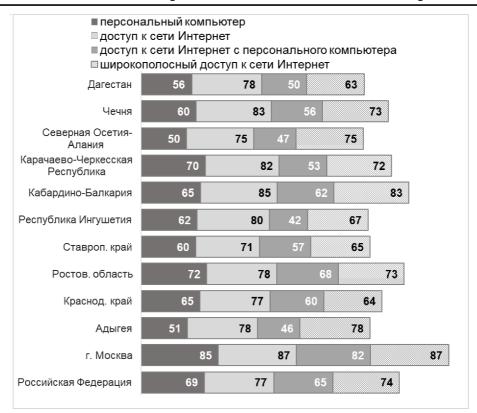

Рис. 1. Показатели использования информационно-телекоммуникационных технологий и сетей в 2019 г. (в % от общего числа домохозяйств)

Примечание. Рисунки 1-8 составлены по данным Федеральной службы государственной статистики РФ [Выборочное федеральное ..., 2019].

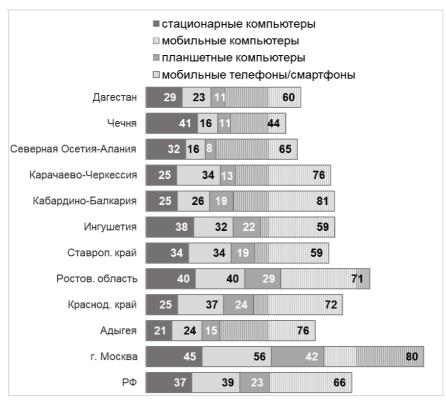

Рис. 2. Показатели использования технических устройств для выхода в Интернет в 2019 г. (в % от общего числа домохозяйств)

50 45 40 35 30 25 20 15 10 5	800000					00 00 00 00 00 00 00 00 00 00 00 00	803808	80 80 S				
Ü	РΦ	Мск	PA	КК	РО	СК	РД	РИ	КБР	КЧР	PCO- A	ЧР
■ По соображениям безопасности	0	0	0	0	0	1	0	2	0	0	0	2
■ Нет технической возможности	2	0	0	4	1	5	1	3	3	2	2	3
■ недостаток навыков использования	8	3	7	7	10	11	5	4	9	5	9	5
[™] Высокие затраты	5	3	5	4	5	12	3	6	5	6	11	1
■ нет необходимости/желания	16	9	19	15	15	16	11	13	7	13	18	2
≡ доступ в другом месте	2	3	0	1	1	1	3	2	0	0	1	0

Рис. 3. Распределение домашних хозяйств по причинам отказа от доступа к сети Интернет в 2019 г. (в % от числа домохозяйств)

В 2019 г. больше всего жителей, которые не использовали Интернет, было в Адыгее (23 %), Карачаево-Черкесии (22 %) и Ставропольском крае (20 %). Наиболее активными интернет-пользователями в возрасте от 15 лет и старше является население Чечни (каждый или почти каждый день выходили в сеть 84 %), Дагестане (76 %) Кабардино-Балкарии (76 %) и Северной Осетии (74 %). Эти показатели превышают общероссийские данные, а в случае с Чеченской Республикой опережают и московский показатель (84 % против 76 %) (рис. 4).

Таким образом, субрегионы Юга России в разной степени включены в процессы цифровой трансформации. На современном этапе более активными в использовании информационно-коммуникативных технологий оказываются жители Ростовской области и Кабардино-Балкарии, а

наибольшее отставание фиксируется в Северной Осетии – Алании, Адыгее и Дагестане.

Динамика показателей цифровизации в макрорегионе

Неравенство в использование цифровых технологий домохозяйствами может объясняться неравенством технических возможностей доступа к ним. Если посмотреть на динамику технических возможностей доступа к сети Интернет, то в домохозяйствах различных территориальных субъектов Юга России такие показатели за последние годы растут. Особенно это заметно в таких республиках Северного Кавказа, как Дагестан (рост с 2014 по 2018 г. на 23 %), Чечня (рост на 18 %) и Ингушетия (рост на 14 %) (см. рис. 5).

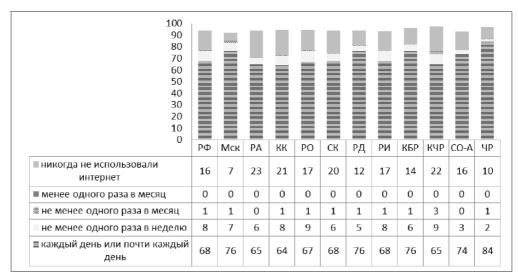

Рис. 4. Показатели использования интернет-ресурсов населением Юга России от 15 лет и старше (в % от общего числа жителей территориального субъекта)

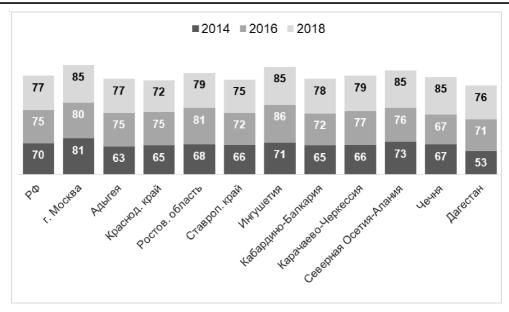

Рис. 5. Динамика показателей доступа к сети Интернет (в % от общего числа домохозяйств)

Характеристики доступа к широкополосному Интернету, относящиеся к целевым показателям Национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации», как уже указывалось, на Юге России в целом ниже планируемых значений. По темпам роста наибольшая положительная динамика фиксируется в Республике Ингушетия (с 2014 по 2016 г. повышение на 48 %), в Республике Адыгея (прирост на 28 %), Чеченской Республике (рост на 22 %) и Северной Осетии – Алании (повышение на 21 %). Для сравнения в целом по России прирост за этот период составил 9 %. Однако исходные показатели динамики в этот период в северокавказских республиках были значительно ниже относи-

тельно общероссийских значений, хотя в 2019 г. в республиканском сегменте Юга России широкополосный Интернет стал еще доступнее и в Кабардино-Балкарии превысил целевые показатели (рис. 6).

Говоря о динамических характеристиках цифровизации в различных территориальных субъектах Юга России, интересно посмотреть динамику обеспеченности домохозяйств персональными компьютерами и возможности доступа в Интернет через компьютер, так как эти данные могут косвенно свидетельствовать о степени задействования новых информационных технологий не только в досуге и общении, но и в работе. Материалы федеральных статистических

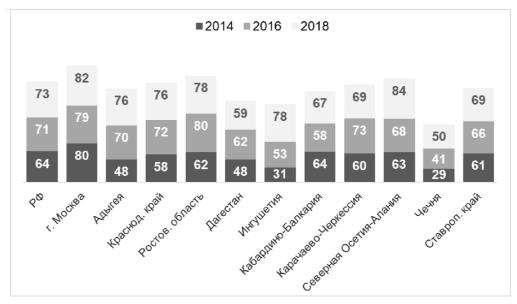

Рис. 6. Динамика показателей широкополосного доступа к сети Интернет (в % от общего числа домохозяйств)

наблюдений показывают, что за последние годы первый показатель в СКЭР был ниже, чем среднероссийский, что особенно заметно в Дагестане и Адыгее. Исключение составляют Ростовская область и Ингушетия, в которых и наиболее заметная динамика прироста степени «компьютеризации» домохозяйств. В остальных субъектах рост либо очень незначителен, либо фиксируется снижение данного показателя по сравнению с 2016 годом (рис. 7).

По другому параметру (возможности доступа с персонального компьютера к сети Интернет) показатели по субъектам Юга России еще больше отстают от средних по РФ. В наиболь-

шей степени это заметно в Дагестане и Адыгее, а в Ростовской области опять же этот показатель выше, чем общероссийский. Наибольшие темпы прироста степени использования интернет-ресурсов с персонального компьютера фиксируются в Чеченской Республике. Понижающаяся динамика выявляется в Северной Осетии – Алании (рис. 8).

Заключение

Растущие разрывы в региональном экономическом развитии, а следовательно и в уровне жизни населения, снижают социальную сплочен-

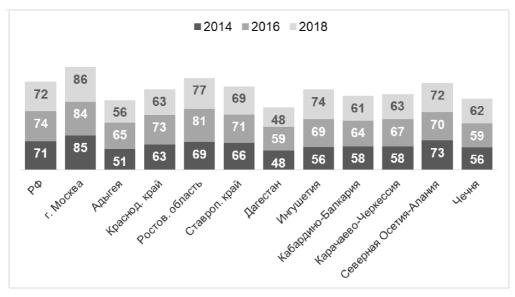

Рис. 7. Динамика показателей обеспеченности персональными компьютерами (в % от общего числа домохозяйств)

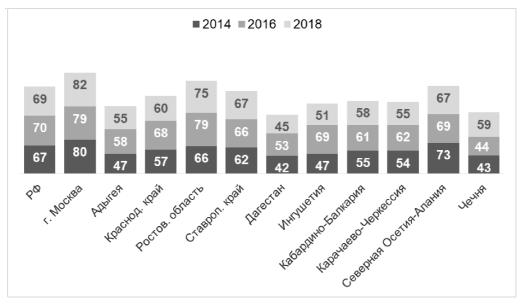

Рис. 8. Динамика показателей доступа к сети Интернет с персональных компьютеров (в % от общего числа домашних хозяйств)

ность российского общества, в то время как цифровая трансформация могла бы стать существенным фактором положительной социетальной динамики на Юге России, обеспечивая доступ к новым высокопроизводительным технологиям и услугам. Анализ статистических данных показывает, что по совокупности показателей использования информационно-коммуникативных технологий на современном этапе цифровыми лидерами СКЭР оказываются Кабардино-Балкария и Ростовская область. Карачаево-Черкесия, Краснодарский и Ставропольские края занимают промежуточное положение, они немного выше среднего уровня. А наибольшее отставание фиксируется в Северной Осетии – Алании, Адыгее и Дагестане. Однако положительная динамика показателей цифровизации наблюдается во всех субъектах СКЭР, что должно привести к снижению цифрового неравенства и повышению значимости этого фактора в укреплении социальной сплоченности на Юге России. Отдельного исследования заслуживает анализ ограничений и факторов, препятствующих или способствующих снижению цифрового неравенства в разных субъектах юга России. В перспективе также можно провести всестороннюю оценку цифрового неравенства через анализ показателей наличия у населения необходимых навыков эффективного использования информационных технологий в региональном и социально-групповом аспектах.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, в рамках научного проекта № 19-011-00270. The reported study was funded by RFBR, project no. 19-011-00270.
- ² Выборочное федеральное статистическое наблюдение по вопросам использования населением информационных технологий и информационно-телекоммуникационных сетей проводится с 2013 г. среди населения различных территориальных субъектов РФ и размещается в открытом доступе на сайте Федеральной службы государственной статистики РФ (https://gks.ru/free_doc/new_site/business/it/fed_nabl-croc/index.html).

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

Алешкина О. В., Апокина К. В., 2019. Цифровизация общества: роль и перспективы образования // Экономика и управление: науч.-практ. журн. № 4 (148). С. 8–11. DOI: 10.34773/EU.2019.4.2.

- Выборочное федеральное статистическое наблюдение по вопросам использования населением информационных технологий и информационно-телекоммуникационных сетей, 2019. Федеральная служба государственной статистики РФ. URL: https://gks.ru/free_doc/new_site/business/it/fed_nabl-croc/index.html.
- Гаджиев Х. А., 2019. Цифровизация общества проблема или новые возможности для власти? // Декабрьские социально-политические чтения «Как живешь, Россия?». Российское социальное государство и гражданское общество в реализации стратегии прорыва: результаты и резервы / под ред. С. В. Рязанцева, В. К. Левашова, Т. К. Ростовской. М.: Перспектива. С. 31–37.
- Гребняк О. В., 2019. Цифровая культура российских граждан в социально-политических практиках // Декабрьские социально-политические чтения «Как живешь, Россия?». Российское социальное государство и гражданское общество в реализации стратегии прорыва: результаты и резервы / под ред. С. В. Рязанцева, В. К. Левашова, Т. К. Ростовской. М.: Перспектива. С. 38—44.
- Ермишина А. В., 2019. Экономическое развитие регионов полиэтничного Юга России // Вестник Волгоградского государственного университета. Экономика. Т. 21, № 4. С. 55–66. DOI: 10.15688/ek.jvolsu.2019.4.6.
- Константинова Л. В., 2019. Интеграционный потенциал общества: опыт концептуализации // Социологические исследования. № 8. С. 19–29. DOI: 10.31857/S013216250006133-9.
- Кузнецов Н. В., 2019. Государственная программа «Цифровая экономика Российской Федерации»: анализ готовности регионов // Региональная экономика и управление: электрон. науч. журн. № 1 (57). URL: https://eee-region.ru/article/5709.
- Малышева Г. А., 2018. О социально-политических вызовах и рисках цифровизации российского общества // Власть. Т. 26, № 1. С. 40–46.
- Национальные цели социального развития: вызовы и решения: докл. к XX Апр. Междунар. науч. конф. по проблемам развития экономики и общества, г. Москва, 9–12 апр. 2019 г., 2019 / Т. В. Абанкина, Н. В. Акиндинова, С. С. Бирюкова [и др.]; отв. ред. Я. И. Кузьминов, Л. Н. Овчарова; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: Издат. дом Высшей школы экономики. 113 с.
- Об утверждении программы «Цифровая экономика Российской Федерации» : распоряжение Правительства РФ от 28.07.2017 № 1632-р, 2017 // Собрание законодательства РФ. № 32.
- Eurofound, 2018. Social cohesion and well-being in Europe. Luxembourg: Publications Office of the European Union. 16 p.
- Lázaro C., Estebanell J. L., Minguell M., Tedesco J. C., 2015. Inclusion and Social Cohesion in a Digital Society // RUSC. Universities and Knowledge

- Society Journal. No. 12 (2). P. 44–58. DOI: 10.7238/rusc.v12i2.2459.
- Marlowe J. M., Bartley A., Collins F., 2016. Digital belongings: The intersections of social cohesion, connectivity and digital media // Ethnicities. Vol. 17, iss. 1. P. 85–102. DOI: 10.1177/1468796816654174.
- Wallace C., Vincent K., Luguzan C., Townsend L., Beel D., 2017. Information technology and social cohesion: A tale of two villages // Journal of Rural Studies. No. 54. P. 426–434. DOI: 10.1016/j.jrurstud.2016.06.005.

REFERENCES

- Aleshkina O.V., Apokina K.V., 2019. Cifrovizaciya obshchestva: rol i perspektivy obrazovaniya [Digitalization of Society: The Role and Prospects of Education]. *Ekonomika i upravlenie: nauch.-prakt. zhurnal* [Economics and Management: Scientific and Practical Journal], no. 4 (148), pp. 8-11. DOI: 10.34773/EU.2019.4.2.
- Vyborochnoe federalnoe statisticheskoe nablyudenie po voprosam ispolzovaniya naseleniem informacionnyh tekhnologij i informacionno-telekommunikacionnyh setej, 2019 [Selected Federal Statistical Monitoring on the Use of Information Technologies and Information and Telecommunication Networks by the Population]. Federalnaya sluzhba gosudarstvennoy statistiki RF [Federal State Statistics Service of the Russian Federation]. URL: https://gks.ru/free_doc/new site/business/it/fed nabl-croc/index.html.
- Gadzhiev H.A., 2019. Cifrovizaciya obshchestva problema ili novye vozmozhnosti dlya vlasti? [Is Digitalization of Society a Problem or New Opportunities for Power?]. Ryazancev S.V., Levashov V.K., Rostovskaya T.K., eds. Dekabrskie socialno-politicheskie chteniya «Kak zhivesh, Rossiya?». Rossijskoe socialnoe gosudarstvo i grazhdanskoe obshchestvo v realizacii strategii proryva: rezultaty i rezervy [December Socio-Political Readings "How Do You Live, Russia?" The Russian Social State and Civil Society in Implementing the Breakthrough Strategy: Results and Reserves]. Moscow, Perspektiva Publ., pp. 31-37.
- Grebnyak O.V., 2019. Cifrovaya kultura rossijskih grazhdan v socialno-politicheskih praktikah [Digital Culture of Russian Citizens in Socio-Political Practices]. Ryazancev S.V., Levashov V.K., Rostovskaya T.K., eds. Dekabrskie socialno-politicheskie chteniya «Kak zhivesh, Rossiya?». Rossijskoe socialnoe gosudarstvo i grazhdanskoe obshchestvo v realizacii strategii proryva: rezultaty i rezervy [December Socio-Political Readings "How Do You Live, Russia?" The Russian Social State and Civil Society in Implementing the Breakthrough Strategy: Results and Reserves]. Moscow, Perspektiva Publ., pp. 38-44.
- Ermishina A.V., 2019. Ekonomicheskoe razvitie regionov polietnichnogo Yuga Rossii [Economic Development

- of the Regions at the Multi-Ethnic Southern Russia]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Ekonomika* [Journal of Volgograd State University. Economics.], vol. 21, no. 4, pp. 55-66. DOI: 10.15688/ek.jvolsu.2019.4.6.
- Konstantinova L.V., 2019. Integracionnyj potencial obshchestva: opyt konceptualizacii [The Integration Potential of Society: The Experience of Conceptualization]. *Sociologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies], no. 8, pp. 19-29. DOI: 10.31857/S013216250006133-9.
- Kuznecov N.V., 2019. Gosudarstvennaya programma «Cifrovaya ekonomika Rossijskoj Federacii»: analiz gotovnosti regionov [State Program "Digital Economy of the Russian Federation": Analysis of the Preparedness of the Regions]. *Regionalnaya ekonomika i upravlenie: electron. nauch. zhurn.* [Regional Economics and Management: Electronic Scientific Journal], no. (57). URL: https://eeeregion.ru/article/5709/.
- Malysheva G.A., 2018. O socialno-politicheskih vyzovah i riskah cifrovizacii rossijskogo obshchestva [On the Socio-Political Challenges and Risks of Digitalization of Russian Society]. *Vlast* [Power], vol. 26, no. 1, pp. 40-46.
- Abankina T.V., Akindinova N.V., Biryukova S.S. et al., eds. Natsionalnyye tseli sotsialnogo razvitiya: vyzovy i resheniya: dokl. k XX Apr. Mezhdunar. nauch. konf. po problemam razvitiya ekonomiki i obshchestva, g. Moskva, 9–12 apr. 2019 g., 2019 [National Goals of Social Development: Challenges and Solutions: Reports for the XX April International Scientific Conference on the Problems of Economic and Social Development, Moscow, April 9–12, 2019]. Moscow, Izdat. dom Vysshey shkoly ekonomiki. 113 p.
- Ob utverzhdenii programmy «Tsifrovaya ekonomika Rossiyskoy Federatsii»: rasporyazhenie Pravitelstva RF ot 28.07.2017 № 1632-r, 2017 [On the Approval of the Program "Digital Economy of the Russian Federation". Decree of the Government of the Russian Federation No. 1632-r of July 28, 2017]. Sobranie zakonodatelstva RF [Collection of Legislation of the Russian Federation], no. 32.
- Eurofound, 2018. *Social Cohesion and Well-Being in Europe*. Luxembourg, Publications Office of the European Union. 16 p.
- Lázaro C., Estebanell J.L., Minguell M., Tedesco J.C., 2015. Inclusion and Social Cohesion in a Digital Society. *RUSC. Universities and Knowledge Society Journal*, no. 12 (2). pp. 44-58. DOI: 10.7238/rusc.v12i2.2459.
- Marlowe J.M., Bartley A., Collins F., 2016. Digital Belongings: The Intersections of Social Cohesion, Connectivity and Digital Media. *Ethnicities*, vol. 17, iss. 1, pp. 85-102. DOI: 10.1177/1468796816654174.
- Wallace C., Vincent K., Luguzan C., Townsend L., Beel D., 2017. Information Technology and Social Cohesion: A Tale of Two Villages. *Journal of Rural Studies*, no. 54, pp. 426-434. DOI: 10.1016/j.jrurstud.2016.06.005.

Information About the Authors

Anna V. Ermishina, Candidate of Sciences (Economics), Associate Professor, Department of Economic Theory, Southern Federal University, Bolshaya Sadovaya St, 105, 344002 Rostov-on-Don, Russian Federation, AVErmishina@sfedu.ru, https://orcid.org/000-0002-7333-3426

Lyudmila V. Klimenko, Doctor of Sciences (Sociology), Professor, Department of Hospitality Business, High School of Business, Southern Federal University, Bolshaya Sadovaya St, 105, 344002 Rostov-on-Don, Russian Federation, LVKlimenko@sfedu.ru, https://orcid.org/0000-0001-7696-7830

Pavel E. Budaev, Candidate of Sciences (Sociology), Associate Professor, Department of Management and Hospitality, High School of Business, Southern Federal University, Bolshaya Sadovaya St, 105, 344002 Rostov-on-Don, Russian Federation, PEBudaev@sfedu.ru, https://orcid.org/0000-0002-2950-5542

Информация об авторах

Анна Вениаминовна Ермишина, кандидат экономических наук, доцент кафедры экономической теории, Южный федеральный университет, ул. Большая Садовая, 105, 344002 г. Ростов-на-Дону, Российс-кая Федерация, AVErmishina@sfedu.ru, https://orcid.org/000-0002-7333-3426

Людмила Владиславовна Клименко, доктор социологических наук, профессор кафедры бизнеса в индустрии гостеприимства, Высшая школа бизнеса Южного федерального университета, ул. Большая Садовая, 105, 344002 г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация, LVKlimenko@sfedu.ru, https://orcid.org/0000-0001-7696-7830

Павел Евгеньевич Будаев, кандидат социологических наук, доцент кафедры технологии управления и индустрии туризма, Высшая школа бизнеса Южного федерального университета, ул. Большая Садовая, 105, 344002 г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация, PEBudaev@sfedu.ru, https://orcid.org/0000-0002-2950-5542

DOI: https://doi.org/10.15688/re.volsu.2020.4.11

UDC 338.57 Submitted: 02.06.2020 LBC 65.05 Accepted: 23.08.2020

PRICE DRIVERS OF ECONOMIC GROWTH IN THE SOUTHERN REGION OF RUSSIA

Natalia V. Gryzunova

Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russian Federation

Igor T. Keri

Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russian Federation

Darina A. Sizova

Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russian Federation

Tatyana V. Sizova

Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russian Federation

Abstract. The purpose of this article is to reveal the relationship of the effectiveness of pricing policy and spatial economics. The main emphasis is on export pricing models. International trade contributes to the accumulation of political, social and financial power, forming new shopping centers and unions, aligning prices and profitability. International exchange of strategic resources often has the goal of changing the political landscape and financial and trade practices. Oil and crops are used by leading exporting countries as a tool for political pressure and different kinds of preferences. At the same time, it can be argued that prices for certain strategic commodities in the world market are capable of solving a number of global and national issues. For example, market pricing of oil and oil products is gradually changing the world's monetary system. Currently, future strategic commodities such as grain, sugar and cotton begin to replace oil. These traditional products of the South of Russia provide a significant share of the revenues of the state budget. However, the investment potential of the companies that produce these resources is extremely low. It is necessary to develop an organizational pricing strategy for the expansion of the product range of companies in the southern region in the MICEX list. Optimal pricing can quantitatively change not only GDP growth of both the global and national economies, but also to change the quality of life and management. Pricing methods (regression, parametric technique, specific indices) and pricing mechanisms (administrative and tax approach, for example) chosen by the company are dynamic market instruments for a strong commodity market, for the redistribution of investment flows, and income for the creation of sources of additional investment on the basis of shareholding.

Key words: pricing, Inco terms, price formation mechanism for imported goods, declarant, customs payments, mineral raw materials, global commodity markets, key growth points.

Citation. Gryzunova N.V., Keri I.T., Sizova D.A., Sizova T.V., 2020. Price Drivers of Economic Growth in the Southern Region of Russia. *Regionalnaya ekonomika. Yug Rossii* [Regional Economy. South of Russia], vol. 8, no. 4, pp. 125-136. (in Russian). DOI: https://doi.org/10.15688/re.volsu.2020.4.11

 УДК 338.57
 Дата поступления статьи: 02.06.2020

 ББК 65.05
 Дата принятия статьи: 23.08.2020

ЦЕНОВЫЕ ДРАЙВЕРЫ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РОСТА ЮЖНОГО РЕГИОНА РОССИИ

Наталья Владимировна Грызунова

Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова, г. Москва, Российская Федерация © Грызунова Н.В., Кери И.Т., Сизова Д.А., Сизова Т.В., 2020

Игорь Тальевич Кери

Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова, г. Москва, Российская Федерация

Дарина Александровна Сизова

Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова, г. Москва, Российская Федерация

Татьяна Владимировна Сизова

Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова, г. Москва, Российская Федерация

Аннотация. Целью статьи является раскрытие взаимосвязи эффективности ценовой политики и пространственной экономики. Основной акцент сделан на моделях экспортного ценообразования. Международная торговля способствует накоплению политической, социальной и финансовой мощи, формируя новые торговые центры и союзы, выравнивая цены и доходность. Международный обмен стратегическими ресурсами часто имеет целью изменение расстановки политических сил и изменение финансовых и торговых обычаев. Нефть и зерно используются ведущими странами-экспортерами в качестве инструмента политического давления и создания разного рода преференций. В то же время формирование цен на отдельные стратегические товары мирового рынка способно решить ряд глобальных и национальных проблем. Например, ценообразование на рынке нефти и нефтепродуктов постепенно меняет мировую валютную систему. В настоящее время на смену нефти приходят будущие стратегические товары: зерно, сахар и хлопок. Эти традиционные товары Юга России обеспечивают существенную долю, доходов государственного бюджета, тем не менее, инвестиционный потенциал компаний, создающих эти ресурсы, крайне низкий. Необходимо разработать организационно-ценовую стратегию для расширения номенклатуры компаний южного региона в списке ММВБ. Оптимальное ценообразование способно количественно изменить не только рост ВВП как мировой, так и национальной экономики, но и изменить качество жизни и управления. Методы ценообразования (регрессионно-кореляционный, параметрический, удельных показателей) и механизмы ценообразования (административно-налоговый, например), выбираемые компаниями, являются динамичными рыночными инструментами для создания развитого товарного биржевого рынка, перераспределения потока инвестиций и доходов и создания источников дополнительных инвестиций на базе акционирования.

Ключевые слова: ценообразование, Инкотермс, механизм формирования цен на импортные товары, декларант, таможенные платежи, минеральное сырье, мировые товарные рынки, ключевые точки роста.

Цитирование. Грызунова Н. В., Кери И. Т., Сизова Д. А., Сизова Т. В., 2020. Ценовые драйверы экономического роста южного региона России // Региональная экономика. Юг России. Т. 8, № 4. С. 125-136. DOI: https://doi.org/ 10.15688/re.volsu.2020.4.11

Введение

Каждое государство стремится расширить свое участие в международном обмене, поскольку, хоть он и неравноценный, но в любом случае увеличивает доходы всех участников. Мировые товарные рынки зависят от множества факторов: изменение структуры национальных экономик и не всегда оптимальная экспансия действия международных стандартов и защитных механизмов против лжеэкспорта и лжеимпорта в национальных экономиках (в РФ ежегодно при пересечении таможенной границы потери превышают сумму более 400 млн долл.) [Правительство утвердило список ..., 2020], постоянное появление аутсайдеров и новых товаров.

Ценообразование на международном товарном рынке постоянно изменяется, поскольку появляются как новые товары, например, рынок инноваций и инвестиций, рынок биткоинов, рынок

альтернативных инвестиций, так и инфраструктура для них.

Южный федеральный округ России (ЮФО) является промышленным и торговым регионом, по территории он занимает около 4 % территории страны и в нем проживают 17 % от населения страны. ЮФО лидирует по численности сельского населения и имеет огромный потенциал, однако, как и другие территории, регион испытывает дефицит инвестиций. В данном случае эту проблему можно решить акционированием. Несмотря на то что на территории ЮФО расположены знаменитые на весь мир заводы, 136 организаций, добывающих и перерабатывающих нефть, бескрайние поля, на которых можно вырастить пшеницу, лучшую в мире, по характеристикам биржевых товаров, тем не менее, акционерный капитал незначителен, и имеют листинг первого уровня на ММВБ только несколько компаний, что ограничивает экономический рост региона и возможности сторонних инвесторов. Необходимо выбрать организационно-ценовую стратегию для расширения номенклатуры компаний южного региона в списке ММВБ.

Целью статьи является раскрытие взаимосвязи эффективности ценовой политики компаний и финансовой политики государства.

Литературный обзор и методология исследования

В последнее десятилетие обсуждают характеристики эффективной финансовой системы и «сильного» государства. Для многих авторов эти понятия всегда являются синонимами. Ценовая политика — это комплекс из одной или нескольких стратегий и одновременно ключевой элемент финансовой системы. Развитие финансовых систем государств уже давно осуществляется в междисциплинарном ключе в теориях: Р. Солоу, Р. Харрода, Е.Д. Домарам, К. Лукаса (старший), Д.Э. Ромера, Ф. Листа, Г. Шмоллера [Такаши, 1995].

Например, М.Ч. Полани, Р. Холл, Р. Россер, Д. Стюарт, П. Грегори рассматривали однородные срезы экономической жизни, определенные виды финансовых систем макро- и мезоуровней, максимально используя распределительные функции цен [Лорин, 2016; Такаши, 1995].

Некоторые возможности практических трансформаций практиковали в качестве финансовых советников: Г. Колодко, Дж. Сакс, Д. Уильямсон, Л. Бальцерович, А. Ослунд [Бушуев и др., 2013; Лорин, 2016]. Так, экономист Дж. Сакс после удачных реформ в Боливии и Польше был приглашен в Россию, но поскольку США не хотели видеть сильного конкурента, было сделано все, чтобы усилия Дж. Сакса и Б.Н. Ельцина пошли прахом.

На мировом рынке нефти разворачивается финансовая политика и воология (экономическая война). С нефтью связана геополитическая концепция Хартленда и Римленда, разработанная американскими политологами Н.Дж. Спикмэном и Х.Д. Маккиндером еще в 40-х гг. прошлого столетия. Это теория «точек силы» – центров мировой добычи и торговли минеральными ресурсами. Во время холодной войны США расположили вокруг СССР сеть военных баз дугой от Средиземного моря до Индокитая [Спикмэн, 2016, 2018], и сейчас Д. Трамп «вырывает» право на торговлю нефтью, регулярно участвуя в конъюнктурных стратегиях, несмотря на муссирование идеи невыгодности торговли природными ресур-

сами. Как уже известно, статус стратегического товара приобретают зерно и хлопок. В США Чикагская биржа пока доминирует на рынке зерна, однако ММВБ предпринимает усилия по созданию зернового рынка и по превращению ЮФО в основной донор биржевого товара как России, так и, возможно, мира.

Механизм ценообразования биржевых товаров Юга России

Механизм ценообразования, применяемый для внешнеэкономической деятельности (ВЭД), может существенно повлиять на величину экспортной выручки как государства, так и компании. Выбор или создание новой налоговой модели ценообразования должен учитывать как виды применяемых таможенных пошлин исходя из классификации товарной номенклатуры ТН ВЭД, так и масштабов производства, сектора экономики, трансфертные соглашения о ценообразовании и др.

Ценообразование с точки зрения нормативного администрирования достаточно универсально, что обусловлено действиями международных организаций, целью которых является оптимизация, прозрачность и упрощение существующих на рынке процессов, и, конечно, сокращение таможенных пошлин. В XX в. появление многочисленных международных организаций обусловлено стремлением к снижению барьеров международной торговли. Межправительственные организации, которые определяют нормативные аспекты ценообразования в рамках ВЭД, это: WTO; всемирная таможенная организация (WCO); группа Всемирного Банка (WBG); международный торговый центр (ITC); организация экономического сотрудничества и развития (ОЕСD); комиссия ООН по праву международной торговли (UNCITL); конференция ООН по торговле и развитию (UNCTD); экономическая и социальная комиссия ООН для Азии и Тихого океана (UNESCA); международная торговая палата (ІСС); глобальное партнерство по содействию транспорту и торговле (GPTTF) [Максимова, Максимов, Вершинина, 2015].

Одними из важнейших документов, принятых WTO и регламентирующих процессы торговли и ценообразования на стратегическое сырье, являются «Протокол о внесении изменений в Марракешское соглашение...», подписанный в г. Женеве 27.11.2014 [Протокол о внесении изменений ..., 2014], и пересмотренные и обновлен-

ные в 2020 г. Правила ICC для определения условий поставки в национальной и международной торговле (Инкотермс 2020) [Международное агентство GFP, 2020].

Мировой рынок стратегического сырья всегда характеризуется жесткой конкуренцией, что активно проявляется в ценовых и таможенных войнах [Кравченко, 2015]. Новые формы и виды ценовых политик зарождаются именно в условиях жестких ограничений, затем происходит их диффузия и адаптация в других секторах экономики.

Нефть и зерно используются ведущими странами-экспортерами в качестве инструмента политического давления и создания разного рода преференций. Например, Bloomberg обвиняет Россию в дезорганизации рынка из-за введенных квот на экспорт зерна из-за пандемии COVIID-19. Истории известно много операций по захвату «нефтяных точек», например, «Эдельвейс» в годы войны, конфликт в Персидском заливе между Ираком и Кувейтом, турецкие нефтяные пираты в Черном море, создание ОПЕК, «Северный поток-2» и пр. [Ценовое агентство «Platts», 2020; Кравченко, 2015]. В настоящее время уже говорят о замене нефти сланцами, но конъюнктура нефтяного рынка еще длительное время будет играть ведущую роль в мировой финансовой системе. Также до сих пор актуальна тема русско-германской таможенной зерновой войны (1893-1904 гг.), война из-за зерна между Германией и Антантой, и повтор этого сценария в наши дни между Египтом и Турцией [Жильцова Ю., Жильцова А., 2018].

Несмотря на особую роль нефти, зерна, сахара, многие добывающие, перерабатывающие компании, сельскохозяйственные комплексы, элеваторы в РФ относят к категории естественных монополий, часто несмотря на то что они являются градообразующими организациями. Убыточность российского сельского хозяйства почти является аксиомой еще со времен А.В. Чаянова. Поэтому в НК РФ установлены специальные повышающие коэффициенты, которые применяют для многих месторождений полезных ископаемых с целью обеспечения рентабельности сельхозпродукции [Распоряжение Правительства РФ ..., 2019; Грызунова и др., 2020]. Такая ситуация не может не фраппировать.

Тем не менее в РФ ценообразование на товарной бирже коррелирует с развитием конъюнктуры, которая определяет производственные, маркетинговые факторы, НИОКР, степень сба-

лансированности; устойчивости или волатильности параметров рынка; масштабы рыночных операций и степень деловой активности; уровень коммерческого (рыночного) риска. Конъюнктура характеризуется: объемом промышленного производства; портфелем заказов; структурой и ликвидностью запасов; объемом грузооборота и пр. [Закон РФ от 20.02.1992 ..., 1992; Методика расчета территориальных ..., 2019].

Налоговая модель цены на экспортно-импортную продукцию состоит из следующих элементов [Методика расчета территориальных ..., 2019; Приказ ФАС № 1564/18 ..., 2018; Налоговый кодекс РФ ..., 2020; Грызунова и др., 2019]:

$$P = TC T\Pi TC\pi TX TO A HДC БП TP$$
, (1)

где ТС – таможенная стоимость, которая может быть определена шестью методами, описанными в НК РФ: по стоимости сделки с ввозимыми товарами; по стоимости сделки с идентичными товарами; по стоимости сделки с однородными товарами; вычитание стоимости; сложение стоимости; резервный метод. В 99-ти из 100 % случаев используется первый метод, но, если невозможно определить собственника или возникает «дофаминованое голодание», проблема с титулами собственности, то последовательно могут применяться все вышеперечисленные методы, пока не будет найден подходящий; ТП – таможенная пошлина. Для целей налогового ценообразования важно помнить, что ТП в настоящее время имеет комплексную конструкцию. Конечно, этот экономический инструмент имеет много особенностей, которые часто используют, определяя политику ценообразования, например, касторизированное ценообразование, политика хаоса, эксклюзива и др. Многие ТНК создают инновационные ценовые политики; $TC_{_{\Pi}}$ – таможенные сборы за таможенное сопровождение.

 ${
m TC}_{
m n}$ уплачиваются при режиме транзит и до начала осуществления таможенного сопровождения. ${
m TC}_{
m n}$ уплачиваются в следующих размерах [Постановление Правительства РФ ... , 2018]:

- 1) за осуществление таможенного сопровождения каждого автотранспортного средства и каждой единицы железнодорожного подвижного состава на расстояние:
 - до 50 км 2 000 руб.;
 - от 51 до 100 км 3 000 руб.;
 - от 101 до 200 км 4 000 руб.;
- свыше 200 км 1 000 руб. за каждые 100 км пути, но не менее 6 тыс. руб.;
- 2) за осуществление TC_{Π} каждого морского, речного или воздушного судна 20 тыс. руб. независимо от расстояния перемещения;

ТХ – подлежат уплате при использовании режима таможенного склада или таможенного хранения. Это один из наиболее востребованных таможенных режимов в условиях эскалации международной напряженности. Этот режим позволяет предпринимателям сохранять свои авуары в условиях конфликтов, в другой стране за сравнительно небольшую плату. ТХ на стандартизированные товары составляет 1 руб. с каждых 100 кг веса в день, а для содержания специфических товаров (свежая рыба, цветы, шубы и пр.) в специально оборудованных помещениях — 2 руб. с каждых 100 кг веса товаров в день. ТХ должны быть уплачены до фактической выдачи товаров со склада;

ТО — таможенное оформление. Практика определения ТО. Каскадный метод был введен сравнительно недавно, но сразу привел к оптимизации грузопотоков. Пример «каскада» ТО:

- величина ТО составляет 500 руб. при условии, что ТС не превышает 200 тыс. руб. включительно;
- величина ТО составляет 1 тыс. руб. при условии, что ТС не превышает 200,001 тыс. руб. и более, но не превышает 450 тыс. руб. включительно;
- величина ТО составляет 100 тыс. руб. при условии, что ТС не превышает 300,001 тыс. руб. и более:
 - A акциз (если есть);
- НДС налог на добавленную стоимость (если он есть, но на стратегические товары он установлен);
 - БП банковские проценты;
- ТР транспортный дифференциал рассчитывается исходя из стоимости транспортировки сырья из пункта отправки в пункт назначения. Стоимость включает в себя: стоимости услуг оператора вагонного парка, элеватора (погрузка зерна в вагоны) и сюрвейера, стоимости страхования и сопутствующих услуг грузоотправителя, транспортные и коммерческие расходы, например, поправка на территориальные индексы [Методика расчета территориальных ..., 2019; Приказ ФАС № 1564/18 ..., 2018; Московская биржа ..., 2020]:

ТДСВ=
$$(TPCB+ИHCCB+CPEC+AЖC+$$

+ ЛДС+XCB)× $(1+KOPP \div 100\%),$ (2)

где CB — маршрут от Пункта отправления (C) до пункта назначения (B); ТДCB — сумма транспортного дифференциала; TPCB — стоимость транспортировки, вклю-

чающая в себя сумму стоимости транспортировки (тарифы РЖД и оператора вагонного парка); ИНССВ — стоимость страхования при транспортировке от Пункта отправки до Пункта; СРБС — стоимость услуг сюрвейера при контроле качественных и количественных характеристик *товара* при погрузке; АЖС — стоимость услуг грузоотправителя от пункта отправления до пункта назначения; ЛДС — стоимость услуг по погрузке; ХСВ — дополнительная резервная переменная на случай появления дополнительных статей затрат при транспортировке; КОРР — корректирующий стоимостной коэффициент, учитывающий заложенную рентабельность перевозок и риски экспедитора.

Известно, экспортерам выгодно завышать TC, поскольку им из бюджета возвращается НДС, а импортерам занижать TC.

Клиффхэнгер (сложная дилемма) ценообразования на минеральное сырье в РФ состоит в самой большой налоговой нагрузке, более 60 % на данный сегмент экономики.

Средний уровень риска производных ценных бумаг с базовым активом — стратегическое сырье составлял немного менее 25 %. В связи с этим постоянно изменяются методики оценки риск-параметров для балансировки риска между срочным и валютным рынками фондового рынка, учитывая в клиринге критерии по активам (см. рис. 1). Наибольшую популярность приобретает инструмент мультивалютного страхования сделок, что привело к расширению корзины валют операций.

Тем не менее таможенная логистика уже отработана, и декларант имеет дело со все более универсальной схемой оформления перемещения товаров через таможенную границу; однако таможенные брокеры, при определении цены декларируемых товаров, конкурируя, мотивируют клиентов индексом таможенной стоимости (3), то есть возможностями ее завышения или занижения.

Индекс таможенной стоимости (ИТС) рассчитывается:

$$ITC = TC_{IIT}/B_{H}, (3)$$

где ИТС — индекс таможенной стоимости (или таможенная ставка) показывает, сколько стоит 1 кг ввозимого товара, и этот показатель является критерием риска ВЭД; ${\rm TC}_{\rm дr}$ — ${\rm TC}$ декларируемого товара; ${\rm B}_{\rm H}$ — вес декларируемого товара нетто.

Формула цены (1) при торговле нефтью на территории РФ может корректироваться индексами: индексами цен сопоставимых зарубежных

Рис. 1. Критерии оценки риска и клирингового обеспечения

Примечание. Составлено по: [Московская биржа, 2020].

рынков; индексами цен внебиржевых сделок; индексами биржевых цен [Методика расчета территориальных ... , 2019; Распоряжение Правительства РФ от $10.08.2019 \dots , 2019$].

Коллаборация при определении цены таможенным органом и декларантом сырья постоянно анализируют соотношения доходов от экспорта и внутренних поставок. Внутренний рынок нефти в России сейчас ориентируется на международные индикаторы и мультипликаторы с привязкой к соответствующему маркерному сорту Brent Blend; WTI (West Texas Intermediate); Dubai Crude [Bassam, 2011]:

Расходы на международную перевозку учитываются в соответствии с Инкотермс 2020. Структура цен с учетом рисков, ответственности, условий доставки отражена на рисунке 2.

Для экспорта нефти и нефтепродуктов используют следующие условия поставки: (FCA) (FOB), (DAP), (FIT), (FCA). Как можно видеть, используются как мировые стандарты Инкотермс, так и торговые обычаи (FIP) [Международное агентство (GFP), 2020; Международная торговая палата (МТП) № 715, 2020].

Процессы, происходящие в мировой экономике и влияющие на национальные экономические системы, определяются сочетанием социальных, технологических, институциональных и прочих факторов. Нефть в XX в. – ключевой ресурс для мировой экономики. История первого использования нефти начинается с 6000 г. до н. э. как один из ингредиентов энкаустических красок, но стратегическим ресурсом нефть стала только в XX веке [Кравченко, 2015; Спикмэн, 2016].

Нефть – природное ископаемое, используемое сейчас по всей производственной вертикали и в качестве сырья для производства топлива. Классификация нефтепродуктов зависит от степени переработки нефти, поэтому нефтепродукты делятся на группы и фракции (см. табл. 1), и они определяют цену и на основе метода удельных показателей (главный технический параметр в ценообразовании). Товары и ресурсы, отнесенные к категории «стратегически важных», составляют значительный объем российского экспорта; экспортные и налоговые доходы составляют значительную часть бюджета [Правительство утвердило список ..., 2020]. В таблице 1 представлены основные продукты нефтепереработки.

Оптимизация процессов ценообразования осуществляется постоянно. Практически ежегодно, или два раза в год, происходит изменение методик, формул, коэффициентов, все, что отражает конъюнктурные изменения рынка. Оптимизация ценообразования базируется, прежде всего, на эксплуатации функций цены: распределительной, учетной, определения доходности и др.

Дорожная карта процессов оптимизация ценообразования на биржевые продукты с базовым активом в спектре деятельности компании должна отражать возникающие бифуркации, обусловленные финансовыми и маркетинговыми иновациями, развитием института товарной биржи. Для их идентификации определяют аналитические задачи. Например, отрицательная ставка по депозитам, облигациям, складским свидетельствам. Назревающие изменения менеджмент старается обнаружить как можно быстрее, для

	Продавец	Транзит	Покупатель
Е			
F			· - · -
С			
D			

Рис. 2. Структура условий поставки Инкотермс 2020

Примечания. Составлено по: [Международные правила толкования ... , 2020]. Линии обозначают условия поставки и ответственность сторон: сплошная линия – обозначает, что несет ответственность и риски продавец; пунктирная линия – все расходы оплачивает покупатель.

ПЕРВИЧНАЯ ПЕРЕРАБОТКА	ВТОРИЧНАЯ ПЕРЕРАБОТКА
Сопутствующие газы (бутан, пропан)	Бензин, керосин
Нефтяные и бензиновые фракции	Масло (смазочное, гидравлическое, электроизоляционное)
Керосинный дистиллят	Битум
Дизельное топливо	Парафин, вазелин, елеодорский воск
Смазочные масла	Ароматические углеводороды (бензол, толуол, ксилол)
Мазут	Лакокрасочные материалы, растворители и красители
Гудрон	Синтетический каучук
Эрзац	Синтетические ткани
	Пластмассы
	Полимерные пленки (полиэтилен, полипропилен)

Продукты первичной и вторичной переработки нефти

Примечание. Составлено по: [Правительство утвердило список, 2020].

того чтобы оценить возможные преимущества по снижению издержек и расширение кросс-маржирования по ценам контрактов и переход компании на ЕП (единый пул) обеспечения. Начинают планирование по финансовым и конъюнктурным показателям портфеля контрактов кампании, традиционно отдавая лидирующую роль потенциалу продаж и определяя канал нулевого уровня риска, формируют новый алгоритм изменения риск-параметров, учитываемых в цене. Инфраструктура товарной биржи формирует новые каналы маркетинга.

Например, введен статус риска нулевого уровня, что обусловило расширение инструментов страхования и увеличило уровень конечной цены. Также расширяются каналы маркетинга, что позволяет нейтрализовать некоторые административно-институциональные расходы в цене. Асимметричное государственное обеспечение

покупки и продажи (увеличение по однонаправленным позициям по критерию «процентный риск» и снижение по спредам).

Маркерные сорта нефти, как уже отмечалось, позволяют определить и прогнозировать цены на 70 % товарных марок экспортной нефти [Правительство утвердило список ..., 2020], в том числе «Urals», динамика цен на маркерную нефть представлена на рисунке 3. Для многих стран экспорт нефти — основная статья доходов бюджета.

Многие государства законодательно определяют номенклатуру стратегически важных ресурсов, на основе нее корректируется внутренняя и внешнеэкономическая политика. Для внутренней политики и для отечественных товаропроизводителей обеспечивается прозрачность допуска к новым источникам критических полезных ископаемых. Сложилась биржевая практика введения налоговых временных льгот на обли-

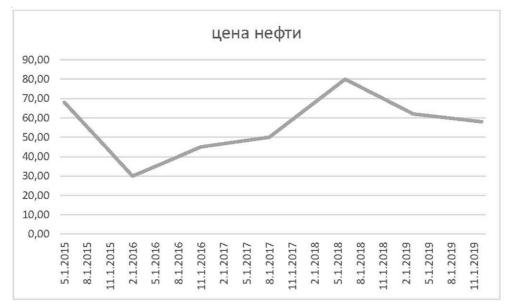

Рис. 3. Динамика цены нефти Нефть (Brent) (в USD за 5 лет с уровнями поддержки и сопротивления) *Примечание*. Составлено по: [Аналитическое агентство Finanz.ru., 2020].

гации под освоение месторождений для роста рентабельности и скорости освоения месторождений минерального сырья. Формируются информационные ресурсы, позволяющие просмотреть динамику деловой активности и рентабельности по вертикальной производственной цепочке: разведка, добыча, переработка и пр.

Для внешней политики необходим постоянный пространственный анализ, расширение спектра услуг, предоставляемых биржей, и развитие финансовой инфраструктуры, ликвидности ценных бумаг, качественный контроль риска. Для развития товарного биржевого рынка в Российской Федерации необходимо решить проблему с транспортной инфраструктурой, логистикой, контролем качества дифференциации стратегического сырья по сортам, совершенствование механизмов биржевой торговли. Существующие проблемы снижают возможности добывающих отраслей, превращая их в компании - естественные монополии. Развитие биржевой торговли должно усилить волатильность цен на сырье и опционов на стратегическое сырье. Сегодня сделки с нефтью более волатильны (рис. 3, 4) и имеют более высокую доходность.

Различными биржами предпринимались попытки расширить условия торговли и анализа, регулярно предлагаются проекты внебиржевых торговых площадок, однако в настоящее время в Российской Федерации объем биржевых торгов не сопоставим с объемами торгов на мировых площадках, поэтому отказ от статистики агентства Reuter и изменение валюты сделок ожидать пока преждевременно. Так, на торгах

нефтепродуктами оценка основного биржевого мультипликатора (отношение оборота торгов фьючерсами на нефтепродукты к стоимости всей мировой добычи) на международных биржевых площадках превышает 14, в то время как в РФ этот показатель составляет менее 5. Другие индикаторы — мультипликаторы могли бы быть лучше (см. табл. 2).

Чтобы переломить ситуацию, необходимо быть «на уровне» основных конкурентов, то есть изыскать дополнительные источники инвестиций. Пока участники российского рынка вынуждены прибегать к другим способам хеджирования рисков, обращаясь к зарубежным участникам биржевой торговли: ICE (Великобритания), NYMEX (США), Dubai Mercantile Exchange (ОРЭ) и др. Такая ситуация приводит к зависимости российских участников от интересов зарубежных партнеров, что отражается на уровне цены отечественных стратегических товаров на бирже и прибыли. ЦБ РФ и другие институциональные структуры стремятся защищать отечественных производителей, развивая биржевой рынок.

С декабря 2005 г. на площадке ММВБ-РТС осуществляются биржевые торги опционами на нефть, с 2015 г. начата торговля зерном, с 2017 г. стартовала биржевая торговля сахаром. Участникам данных торгов доступны поставочные «форвардные» контракты с минимальным размером лота в 1 баррель (или бушель). Базисным активом выступает сырье «среднего качества» в своем классе. Срок исполнения контракта – от 3 дней до 6 месяцев.

Рис. 4. Динамика цены на пшеницу

Примечание. Составлено по: [Ценовое агентство «Platts», 2020].

Таблица 2

Биржевые мультипликаторы

Компания	EV/ EBITDA ltm	EV/ FCFF ltm	P/E ltm	P/BV	Ebitda margin	Долг/ EBITDA ltm	Долги/Активы (% кр. и долг. обязательств в активах компании), %
Sinopec	64045,00	10,00	43895,00	0,85	0,16	0,03	33,19
		,	,		,		,
Royal Dutch Shell	53892,00	154,53	44046,00	0,59	0,19	0,60	38,19
Газпром	43864,00	52,00	3,50	0,33	0,33	46773,00	33,80
ExxonMobil	47954,00	29,00	44078,00	0,67	0,24	32143,00	64,47
British Petroleum	47865,00	43838,00	43896,00	22282,00	0,31	0,30	39,28
PetroChina	43953,00	13,00	44015,00	0,70	0,30	0,60	42,15
Total	33984,00	28246,00	43954,00	0,36	0,32	-0,50	15,13
ExxonMobil	303927,00	19,00	43924,00	28126,00	0,53	0,030	17,18

Примечание. Рассчитано по данным отчета за I кв. 2020 МСФО: [Ценовое агентство «Platts», 2020; Международное агентство Global Fire Power ..., 2020].

С марта 2017 г. расширяется использование инструментов аналитики-(eqin), предоставляемых на портале ММВБ, а с 2020 г. экспансия развития электронных платформ, так же появляется целый спектр новых биржевых инструментов, в частности изменились ориентиры портфелей: с критериев риск и доходность на дюрацию и доходность по КБД (кривая бескупонная доходность). Лидерами на бирже по-прежнему являются опционы и фьючерсы на нефть, обеспечивая «гибкую» доходность по КБД для портфелей инвесторов. Можно говорить о появлении новой стратегии ценообразования. Участники рынка нефти получили корпулентную возможность дополнительного внебюджетного финансирования и достоверные ценовые ориентиры для портфельных стратегий на базе разной дюрации и кривой бескупонной доходности. Предпочтительная экспирация для опционов, как правило, неделя, как и практически для всех инструментов товарного рынка.

Модель эмиссии облигаций. Сейчас можно говорить о создании базы институциональной инфраструктуры российской товарной биржи на основе ресурсов ЮФО. Необходимые инвестиции можно получить, разработав программу эмиссии. Большинство населения сейчас ищут

замену депозитам в связи с введением налогов на этот источник накопления. Следовательно, можно ожидать успешной эмиссии облигаций. Институциональная структура определяет границы деятельности и требования к эмиссии и стоимость услуг за институционально-административный контроль, компании могут моделировать эмиссию и торговлю в установленных границах, добавляя по своему усмотрению любое количество вспомогательных переменных в пределах своего бюджета, например, амортизацию. С одной стороны, эмитент имеет предсказуемые затраты и эффект от сделки, с другой стороны, улучшается институциональная среда, управляемость, доходность, прозрачность. В таблице 3 приведен пример моделирования эмиссии в текущих параметрах.

Как видно из данных таблицы 3, даже «цена с премией» для эмитента при сложившейся конъюнктуре позволяет получать нормальную доходность для ремитента, выше банковского депозита, что должно привлечь инвесторов-аутсайдеров.

Заключение

В результате исследования были сделаны следующие выводы:

Таблица 3

Моделирование эмиссии облигаций

Срок эмиссии до погашения (лет)	5	Цена, % от номинала	110
Ставка купонов, %	4	Эффективная доходность к погашению, %	1,9
Частота выплаты купонов в год	4	Номинальная доходность к погашению, %	1,9

Примечание. Расчет произведен с помощью функционала биржи ММВБ.

- В настоящее время конъюнктура рынка благоприятна для расширения эмиссий облигаций, особенно для компаний ЮФО, что создаст дополнительные источники инвестиций и накоплений.
- Компании ЮФО являются поставщиками стратегического сырья. Для превращения его в доходный биржевой продукт необходимо отработать инфраструктуру поставки биржевых товаров и ценообразование с налоговыми элементами, отражающими химико-биологические свойства.
- Цена на биржевые товары определяется не только себестоимостью, но также региональными добавочными индексами, балансирующими условиями поставки, соотношениями доходности и риска и ценовыми мультипликаторами.
- Компании по транспортировке нефтепродуктов, добывающие и перерабатывающие организации часто относятся к категории естественных монополий и для обеспечения рентабельности их деятельности в НК РФ введены коэффициенты, понижающие налоговые отчисления, точкой отсчета для их применения являются компании с наиболее высокими производственными издержками на самых худших месторождениях.
- Важнейшими факторами, влияющими на ценовую динамику стратегического сырья, являются политические и законодательные решения отдельных стран, решения международных организаций и уровень международных отношений. И положительная, и отрицательная ценовая динамика на мировом рынке является стимулирующим фактором модернизации процессов создания и развития новых технологий управления ценами.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

- Аналитическое агентство Finanz.ru, 2020. URL: https://www.finanz.ru.
- Бушуев В. В., Конопляник А. А., Миркин Я. М. и др., 2013. Цены на нефть: анализ, тенденции, прогноз : монография. М. : Энергия. 344 с.
- Грызунова Н. В., Бондаренко Н. В., Пятанова В. И., Церциил Ю. С. и др., 2020. Цена и ценовая политика компании. М.: КНОРУС. 267 с.
- Грызунова Н. В., Бондаренко Н. В., Пятанова В. И., Церциил Ю.С. и др., 2019. Ценовая политика компании. М.: Изд-во РЭУ им. Г. В. Плеханова. 132 с.
- Жильцова Ю. В., Жильцова А. В., 2018. Русско-германская таможенная война и торговые договоры 1893 и 1904 годов // International Accounting. Vol. 21, iss. 14. P. 852–866.
- Закон РФ от 20.02.1992 № 2383-1 (ред. от 23.07.2013) «О товарных биржах и биржевой торговле», 1992. URL:

- http://www.consultant.ru/document/cons_doc_ LAW 342/
- Кравченко Мария Павловна, 2015. Углеводородные ресурсы как объект геополитического противоборства: дис. ... канд. полит. наук. М. 198 с.
- Лорин А. Н., 2016. Ценообразование во внешнеэкономической деятельности промышленной фирмы: монография. М.: Международные отношения. 196 с.
- Максимова В. Ф., Максимов К. В., Вершинина А. А., 2015. Международные финансовые рынки и международные финансовые институты: учеб.-метод. комплекс. М.: Евразийский открытый институт. 175 с.
- Международные правила толкования торговых терминов «Инкотермс 2020», 2020 // Международная торговая палата № 715. URL: https://zen.yandex.ru/me.
- Международное агентство Global Fire Power (GFP), 2020. URL: http://www.globalfirepower.com/.
- Методика расчета территориальных биржевых индексов цен нефтепродуктов: утв. Президентом Акционерного общества «Санкт-Петербургская Международная Товарно-сырьевая Биржа» 11.01.2019 (приказ № 7), с изм. и доп. от 11.04.2019 (приказ № 158), 25.06.2019 (приказ № 267), 2019. URL: https://spimex.com/files/18605/.
- Московская биржа (ММВБ), 2020. URL: https://www.moex.com/.
- Налоговый кодекс Российской Федерации (НК РФ) (ред. от 01.04.2020), ФЗ № 102,2020. URL: www.konsultant.ru.
- Постановление Правительства РФ от 11.09.2018 № 1082 «О ставках и базе для исчисления таможенных сборов за таможенное сопровождение и хранение», 2018. URL: http://ivo.garant.ru/#/startpage.
- Правительство утвердило список стратегически важных товаров и ресурсов, 2020 // РИА Новости. URL: https://ria.ru/economy/20120917/752381400.html.
- Приказ ФАС № 1564/18 от 15.11.2018 «Изменения в Прейскурант 10-01. Коэффициент 1.08 как дополнение к примечанию таблицы № 4, коэффициент 1.06 к полувагонам», 2018. URL: https://spimex.com/markets/oil_products/rzd/.
- Протокол о внесении изменений в Марракешское соглашение об учреждении Всемирной торговой организации (вместе с «Соглашением об упрощении процедур торговли», «Формой уведомления...»), 2014. URL: http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=INT&n=58683.
- Распоряжение Правительства РФ от 10.08.2019 № 1796-р «Об утверждении Долгосрочной стратегии развития нефтегазового комплекса Российской Федерации до 2035 года», 2019. URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/72522534.
- Спикмэн Н. Дж., 2016. Политическая карта Евразии (глава из книги «География мира»). Ч. 2 / пер. с англ. М. Н. Грачева // Вестник Российского государственного гуманитарного университета. Серия «Политология. История. Международные отношения. Зарубежное регионоведение. Востоковедение». № 1 (3). С. 49–56.

- Спикмэн Н. Дж., 2018. География и внешняя политика. Ч. 4 / пер. с англ. М. Н. Грачева // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. № 1. С. 51–64.
- Такаши Н., 1995. История экономической теории / под ред. Л. Л. Любимова, В. С. Автономова. М.: Аспект-пресс. 461 с.
- Ценовое агентство «Platts», 2020. URL: https://www.platts.ru/latest-news/oil/london/q3-2018-oil-outlook-crude-oil-tests-80b-mark-26982972.
- Bassam Fattouh, 2011. An Anatomy of the Crude Oil Pricing System Oxford. URL: https://www.oxfordenergy.org/wpcms/wp-content/uploads/2011/03/WPM40AnAnatomyoftheCrudeOil PricingSystem-BassamFattouh-2011.pdf.

REFERENCES

- Analiticheskoe agentstvo Finanz.ru, 2020 [Analytical Agency Finanz.ru]. URL: https://www.finanz.ru.
- Bushuev V.V., Konoplyanik A.A., Mirkin Ya.M. et al., 2013. *Ceny na neft: analiz, tendencii, prognoz: monografiya* [Oil Prices: Analysis, Trends, Forecast. Monograph]. Moscow, Energiya Publ. 344 p.
- Gryzunova N.V., Bondarenko N.V., Pyatanova V.I., Cerciil Yu.S. et al., 2020. *Cena i cenovaya politika kompanii* [Price and Pricing Policy of the Company]. Moscow, KNORUS Publ. 267 p.
- Gryzunova N.V., Bondarenko N.V., Pyatanova V.I., Cerciil Yu.S. et al., 2019. *Cenovaya politika kompanii* [Pricing Policy of the Company]. Moscow, Izd-vo REU im. G.V. Plekhanova. 132 p.
- Zhilcova Yu.V., Zhilcova A.V., 2018. Russko-germanskaya tamozhennaya vojna i torgovye dogovory 1893 i 1904 godov [The Russian-German Customs War and Trade Treaties of 1893 and 1904]. *International Accounting*, vol. 21, iss. 14, pp. 852-866.
- Zakon RF ot 20.02.1992 № 2383-1 (red. ot 23.07.2013) «O tovarnykh birzhakh i birzhevoy torgovle», 1992 [Law of the Russian Federation of February 20, 1992 No. 2383-1 (As Amended on July 23, 2013) "About Commodity Exchanges and Exchange Trading"]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW 342/.
- Kravchenko M.P., 2015. *Uglevodorodnyye resursy kak obyekt geopoliticheskogo protivoborstva: dis. ... kand. polit. nauk* [Hydrocarbon Resources as an Object of Geopolitical Confrontation. Cand. polit. sci. diss.]. Moscow. 198 p.
- Lorin A.N., 2016. Cenoobrazovanie vo vneshneekonomicheskoj deyatelnosti promyshlennoj firmy: monografiya [Pricing in Foreign Economic Activity of an Industrial Firm. Monograph]. Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniya Publ. 196 p.
- Maksimova V.F., Maksimov K.V., Vershinina A.A., 2015. Mezhdunarodnye finansovye rynki i

- mezhdunarodnye finansovye instituty: ucheb.metod. kompleks [International Financial Markets and International Financial Institutions: Educational and Methodological Complex]. Moscow, Evraziyskiy otkrytyy institut. 175 p.
- Mezhdunarodnye pravila tolkovaniya torgovykh terminov «Inkoterms 2020», 2020 [International Rules for the Interpretation of Trade Terms "Incoterms 2020"]. *Mezhdunarodnaya torgovaya palata № 715* [International Chamber of Commerce No. 715]. URL: https://zen.yandex.ru/me.
- Mezhdunarodnoe agentstvo Global Fire Power (GFP), 2020 [International Agency Global Fire Power (GFP)]. URL: http://www.globalfirepower.com.
- Metodika rascheta territorialnykh birzhevykh indeksov tsen nefteproduktov: utv. Prezidentom Aktsionernogo obshchestva«Sankt-Peterburgskaya Mezhdunarodnaya Tovarnosyryevaya Birzha» 11.01.2019 (prikaz № 7), s izm. i dop. ot 11.04.2019 (prikaz № 158), 25.06.2019 (prikaz № 267), 2019 [Methodology for Calculating Territorial Exchange Price Indices for Petroleum Products. Approved by the President of St. Petersburg International Mercantile Exchange Company on January 11, 2019 (Order No. 7), with Amendments and Additions Dated April 11, 2019 (Order No. 158), June 25, 2019 (Order No. 267)]. URL: https://spimex.com/files/18605/.
- *Moskovskaya birzha (MMVB)*, 2020 [Moscow Exchange]. URL: https://www.moex.com/.
- Nalogovyy kodeks Rossiyskoy Federatsii (NK RF) (red. ot 01.04.2020), FZ № 102, 2020 [Tax Code of the Russian Federation (As Amended on April 1, 2020), FZ No. 102]. URL: www.konsultant.ru.
- Postanovlenie Pravitelstva RF of 11.09.2018 № 1082

 «O stavkakh i baze dlya ischisleniya tamozhennykh
 sborov za tamozhennoe soprovozhdenie i
 khranenie», 2018 [Resolution of the Government of
 the Russian Federation of September 11, 2018
 No. 1082 "On the Rates and Basis for Calculating
 Customs Duties for Customs Support and Storage"].
 URL: http://ivo.garant.ru/#/startpage.
- Pravitelstvo utverdilo spisok strategicheski vazhnyh tovarov i resursov, 2020 [The Government Approved a List of Strategically Important Goods and Resources]. *RIA Novosti*. URL: https://ria.ru/economy/20120917/752381400.html.
- Prikaz FAS № 1564/18 ot 15.11.2018 «Izmeneniya v Preyskurant 10-01. Koeffitsient 1.08 kak dopolnenie k primechaniyu tablitsy № 4, koeffitsient 1.06 k poluvagonam», 2018 [FAS Order No. 1564/18 Dated November 15, 2018, 2018 "Changes to the Price List 10-01. Coefficient 1.08 as an Addition to the Footnote of Table No. 4, Coefficient 1.06 for Gondola Cars"]. URL: https://spimex.com/markets/oil_products/rzd/.
- Protokol o vnesenii izmenenij v Marrakeshskoe soglashenie ob uchrezhdenii Vsemirnoj torgovoj organizacii

(vmeste s «Soglasheniem ob uproshchenii procedur torgovli», «Formoj uvedomleniya...»), 2014 [Protocol Amending the Marrakesh Agreement Establishing the World Trade Organization (Together with the "Agreement on Trade Facilitation", "Notification Form...")]. URL: http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=INT&n=58683.

Rasporyazhenie Pravitelstva RF ot 10.08.2019 № 1796-r «Ob utverzhdenii Dolgosrochnoj strategii razvitiya neftegazovogo kompleksa Rossijskoj Federacii do 2035 goda», 2019 [Order of the Government of the Russian Federation of October 8, 2019. No. 1796-r "On Approval of the Long-Term Strategy for the Development of the Oil and Gas Complex of the Russian Federation Until 2035"]. URL: https:// www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/72522534.

Spikmen N.Dzh., 2016. Politicheskaya karta Evrazii (glava iz knigi «Geografiya mira»). Ch. 2 [Political Map of Eurasia (Chapter from the Book "Geography of the World"). Part 2]. Vestnik Rossijskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta. Seriya «Politologiya.

Istoriya. Mezhdunarodnye otnosheniya. Zarubezhnoe regionovedenie. Vostokovedenie» [Bulletin of the Russian State University for the Humanities. Series "Political Science. History. International Relations. Foreign Regional Studies. Orientalism"], no. 1 (3). pp. 49-56.

Spikmen N.Dzh., 2018. Geografiya i vneshnyaya politika. Ch. 4 [Geography and Foreign Policy. Part 4]. *Izvestiya Tulskogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarnye nauki* [Bulletin of the Tula State University. Humanitarian Sciences], no. 1. pp. 51-64.

Takashi N., 1995. *Istoriya ekonomicheskoj teorii* [History of Economic Studies]. Moscow, Aspekt-press Publ. 461 p.

Cenovoe agentstvo «Platts», 2020 [Price Agency "Platts"]. URL: https://www.platts.ru/latest-news/oil/london/q3-2018-oil-outlook-crude-oil-tests-80b-mark-26982972.

Bassam Fattouh, 2011. *An Anatomy of the Crude Oil Pricing System – Oxford*. URL: https://www.oxfordenergy.org/wpcms/wp-content/uploads/2011/03/WPM40 AnAnatomyoftheCrudeOilPricing System-BassamFattouh-2011.pdf.

Information About the Authors

Natalia V. Gryzunova, Doctor of Sciences (Economics), Professor, Department of Financial Management, Plekhanov Russian University of Economics, Stremyanny Lane, 36, bld. 6, office 604, 117997 Moscow, Russian Federation, Gryzunova.NV@rea.ru, https://orcid.org/0000-0001-8582-7389

Igor T. Keri, Candidate of Sciences (Economics), Associate Professor, Department of Financial Management, Plekhanov Russian University of Economics, Stremyanny Lane, 36, bld. 6, office 604, 117997 Moscow, Russian Federation, Keri.IT@rea.ru, https://orcid.org/0000-0001-7787-5292

Darina A. Sizova, Candidate of Sciences (Economics), Associate Professor, Base Department of Economic Analysis and Corporate Management of Production and Export of High-Tech Products of the State Corporation "Rostec", Plekhanov Russian University of Economics, Stremyanny Lane, 36, bld. 6, office 604, 117997 Moscow, Russian Federation, darina3@yandex.ru, https://orcid.org/0000-0001-7729-7234

Tatyana V. Sizova, Candidate of Sciences (Economics), Associate Professor, Department of Financial Management, Plekhanov Russian University of Economics, Stremyanny Lane, 36, bld. 6, office 604, 117997 Moscow, Russian Federation, stv-60@mail.ru, https://orcid.org/0000-0001-5081-1440

Информация об авторах

Наталья Владимировна Грызунова, доктор экономических наук, профессор кафедры финансового менеджмента, Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова, пер. Стремянный, 36, к. 6, офис 604, 117997 г. Москва, Российская Федерация, Gryzunova.NV@rea.ru, https://orcid.org/0000-0001-8582-7389

Игорь Тальевич Кери, кандидат экономических наук, доцент кафедры финансового менеджмента, Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова, пер. Стремянный, 36, к. 6, офис 604, 117997 г. Москва, Российская Федерация, Keri.IT@rea.ru, https://orcid.org/0000-0001-7787-5292

Дарина Александровна Сизова, кандидат экономических наук, доцент, базовая кафедра экономического анализа и корпоративного управления производством и экспортом высокотехнологичной продукции Государственной корпорации «Ростех», Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова, пер. Стремянный, 36, к. 6, офис 604, 117997 г. Москва, Российская Федерация, darina3@yandex.ru, https://orcid.org/0000-0001-7729-7234

Татьяна Владимировна Сизова, кандидат экономических наук, доцент кафедры финансового менеджмента, Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова, пер. Стремянный, 36, к. 6, офис 604, 117997 г. Москва, Российская Федерация, stv-60@mail.ru, https://orcid.org/0000-0001-5081-1440

DOI: https://doi.org/10.15688/re.volsu.2020.4.12

UDC 316.342 Submitted: 07.06.2020 LBC 60.524-60.56 Accepted: 25.07.2020

YOUNG GENERATION OF KALMYKIA: SOCIAL WELL-BEING AND ECONOMIC STABILITY (BASED ON RESULTS OF SURVEY-2019) 1

Lyudmila V. Namrueva

Kalmyk Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, Elista, Russian Federation

Abstract. The article is devoted to the study of the youth, an important active social group. It represents a quarter of the population and manifests itself in all spheres of life of the republic. One of the factors that encourage the sociological diagnostics of the state of the youth is the emergence of new social and economic threats, development of crisis phenomena in regions with complex ethnic and religious composition, which includes the Kalmyk Republic. Young people tend to participate in processes that are risky and destructive. The article analyzes the individual results of a sociological study conducted in 2019 within the framework of a grant from B. B. Gorodovikov Kalmyk State University supported by the Russian Foundation for Basic Research (N.L. Kurepin). The study allowed us determining not only the problematic aspects of this age group (economic instability, social inequality, etc.), but also the positive aspects that allow us identifying its productive opportunities for updating social relations and economic processes in the region. Our analysis shows that the Republic of Kalmykia is economically protected, as its economy is able to ensure the stability of the economic situation of an individual, provide opportunities for social and economic stability of the regional community, and guarantee protection from various types of threats and losses. The obtained data allows us to state that, despite the unresolved social problems (business, leisure during vacations, holidays, environmental situation in the region, opportunity to express political views), the life of the young population of the republic is stable and sustainable. The majority of the study group has confidence and a positive attitude towards the future, which depends on both their psychological and emotional state and the economic situation in the Kalmyk Republic.

Key words: Republic of Kalmykia, youth, age groups, social and psychological state, stability of economic situation, confidence in future, desire to do business, willingness to take risks.

Citation. Namrueva L.V., 2020. Young Generation of Kalmykia: Social Well-Being and Economic Stability (Based on Results of Survey-2019). *Regionalnaya ekonomika. Yug Rossii* [Regional Economy. South of Russia], vol. 8, no. 4, pp. 137-143. (in Russian). DOI: https://doi.org/10.15688/re.volsu.2020.4.12

 УДК 316.342
 Дата поступления статьи: 07.06.2020

 ББК 60.524-60.56
 Дата принятия статьи: 25.07.2020

МОЛОДОЕ ПОКОЛЕНИЕ КАЛМЫКИИ: СОЦИАЛЬНОЕ САМОЧУВСТВИЕ И ЭКОНОМИЧЕСКАЯ УСТОЙЧИВОСТЬ (ПО ИТОГАМ ОПРОСА 2019 г.) ¹

Людмила Васильевна Намруева

Калмыцкий научный центр РАН, г. Элиста, Российская Федерация

Аннотация. Статья посвящена исследованию молодежи, которая представляет собой четверть населения и проявляет себя во всех сферах жизнедеятельности республики. Одним из факторов, побуждающих проведение социологической диагностики состояния молодежной группы, является возникновение новых социальных, экономических угроз, развитие кризисных явлений в регионах со сложным этническим и конфессиональным составом, к которым относится исследуемая республика. Молодым людям свойственно участие в процессах, связанных с

© Намруева Л.В., 2020

риском, деструктивностью. В статье проанализированы отдельные результаты социологического исследования, проведенного в 2019 г. в рамках гранта КалмГУ им. Б.Б. Городовикова, поддержанного РФФИ (рук. Н.Л. Курепина). Исследование позволило определить не только проблемные стороны этой возрастной когорты (экономическая нестабильность, социальное неравенство и др.), но и позитивные стороны, позволяющие зафиксировать в ней продуктивные возможности обновления социальных отношений, экономических процессов региона. Проведенный нами анализ показывает, что республика экономически защищена, так как ее экономика способна обеспечить устойчивость экономического положения личности, предоставить возможности для социально-экономической стабильности регионального сообщества, гарантировать защиту от различного рода угроз и потерь. Полученные данные позволяют нам констатировать, что, несмотря на нерешенность некоторых социальных проблем (ведение бизнеса, досуг во время каникул, отпуска, экологическая ситуация в регионе, возможность выражать свои политические взгляды), жизнь молодого населения республики стабильна, устойчива. Большая часть исследуемой группы уверена в будущем, позитивно настроена на успех, который зависит как от экономической ситуации в регионе, так и психоэмоционального состояния молодых людей.

Ключевые слова: Республика Калмыкия, молодежь, возрастные группы, социально-психологическое состояние, стабильность экономического положения, уверенность в будущем, желание вести бизнес, готовность рисковать.

Цитирование. Намруева Л. В., 2020. Молодое поколение Калмыкии: социальное самочувствие и экономичес-кая устойчивость (по итогам опроса $2019 \, \text{г.}$) // Региональная экономика. Юг России. Т. 8, № 4. С. 137–143. DOI: https://doi.org/10.15688/re.volsu.2020.4.12

Введение

В современной Калмыкии происходит старение населения, так как снижается рождаемость, сокращается естественный прирост населения, увеличивается доля нетрудоспособной части социума, усиливаются миграционные настроения молодежи [Курепина, 2019]. Численность молодежной когорты постепенно снижается и составляет в настоящее время четверть населения республики. Молодежь, являясь демографическим, образовательным, трудовым ресурсом, должна стать незаменимой опорой новаций, продуктивной силой в создании обновленного социума. Потребность в изучении молодежи в таких национальных регионах страны, как Республика Калмыкия актуализируется в контексте сохранения этничности, гармонизации межэтнических отношений, позитивного взаимодействия в различных сферах. Социологи отмечают сильную уязвимость молодежи к негативным воздействиям среды, ограниченность ресурсов, препятствующих молодым адаптироваться к социальным изменениям, склонность к протестной активности [Шлыкова, 2016]. Поэтому потребность во всестороннем исследовании этой возрастной группы возрастает в связи с ростом социальной неопределенности, экономической нестабильности, усилением ассимиляционных процессов. Молодежь очень остро реагирует, порой болезненно, на противоречивые ситуации, когда многое декларируется об улучшении жизни народа, а в реальности происходит ухудшение его состояния, активизируются миграционные процессы, которые постепенно приводят к исчезновению немногочисленных этносов, утрате этнического сознания.

К сожалению, первая и последняя крупная научная работа о проблемах молодежи Калмыкии опубликована в 2014 году [Современные социокультурные процессы ..., 2014]. Авторский коллектив монографии, научные сотрудники КалмНЦ РАН, с междисциплинарных позиций рассмотрели разнообразные стороны жизни молодежи: социализация, социальное положение молодого поколения, историческая память молодежи, реализация молодежной политики в регионе и т. д. Однако постоянно изменяющаяся социальная реальность многое изменила в статусе, самочувствии, планах, сознании молодежи. Эти изменения требуют своего глубокого всестороннего изучения.

Объектом нашего исследования является молодежь до 30 лет, которая легче и быстрее, чем другие возрастные группы, адаптируется к рыночным условиям и целеориентирована на успех в деловых отношениях.

Методы исследования

В анкетировании использованы опыт ведущих социологов страны, наработки исполнителей проекта ИС РАН «Динамика социальных трансформаций современной России в социально-экономическом, политическом, социокультурном и этнорелигиозном контекстах» [Горшков, 2016: 5]. В анализируемом исследовании участвовало 270 человек, живущих на территории Калмыкии: из них 30 % — мужчины, 70 % — женщины [Курепина, Намруева, 2019]. В статье рассматрива-

ются ответы, полученные от молодых респондентов, которые распределены нами по трем группам: до 20 лет (140 чел.), 21–30 лет (80 чел.). Студенты составляют ³/₄ от всей выборочной совокупности. Полученные ответы респондентов третьей группы, чей возраст от 31 до 40 лет, использованы нами для сравнительного анализа.

Социальное самочувствие молодежи Калмыкии

Социологи под социальным самочувствием определяют комплексный показатель комфортности в социуме, который отражает эмоционально-оценочное отношение людей к социальной действительности [Шлыкова, 2017]. Рассмотрим отдельные результаты анкетного опроса, которые позволяют определить социально-психологическое состояние молодых людей. Можно констатировать, что экономические проблемы, финансовые трудности не привели к доминированию негативного социально-психологического состояния (табл. 1). Напротив, большей части нашей выборочной совокупности характерны уравновешенность, спокойствие в восприятии, кстати, которое с взрослением постепенно исчезает. Почти каждый 6-й опрошенный до 20 лет, каждый десятый в возрасте 21-30 лет охарактеризовали свое состояние как оптимизм, бодрость духа. Отметим, что респонденты старшей группы в гораздо меньшей степени оптимистично настроены. В целом в рассматриваемых группах доминирует позитивное социально-психологическое состояние (суммирование трех позитивных результатов).

Юные респонденты (до 20 лет) чаще, чем респонденты постарше, испытывают безразличие, апатию, подавленность. Опрошенные, чей возраст старше 30 лет, гораздо чаще подвержены таким эмоциям, как страх, тревога. Более четверти в каждой группе испытывают отрицательное социально-психологическое состояние. Однако констатируем, что экономическая кризисная ситуация не способствовала усилению ката-

строфического негативного восприятия жителями региона существующей действительности [Курепина, Намруева, 2019].

Разумеется, существует взаимосвязь между социально-психологическим состоянием и уверенностью/неуверенностью в будущее. Закрытый вопрос «Чувствуете ли Вы уверенность в завтрашнем дне?» показал, что большинство анкетируемых (более 50 %) в каждой группе уверены в завтрашнем дне. Респонденты, ощущаюшие негативное социально-психологическое состояние, составляют пятую часть массива, именно эта категория не испытывает уверенности в завтрашнем дне. Полученные ответы вновь показали, что чем старше респондент, тем в большей степени он не уверен в своем благополучном завтрашнем дне. Безусловно, человек, взрослея, более критически и объективнее оценивает свои возможности на ближайшую перспективу.

Поэтому особую актуальность приобретает исследование того, сохраняется ли у населения «запас прочности» [Горшков, 2016: 5], который позволяет удержать стабильность экономического положения в условиях затянувшегося кризиса. Полученные нами данные показывают, что к середине 2019 г. «запас прочности» у молодых жителей Калмыкии имеется.

Молодые люди, находясь в положении материальной зависимости от родителей, не знают истинного положения материальных проблем в семье (см. табл. 2). Лишь небольшая доля опрошенных призналась в сложной материальной ситуации, связанной с крайней нуждой. Респонденты 31-40 лет, создавшие семьи, работающие, более объективны в этой оценке. Они в три раза чаще указали, что живут, постоянно ощущая недостаток финансов. Ответы более 40 % респондентов свидетельствуют, что они находятся на уровне бедности, когда имеются средства лишь на самое необходимое. Нами неоднократно было отмечено, что отсутствие возможности реализовать себя в профессии, построить карьеру, «растущее социальное расслоение увеличивают разрыв между активно рекламируемым имиджем

Таблица 1 Самооценка молодежи Калмыкии собственного социально-психологического состояния, % по группе

No	Варианты	До 20 лет	21-30 лет	31–40 лет
1	Позитивное социально-психологическое	67,8	74,8	68,5
	состояние (суммированный показатель)			
2	Негативное социально-психологическое	28,5	25,2	25,1
	состояние (суммированный показатель)			

До 20 лет 21-30 лет 31–40 лет № Уровни 1 Нищета 5,0 12,5 3,6 40,0 48,8 43,5 Бедность 32,5 25,0 Достаток, отсутствие нужды 45,7 Обеспеченность 10,0 6,3 6,3 Сверхобеспеченность 1 чел.

Самооценка молодежи Калмыкии доходов семьи, %

"молодости" и социальным опытом подростков, молодых людей, лишенных необходимых социальных и культурных ресурсов» [Современные социокультурные процессы ..., 2014: 40].

Вновь наблюдаем тенденцию: чем старше респондент, тем ниже оценивает он финансовое состояние. На наш взгляд, половине опрошенных, которые находятся в сложном экономическом положении, требуется вмешательство извне, так как без решения проблем с бедностью на государственном уровне невозможно определить пути и формы развития личности (доступные кредиты на образование, строительство, покупку жилья, ведение бизнеса и т. д.).

Каждый третий опрошенный имеет «запас прочности», не испытывает нужду, может приобретать все необходимое и бытовую технику (без ущерба для бюджета). Сохраняется обнаруженная тенденция, когда юные респонденты (45 %) выше оценивают такие возможности семьи, чем респонденты, которые старше их по возрасту (25 %).

Каждый десятый юный респондент, чей возраст до 20 лет, относит себя к обеспеченным жителям региона. А в двух других анализируемых группах только 6 % считают себя таковыми, которые, помимо вышеуказанного, позволяют себе отдых за границей. Лишь единицы молодых людей признались о сверхдоходах [Курепина, Намруева, 2019].

В условиях республики верно заключение ведущих социологов Института социологии РАН о том, что «в каждой новой общественной ситуации позиционирование российских граждан происходит не только (а, возможно, и не столько) под влиянием материально-экономических и психо-эмоциональных, но и мировоззренческих факторов» [Горшков, 2016]. Большинство опрошенных являются калмыками по своей этнической принадлежности. Современная калмыцкая молодежь считает себя буддистами по духовному мировоззрению. Поэтому они принимают ситуацию таковой, какая она есть, стремясь улучшить, усовершенствовать ее.

Анализируя изменения материального положения респондентов, наблюдаем, что доходы трети молодежной группы остались на прежнем уровне (35,4 %) [Курепина, Намруева, 2019]. Ответы на закрытый вопрос «Изменилось ли Ваше материальное положение за последние три года?» свидетельствуют, что у 15,3 % респондентов доходы снизились. Более всего снижение наблюдается у работающей молодежи (почти в два раза чаще, чем у молодых до 30 лет). В трех анализируемых группах 40 % опрошенных считают, что их материальное положение улучшилось. В нашей выборке превалируют студенты первых курсов. Безусловно, их положение улучшилось: они стали не только получать стипендию, но и подрабатывать.

Далее проанализируем, насколько молодежь удовлетворена различными аспектами своей повседневной жизнедеятельности. С этой целью задан вопрос «Дайте оценку удовлетворенности своим положением в разных сферах жизни» с тремя вариантами оценочной шкалы (хорошо, удовлетворительно, плохо). Анализ полученных данных позволяет нам утверждать, что уровень удовлетворенности молодых людей различными сторонами жизни достаточно стабилен. Высока степень хорошей оценки и удовлетворенности при отсутствии и минимальном количестве оценок «плохо» (менее 10 %). Исходя из оценок молодых респондентов, можно констатировать, что кризис не затронул целый ряд важных аспектов жизни населения: отношения в семье, статус в обществе, здоровье, питание, досуг, село/город, жилищные условия, одежда, уровень безопасности, полученные знания, возможности получения образования, ситуация на работе, материальная обеспеченность, общение с представителями различных этнических групп, общение с друзьями.

Рассмотрим, по каким сторонам жизни были даны отрицательные ответы (более 10 %, до 20 % выборочной совокупности). Кризисные явления сказались на таких аспектах жизни опрошенных, как возможность организовать досуг во время каникул, отпуска (11 %), выражать свои полити-

ческие взгляды (15%). На наш взгляд, отсутствие условий для свободного волеизъявления населения во время важных политических кампаний может стать нежелательным фактором, который способен сыграть отрицательную роль в расшатывании ситуации в республике.

Дестабилизация в ближневосточных странах, череда цветных революций 2010-х гг. демонстрируют, как активно вовлечена в протестные выступления радикально настроенная молодежь. Поэтому на государственном уровне необходимо осуществлять меры, которые способны остановить противозаконные воздействия, направленные на молодое поколение. Всестороннее формирование сознания молодых людей должно осуществляться благодаря проводимой в стране молодежной политике [Аюшева, 2019]. Президент России В.В. Путин подчеркивает важность молодежной политики, представляющей целый комплекс демографических, социальных, экономических вопросов, проблем образования, науки, жилищной политики. Молодежь, являясь наиболее динамичной и в то же время наиболее уязвимой частью общества, способна на многое. Для того чтобы она была успешной и конкурентоспособной, необходимо ее поддерживать, поощрять, создавать здоровую жизненную среду, предлагать надежные социальные гарантии. Важно создать условия для роста, карьерного продвижения молодых людей в различных сферах (бизнес, система управления, наука), предоставить им широкие возможности для личностного совершенствования и профессиональной самореализации [В.В. Путин о молодежной политике, 2019].

Результаты анкетирования показывают, что экологическую ситуацию низко оценивает более четверти респондентов нашей выборки (27 %). Жизненно важные проблемы, связанные с водообеспечением, опустыниванием, загрязнением воздуха, почвы, воды, волнуют молодых жителей республики. Их нерешенность, конечно, отрицательно влияет на настроение в социуме.

Более 20 % опрошенных дали отрицательные ответы в отношении бизнеса. Разделяем выводы социологов о том, что «желание молодежи создать собственный бизнес свидетельствует о том, что новое поколение в большинстве своем "вписалось" в рыночные отношения и благосклонно относится к частной собственности» [Горшков, Шереги, 2019: 224]. Респонденты не удовлетворены тем, что имеются определенные сложности в открытии своего дела (33 %), воз-

можности добиться успеха в малом или среднем бизнесе (21 %). Не устраивает молодых то, как организована возможность для студентов подрабатывать (21 %), чтобы решать свои насущные проблемы. В этой связи согласимся с мнением ведущих социологов страны М.К. Горшкова и Ф.Э. Шереги о том, что «доля производителей в малом предпринимательстве невелика и не будет велика до тех пор, пока не заработает современная промышленность, вокруг которой сгруппируется индивидуальный, семейный, кооперативный подряд малых производителей» [Горшков, Шереги, 2019: 38].

Следует заметить, что, несмотря на огромное количество имеющихся серьезных проблем, которые обостряются в условиях кризиса, молодые люди добиваются определенных достижений. Этот вывод делаем, опираясь на ответы, полученные на закрытый вопрос с десятью вариантами «Какие достижения были у вас за последние три года?». Так, 28 % респондентов смогли улучшить свое материальное положение, 31 % повысить уровень образования и/или квалификации. Эти факторы, разумеется, позволят повысить финансовые возможности респондентов. Каждый 5-й опрошенный смог путешествовать по стране, что служит доказательством материального благополучия [Курепина, Намруева, 2019].

Каждый 8-й опрошенный улучшил жилищные условия, купив или построив жилье. Каждый 6-й респондент улучшил жилищные условия другими способами. Калмыцкие исследователи резюмируют, что «решение жилищной проблемы свидетельствует о хорошем потенциале населения, в нашем случае молодого» [Курепина, Намруева, 2019].

Каждый 8-й опрошенный осуществил дорогостоящие приобретения, то есть имеет финансовые средства для ремонта квартиры, автомобиля, мебели, техники и др. В отношении калмыцкой молодежи верна характеристика, данная М.К. Горшковым и Ф.Э. Шереги, что «российская молодежь достаточно практична. Она ценит материальный достаток, работу, стремится во всем положиться на себя» [Горшков, Шереги, 2019: 155].

Вместе с тем пятая часть выборочного массива ничего из предложенного списка не смогла достичь. Однако большая часть имеет опыт достижения поставленных целей. И в этой связи справедливо замечание вышеуказанных социологов: «...у современной молодежи в значительно большей степени по сравнению со

старшим поколением развиты достижительные мотивации. Молодые люди готовы к индивидуальному риску в условиях конкурентной среды. Они не боятся ставить задачи, которые требуют приложения усилий с их стороны» [Горшков, Шереги, 2019: 220].

Заключение

Проведенный анализ показал, что склонность наших сограждан объяснять низкий уровень жизни населения страны сложившейся в ней общей экономической ситуацией [Горшков, 2016], в Республике Калмыкия не срабатывает. Возможно, потому что исследуемая молодежная группа (до 30 лет), в отличие от представителей старшего поколения, не настроена патерналистски, а нацелена самостоятельно решать свои жизненные проблемы. Можно утверждать, что в молодежной среде распространяется тип личности, который М.К. Горшков характеризует как тяготеющие к условно активистской модели мировосприятия (человек — кузнец собственного счастья) [Горшков, 2016].

Несмотря на факторы, которые усложняют динамичный рост республиканской экономики, население, в том числе молодое, находит способы, возможности удовлетворять социальные потребности, что обеспечивает стабильность, устойчивость общества и благополучное социальное самочувствие его членов.

Проблемы, связанные с социально-психологическим состоянием и экономической нестабильностью молодежи, недостаточно решены в республике, и необходима эффективная адресная социальная политика, направленная на удовлетворение запросов молодежи в доступном качественном образовании, ведении малого и среднего бизнеса, активном участии в экономических процессах региона.

ПРИМЕЧАНИЕ

 1 Публикация подготовлена в рамках реализации проекта РФФИ «Совершенствование методологии оценки экономической безопасности полиэтничного региона: междисциплинарный подход» (№ 19-010-00796), поддержанного РФФИ.

The publication was prepared in the framework of the RFBR project "Improving the methodology for assessing the economic security of a multi-ethnic region: an interdisciplinary approach" (no. 19-010-00796), supported by the RFBR.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

- Аюшеева Д. А., 2019. Участие молодежи в протестных акциях в современной России как способ самоидентичности // Управленческое консультирование. № 6. С. 147–153.
- В.В. Путин о молодежной политике, 2019 // Центр молодежных и предпринимательских инициатив. Поколение 2025. URL: https://pokolenie2025.com/v-v-putin-o-molodezhnoy-politike/ (дата обращения: 13.05.2019).
- Горшков М. К., 2016. О социальном ресурсе адаптации россиян к условиям кризиса (вместо предисловия) // Россия реформирующаяся: ежегодник (сб. науч. ст.). Вып. 14/отв. ред. М. К. Горшков; Ин-т социологии РАН. М.: Новый хронограф. С. 5–20.
- Горшков М. К., Шереги Ф. Э., 2019. Российская молодежь в контексте социологического анализа. М.: Федеральный научно-исследовательский социологический центр РАН. 263 с.
- Курепина Н. Л., 2019. Демографическая ситуация в полиэтническом регионе проблемы и перспективы // Россия: тенденции и перспективы развития: ежегодник / отв. ред. В. И. Герасимов. М.: Ин-т науч. информации по общественным наукам РАН. С. 579–581.
- Курепина Н. Л., Намруева Л. В., 2019. Социальное самочувствие сельских жителей как индикатор экономической безопасности полиэтничного региона // Никоновские чтения. № 24. С. 55–57.
- Современные социокультурные процессы в молодежной среде Республики Калмыкия: кол. моногр., 2014. Элиста: Изд-во Калм. ин-та гуманит. исслед. РАН. 300 с.
- Шлыкова Е. В., 2016. Адаптация молодежи к риску: ограниченность ресурсов и протестная активность // Путь науки. № 4 (26). С. 154–157.
- Шлыкова Е. В., 2017. Социальные настроения молодежи в условиях повседневных рисков мегаполиса // Россия реформирующаяся: ежегодник. Вып. 15 / отв. ред. М. К. Горшков. М.: Новый хронограф. С. 395–418.

REFERENCES

- Ayusheeva D.A., 2019. Uchastie molodezhi v protestnykh aktsiyakh v sovremennoj Rossii kak sposob samoidentichnosti [Youth Participation in Protest Actions in Modern Russia as a Way of Self-Identification]. *Upravlencheskoe konsultirovanie* [Management Consultation], no. 6, pp. 147-153.
- V.V. Putin o molodezhnoj politike, 2019 [V.V. Putin on Youth Policy]. *Tsentr molodezhnykh i predprinimatelskikh initsiativ. Pokolenie 2025* [Center for Youth and Business Initiatives. Generation 2025]. URL: https://pokolenie2025.com/v-v-putin-o-molodezhnoy-politike (accessed 13 May 2019).

- Gorshkov M.K., 2016. O socialnom resurse adaptacii rossiyan k usloviyam krizisa (vmesto predisloviya) [About the Social Resource of Adaptation of Russians to the Conditions of the Crisis (Instead of the Preface)]. Rossiya reformiruyushhayasya: ezhegodnik (sb. nauch. st.). Vyp. 14 [Russia Reforming: Yearbook (Collection of Scientific Articles). Iss. 14]. Moscow, Novyj khronograf Publ., pp. 5-20.
- Gorshkov M.K., Sheregi F.E., 2019. Rossijskaya molodezh v kontekste sociologicheskogo analiza [Russian Youth in the Context of Sociological Analysis]. Moscow, Federalnyy nauchno-issledovatelskiy sotsiologicheskiy tsentr RAN. 263 p.
- Kurepina N.L., 2019. Demograficheskaya situatsiya v poliehtnicheskom regione problemy i perspektivy [Demographic Situation in a Multi-Ethnic Region Problems and Prospects]. *Rossiya: tendentsii i perspektivy razvitiya: ezhegodnik* [Russia: Trends and Prospects of Development. Yearbook]. Moscow, In-t nauchnoy informatsii po obshchestvennym naukam RAN, pp. 579-581.
- Kurepina N.L., Namrueva L.V., 2019. Socialnoe samochuvstvie selskih zhitelej kak indikator

- ekonomicheskoj bezopasnosti polietnichnogo regiona [Social Well-Being of Rural Residents as an Indicator of Economic Security of a Multi-Ethnic Region]. *Nikonovskie chteniya* [Nikonov Readings], no. 24, pp. 55-57.
- Sovremennye sociokulturnye processy v molodezhnoj srede Respubliki Kalmykiya: kol. monogr., 2014 [Modern Socio-Cultural Processes in the Youth Environment of the Republic of Kalmykia. Collective Monograph]. Elista, Izd-vo Kalmytskogo in-ta gumanitarnykh issledovaniy RAN. 300 p.
- Shlykova E.V., 2016. Adaptaciya molodezhi k risku: ogranichennost resursov i protestnaya aktivnost [Adapting Young People to Risk: Limited Resources and Protest Activity]. *Put nauki* [The Path of Science], no. 4 (26), pp. 154-157.
- Shlykova E.V., 2017. Socialnye nastroeniya molodezhi v usloviyakh povsednevnykh riskov megapolisa [Social Attitudes of Young People in the Conditions of Everyday Risks of the Megalopolis]. Gorshkov M.K., ed. *Rossiya reformiruyushhayasya: ezhegodnik. Vyp. 15* [Russia Reforming: Yearbook. Iss. 15]. Moscow, Novyy khronograf Publ., pp. 395-418.

Information About the Autor

Lyudmila V. Namrueva, Candidate of Sciences (Sociology), Associate Professor, Leading Researcher, Kalmyk Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, Ilishkina St, 8, 358000 Elista, Russian Federation, lnamrueva@yandex.ru, https://orcid.org/0000-0001-7805-8710

Информация об авторе

Людмила Васильевна Намруева, кандидат социологических наук, доцент, ведущий научный сотрудник, Калмыцкий научный центр РАН, ул. Илишкина, 8, 358000 г. Элиста, Российская Федерация, lnamrueva@yandex.ru, https://orcid.org/0000-0001-7805-8710

АГРОПРОМЫШЛЕННЫЙ И ПРИРОДОХОЗЯЙСТВЕННЫЙ КОМПЛЕКСЫ ЮГА РОССИИ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

DOI: https://doi.org/10.15688/re.volsu.2020.4.13

UDC 333.02 Submitted: 14.08.2020 LBC 65.049(2) Accepted: 29.09.2020

DIGITALIZATION OF AGRO-INDUSTRIAL COMPLEX: RESULTS, PROBLEMS, DIRECTIONS OF DEVELOPMENT

Ekaterina A. Shkarupa

Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

Abstract. New large-scale agricultural development plans are associated with digitalization, which has become a global trend that sets a new paradigm for the development of Russian economy. The need to develop this study area predetermined the relevance and significance of the implementation of the departmental project "Digital Agriculture." The article presents the directions of the transformation of agriculture in the conditions of digitalization and systematizes the results of the ongoing questionnaire on this issue. This fact became the basis for the identification of barriers in the industry and points of its development in this context. The paper analyses the existing digital technologies for agriculture. Special attention is paid to accurate agriculture and robotization, the advantages and effects of using them for agricultural production are shown. The study presents the results of a survey in the regions of Russia on the possibilities of using some elements of precision agriculture in the Southern Federal District. The coronavirus pandemic has accelerated the adoption and application of digital technologies. The symbiosis of the digital ecosystem of JSC "Rosselkhozbank" and the leading developer and integrator of digital solutions for the agro-industrial complex APK "IntTerra" created the conditions for appropriate activities for agribusiness through remote technologies. The study states urgent problems of the development and implementation of digital economy in agriculture: a low level of digital infrastructure development in the countryside, a rather low level of staffing, insufficient or complete lack of financial resources in the vast majority of agricultural producers for the introduction of technologies, lack or inefficiency of regional and municipal programs for agribusiness support that introduce digital technologies. The challenges that IT developers face are shown in this article. Priority areas of improvement of policy dealing with agro-industrial complex digitalization are suggested.

Key words: digitalization, digital solutions, digital platforms, digital technologies, digital infrastructure, departmental project, precision farming, robotization, subsidization, lending.

Citation. Shkarupa E.A., 2020. Digitalization of Agro-Industrial Complex: Results, Problems, Directions of Development. *Regionalnaya ekonomika. Yug Rossii* [Regional Economy. South of Russia], vol. 8, no. 4, pp. 144-153. (in Russian). DOI: https://doi.org/10.15688/re.volsu.2020.4.13

УДК 333.02 Дата поступления статьи: 14.08.2020 ББК 65.049(2) Дата принятия статьи: 29.09.2019

ЦИФРОВИЗАЦИЯ АПК: РЕЗУЛЬТАТЫ, ПРОБЛЕМЫ, НАПРАВЛЕНИЯ РАЗВИТИЯ

Екатерина Александровна Шкарупа

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Российская Федерация

© Шкарупа Е.А., 2020

Аннотация. Новые масштабные планы развития сельского хозяйства связаны с цифровизацией, которая стала глобальным трендом, задающим новую парадигму развития российской экономики. Необходимость развития данного направления предопределило актуальность и значимость реализации ведомственного проекта «Цифровое сельское хозяйство». В статье представлены направления трансформации сельского хозяйства в условиях цифровизации и систематизированы результаты проводимого анкетирования по этому вопросу. Это стало основой для выявления барьеров в отрасли и точек ее развития в данном контексте. В работе представлены существующие цифровые технологии для сельского хозяйства. Особое внимание уделено точному земледелию и роботизации, обозначены преимущества и эффекты от внедрения для сельскохозяйственного производства. В исследовании представлены результаты проведения опроса в регионах России по возможностям использования элементов точного земледелия в ЮФО. Пандемия коронавируса ускорила процесс внедрения и применения цифровых технологий. Симбиоз цифровой экосистемы АО «Россельхозбанк» и ведущего разработчика и интегратора цифровых решений для АПК «ИнтТерра» создал условия для соответствующей деятельности агробизнеса посредством дистанционных технологий. В исследовании аргументированы актуальные проблемы развития и реализации цифровой экономики в сельском хозяйстве: низкий уровень развития цифровой инфраструктуры на селе, достаточно низкий уровень кадрового обеспечения, недостаточность или полное отсутствие финансовых средств у подавляющего большинства сельскохозяйственных товаропроизводителей для внедрения технологий, отсутствие или непроработанность региональных и муниципальных программ в контексте поддержки агробизнеса, внедряющих цифровые технологии; представлены проблемы со стороны разработчиков цифровых технологий. Предлагаются приоритетные направления совершенствования политики по цифровизации АПК.

Ключевые слова: цифровизация, цифровые решения, цифровые платформы, цифровые технологии, цифровая инфраструктура, ведомственный проект, точное земледелие, роботизация, субсидирование, кредитование.

Цитирование. Шкарупа Е. А., 2020. Цифровизация АПК: результаты, проблемы, направления развития // Региональная экономика. Юг России. Т. 8, N 4. С. 144–153. DOI: https://doi.org/10.15688/re.volsu.2020.4.13

Введение

Намечаемый технологический прорыв и цифровизация задают новый вектор развития российской экономики. АПК не относится к самым инновационным отраслям, однако его адаптация к процессу глобальной цифровизации становится ключевым приоритетом развития на ближайшую перспективу.

По уровню цифровизации АПК России находится на 15-м месте среди стран мира. В последние годы отечественные сельскохозяйственные товаропроизводители взяли на вооружение технологии машинного зрения, автономности движения, искусственного интеллекта, анализа больших данных, стали активнее закупать инновационные машины. При этом доля охваченных цифровизацией сельскохозяйственных предприятий в РФ остается довольно низкой (7-10 % против 69 % в Европе). Данные инновационные технологии сосредоточены преимущественно в наиболее крупных и прогрессивных компаниях (в первую очередь, агрохолдингах), которые активно внедряют на своих полях и фермах всевозможные новые решения [Расширенный обзор развития ..., 2020; Митрофанова и др., 2019].

Современный уровень знаний и технологическая база сельскохозяйственных товаропроизводителей не являются достаточными для развития цифровизации АПК.

В настоящее время реализуется ведомственный проект «Цифровое сельское хозяйство» (2019—2024 гг.), предусматривающий комплекс мероприятий по внедрению цифровых технологий и платформенных решений в отрасли. Результат реализации данного проекта предполагает рост производительности на «цифровых» сельскохозяйственных предприятиях в 2 раза к 2024 г. [Ведомственный проект ..., 2019].

Современный уровень цифровизации сельского хозяйства: технологии, платформы, решения, проблемы

Цифровизация сельского хозяйства включает в себя два основных блока: цифровизация сельскохозяйственного производства и цифровизация процессов государственного управления отрасли (государственная поддержка) [Ведомственный проект ..., 2019].

Выделяют основные направления цифровой трансформации сельского хозяйства (см. табл. 1).

Единый сервис предоставления мер государственной поддержки АПК (направление «Цифровые технологии в управлении АПК») открывает следующие возможности: перевод в электронный вид, ускорение получения и повышение результативности мер государственной поддержки в сфере сельского хозяйства; предоставление отчетности в электронном виде; по-

Направления цифровой трансформации сельского хозяйства

Направление	Содержательная характеристика
Цифровое	Интеллектуальная система, осуществляющая в автоматизированном режиме сбор, анализ, обнов-
землепользо-	ление информации о состоянии почвенных и земельных ресурсов, разрабатывающая рекоменда-
вание	ции по оптимальному размещению посевов сельскохозяйственных культур, нарезке полей, размещению севооборотов, технологиям возделывания культур, автоматизированную оценку зе-
	мельных участков (в том числе кадастровую), контроль и мониторинг систем землепользования и адаптивно-ландшафтного земледелия, их воздействия на окружающую среду и сельский социум
Умное поле	Стабильный рост производства сельскохозяйственной продукции растениеводства посредством внедрения цифровых технологий сбора, обработки и использования данных о состоянии окружающей среды, почв, растений
Умная ферма	Роботизированный объект: предназначен для разведения сельскохозяйственных видов животных в автоматическом режиме (не требует участия человека)
Умный сад	Система подготовки, выполнения, контроля технологических операций выращивания садоводческой продукции с применением роботизированных, беспилотных машин, агрегатов
Умная	Роботизированный и изолированный от внешних воздействий сельскохозяйственный объект для
теплица	получения растениеводческой продукции в автоматическом режиме, минимизирующий участие
	человека. Подразумевает разработку современной комплексной и завершенной технологии «Ум-
	ной теплицы», базирующейся на применении интернета вещей, которая позволит снизить из-
	держки для уже существующих комплексов с минимальными затратами на техническое переос-
	нащение, либо спроектировать инновационные объекты

Примечание. Составлено по: [Расширенный обзор развития ..., 2020].

вышение объемов и доходов от реализации товаров за счет взаимодействия на базе единой электронной торговой площадки.

В 2019 г. было проведено анкетирование по направлению «Цифровое сельское хозяйство», результаты которого (важность и сроки выполнения) систематизированы в таблице 2.

При рассмотрении вопросов цифровизации особое внимание было уделено системе образования и повышения квалификации специалистов АПК. Так, 95 % опрошенных поднимают вопрос о создании экспериментальных цифровых фермерских хозяйств на базе учебно-опытных хозяйств Министерства сельского хозяйства России и коммерческих предприятий; 99 % видят необходимость создания системы подготовки специалистов сельскохозяйственных предприятий в области цифрового сельского хозяйства; 98 % указывают на возможность создания центров компетенций на базе аграрных вузов; 99 % считают целесообразным проведение переподготовки специалистов сельскохозяйственных предприятий на базе таких центров.

Субсидирование (83 % опрошенных) и кредитование (88 % опрошенных) продолжают оставаться приоритетными инструментами, способствующими ускорению цифровизации отрасли.

Так, в результате проводимого анкетирования сделаны следующие выводы: мнения экспертов не являются оптимистичными в контексте указанных сроков реализации задач ведомственного проекта; 52 % опрошенных убеждены, что доля землепользователей, внедривших элементы цифровых технологий, не достигнет 50 %.

По мнению 46 % опрошенных, к 2024 г. не произойдет оцифровки и не будут внесены в единую геоинформационную систему около 90 % площадей сельскохозяйственных садовых многолетних насаждений; 41 % опрошенных выразили уверенность в том, что не произойдет снижение объема импорта овощей за счет внедрения системы «Умная теплица» более чем на 70 %. Большинство экспертов указывают 2026–2030 гг. как реальные сроки реализации большей части направлений. Это говорит о наличии неких барьеров на пути развития отрасли в контексте цифровизации.

Основные, на наш взгляд, проблемы цифровизации сельского хозяйства:

- низкий уровень развития цифровой инфраструктуры на селе. Цифровое неравенство между городом и селом сохраняется, несмотря на существенные изменения в отрасли, обусловленные расширением государственной поддержки; многие сельскохозяйственные организации не имеют возможности использования Интернета (см. рис. 1);
- недостаточный уровень кадрового обеспечения; по некоторым данным, количество ИТспециалистов аграрной сферы в два раза меньше, чем в странах с традиционно развитой сферой АПК; дефицит таких кадров достигается 90 тыс. ИТ-специалистов;

Таблица 2

Реализация перспективных направлений цифровизации АПК, %

Важность для РФ			Ожидаемые сроки					
DI ICO CDAT HIED HA DIC								
		_		2020 1.	-			не вы- полнится
			Туально					1
1	40	10	_	_	20	32	21	1
	22	10			20	2.6	2.4	
	32	13	_	1	39	36	24	_
49	41	9	1	_	32	42	26	_
49	42	8	1	_	31	52	14	3
52	33	14	1	_	26	51	20	3
62	29	9	-	_	17	48	32	3
	49 52	высо- кая сред- няя 42 40 55 32 49 41 49 42 52 33	высокая сред- няя низ- кая 42 40 18 55 32 13 49 41 9 49 42 8 52 33 14	высокая средняя низ-кая не актуально 42 40 18 — 55 32 13 — 49 41 9 1 49 42 8 1 52 33 14 1	высокая няя няя кая не актуально средняя кая туально не актуально 2020 г. 55 32 13 — — 49 41 9 1 — 49 42 8 1 — 52 33 14 1 —	высокая няя кая не актуально средная на кая туально не актуально 2020 г. 2021 г. 2025 гг. 2025 гг. 206 55 32 13 - 1 39 49 41 9 1 - 32 49 42 8 1 - 31 52 33 14 1 - 26	выполнения высо- кая сред- няя низ- кая не ак- туально 2020 г. 2021- 2025 гг. 2030 гг. 42 40 18 - - 26 52 55 32 13 - 1 39 36 49 41 9 1 - 32 42 49 42 8 1 - 31 52 52 33 14 1 - 26 51	выполнения высокая няя кая туально 2020 г. 2021 – 2026 – 2030 гг. 2030 г. 2030 г. 2030 г. 42 40 18 - - 26 52 21 55 32 13 - 1 39 36 24 49 41 9 1 - 32 42 26 49 42 8 1 - 31 52 14 52 33 14 1 - 26 51 20

Примечание. Составлено автором по: [Труфляк, Курченко, Креймер, 2019].

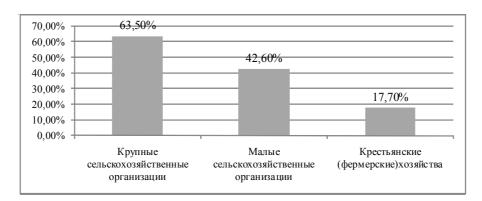

Рис. 1. Использование Интернета в различных категориях хозяйства, 2018 г., % *Примечание*. Составлено по: [Ашинова и др., 2019].

- недостаточность или полное отсутствие финансовых средств у подавляющего большинства сельскохозяйственных товаропроизводителей для внедрения технологий;
- отсутствие или непроработанность региональных и муниципальных программ по поддержке агробизнеса, внедряющих цифровые технологии.

Основные проблемы, создающие барьеры для полноценной цифровизации сельского хозяйства, можно дополнить проблемами со стороны

непосредственно разработчиков соответствующих программ [Расширенный обзор развития ..., 2020]. К ним относятся: низкая маржинальность отрасли (развивающийся сегмент) — непривлекательность для технологического и инфраструктурного инвестора; невыгодность адаптации предлагаемых решений для малых и средних хозяйств; небольшой объем открытых регулярных данных о деятельности предприятий, которые разработчики могут использовать для создания приложений и сервисов; неразвитость «безбумажных» государ-

ственных сервисов и услуг, требующихся в АПК; недостаточная информированность агробизнеса как о существовании самих технологий, так и о результатах их применения в реальных хозяйствах; сложность интеграции цифровых технологий со всеми остальными бизнес-процессами на предприятии; отсутствие на рынке готовых комплексных цифровых решений, из чего вытекает необходимость дополнительной интеграции отдельных цифровых инструментов в единую систему; необходимость значительных затрат на создание национальной цифровой инфраструктуры, а также формирование в каждом субъекте Федерации профильной информационной системы, ее интеграции в другие информационные базы.

Министерством сельского хозяйства РФ внедрение цифровых технологий названы главным трендом развития АПК на ближайшие годы; они окажут влияние на сам процесс сельскохозяйственного производства, будут способствовать росту производства сельскохозяйственной

продукции. На рисунке 2 представлены существующие цифровые технологии для АПК.

Так, технологиями, способствующими выходу на качественный уровень эффективности сельскохозяйственного производства, становятся точное земледелие и роботизация. Точное земледелие — технология, основанная на цифровых данных, используемых для управления и оптимизации производства сельскохозяйственных культур.

Результаты, достигаемые посредством применения точного земледелия, представлены оптимизацией использования расходных материалов (минимизация затрат), повышением урожайности и качества сельскохозяйственной продукции, минимизацией негативного влияния сельскохозяйственного производства на окружающую природную среду, повышением качества земель. Так, в результате сбора статистической информации по использованию элементов точного сельского хозяйства в регионах были получены следующие данные (табл. 3).

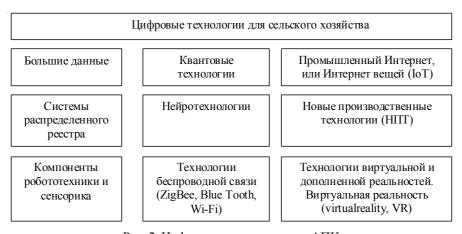

Рис. 2. Цифровые технологии для АПК

Примечание. Составлено по: [Цифровые технологии в АПК ..., 2019].

Таблица 3 Результаты использования элементов точного земледелия в ЮФО, 2018 г.

	Использование	Использова-	Количество хо	зяйств в регионе,	Количество сотруд-
	элементов точно-	ние элемен-	использующих дифференциро-		ников по хозяйст-
Регион	го земледелия по	тов точного	ванное внесение удобрений		вам, прошедших
ТСГИОН	количеству хо-	земледелия	элементы	дифференциро-	повышение квали-
	зяйств	по площади,	точного зем-	ванное внесение	фикации, хозяйств
		га	леделия удобрений		(чел.)
Республика Адыгея	3	11 641	3	1	_
Республика Калмыкия	_	_	_	ı	_
Краснодарский край	189	962 981	189	54	20 (190)
Республика Крым	_	7 853	2	0	3 (34)
Астраханская область	3	6 311	3	2	_
Волгоградская область	139	746 580	139	19	2 (4)
Ростовская область	_	-	_	ı	_
г. Севастополь	_	_			_

Примечание. Составлено по: [Труфляк, Курченко, Креймер, 2018].

По мнению большинства экспертов, точное земледелие прежде всего связано с дифференцированным внесением удобрений. Краснодарский край и Волгоградская область вошли в топ-регионов РФ по количеству хозяйств, использующих дифференцированное внесение удобрений. По этому показателю Краснодарский край занимает первое место в числе исследуемых 52 регионов, Волгоградской области отводится 4-е место. С позиции использования элементов точного земледелия по площади Краснодарский край занимает второе место, Волгоградская область – десятое. По этому же показателю наблюдается активность в республике Крым (35-е место) и Астраханской области (38-е место) из 52 регионов, предоставивших сведения.

Значимость применения робототехники обусловлена обострением отсутствия кадров на селе, повышением безопасности и улучшением условий труда в организациях сельского хозяйства, повышением качества сельскохозяйственной продукции, повышением производительности труда в организациях сельского хозяйства, совершенствованием воспроизводственных процессов в сельском хозяйстве [Скворцов и др., 2018]. Практически любая отрасль сельского хозяйства выступает объектом использования робототехники.

Региональные особенности и специфика регионов (уровень и качество развития инфраструктуры, демографические процессы, уровень и условия социально-экономического развития региона, конкурентоспособность отрасли и др.) являются ключевыми факторами при внедрении робототехники. Сельскохозяйственные роботы становятся основным работником на селе, прогнозируется, что рыночная стоимость этой отрасли к 2022 г. достигнет 12,8 млрд долларов. Доильные роботы считаются самым распространенным продуктом роботизации [Скворцов и др., 2018]. На 2018 г. наблюдается тенденция роста объема продаж сельскохозяйственных роботов (произошло увеличение до 1 млрд долл., или на 8 %). За указанный период было продано 5,8 тыс. доильных роботов (в 2017 г. -5,4 тыс.). Рост продаж сельскохозяйственных роботов, используемых в растениеводстве и садоводстве, будет увеличиваться в среднем на 50 % в год; по прогнозам, в 2022 г. объем их продаж достигнет 2,4 тыс. [Жилина, 2020].

Производство сельскохозяйственных роботов для полевых работ закреплено за европейскими и азиатскими компаниями (45 % рынка дан-

ной техники). По некоторым данным, развитие «умного сельского хозяйства» будет достигнуто посредством расширения доильных роботов (к 2030 г.), сельскохозяйственных роботов для возделывания полей (с 2025 г.). Необходимость решения проблем ресурсосбережения, увеличения производства за счет развития «точного» земледелия обеспечат рост высокого спроса на сельскохозяйственные роботы [Жилина, 2020].

Исследователи и эксперты отрасли отмечают, что внедрение цифровых технологий в хозяйствах в различных частях страны сегодня неоднородно (территории с большим агропотенциалом, как правило, имеют более маржинальное производство, и, соответственно, большие инвестиционные возможности), а процесс цифровизации в России происходит с некоторым отставанием в сравнении с Западной Европой, США и Канадой. При этом сам тренд распространения цифровых технологий движется очень стремительно - например, уровень оснащенности системами навигации еще три-четыре года назад был в разы ниже, однако с развитием технологий и их удешевлением распространение данной технологии стало идти повсеместно. Это говорит о том, что для дальнейшего внедрения цифровых технологий имеется огромный потенциал, и эксперты ожидают довольно динамичного расширения их применения в России [Расширенный обзор развития ..., 2020].

Хотя российский рынок цифровых агротехнологий находится в фазе развития, на нем уже представлено определенное число игроков, специализирующихся в разных направлениях цифровых решений для АПК.

Мониторинг земель сельскохозяйственного назначения

Информационные системы в области государственного мониторинга земель сельскохозяйственного назначения создаются Министерством сельского хозяйства Российской Федерации в рамках системы государственного информационного обеспечения в сфере сельского хозяйства. Единая федеральная информационная система о землях сельскохозяйственного назначения и землях, используемых или предоставленных для ведения сельского хозяйства в составе земельных категорий (ЕФИС ЗСН), введена в эксплуатацию с 12 апреля 2018 года. ЕФИС ЗСН предназначена для обеспечения деятельности Министерства сельского хозяйства России и подведомственных ему

учреждений, региональных органов управления АПК, федеральных и региональных органов исполнительной власти, органов муниципального управления, сельхозтоваропроизводителей и других пользователей актуальной и достоверной информацией, получаемой в рамках государственного мониторинга земель сельскохозяйственного назначения, включая информацию о местоположении, состоянии и фактическом использовании таких земель, а также о состоянии сельскохозяйственной растительности.

В структуру ЕФИС ЗСН входят следующие функциональные подсистемы: подсистема учета сельскохозяйственных земель, подсистема учета землепользователей, подсистема учета мелиоративных систем и гидротехнических сооружений. Региональные информационные системы, содержащие в том числе сведения о состоянии и использовании земель сельскохозяйственного назначения, являются важной частью государственного мониторинга таких земель.

В 2018 г. информационные системы мониторинга состояния и использования сельскохозяйственных земель успешно функционировали в 22 регионах России. В число этих регионов попали Краснодарский край и Волгоградская область.

В создании региональных систем мониторинга сельскохозяйственных земель участвует ряд российских организаций — разработчиков программных продуктов. В качестве примера приведем ООО «Информационно-аналитические консалтинговые системы» (Краснодарский край, Волгоградская область).

АО «Россельхозбанк» запустило «цифровую экосистему» для фермеров, став при этом посредником между сельскохозяйственными товаропроизводителями и технологическими компаниями, адаптирующим решения последних для АПК и делающим их доступными фермерам. Данная система представлена рядом цифровых сервисов на единой платформе, большинство из них — это существующие в России технологические решения, которые приспосабливаются для сельского хозяйства.

Сервисы экосистемы банка доступны для клиентов и дают возможность фермерам без дополнительных затрат автоматизировать решение каждодневных задач.

В первую очередь сервисы экосистемы банка созданы для поддержки бизнеса. Например, платформа АО «Россельхозбанк» способствует упрощению процесса получения квалифицированной ветеринарной помощи и дает ба-

зовый набор возможностей для цифрового управления фермой.

Вторая группа сервисов экосистемы направлена на расширение возможностей рынка сбыта для сельскохозяйственных товаропроизводителей и помощи в продвижении услуг в условиях ограниченного спроса. У субъектов агробизнеса появилась возможность самостоятельного продвижения своих товаров широкому кругу поставщиков, в том числе поиска клиентов в сегменте HoReCa.

Для повышения рентабельности деятельности сельскохозяйственных товаропроизводителей банк предлагает сервис, способствующий раскрытию туристического потенциала отрасли. Облегченная версия продуктового ряда АО «Россельхозбанк» представляет собой третий блок экосистемы; представлен финансовыми ресурсами, в том числе возможностью удаленной подачи заявок на получение льготного кредитования. Основной задачей перевода фермеров на работу через дистанционные каналы является упрощение процедуры получения заемных средств, а вместе с этим — повышение качества банковского обслуживания.

Сервисы первого приоритета направлены на решение трех конкретных задач: продвижение товаров и услуг, помощь в организации производства, поиск и подбор персонала. Важный сервис для агробизнеса представлен индивидуальным подбором семян, удобрений, средств защиты растений. Платформа включает навигатор по государственным услугам, помогающий сориентироваться в информации, найти необходимую программу поддержки.

В настоящее время указанным банком в партнерстве с компанией ИнтТерра, которая специализируется на разработке цифровых решений для сельского хозяйства, запущены отдельные элементы экосистемы. Так, АО «Россельхозбанк» предоставлена возможность дистанционного определения состояние поля и сельскохозяйственных культур посредством многофакторного анализа на основе использования цифрового сервиса растениеводов SkyScout [Официальный сайт компании ..., 2020].

В условиях пандемии для поддержки отрасли доступ к цифровому сервису для агробизнеса растениеводов SkyScout продолжает оставаться бесплатным. Пользователи получают возможность мониторинга поля, дистанционного диагностирования проблем и получения рекомендации от специалистов. Благодаря интеграции SkyScout

с маркетплейсом появилась возможность оформления заказов и приобретения товаров и услуг [РСХБ поможет фермерам ..., 2020; Mitrofanova et al., 2020].

Министерством сельского хозяйства в целях анализа, изучения и последующего масштабирования наиболее успешных кейсов систематизированы возможные цифровые решения в сфере АПК и представлены компании, реализующие такие решения на практике. Цифровые решения предложены компонентами в области больших данных и искусственного интеллекта (69 решений), интернета вещей (50 решений), роботизации процессов (29 решений) и различных специализированных сервисов (32 решения) [Всероссийский каталог ..., 2020].

На Юге России лидерами по внедрению «умных» технологий в АПК являются Краснодарский край, Ставрополье и Ростовская область. Далее следуют республики Северного Кавказа, которые серьезно отстают от первой тройки [«Цифра» поможет аграриям ..., 2020].

Это связано прежде всего с финансовыми возможностями предприятий (у агрохолдингов они выше, у средних и мелких хозяйств ограничены). Важны также степень информированности топменеджеров, компетенции агрономов и понятность цифровых решений для аграриев.

Несмотря на лидерство, многие сельскохозяйственные товаропроизводители не внедряют «умные» технологии даже при наличии достаточных средств. Первая причина объясняется природно-климатическими условиями ЮФО, позволяющими получать стабильно высокие урожаи, используя для этого традиционные технологии.

Вторая причина заключается в избытке предложений, в сложности выбора поставщика цифрового решения (по причине низкой грамотности в данном аспекте), в длительности тестирования платформ и соответственно принятия решений. В округах, где природные условия несравнимы с южнороссийскими регионами, агробизнес активнее использует цифровые возможности. Второй аргумент в пользу активных пользователей представлен большим количеством крупных землевладельцев, которым жизненно необходимы инструменты для управления крупными сельскохозяйственными предприятиями.

Заключение

В результате проведенного анализа подтвержден потенциал и возможности цифровизации

сельского хозяйства. Выявленные проблемы предопределили основные направления совершенствования политики по цифровизации АПК.

Целесообразно продолжать совершенствовать меры государственной поддержки, направленные на создание условий, способствующих применению и внедрению цифровых технологий в АПК. В этой связи особую актуальность приобретает расширение возможностей грантовой поддержки, субсидирования и льготного кредитования элементов цифровизации.

Учитывая различные природно-климатические условия страны, необходимо создание дифференцированных условий адресной государственной поддержки сельскохозяйственных товаропроизводителей, внедряющих цифровые технологии и решения (точное земледелие, роботизация и др.) Налоговые льготы, предоставление гарантий, займов выступают способами привлечения частных структур в процесс цифровизации отрасли.

Решению проблемы низкого уровня развития цифровой инфраструктуры будет способствовать недавно принятая программа «Комплексное развитие сельских территорий», предусматривающая поддержку проектов в контексте развития телекоммуникаций и оборудования, обеспечивающих возможность подключения к сети «Интернет».

Устранение дефицита кадрового обеспечения приведет к совершенствованию системы подготовки кадров с учетом глобальных трендов по вопросам цифровизации.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

Ашинова М. К., Мокрушин А. А., Чиназирова С. К., Костенко Р. В., 2019. Цифровая трансформация отрасли сельского хозяйства Российской Федерации // Новые технологии. Вып. 4 (50). С. 209–220.

Ведомственный проект «Цифровое сельское хозяйство»: официальное издание, 2019. М.: Росинформагротех. 48 с.

Всероссийский каталог цифровых решений. Аналитический центр Министерства сельского хозяйства в России, 2020. URL: https://www.mcxac.ru/digital-cx/tsifrovye-resheniya-partnerov/services/.

Жилина И. Ю., 2020. Мировой рынок робототехники: состояние и перспективы // Социальные и гуманитарные науки: отечественная и зарубежная литература. Серия 2, Экономика: Реферативный журнал. № 01 (024). С. 118–126.

- Митрофанова И. В., Рябова И. А., Фетисова О. В., Пьянкова С. Г., Щербина А. С., 2019. Цифровая экономика: Мир, Россия, регионы. М.; Берлин: Директ-Медиа. 72 с. DOI: 10.23681/570917.
- Официальный сайт компании ИнтТерра, 2020. URL: https://intterra.ru/about/
- Расширенный обзор развития цифровизации сельского хозяйства в РФ. Состояние и перспективы, 2020. URL:https://agrardialog.ru/files/prints/rasshirenniy_obzor_razvitiya_tsifrovizatsii_selskogo_hozyaystva_v rf aprel may 2020.pdf.
- PCXБ поможет фермерам проводить дистанционный мониторинг полей, 2020. URL: https://www.dairynews.ru/news/rskhb-pomozhet-fermeram-provodit-distantsionnyy-mo.html.
- Скворцов Е. А., Скворцова Е. Г., Санду И. С., Иовлев Г. А., 2018. Переход сельского хозяйства к цифровым, интеллектуальным и роботизированным технологиям // Экономика региона. Т. 14, вып. 3. С. 1014—1028.
- Труфляк Е. В., Курченко Н. Ю., Креймер А. С., 2018. Точное земледелие: состояние и перспективы. Краснодар: Изд-во КубГАУ. 27 с.
- Труфляк Е. В., Курченко Н. Ю., Креймер А. С., 2019. Результаты анкетирования по направлению ведомственного проекта «Цифровое сельское хозяйство». Краснодар: Изд-во КубГАУ. 20 с.
- «Цифра» поможет аграриям повысить эффективность бизнеса. В сельхозпредприятиях Юга идет процесс внедрения «умных» технологий, активное участие в котором принимают отечественные разработчики программного обеспечения, 2020. URL: https://expertsouth.ru/articles/tsifrapomozhet-agrariyam-povysit-effektivnost-biznesa.
- Цифровые технологии в АПК как объекты интеллектуального права и источники инновационного потенциала России, 2019. URL: https://rospatent. gov.ru/content/uploadfiles/presentations/motorin-20092018.pdf.
- Mitrofanova I. V., Pyankova S. G., Ryabova I. A., Ob'edkova L. V., Shcherbina A. B., 2020. Digitalization of the Russian Economy (Target-Oriented Approach): First Results, Risks and Prospects// Digital Future Economic Growth, Social Adaptation, and Technological Perspectives. Lecture Notes in Networks and Systems / eds.: T. Kolmykova, E. Kharchenko. Vol. 111. Springer, Springer Nature Switzerland AG, Cham. P. 485–497. DOI: https://doi.org/10.1007/978-3-030-39797-5_47.

REFERENCES

Ashinova M.K., Mokrushin A.A., Chinazirova S.K., Kostenko R.V., 2019. Tsifrovaya transformatsiya otrasli selskogo khozyaystva Rossiyskoy Federatsii [Digital Transformation of the Agricultural Sector of the Russian Federation]. *Novyye tekhnologii* [New Technologies], iss. 4 (50), pp. 209-220.

- Vedomstvennyj proekt «Cifrovoe selskoe hozyajstvo»: oficialnoe izdanie, 2019 [Departmental Project "Digital Agriculture": Official Publication]. Moscow, Rosinformagrotekh Publ. 48 p.
- Vserossiyskiy katalog tsifrovykh resheniy. Analiticheskiy tsentr Ministerstva selskogo khozyaystva v Rossii, 2020 [All-Russian Catalog of Digital Solutions. Analytical Center of the Ministry of Agriculture in Russia]. URL: https://www.mcxac.ru/digital-cx/tsifrovye-resheniya-partnerov/services/.
- Zhilina I.Yu., 2020. Mirovoy rynok robototekhniki: sostoyaniye i perspektivy [Global Robotics Market: State and Prospects]. Sotsialnyye i gumanitarnyye nauki: otechestvennaya i zarubezhnaya literatura. Seriya 2, Ekonomika: Referativnyy zhurnal [Social and Humanities Sciences: Domestic and Foreign Literature. Series 2, Economics: Abstract Journal], no. 01 (024), pp. 118-126.
- Mitrofanova I.V., Ryabova I.A., Fetisova O.V., Pyankova S.G., Shcherbina A.S., 2019. *Tsifrovaya ekonomika: Mir, Rossiya, regiony* [Digital Economy: World, Russia, Regions]. Moscow, Berlin, Direkt-Media Publ. 72 p. DOI: 10.23681/570917.
- Ofitsialnyy sayt kompanii IntTerra, 2020 [Official Website of IntTerra]. URL: https://intterra.ru/about/.
- Rasshirennyy obzor razvitiya tsifrovizatsii selskogo khozyaystva v RF. Sostoyaniye i perspektivy, 2020 [Expanded Review of the Development of Digitalization of Agriculture in the Russian Federation. Status and Prospects]. URL: URL: https://agrardialog.ru/files/prints/rasshirenniy_obzor_razvitiya_tsifrovizatsii_selskogo_hozyaystva_v_rf_aprel_may_2020.pdf.
- RSKhB pomozhet fermeram provodit distantsionnyy monitoring poley, 2020 [Rosselkhozbank Will Help Farmers Conduct Remote Field Monitoring]. URL: https://www.dairynews.ru/news/rskhb-pomozhet-fermeram-provodit-distantsionnyy-mo.html.
- Skvorcov E.A., Skvorcova E.G., Sandu I.S., Iovlev G.A., 2018. Perekhod selskogo khozyaystva k tsifrovym, intellektualnym i robotizirovannym tekhnologiyam [The Shift of Agriculture to Digital, Intelligent, and Robotic Technologies]. *Ekonomika regiona* [Economy of the Region], vol. 14, iss. 3, pp. 1014-1028.
- Truflyak E.V., Kurchenko N.Yu., Krejmer A.S., 2018. *Tochnoye zemledeliye: sostoyaniye i perspektivy* [Precision Farming: State and Prospects]. Krasnodar, Izd-vo KubGAU. 27 p.
- Truflyak E.V., Kurchenko N.Yu., Krejmer A.S., 2019. Rezultaty anketirovaniya po napravleniyu vedomstvennogo proyekta «Tsifrovoye selskoye khozyaystvo» [Results of the Questionnaire in the Direction of the Departmental Project "Digital Agriculture"]. Krasnodar, Izd-vo KubGAU. 20 p.
- «Tsifra» pomozhet agrariyam povysit effektivnost biznesa. V selkhozpredpriyatiyakh Yuga idet protsess vnedreniya «umnykh» tekhnologiy, aktivnoye uchastiye v kotorom prinimayut otechestvennyye

razrabotchiki programmnogo obespecheniya, 2020 [Digitalization Will Help Farmers Increase Business Efficiency. In Agricultural Enterprises of the South, the Process of Introducing "Smart" Technologies Is Underway, in Which Domestic Software Developers Take an Active Part]. URL: https://expertsouth.ru/articles/tsifra-pomozhet-agrariyampovysit-effektivnost-biznesa.

Tsifrovyye tekhnologii v APK kak obyekty intellektualnogo prava i istochniki innovatsionnogo potentsiala Rossii, 2019 [Digital Technologies in the Agro-Industrial Complex as Objects of Intellectual Law

and Sources of Innovative Potential of Russia]. URL: https://rospatent.gov.ru/content/uploadfiles/presentations/motorin-20092018.pdf.

Mitrofanova I.V., Pyankova S.G., Ryabova I.A., Ob'edkova L.V., Shcherbina A.B., 2020. Digitalization of the Russian Economy (Target-Oriented Approach): First Results, Risks and Prospects. Kolmykova T., Kharchenko E., eds. *Digital Future Economic Growth, Social Adaptation, and Technological Perspectives. Lecture Notes in Networks and Systems*, vol. 111. Springer, Springer Nature Switzerland AG, Cham, pp. 485-497. DOI: https://doi.org/10.1007/978-3-030-39797-5_47.

Information About the Author

Ekaterina A. Shkarupa, Candidate of Sciences (Economics), Associate Professor, Department of Theory of Finance, Credit and Taxation, Volgograd State University, Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russian Federation, shkarupaea@volsu.ru, https://orcid.org/0000-0002-9986-2641

Информация об авторе

Екатерина Александровна Шкарупа, кандидат экономических наук, доцент кафедры теории финансов, кредита и налогообложения, Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Российская Федерация, shkarupaea@volsu.ru, https://orcid.org/0000-0002-9986-2641

DOI: https://doi.org/10.15688/re.volsu.2020.4.14

UDC 332.1:633.34 Submitted: 19.08.2020 LBC 65.04 Accepted: 25.09.2020

FORMATION OF CROP BELTS FOR NATIONAL INNOVATIVE CLUSTERS

Lidiya A. Voyevodina

Russian Scientific Research Institute of Land Improvement Problems, Novocherkassk, Russian Federation

Lyudmila N. Medvedeva

Volzhskiy Polytechnic Institute, Branch of the Volgograd State Technical University, Volzhskiy, Russian Federation; All-Russian Scientific Research Institute of the Irrigated Agriculture, Volgograd, Russian Federation

Inna V. Mitrofanova

Federal Research Centre the Southern Scientific Centre of the Russian Academy of Sciences,
Rostov-on-Don, Russian Federation;
Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

Abstract. The aim of the paper is to study the foreign practice in the formation of innovative agro-industrial clusters and to substantiate scientifically the formation of the Russian soybean agricultural belt with the infrastructure providing selection and production of non-GMO soybean in the required volume for domestic consumption and exports. Comparative and system analysis, situational approach, and field experiments were used for the research. As a result of the study, the US experience in the formation of soybean growing clusters was studied. It was found that soybeans are the predominant crop cultivated on irrigated lands in the states of Mississippi, Arkansas, and Nebraska, where the share of soybeans on irrigated lands reaches 59%. The soybean exports are essential to the economies of the United States, Argentina, and Brazil. The main soybeans are exported to China, the consumption of which is estimated at about 100 million tons of soybeans, and it is worth almost \$40 billion. For Russia, the proximity to the world leader in imports of soybeans, China, could be one of the advantages in the expansion of supplies to this country, what would stimulate the development of soybean production and the formation of national innovative clusters. The soybean production is based on high-yielding cultivars adapted to local growing conditions. The selection of cultivars without the use of GMO technologies gives the opportunity of having competitive advantages in the organic market. The newest cultivars of the Russian selection are "VNIIOZ 86" and "Volgogradka 1", which make it possible to obtain 3-4 tons per hectare on chestnut soils of Volgograd region. The formation of a soybean belt will provide a synergistic effect in soybean selection, organization of soybean production, and independence from foreign seed markets. Under the government support within a specialized cluster the core of which should be research institutes providing the scientific and selection core of the soybean agricultural belt in the South of Russia, the production of soybeans can be organized in volumes that cover the needs of the domestic market and increasing supplies to the world food market.

Key words: innovative cluster, agricultural belts, regional economy, South of Russia, foreign experience, soybean production, factors of development, selection of soybean varieties, economic efficiency.

Citation. Voyevodina L.A., Medvedeva L.N., Mitrofanova I.V., 2020. Formation of Crop Belts for National Innovative Clusters. *Regionalnaya ekonomika. Yug Rossii* [Regional Economy. South of Russia], vol. 8, no. 4, pp. 154-165. (in Russian). DOI: https://doi.org/10.15688/re.volsu.2020.4.14

© Воеводина Л.А., Медведева Л.Н., Митрофанова И.В., 2020

УДК 332.1:633.34 ББК 65.04 Дата поступления статьи: 19.08.2020 Дата принятия статьи: 25.09.2020

ФОРМИРОВАНИЕ ПОЯСОВ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННЫХ КУЛЬТУР ДЛЯ РАЗВИТИЯ НАЦИОНАЛЬНЫХ ИННОВАЦИОННЫХ КЛАСТЕРОВ

Лидия Анатольевна Воеводина

Российский научно-исследовательский институт проблем мелиорации, г. Новочеркасск, Российская Федерация

Людмила Николаевна Медведева

Волжский политехнический институт (филиал) Волгоградского государственного технического университета, г. Волжский, Российская Федерация;

Всероссийский научно-исследовательский институт орошаемого земледелия, г. Волгоград, Российская Федерация

Инна Васильевна Митрофанова

Федеральный исследовательский центр Южный научный центр РАН, г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация; Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Российская Федерация

Аннотация. Цель статьи состояла в изучении зарубежного опыта формирования инновационных агропромышленных кластеров, научном обосновании формирования российского соевого сельскохозяйственного пояса с инфраструктурой, обеспечивающей селекцию и получение в необходимом объеме не ГМО сортов сои для внутреннего потребления и поставки на экспорт. Для проведения исследования применялись сравнительный и системный анализ, ситуационный подход, полевые опыты. Авторами изучен опыт США по формированию кластеров возделывания сои, установлено, что соя является преобладающей культурой, возделываемой на орошаемых землях в штатах Миссисипи, Арканзас и Небраска, где доля сои в структуре орошаемых земель доходит до 59 %. В экономике США, Аргентины и Бразилии экспорт соевых бобов имеет важное значение. Основные поставки направлены в Китай, где потребление оценивается около 100 млн т соевых бобов на сумму почти 40 млрд долларов. Для России близость к мировому лидеру по импорту сои Китаю могла бы стать одним из преимуществ по развитию поставок в эту страну, что стало бы стимулом для развития соевого производства и формирования национальных инновационных кластеров. Основой соевого производства являются высокоурожайные сорта, адаптированные к местным условиям выращивания. Выведение сортов без использования ГМО-технологий позволяет иметь конкурентные преимущества на рынке органической продукции. Новейшими сортами российской селекции являются «ВНИИОЗ 86» и «Волгоградка 1», которые позволяют получать на каштановых почвах Волгоградской области 3-4 т/га. Формирование соевого пояса обеспечит эффект синергии при селекции бобов сои, организации их производства, обеспечивающего независимость от иностранных рынков семян. При государственной поддержке в рамках специализированного кластера, ядром которого должны стать научно-исследовательские институты, обеспечивающие научное и селекционное ядро соевого сельскохозяйственного пояса Юга России, может быть налажено производство соевых бобов в объемах, покрывающих потребности внутреннего рынка, увеличивающих поставки на мировой продовольственный рынок.

Ключевые слова: инновационный кластер, сельскохозяйственные пояса, региональная экономика, Юг России, зарубежный опыт, производство сои, факторы роста, селекция сортов сои, экономическая эффективность.

Цитирование. Воеводина Л. А., Медведева Л. Н., Митрофанова И. В., 2020. Формирование поясов сельскохозяйственных культур для развития национальных инновационных кластеров // Региональная экономика. Юг России. Т. 8, № 4. С. 154–165. DOI: https://doi.org/10.15688/re.volsu.2020.4.14

Введение

Интенсификация национальной экономики в целом и сельского хозяйства в частности диктует необходимость поиска действенных подходов и механизмов, способствующих этому. В связи с неравномерным распределением экономических ресурсов, в том числе природных, материальных, трудовых, в мире возникают группировки эконо-

мических акторов, специализирующихся в определенной сфере. Чаще всего такие группировки называют кластерами или агломерациями. Под кластером обычно подразумевают совокупность компаний, отраслей, институтов, которые, взаимодействуя между собой, способствуют росту конкурентоспособности друг друга [Шаховская и др., 2016]. Построение экономики на основе кластеризации во многих регионах мира зарекомендовало

себя как довольно эффективный механизм развития, активно вовлекающий в свою деятельность разного рода предпринимательские структуры [Левченко, 2017; Гайша, 2019; Antwi, 2020]. В мире выделяют три основных центра кластерного развития: североамериканский, западноевропейский и азиатский [Левченко, 2017]. В России в настоящее время формируются регионально-территориальные кластеры с промышленной, сельскохозяйственной и инновационной специализацией. Цель данной статьи заключается в изучении зарубежного опыта формирования инновационных агропромышленных кластеров; научном обосновании создания в России соевого сельскохозяйственного пояса (кластера) с инфраструктурой, обеспечивающей получение в необходимом объеме не ГМО сортов сои российской селекции.

Литературный обзор и методология исследования

В сельском хозяйстве кластеризация в определенной степени обусловлена природными факторами, так как большинство сельскохозяйственных культур требует определенных параметров окружающей среды для выращивания, в числе которых главенствующая роль принадлежит климатическим и почвенным показателям. Учет параметров выращивания культур был положен в основу системы агроклиматического и почвенно-экологического районирования территорий России, отраженного в работах В. Докучаева, А. Жученко, Д. Шашко и др. [Докучаев, 1899; Жученко, 1994; Шашко, 1985]. Например, Б. Книпович в своих исследованиях приходит к выводу о целесообразности проведения районирования на основе синтеза двух подходов: учитывающих признаки-факторы, определяющие выбор хозяйственной деятельности, и признаки-формации, определяющие выбор технологии районирования [Книпович, 1925: 24]. Впервые в области агроклиматологии П. Колосков предложил учитывать биоклиматический потенциал в качестве критерия оценки общей потенциальной продуктивности земли, а урожайность полевых культур - в качестве главного агроклиматического показателя [Колосков, 1971].

Агроклиматическое и почвенно-экологическое районирование лежат в основе формирования агрокластеров. На процесс кластеризации оказывают влияние экономические факторы: близость рынков сбыта, степень наличия материальных и трудовых ресурсов, уровень цифровизации региональной экономики и гражданского общества. На Юге России начинает складываться зерновой кла-

стер, под которым, по мнению О. Бундиной и А. Хухрина, можно понимать «сеть географически сосредоточенных, взаимосвязанных, взаимодополняющих друг друга участников рынка зерна (сельскохозяйственные организации, фермеры, агрохолдинги, элеваторы, перерабатывающие предприятия, научно-исследовательские и образовательные организации, органы власти, экспортеры зерна и др.), производящих зерно и продукты его переработки с использованием инновационных технологий, создающих уникальные конкурентные преимущества участникам кластера, регионам» [Бундина, Хухрин, 2019: 68]. Перечисленные акторы зернового кластера присутствуют на Юге России, однако взаимосвязи между ними еще недостаточно тесные для извлечения максимальных преимуществ от совместного взаимодействия. Усиление взаимодействия может создать условия для опережающего развития территорий и повышения качества жизни проживающего на них населения.

Опыт формирования кластеров в США

За рубежом, в частности в США, отмечены примеры формирования кластеров в сельском хозяйстве. Одним из наиболее известных кластеров в национальных масштабах можно считать так называемый кукурузный пояс, где преимущественно сосредоточено возделывание кукурузы и сопутствующих перерабатывающих производств [Медведева, Белых, Середа, 2018]. Культурой, которая часто входит в севооборот наряду с кукурузой, является соя. На рисунках 1 и 2 показаны площади возделывания кукурузы и сои в 2017 г. согласно сельскохозяйственной переписи США [Corn for Grain, 2017; Soybeans for Beans, 2017]. Как можно видеть на рисунках, эти площади во многом совпадают, но имеются и отличия. В частности, площади под соей имеют большее распространение в южных штатах: Арканзасе и Миссисипи.

Основное производство сои, согласно данным рисунков 1 и 2, сосредоточено в штатах: Иллинойс, Айова, Миннесота, где самые обширные площади земель, занятых под сою, и самые большие валовые сборы. На основе данных сельскохозяйственной переписи США на рисунке 3 по штатам показаны площади под посевами сои в 2017 г., превышавшие 1 млн га [National Agricultural Statistics ..., 2017]. Всего в США в 2017 г. соя была убрана с площади 36 483 495 га. Урожай составил 118 553 554 тонн. Наибольшие валовые сборы в разрезе штатов представлены на рисунке 4 [National Agricultural Statistics ..., 2017].

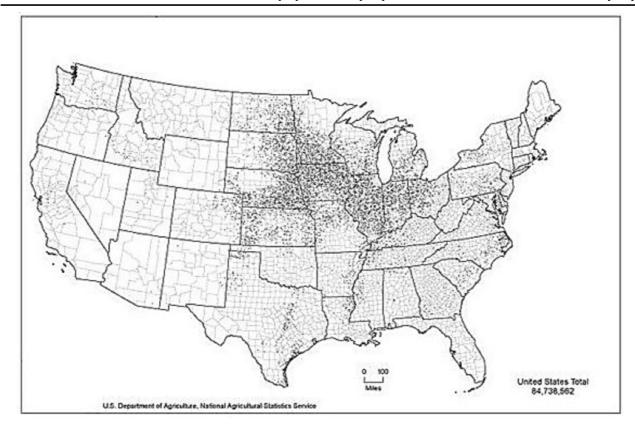

Рис. 1. Площадь под кукурузой в США, 2017 г.: 1 точка = 10 000 акров (4 047 га). Общая площадь 84 738 562 акра = 34 293 696 га Примечание. Источник: [Corn for Grain, 2017].

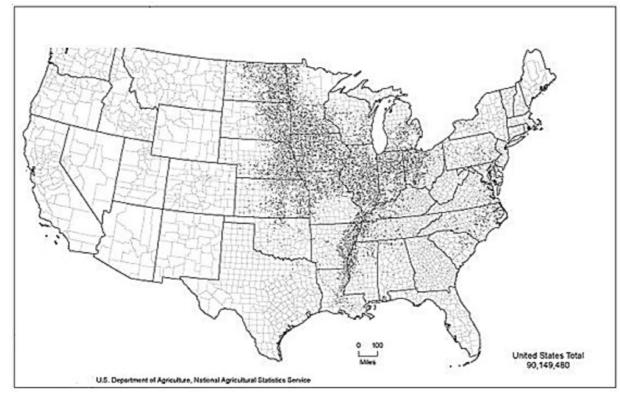

Рис. 2. Площадь под соей в США, 2017 г.: 1 точка = 10 000 акров (4 047 га). Общая площадь 90 149 480 акров = 36 483 495 га Примечание. Источник: [Soybeans for Beans, 2017].

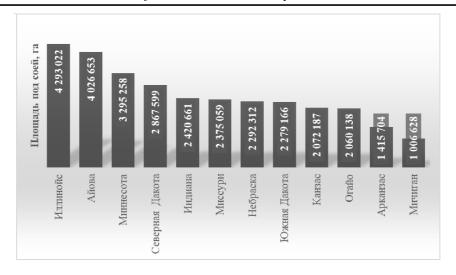

Рис. 3. Площадь под посевами сои по штатам США, га, 2017 г. *Примечание*. Составлено авторами по: [National Agricultural Statistics ... , 2017].

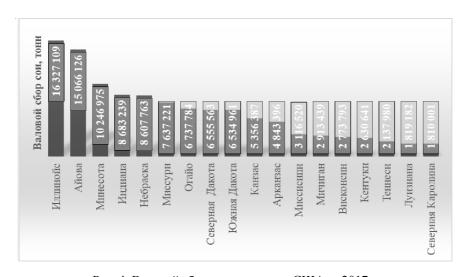

Рис. 4. Валовой сбор сои по штатам США, т, 2017 г.

Примечание. Составлено авторами по: [National Agricultural Statistics ..., 2017].

Следует отметить, что доля сои в структуре посевных площадей в таких штатах, как Миссисипи и Огайо превышала 50 %, а в штатах Арканзас, Индиана и Иллинойс составляла 49, 48 и 47 % соответственно. Что касается орошения, то соя возделывается на 3 785 833 га орошаемых земель, наибольшие площади сои на орошении сосредоточены в штатах Арканзас (1 121 104 га) и Небраска (1 015 403 га), где ее доля доходит до 57 и 30 % соответственно. Больше чем в Арканзасе доля сои в структуре орошаемых земель была только в штате Миссисипи и превысила 59 %.

В штатах Небраска и Арканзас сосредоточены наибольшие площади орошаемых земель в США – 3 475 721 и 1 964 876 га, что соответствует 1-му и 3-му местам. Таким образом, в

штате Арканзас большинство орошаемых площадей (57 %) предназначены для выращивания сои, а в штате Небраска – 30 %. В штатах с наибольшими площадями и валовым сбором доля сои, возделываемой с использованием орошения, также значительна. Так, в штате Иллинойс она составляла 31 %, в штате Айова – 34 %, в штате Миннесота – 21 %. Урожайность в штате Небраска тоже характеризуется как одна из наиболее высоких среди штатов и составляет 3,76 т/га, в штате Арканзас урожайность ниже на 9 % и составляет 3,42 т/га.

Средняя урожайность в США в 2017 г. была равна 3,2 т/га, а по штатам варьировала от 2,0 до 3,84 т/га. Мировой рекорд урожайности сои был достигнут в 2016 г. американским фермером из штата Джорджия Рэнди Дауди,

который составил 11,5 т/га [Мировой рекорд урожайности ... , 2019]. Для многих стран экспорт соевых бобов является источником валютных поступлений [Antwi, Onumah, 2020; Islas-Rubio, Higuera-Ciapara, 2019]. В Аргентине более 50 % валютных поступлений происходит благодаря производству сои; в Бразилии соевый комплекс ежегодно приносит в казну 24,5 млрд долл. США, в том числе около 5,7 млрд долл. США в иностранной валюте [Islas-Rubio, Higuera-Ciapara, 2019].

В экономике США экспорт соевых бобов имеет важное значение. Так, в 2017 г. он составил 22 млрд долл. США, основная доля экспорта 57 % (12,4 млрд долл.) приходилась на Китай [Soybean and Oil ..., 2016; Where does the United States ..., 2017], где объемы импорта, по оценкам экспертов, составляют порядка 100 млн т соевых бобов на сумму почти 40 млрд долларов. Соевые кластеры просматриваются в пределах нескольких штатов. В целом они образуют единый соевый пояс США.

Формирование соевого сельскохозяйственного пояса в России

Для России близость к мировому лидеру по импорту сои Китаю могла бы стать одним из преимуществ по развитию поставок в эту страну, что стало бы стимулом для развития соевого производства. Соя культурная (лат. Glycine max) — однолетнее растение из семейства бобовых, является одной из основных белковых и одновременно масличных культур в земледелии. Соя — четвертая по распространенности культура после пшеницы, кукурузы и риса и имеет стойкую тенденцию к увеличению [Теггіс et al., 2018; Van Gedler et al., 2008]. В мире ареал возделывания сои простирается от 48–50 ю. ш. (Австра-

лия, Южная Америка) до 54–56 с. ш. (Дальний Восток России, Канада) [Балакай, Куприянова, 2019]; в России соя может возделываться южнее линии Смоленск – Калуга – Рязань – Саранск – Ульяновск – Уфа – Омск – Новосибирск – Тында [Колосков, 1971]. Всего, по данным Росстата, в 2019 г. в хозяйствах всех категорий Российской Федерации площади, занятые под сою, составили 3 039,4 тыс. га. За 5 лет они увеличились на 51 % (на 1 027 тыс. га), за 10 лет – на 246,6 % (на 2 162,4 тыс. га). По отношению к 2001 г. площади выросли на 629,6 % (на 2 622,8 тыс. га) (рис. 5).

Центрами возделывания сои являются три федеральных округа – Дальневосточный, Центральный и Южный. Лидерами по производству сои в 2019 г. стали следующие регионы: Амурская область (размер площадей – 857,1 тыс. га), Приморский край (309,4 тыс. га, Курская область (281,7 тыс. га), Белгородская область (267,2 тыс. га), Краснодарский край (203,5 тыс. га). Значительные наделы имеются в Воронежской, Тамбовской, Орловской, Липецкой, Самарской, Саратовской, Пензенской, Новосибирской областях, Алтайском, Ставропольском и Хабаровском краях [Агропромышленный комплекс России ..., 2018]. На рисунке 6 представлены регионы, составляющие соевый сельскохозяйственный пояс России.

Важным резервом роста производства и урожайности сои является использование урожайных сортов российской селекции и совершенствование приемов их агротехники и полива. По мнению Почетного Президента Российского соевого союза А. Устюжанина, для достижения продовольственного и кормового баланса сои, России необходимо производить около 12 млн т соевых бобов. Эксперты МСХ РФ обозначили площади, которые необходимо засеять под сою до 2030 г. – 5 млн га [Российский соевый союз, 2020].

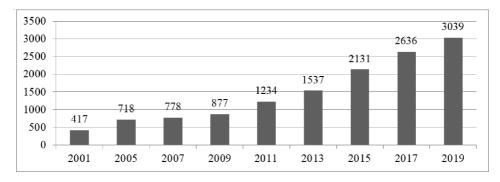

Рис. 5. Посевные площади, занятые под сою в хозяйствах всех категорий Российской Федерации, по годам *Примечание*. Составлено авторами по: [Российский соевый союз, 2020].

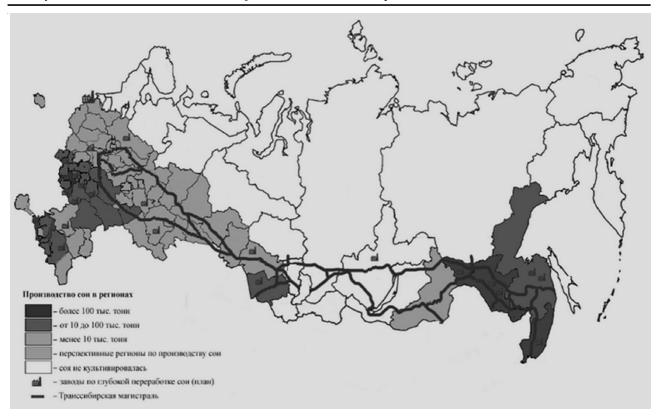

Рис. 6. Карта сельскохозяйственного соевого пояса России: текущее состояние, потенциал производства сои, 250 млн га, 23 завода

Примечание. Составлено авторами по: [Российский соевый союз, 2020].

Составные элементы сельскохозяйственного соевого кластера

Определение возможного ареала возделывания сои — это только начальный этап по формированию национального инновационного кластера — соевого пояса. В основе кластерного подхода заложены следующие показатели: агроклиматические условия территории; требования растений к произрастанию и соответствие природных показателей их требованиям; почвенно-экологические условия, влияющие на урожайность сельскохозяйственных культур; экономические показатели деятельности сельхозтоваропроизводителей (возможности для инвестирования в производство).

На основе использования соевых бобов возможна организация последующих производственных процессов, в числе которых: производство соевой муки, соевого масла, кормов, соевого аналога мяса, соевого «молока» и напитков на его основе, соевого «сыра» – тофу, откорм животных (КРС, свиней) и птицы (куры, индюшки) для производства мяса и яиц. Сопутствующие производства в составе кластера могут включать заводы по переработке сои, птицефабрики, мясокомби-

наты, комбикормовые и пищевые комбинаты. По данным Российского соевого союза, в России планируется строительство 23 заводов по глубокой переработке сои, один из таких заводов планируется в Октябрьском районе Ростовской области [Российский соевый союз, 2020].

На Дальнем Востоке одним из научных центров, специализирующихся по сое, является Всероссийский научно-исследовательский институт сои, где проводятся фундаментальные исследования по изучению генетических ресурсов сои, процессов симбиотической азотфиксации и фотосинтетической активности посевов сои и других новейших биотехнологических методов селекции. На Юге России ведущими научно-исследовательскими учреждениями в области селекции и семеноводства сои являются ФГБНУ «Федеральный научный центр «Всероссийский научно-исследовательский институт масличных культур им. В.С. Пустовойта» (Краснодар), ФГБНУ «Аграрный научный центр «Донской» (Ростовская область), ФГБНУ «Всероссийский научноисследовательский институт орошаемого земледелия» (Волгоград). Разработку технологий возделывания сои на орошаемых землях в Ростовской области ведут ученые ФГБНУ «Российский научно-исследовательский институт проблем мелиорации» [Балакай, Селицкий, 2019].

Исследования, проводимые в ФГБНУ ВНИИОЗ (Волгоград) по сортовому разнообразию, по созданию скороспелых сортов сои с высоким качеством зерна, по адаптации к природным условиям, по технологиям полива и агропроизводства, имеют важное значение не только для экономики Юга России. Особенно важна для выращивания сои оценка мелиоративного потенциала территории, наличие доступных водных ресурсов [Гурина, Медведева, 2019]. Выведенные в ФГБНУ ВНИИОЗ сорта сои: «Волгоградка 1», «Волгоградка 2», «ВНИИОЗ 86», «ВНИИОЗ 76», «ВНИИОЗ 31», хотя и различаются по уровню урожайности, обладают общим свойством - хорошо адаптируются к условиям произрастания [Толоконников и др., 2018].

Одним из скороспелых является сорт «ВНИИОЗ 86», который был получен на основе гибридизации сорта «Белоснежка» (Украина) и сорта-образца «К-6401 ВИР» (США), с последующим двухкратным индивидуальным отбором на протяжении пяти лет.

В таблице показана сравнительная экономическая эффективность возделывания сортов сои «Волгоградка 1» и «ВНИИОЗ 86» в ОПХ «Орошаемое» Волгоградской области.

Из данных таблицы видно, что сорт сои «Волгоградка 1» имеет большую урожайность — на 0,93 т/га, уровень рентабельности — на 26,6 %.

Россия продолжает испытывать недостаток в семенах собственной селекции сои [Кружилин, Толоконников, Вишнякова, 2000]. В 2005 г. в Госреестре селекционных достижений России имелось три сорта сои иностранной селекции, в 2016 г. их стало 57, или более 30 % от общего количества (181) зарегистрированных сортов. Российские сорта не ГМО-сои хорошо известны на мировом рынке, однако, они составляют лишь ма-

лую толику мировой торговли. Российским оригинаторам семян сои достаточно сложно противостоять агрессивной маркетинговой политике зарубежных компаний, и здесь без государственной поддержки и институциональных решений трудно обойтись. Многое можно реализовать через создание специализированного кластера [Ибрагимова, 2017]. Ядром такого кластера должны стать научно-исследовательские институты, которые смогут обеспечить научное и селекционное ядро соевого сельскохозяйственного пояса Юга России.

Заключение

Кластеризация в сельском хозяйстве обусловлена природными факторами и экономической эффективностью. Сложившаяся система агроклиматического и почвенно-экологического районирования территорий может послужить платформой для создания территориальных и инновационных кластеров. Взаимосвязанные, взаимодополняющие друг друга участники кластера (сельскохозяйственные организации, фермеры, агрохолдинги, элеваторы, перерабатывающие предприятия, НИИ, органы власти) могут обеспечить внедрение инновационных технологий, создающих конкурентные преимущества для всех участников процесса. Одним из перспективных кластеров может стать - сельскохозяйственный соевый пояс, который способен максимально использовать закономерности и естественные механизмы самоорганизации сложных социально-экономических и биотехнологических систем; уникальность конкурентных преимуществ на основе достижений науки; интеграцию в федеральные и региональные целевые агломерации. Создание соевого кластера позволит ускорить процесс получения не ГМО сортов сои российской селекции, способных на орошаемых землях по-

Таблица

Экономическая эффективность возделывания сортов сои «Волгоградка 1» и «ВНИИОЗ 86» в Волгоградской области, 2018 г.

Показатель	Сорт			
Hokasarens	«Волгоградка 1»	«ВНИИОЗ 86»		
Урожайность, т/га при HCP ₀₅ – 0,2 т/га	3,85	2,92		
Стоимость зерна, тыс. руб./га	52,5	43,4		
Производственные затраты, тыс. руб./га	30,4	29,7		
Условно-чистый доход, тыс. руб./га	22,1	13,7		
Себестоимость зерна, тыс. руб./т	7,9	10,7		
Рентабельность производства, %	72,7	46,1		

Примечание. Составлено авторами по материалам исследования ФГБНУ ВНИИОЗ.

казывать высокие урожаи. Интересен для регионального развития опыт США, где сформированный механизм государственной поддержки участников кластеров позволяет получать рекордные урожаи. Дальнейшее увеличение производства сои в Российской Федерации определяется рядом факторов, в числе которых: увеличение посевов в традиционных регионах и расширение ареала возделывания на территориях с более суровыми климатическими условиями; повышение эффективности российской школы селекции в области создания не ГМО сортов сои. В перспективе площади занятия под сою могут увеличиться с 3 до 5 млн га, что позволит получать до 7 млн т товарного сырья для разных отраслей национальной экономики.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

- Агропромышленный комплекс России в 2017 году: стат. справ., 2018. М.: Минсельхоз России. 720 с.
- Балакай Г. Т., Куприянова С. В., 2019. Методология районирования орошаемых земель России по поясам преимущественного возделывания сельскохозяйственных культур // Развитие АПК на основе принципов рационального природопользования и применения конвергентных технологий. Т. 2. С. 344–349.
- Балакай Г. Т., Селицкий С. А., 2019. Урожайность сортов сои при поливе дождеванием и системами капельного орошения в условиях Ростовской области // Научный журнал Российского НИИ проблем мелиорации. № 3 (35). С. 80–97.
- Бундина О. И., Хухрин А. С., 2019. Развитие зернового хозяйства России: кластерные технологии // Инновационные процессы в пищевых технологиях: наука и практика: сб. тр. Междунар. науч.-практ. конф., г. Москва, 19–20 февраля 2019 г. М.: Федеральный научный центр пищевых систем им. В. М. Горбатова РАН. С. 67–72.
- Гайша О. Д., 2019. Кластеры в национальных инновационных системах // Вестник университета. № 12. C. 49–55. DOI: 10.26425/1816-4277-2019-12-49-55.
- Гурина И. В., Медведева Л. Н., 2019. Мелиоративный биопотенциал и экологический след Юга России // Мелиорация и водное хозяйство: материалы Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием, посвящ. 130-летию со дня рождения академика Б.А. Шумакова. В 2 ч. Новочеркасск, 24 октября 2019 г. Новочеркасск: Лик. С. 156–160.
- Докучаев В. В., 1899. К учению о зонах природы. Горизонтальные и вертикальные почвенные зоны. СПб.: Типография Санкт-Петербургского Градоначальства. 28 с.

- Жученко А. А., 1994. Стратегия адаптивной интенсификации сельского хозяйства. Пущино: Отдел НТИ Пущинского РАН. 148 с.
- Ибрагимова В. И., 2017. Экономическая эффективность выращивания сои в современных условиях // Молодой ученый. № 1. С. 176–178.
- Книпович Б. Н., 1925. Сельскохозяйственное районирование. М.: Новая деревня. 192 с.
- Колосков П. И., 1971. Климатический фактор сельского хозяйства и агроклиматическое районирование. Л.: Гидрометеоиздат. 212 с.
- Кружилин И. П., Толоконников В. В., Вишнякова М. А., 2000. Каталог Мировой коллекции ВИР. Соя // Исходный материал для селекции сои в богарных и орошаемых условиях Нижнего Поволжья. Вып. 706. 58 с.
- Левченко Т. А., 2017. Кластеры и их роль в развитии национальной инновационной системы России // Азимут научных исследований: экономика и управление. Т. 6, № 3 (20). С. 239–243.
- Медведева Л. Н., Белых Д. В., Середа М. В., 2018. Актор мирового продовольственного рынка сельское хозяйство США // Региональные проблемы преобразования экономики: интеграционные процессы и механизмы формирования и социально-экономическая политика региона: сб. тр. по материалам ІХ Междунар. науч.-практ. конф. (г. Махачкала, 5—6 декабря 2018 г.). Махачкала: Ин-т социально-экономических исследований Дагестанского научного центра Российской академии наук. С. 89—91.
- Мировой рекорд урожайности сои 11,5 т/га, 2019. URL: https://agroinnovation.in.ua/news/index.php/ru/runovyny/13-2017-03-16-13-18-58 (дата обращения: 19.06.2020).
- Российский соевый союз. Аналитика, 2020. URL: http://www.ros-soya.su/public.aspx?DB47E393 (дата обращения: 10.06.2020).
- Толоконников В. В., Кошкарова Т. С., Канцер Г. П., Кожухов И. В., 2018. Адаптированные высокобелковые сорта сои для возделывания в мелиорированных агроландшафтах Южной и Центральной России // Известия Нижневолжского агроуниверститетского комплекса: Наука и высшее профессиональное образование. № 4 (52). С. 79–84.
- Шаховская Л. С., Медведева Л. Н., Попкова Е. Г., Гончарова Е. В. и др., 2016. Использование зеленых технологий как условие экономического роста в регионах России и возможность создания кластеров инновационного типа: монография. Волгоград: Изд-во ВолгГТУ. 244 с.
- Шашко Д. И., 1985. Агроклиматические ресурсы СССР. Л.: Гидрометеоиздат. 248 с.
- Antwi D. E., Onumah E. E., 2020. Agglomeration Externalities, Productivity and Technical Efficiency of Soybean Farms in Ghana // Global Scientific Journal. Vol. 8, № 1. P. 2833–2846.

- Antwi D. E., 2020. Cluster economies, productivity and technical efficiency a narrative review // Global Scientific Journals. Vol. 8, iss. 4. P. 1102–1117.
- Corn for Grain, Harvested Acres: 2017, 2017. URL: https://www.nass.usda.gov/Publications/AgCensus/2017/Online_Resources/Ag_Atlas_Maps/17-M214.php (date of access: 24.08.2020).
- Islas-Rubio A. R., Higuera-Ciapara I., 2019. Soybeans: Postharvest Operations. URL: http://www.fao.org/3/a-ax444e.pdf (date of access: 03.08.2020).
- National Agricultural Statistics Service, 2017. Census of Agriculture. United States Summary and State Data. Vol. 1. Geographic Area Series. Part 51 AC-17-A-51. 820 p. URL: https://www.nass.usda.gov/Publications/AgCensus/2017/Full_Report/Volume_1,_Chapter_1_US/usv1.pdf (date of access: 24.08.2020).
- USDA United States Department of Agriculture, 2016. Soybean and Oil Crops. Market Outlook. URL: https://www.ers.usda.gov/topics/crops/soybeans-oil-crops/market-outlook.aspx/ (date of access: 03.06.2020).
- Soybeans for Beans, Harvested Acres: 2017, 2017. URL: https://www.nass.usda.gov/Publications/AgCensus/2017/Online_Resources/Ag_Atlas_Maps/17-M219.php (date of access: 24.08.2020).
- Terzić D., Popović V., Tatić M., Vasileva V., Dekić V., Ugrenović V., Popović S., Avdić P., 2018. Soybean area, yield and production in world // XXII Eco-Conference 2018 Ecological Movement of Novi Sad. P. 135–145. URL: https://www.researchgate.net/publication/327982246_SOYBEAN_AREA_YIELD_AND_PRODUCTION_IN_WORLD (date of access: 24.08.2020).
- Van Gedler J. W., Kammeraat K., Kroes H., 2008. Soybeans consumption for feed and fuel in the EU. A research paper prepared for Milieuderfensie (Friends of the Earth Netherlands). Profundo economic research. 22 p. URL: https://www.foeeurope.org/sites/default/files/press_releases/profundo20report20final1.pdf (date of access: 24.08.2020).
- Where does the United States export Soybeans to?, 2017. URL: https://oec.world/en/visualize/tree_map/hs92/export/usa/show/1201/2017/,2019 (date of access: 09.03.2020).

REFERENCES

- Agropromyshlennyy kompleks Rossii v 2017 godu: stat. sprav., 2018 [Agro-Industrial Complex of Russia in 2017. Statistical Reference Book]. Moscow, Minselkhoz Rossii. 720 p.
- Balakay G.T., Kupriyanova S.V., 2019. Metodologiya rayonirovaniya oroshayemykh zemel Rossii po poyasam preimushchestvennogo vozdelyvaniya selskokhozyaystvennykh kultur [Methodology of Regionalization of Irrigated Lands in Russia

- According to the Zones of Predominant Cultivation of Agricultural Crops]. Razvitiye APK na osnove printsipov ratsionalnogo prirodopolzovaniya i primeneniya konvergentnykh tekhnologiy [Development of the Agro-Industrial Complex Based on the Principles of Rational Environmental Management and the Use of Convergent Technologies], vol. 2, pp. 344-349.
- Balakay G.T., Selitskiy S.A., 2019. Urozhaynost sortov soi pri polive dozhdevaniyem i sistemami kapelnogo orosheniya v usloviyakh Rostovskoy oblasti [Soybean Varieties Yield by Sprinkling and Drip Irrigation in Rostov Region]. *Nauchnyy zhurnal Rossiyskogo NII problem melioratsii* [Scientific Journal of Russian Scientific Research Institute of Land Improvement Problems], no. 3 (35), pp. 80-97.
- Bundina O.I., Khukhrin A.S., 2019. Razvitiye zernovogo khozyaystva Rossii: klasternyye tekhnologii [Development of the Grain Economy in Russia: Cluster Technologies]. *Innovatsionnyye protsessy v pishchevykh tekhnologiyakh: nauka i praktika: sb. tr. Mezhdunar. nauch.-prakt. konf., g. Moskva, 19–20 fevralya 2019 g.* [Innovative Processes in Food Technologies: Science and Practice. Proceedings of the International Scientific and Practical Conference. Moscow, February 19–20, 2019]. Moscow, Federalnyy nauchnyy tsentr pishchevykh sistem im. V. M. Gorbatova RAN, pp. 67-72.
- Gaysha O.D., 2019. Klastery v natsionalnykh innovatsionnykh sistemakh [Clusters in National Innovation Systems]. *Vestnik universiteta*, no. 12, pp. 49-55. DOI: 10.26425/1816-4277-2019-12-49-55.
- Gurina I.V., Medvedeva L.N., 2019. Meliorativnyy biopotentsial i ekologicheskiy sled Yuga Rossii [Reclamation Biopotential and Ecological Footprint of the South of Russia]. Melioratsiya i vodnoye khozyaystvo: materialy Vseros. nauch.-prakt. konf. s mezhdunar. uchastiyem, posvyashch. 130-letiyu so dnya rozhdeniya akademika B.A. Shumakova. V 2 ch. Novocherkassk, 24 oktyabrya 2019 g. Novocherkassk, Lik Publ., pp. 156-160.
- Dokuchayev V.V., 1899. *K ucheniyu o zonakh prirody. Gorizontalnyye i vertikalnyye pochvennyye zony*[To the Doctrine of Natural Zones. Horizontal and Vertical Soil Zones]. Saint Petersburg, Tipografiya Sankt-Peterburgskogo Gradonachalstva. 28 p.
- Zhuchenko A.A., 1994. Strategiya adaptivnoy intensifikatsii selskogo khozyaystva [Adaptive Agricultural Intensification Strategy]. Pushchino, Otdel NTI Pushchinskogo RAN. 148 p.
- Ibragimova V.I., 2017. Ekonomicheskaya effektivnost vyrashchivaniya soi v sovremennykh usloviyakh [Economic Efficiency of Growing Soybeans in Modern Conditions]. *Molodoy uchenyy* [Young Scientist], no. 1, pp. 176-178.
- Knipovich B.N., 1925. *Selskokhozyaystvennoye rayonirovaniye* [Agricultural Zoning]. Moscow, Novaya derevnya Publ. 192 p.

- Koloskov P.I., 1971. *Klimaticheskiy faktor selskogo khozyaystva i agroklimaticheskoye rayonirovaniye* [The Climatic Factor of Agriculture and Agroclimatic Zoning]. Leningrad, Gidrometeoizdat. 212 p.
- Kruzhilin I.P., Tolokonnikov V.V., Vishnyakova M.A., 2000. Katalog Mirovoy kollektsii VIR. Soya [Catalog of the VIR World Collection. Soy]. *Iskhodnyy material dlya* selektsii soi v bogarnykh i oroshayemykh usloviyakh Nizhnego Povolzhya [Initial Material for Breeding Soybeans in Rainfed and Irrigated Conditions of the Lower Volga Region], iss. 706. 58 p.
- Levchenko T.A., 2017. Klastery i ikh rol v razvitii natsionalnoy innovatsionnoy sistemy Rossii [Clusters and Their Role in the Development of the National Innovation System of Russia]. *Azimut nauchnykh issledovaniy: ekonomika i upravleniye* [Research Azimuth: Economics and Management], vol. 6, no. 3 (20), pp. 239-243.
- Medvedeva L.N., Belykh D.V., Sereda M.V., 2018. Aktor mirovogo prodovolstvennogo rynka - selskoye khozyaystvo SShA [Actor of the World Food Market – US Agriculture]. *Regionalnyye problemy* preobrazovaniya ekonomiki: integratsionnyye protsessy i mekhanizmy formirovaniya i sotsialnoekonomicheskaya politika regiona: sb. tr. po materialam IX Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. (g. Makhachkala, 5-6 dekabrya 2018 g.) [Regional Problems of Economic Transformation: Integration Processes and Mechanisms of Formation and Socio-Economic Policy of the Region: Collection of Works Based on the Materials of the IX International Scientific and Practical Conference (Makhachkala, December 5–6, 2018)]. Makhachkala, In-t sotsialno-ekonomicheskikh issledovaniy Dagestanskogo nauchnogo tsentra Rossiyskoy akademii nauk, pp. 89-91.
- Mirovoy rekord urozhaynosti soi 11,5 t/ga, 2019 [World Record for Soybean Yield of 11.5 t/ha]. URL: https://agroinnovation.in.ua/news/index.php/ru/runovyny/13-2017-03-16-13-18-58 (accessed 19 June 2020)
- Rossiyskiy Soyevyy Soyuz. Analitika, 2020 [Russian Soy Union. Analytics]. URL: http://www.ros-soya.su/public.aspx?DB47E393 (accessed 10 June 2020).
- Tolokonnikov V.V., Koshkarova T.S., Kantser G.P., Kozhukhov I.V., 2018. Adaptirovannyye vysokobelkovyye sorta soi dlya vozdelyvaniya v meliorirovannykh agrolandshaftakh Yuzhnoy i Tsentralnoy Rossii [Adapted High-Protein Soybean Varieties for Cultivation in Reclaimed Agricultural Landscapes of South and Central Russia]. Izvestiya Nizhnevolzhskogo agrouniverstitetskogo kompleksa: Nauka i vyssheye professionalnoye obrazovaniye [Bulletin of the Nizhnevolzhsky Agro-University Complex Science and Higher Professional Education], no. 4 (52), pp. 79-84.
- Shakhovskaya L.S., Medvedeva L.N., Popkova Ye.G., Goncharova Ye.V. et al., 2016. *Ispolzovaniye zelenykh*

- tekhnologiy kak usloviye ekonomicheskogo rosta v regionakh Rossii i vozmozhnost sozdaniya klasterov innovatsionnogo tipa: monografiya [The Use of Green Technologies as a Condition for Economic Growth in the Regions of Russia and the Possibility of Creating Innovative Clusters: Monograph]. Volgograd, Izd-vo VolgGTU. 244 p.
- Shashko D.I., 1985. *Agroklimaticheskiye resursy SSSR* [Agroclimatic Resources of the USSR]. Leningrad, Gidrometeoizdat. 248 p.
- Antwi D.E., Onumah E.E., 2020. Agglomeration Externalities, Productivity and Technical Efficiency of Soybean Farms in Ghana. *Global Scientific Journal*, vol. 8, no. 1, pp. 2833-2846.
- Antwi D.E., 2020. Cluster Economies, Productivity and Technical Efficiency A Narrative Review. *Global Scientific Journals*, vol. 8, iss. 4, pp. 1102-1117.
- Corn for Grain, Harvested Acres: 2017, 2017. URL: https://www.nass.usda.gov/Publications/AgCensus/2017/Online_Resources/Ag_Atlas_Maps/17-M214.php (accessed 24 August 2020).
- Islas-Rubio A.R., Higuera-Ciapara I., 2019. *Soybeans: Post-Harvest Operations*. URL: http://www.fao.org/3/a-ax444e.pdf (accessed 3 August 2020).
- National Agricultural Statistics Service, 2017. Census of Agriculture. *United States Summary and State Data*, vol. 1. Geographic Area Series, part 51 AC-17-A-51. 820 p. URL: https://www.nass.usda.gov/Publications/AgCensus/2017/Full_Report/Volume_1,_Chapter_1_US/usv1.pdf (accessed 24 August 2020).
- USDA United States Department of Agriculture, 2016. Soybean and Oil Crops. Market Outlook. URL: https://www.ers.usda.gov/topics/crops/soybeans-oilcrops/market-outlook.aspx/ (accessed 3 June 2020).
- Soybeans for Beans, Harvested Acres: 2017, 2017. URL: https://www.nass.usda.gov/Publications/AgCensus/2017/Online_Resources/Ag_Atlas_Maps/17-M219.php (accessed 24 August 2020).
- Terzić D., Popović V., Tatić M., Vasileva V., Dekić V., Ugrenović V., Popović S., Avdić P., 2018. Soybean Area, Yield and Production in World. *XXII Eco-Conference 2018 Ecological Movement of Novi Sad*, pp. 135-145. URL: https://www.researchgate.net/publication/327982246_SOYBEAN_AREA_YIELD_AND_PRODUCTION_IN_WORLD (accessed 24 August 2020).
- Van Gedler J.W., Kammeraat K., Kroes H., 2008. Soybeans Consumption for Feed and Fuel in the EU. A Research Paper Prepared for Milieuderfensie (Friends of the Earth Netherlands). Profundo Economic Research. 22 p. URL: https://www.foeeurope.org/sites/default/files/press_releases/profundo20report20final1.pdf (accessed 24 August 2020).
- Where Does the United States Export Soybeans To?, 2017. URL: https://oec.world/en/visualize/tree_map/hs92/export/usa/show/1201/2017/,2019 (accessed 9 March 2020).

Information about the Authors

Lidiya A. Voyevodina, Candidate of Sciences (Agriculture), Senior Researcher, Russian Scientific Research Institute of Land Improvement Problems, Prosp. Baklanovskiy, 190, 346421 Novocherkassk, Russian Federation, rosniipm-lian@yandex.ru, https://orcid.org/0000-0002-5681-3807

Lyudmila N. Medvedeva, Doctor of Sciences (Economics), Associate Professor, Professor of the Department of Economics and Management, Volzhskiy Polytechnic Institute, Branch of the Volgograd State Technical University, Engelsa St, 42, 404121 Volzhskiy, Russian Federation; Leading Researcher, All-Russian Scientific Research Institute of the Irrigated Agriculture, Timeryazeva St, 9, 400002 Volgograd, Russian Federation, milena.medvedeva2012@yandex.ru, https://orcid.org/0000-0003-1928-8326

Inna V. Mitrofanova, Doctor of Sciences (Economics), Professor, Chief Researcher, Laboratory of Regional Economics, Federal Research Centre the Southern Scientific Centre of the Russian Academy of Sciences, Chekhov St., 41, 344006 Rostov-on-Don, Russian Federation; Professor, Department of Economic Theory, World and Regional Economics, Volgograd State University, Prosp. Universitesky, 100, 400062 Volgograd, Russian Federation, mitrofanova@volsu.ru, https://orcid.org/0000-0003-1685-250X

Информация об авторах

Лидия Анатольевна Воеводина, кандидат сельскохозяйственных наук, старший научный сотрудник, Российский научно-исследовательский институт проблем мелиорации, просп. Баклановский, 190, 346421 г. Новочеркасск, Российская Федерация, rosniipm-lian@yandex.ru, https://orcid.org/0000-0002-5681-3807

Людмила Николаевна Медведева, доктор экономических наук, доцент, профессор кафедры экономики и менеджмента, Волжский политехнический институт (филиал) Волгоградского государственного технического университета, ул. Энгельса, 42, 404121 г. Волжский, Российская Федерация; ведущий научный сотрудник, Всероссийский научно-исследовательский институт орошаемого земледелия, ул. им. Тимирязева, 9, 400002 г. Волгоград, Российская Федерация, milena.medvedeva2012@yandex.ru, https://orcid.org/0000-0003-1928-8326

Инна Васильевна Митрофанова, доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник, лаборатория региональной экономики, Федеральный исследовательский центр Южный научный центр РАН, просп. Чехова, 41, 344006 г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация; профессор кафедры экономической теории, мировой и региональной экономики, Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Российская Федерация, mitrofanova@volsu.ru, https://orcid.org/0000-0003-1685-250X

DOI: https://doi.org/10.15688/re.volsu.2020.4.15

UDC 330.322.5, 336.648.8 LBC 65.04, 65.053

METHODOLOGICAL TOOLS OF MANAGEMENT DECISION MAKING ON SUPPORTING REGIONAL ENVIRONMENTAL PROJECTS¹

Irina D. Anikina

Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

Andrey A. Anikin

Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

Abstract. The purpose of the study was to develop a methodological toolkit for the substantiation of investment decisions on supporting regional environmental projects by state and private investors. The problem lies in the fact that traditional indicators of the efficiency of investment projects, such as net present value, budgetary efficiency, currently do not sufficiently meet the principles of sustainable economy, which underlie modern methodology for managerial decision making. The study of the opinions of investors shows their increasing willingness to take into account, when making investment decisions and decisions on financing projects, not only the economic efficiency, but also the impact of the results of companies' activities on the environment and human health. At the same time, the question of how to take into account ESG factors (environment, social, governance) in the assessment of investment decisions remains controversial. The authors suggest a methodology that will contribute to the justification of management decisions regarding the support and stimulation of investment eco-projects. The method assumes a sequential passage of stages, at each stage the projects undergo an assessment procedure for compliance with the criteria that take into account the interests of various project stakeholders (government, investors, society) and the calculation of ratings: the rating of ESG factors and the rating of economic efficiency of eco-projects. The authors have also developed a matrix for managerial decision making to support an investment eco-project based on the analysis of the ratings obtained. The proposed conceptual approaches and models make it possible to clarify the methodological tools for effectiveness assessment of eco-projects, contribute to the improvement of the theory and practice of financial management, harmonization of ESG principles and investment management, adequate to the conditions of the concept of sustainable economic growth.

Key words: sustainable development, green economy, regional environmental projects, ESG-factors, support and incentives for environmental projects.

Citation. Anikina I.D., Anikin A.A., 2020. Methodological Tools of Management Decision Making on Supporting Regional Environmental Projects. *Regionalnaya ekonomika. Yug Rossii* [Regional Economy. South of Russia], vol. 8, no. 4, pp. 166-176. (in Russian). DOI: https://doi.org/10.15688/re.volsu.2020.4.15

УДК 330.322.5, 336.648.8 ББК 65.04, 65.053 Дата поступления статьи: 25.07.2020 Дата принятия статьи: 13.09.2020

Submitted: 25.07.2020

Accepted: 13.09.2020

МЕТОДИЧЕСКИЙ ИНСТРУМЕНТАРИЙ ПРИНЯТИЯ УПРАВЛЕНЧЕСКИХ РЕШЕНИЙ О ПОДДЕРЖКЕ РЕГИОНАЛЬНЫХ ЭКОЛОГИЧЕСКИХ ПРОЕКТОВ ¹

Ирина Дмитриевна Аникина

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Российская Федерация

© Аникина И.Д., Аникин А.А., 2020

Андрей Андреевич Аникин

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Российская Федерация

Аннотация. Целью исследования явилась разработка методического инструментария для обоснования инвестиционных решений относительно поддержки региональных экологических проектов со стороны государства и частных инвесторов. Проблема заключается в том, что традиционные показатели эффективности инвестиционных проектов, такие как чистая приведенная стоимость, бюджетная эффективность, в настоящее время недостаточно отвечают принципам устойчивой экономики, которые лежат в основе современной методологии принятия управленческих решений. Изучение мнений инвесторов показывает их возрастающую готовность учитывать при принятии инвестиционных решений и решений о финансировании проектов не только экономическую эффективность, но и влияние, оказываемое результатами деятельности компаний на окружающую среду, здоровье человека. В то же время остается дискуссионным вопрос о том, каким образом учитывать ESG-факторы (environment, social, governance) в оценках инвестиционных решений. Авторами предложена методика, которая будет способствовать обоснованности принятия управленческих решений относительно поддержки и стимулирования инвестиционных экопроектов. Методика предполагает последовательное прохождение этапов, на каждом этапе проекты проходят процедуру оценки на соответствие критериям, учитывающим интересы различных стейкхолдеров проекта (государство, инвесторов, общество) и расчет рейтингов: рейтинга ESG-факторов и рейтинга экономической эффективности экопроектов. Также авторы разработали матрицу принятия управленческих решений по поддержке инвестиционного экопроекта, основанную на анализе полученных рейтингов. Предложенные концептуальные подходы и модели позволяют уточнить методический инструментарий оценки эффективности экопроектов, способствуют совершенствованию теории и практики финансового менеджмента, гармонизации ESG-принципов и инвестиционного менеджмента, адекватных условиям концепции устойчивого экономического роста.

Ключевые слова: устойчивое развитие, «зеленая» экономика, региональные экологические проекты, ESG-факторы, поддержка и стимулирования экологических проектов.

Цитирование. Аникина И. Д., Аникин А. А., 2020. Методический инструментарий принятия управленческих решений о поддержке региональных экологических проектов // Региональная экономика. Юг России. Т. 8, № 4. С. 166–176. DOI: https://doi.org/10.15688/re.volsu.2020.4.15

Постановка проблемы

Повестка в области устойчивого развития регионов должна находить свое практическое воплощение в инвестиционной стратегии регионов и компаний. Современные реалии при принятии инвестиционных решений диктуют необходимость учета не только экономических, но и экологических и социальных эффектов как на уровне компании, так и на региональном уровне. Такой подход к принятию стратегических инвестиционных решений предполагает разработку эколого-экономической политики региона, которая ориентируется на поддержку инвестиционных решений, обладающих экологическими эффектами для региона (см. рис. 1).

Для обоснования принятия инвестиционных решений, связанных с поддержкой проектов, имеющих экологическую направленность, необходимо учитывать их соответствие региональным приоритетам и целям компании, для чего требуется ранжирование проектов на основе расчета рейтинга инвестиционного потенциала проектов, учитывающего ESG-факторы (environment, social, governance).

Анализ существующих подходов к принятию инвестиционных решений

Подход к учету ESG-факторов при принятии инвестиционных решений, получивший название «практики ESG-интеграции», находит все большее распространение среди инвесторов. Анализ мнений инвесторов и аналитиков [ESGинтеграция, 2019] показывает, что при принятии ими финансовых и инвестиционных решений данные практики получают все большее распространение. Рассматривая количественные данные исследований об инвесторах, принимающих во внимание ESG-факторы при принятии инвестиционных решений, отметим их значительный процент, а также убежденность инвесторов о росте важности этих факторов к 2022 году. При этом экологические факторы получают все большую значимость (см. табл. 1).

Анализируя ответы российских инвесторов, укажем, что влияние факторов корпоративного управления на цену ценных бумаг учитывается чаще, чем в мире в целом (81 % против 58 % в 2017 г. и 85 % против 65 % в 2022 г. — данные ответов о влиянии ESG-факторов на цену акций) и значительно реже принимаются во внимание

Механизм формирования эколого-экономической политики региона	Система поддержки и стимулирования экологических проектов
Разработка программы эколого-экономической	Оценка интересов инвесторов по показателям
политики региона	инвестиционных проектов
Механизмы стимулирования экологических	Оценка инвестиционного проекта по показателям
инициатив: организационный,	ESG и экономической эффективности
финансово-экономический	
Оценка финансовых возможностей регион	а по реализации разработанной программы
Реализация разработанной	Реализация инвестиционного проекта
эколого-экономической политики региона	
Оценка эффективности выполнения	Оценка эффективности реализации проекта
эколого-экономической политики региона	•
Корректировка решений	Корректировка инвестиционного портфеля

Рис. 1. Схема принятия стратегических инвестиционных решений с учетом интересов региона и инвесторов *Примечание*. Разработано авторами.

Таблица 1 Влияние ESG-факторов на цену финансовых активов, %

Год	E –	S –	G –	
	охрана окружающей среды	социальная ответственность	управление	
Вли	яние ESG-факторов на цену ан	кций, в том числе российские ин	весторы	
2017	23 / 7	23 / 11	58 / 81	
2022	52 / 26	46 / 30	65 / 85	
Влияние ESG-факторов на доходность / спрэды корпоративных облигаций				
2017	15 / 4	15 / 4	41 / 62	
2022	40 / 15	35 / 12	53 / 65	
Влияние ESG-факторов на доходность суверенного долга				
2017	12 / 4	18 / 15	35 / 42	
2022	31/8	32 / 12	44 / 38	

Примечание. Составлено по: [ESG-интеграция ..., 2019: 29].

при принятии инвестиционных решений факторы охраны окружающей среды (7 % по сравнению с 23 % в 2017 г. и 26 % по сравнению с 52 % прогноз к 2022 г.). По нашему мнению, значительное внимание факторам корпоративного управления в российской инвестиционной практике обусловлено низким уровнем защищенности прав акционеров в России. Так, по данным рейтинга Dong Business, в 2020 г. Россия получила 72 балла по показателю «защита миноритарных инвесторов», что значительно хуже этого показателя развитых стран: Новая Зеландия (3), Сингапур (3), Дания (28), США (36), Великобритания (7), Франция (45) [Doing business, 2020]. В то же время в массовом сознании (в том числе и инвесторов) остается устойчивым мнение о значительных и «безграничных» природных богатствах России и большом потенциале окружающей среды, что приводит к меньшему вниманию к экологическом факторам. По данным опросов (ВЦИОМ) 61 % населения позитивно оценивают состояние окружающей среды в том месте, где они живут, лишь 5 % опрошенных указали фактор «воздействие промышленных предприятий на окружающую среду» как наиболее острый и опасный на сегодняшний день (на 1-м месте с 21 % — проблемы мусора и его переработки) [Глобальные проблемы экологии, 2019]. Оценка рисков и возможностей, связанных с влиянием экологических факторов на стоимость акций, определялась инвесторами как «часто» в 7 %, влияющих на стоимость облигаций — в 4 % [ESG-интеграция ..., 2019: 45].

Таким образом, ESG-факторы в настоящее время имеют все больший вес при принятии инвестиционных решений. Факторы ESG-анализа используются для выявления рисков и оценки их влияния на доходность. Именно с неопределенностью оценки доходности связаны опасения инвесторов при принятии решений относительно вложений в финансовые активы. Опросы показывают, что российские инвесторы недостаточно понимают, какое влияние оказывают экологические и социальные факторы на стоимость бизнеса, также они отмечают, что именно позиция регулятора важна для учета ESG-факторов при принятии управленческих решений [ESG-интеграция ..., 2019: 47]. Поэтому поддержка и стимулирование экологических проектов со стороны государства важны для развития практики

ESG-интеграции и активизации позиции инвесторов относительно вложений в «зеленые» финансовые инструменты.

Оценка ESG-факторов при принятии управленческих решений происходит на разных уровнях и предполагает учет интересов того или иного уровня. Выделим следующие уровни принятия решений: 1) оценка влияния на региональный уровень (учет ESG-факторов при расчете общественной эффективности); 2) оценка влияния на принятие решений инвесторами (учет корреляции между ESG-факторами и изменением цен и доходности ценных бумаг компании); 3) оценка экономической эффективности проекта (учет влияния ESG-факторов при расчете ставки дисконтирования/при оценке реальных опционов). При этом представить единый метод определения всех значимых экологических аспектов и результатов представляется трудноосуществимым, что делает сложным учет всех последствий в процессе принятия управленческих решений. Выделим как негативный фактор отсутствие репрезентативных данных для анализа и оценки ESGфакторов при принятии управленческих решений.

Анализ зарубежного опыта показывает [ESG-интеграция ..., 2019: 24-26], что при рассмотрении инвестиционных предложений инвесторы учитывают ESG-факторы как компаний, так и стран (регионов). Если компания имеет низкие значения показателей ESG-факторов, это может служить сигналом к продаже ценных бумаг такой компании, если же компания имеет низкие значения показателей ESG-факторов при высоких значениях финансовых показателей (показатели доходности), то проводится дополнительный анализ для принятия решения. При прочих равных условиях инвестор выберет компанию/или страну (регион) с более высокими значениями ESGфакторов. При этом инвесторы обычно проводят качественный анализ таких факторов.

Российская система учета ESG-факторов при принятии управленческих решений находится в стадии становления. Составление публичной нефинансовой отчетности компаний не является обязательным, и российские стандарты такой отчетности существуют на стадии проектов. Для обоснования показателей, принимаемых к расчету при оценке экопроектов, рассмотрим систему показателей, подготовленных в рамках проекта ключевых показателей публичной нефинансовой отчетности [Проект Постановления Правительства РФ ..., 2019] и классифицированных по группам показателей: экономические, эко-

логические, социальные, управленческие. Отметим, что в настоящее время Минэкономразвития России подготовлен проект Федерального закона «О публичной нефинансовой отчетности», согласно которому «публичная нефинансовая отчетность - совокупность сведений и показателей, отражающих стратегию, цели, подходы к управлению и результаты деятельности организации в части социальной ответственности и устойчивого развития» [Проект Федерального закона ..., 2020]. Соответственно включение показателей нефинансовой отчетности в систему принятия управленческих инвестиционных решений будет способствовать росту инвестиционной привлекательности компаний. В настоящее время в Национальном регистре и библиотеке корпоративных нефинансовых отчетов, которую ведет РСПП, находятся отчеты 176 компаний, всего зарегистрировано отчетов – 924 за 2000–2017 годы. В их числе: экологические отчеты (ЭО) - 81, социальные отчеты (СО) – 326, отчеты в области устойчивого развития (ОУР) – 314, интегрированные отчеты - 176, отраслевые отчеты - 27 [РСПП, 2020].

Рассматривая вопросы приоритетности поддержки экологических проектов со стороны государства, отметим следующее. Во-первых, на господдержку могут претендовать проекты определённой направленности, которые государство выделило как приоритетные для текущей ситуации. К таким проектам экологической направленности, претендующим на государственную поддержку, относят: «проекты внедрения наилучших доступных технологий; проектирование, строительство, реконструкция: систем оборотного и бессточного водоснабжения; централизованных систем водоотведения (канализации), канализационных сетей, локальных (для отдельных объектов хозяйственной и (или) иной деятельности) сооружений и устройств по очистке сточных, в том числе дренажных, вод, по переработке жидких бытовых отходов и осадка сточных вод; сооружений и установок по улавливанию и утилизации выбрасываемых загрязняющих веществ, термической обработке и очистке газов перед их выбросом в атмосферный воздух; установка: оборудования по улучшению режимов сжигания топлива; оборудования по использованию, транспортированию, обезвреживанию отходов производства и потребления; автоматизированных систем, лабораторий по контролю за составом, объемом или массой сточных вод; автоматизированных систем, лабораторий (стационарных и передвижных) по контролю за составом загрязняющих веществ и объемом или массой их выбросов в атмосферный воздух; автоматизированных систем, лабораторий (стационарных и передвижных) по наблюдению за состоянием окружающей среды, в том числе компонентов природной среды; обеспечение полезного использования попутного нефтяного газа» [Федеральный закон № 7 ..., 2002].

Во-вторых, для обоснования господдержки и стимулирования инвестиционных проектов необходимо учитывать, помимо показателей экономической эффективности, дополнительные критерии, включающие значимость проекта для экологической среды региона и приоритетов экологической политики региона и стратегии его развития. Исследователи отмечают, как правило, незначительность экономической эффективности инвестиционных проектов, имеющих природоохранную направленность [Белик, 2013: 107-108]. Другие (например, [Коган, 2017]) указывают, что государственное софинансирование осуществляется при условии определения бюджетной эффективности инвестиционных проектов, которая выражается в приросте налоговых и неналоговых поступлений в бюджет: «При этом оценки частной и общественной эффективности носят справочный характер. Это положение не в полной мере соответствует концепции социально ориентированного бюджета: при принятии финансовых решений только по критерию наличия бюджетной эффективности не учитываются выгоды других субъектов экономики», что может приводить к поддержке проектов, не максимизирующих прирост благосостояния населения. А. Коган также отмечает, что бюджетное софинансирование в России получают проекты, обладающие бюджетной эффективностью, и в противовес этой практике полагает, что приоритет должен быть за проектами, имеющими общественную эффективность, «а показатели бюджетной эффективности должны играть второстепенную роль» [Коган, 2017: 17, 45]. Считаем данное мнение обоснованным, поэтому необходимо учитывать при принятии решений по поддержке экологических проектов экологическую эффективность.

Экологическая эффективность проекта является проявлением общественной эффективности. Как пример значимости экологических «выгод» от проекта приведем ситуацию с разливом дизельного топлива в Норильске из-за нарушения герметичности резервуаров. Экологическая катастрофа произошла 29 мая 2020 г. и была при-

знана катастрофой федерального уровня: в Норильске разлилось дизельное топливо объемом 20 тыс. тонн. Ущерб только водным объектам, по оценкам специалистов Greenpeace, может составить более 6 млрд долларов [Greenpeace оценил ..., 2020]. Предварительные оценки показывают значительный ущерб экологии региона: уровень загрязнения рек в регионе превышает нормативы в десятки раз, вода загрязнена на 20 км, толщина слоя нефтепродуктов — до 20 см, в реки (река Амбарная, река и озеро Пясино) пролилось около 15 тыс. т топлива [Трифонова, Сафиулина, 2020].

Специалисты отмечают, что катастрофу можно было бы предотвратить путем внедрения систем мониторинга. И Норильско-Таймырская энергетическая компания вела переговоры о покупке специального оборудования, отслеживающего появление трещин в резервуарах. Стоимость оборудования зависит от конкретного проекта, но стоимость подключения одного энергоблока составляет 20 млн руб., сопровождение – 10 млн рублей [Трифонова, Сафиулина, 2020]. При всей приблизительности текущих оценок, суммы ущерба природе и суммы затрат на мониторинг ситуации несопоставимы. В данном случае отметим, что постановка задачи внедрения обязательного мониторинга неблагоприятных ситуаций лежит и на государственных структурах и ведомствах, не являясь проблемой исключительно компаний. Недооценка экологических «выгод» проекта приводит к выводам о невыгодности подобных проектов для компаний, наличие явных затрат, связанных с реализацией проекта, при недооценке общественной эффективности может приводить к росту экологических рисков и экологическим катастрофам.

Вариантами учета значимости экологических приоритетов являются следующие: 1) учет показателей предотвращенного экологического ущерба в результаты проекта (учет в доходной части проекта), что на практике не влияет существенно на результат экономической эффективности проекта (по оценкам [Белик, 2013: 108]); 2) использование модели «анализ – результативность». В качестве интегральной оценки эффективности инвестиционного экопроекта целесообразно применение рейтинговых оценок.

Рейтинговые оценки являются распространенным инструментом для принятия различных управленческих решений, в том числе и инвестиционных, поскольку позволяют учесть множество разных факторов и их значимость, имеющих приоритетное значение в определенной ситуации. Рейтинговые оценки при принятии инвестиционных решений предлагаются в методиках И. Белик [Белик, 2013], И. Аникиной [Аникина, 2011] и других исследователей. Так, И. Белик предлагает рассчитывать рейтинг на основе учета стандартных (NPV, IRR, PP) и нестандартных (дополнительных) критериев (размер предотвращенного ущерба, эластичность выбросов (сбросов) по объему производства, отношение предотвращенного ущерба к затратам по проекту, сокращение риска здоровью населения от улучшения качества окружающей среды, отношение бюджетного эффекта к затратам по проекту).

Отметим, что методика И. Белик не учитывает такие важные, по нашему мнению, аспекты, как взаимообусловленность изменения экологических и экономических показателей. Методика И. Аникиной предполагает многокритериальный выбор проекта с учетом различных факторов, учитывающих интересы различных стейкхолдеров проекта: инвесторов, государство (регион), население. Кроме этого, методика учитывает «роль» проекта в инвестиционном портфеле компании, что позволяет принимать обоснованные решения относительно формирования инвестиционного портфеля компании. В то же время в методике подробно не рассматриваются ESG-факторы, в том числе экологические показатели проектов.

В-третьих, авторы убеждены, что оценку проектов необходимо проводить, учитывая имеющийся инвестиционный региональный портфель проектов, а также инвестиционный портфель у компаний посредством установления стратегических приоритетов для регионов и компаний. Отметим важность системного портфельного подхода к инвестиционным решениям: «Может показаться, что каждый проект в отдельности приносит организации пользу. Но, рассматривая их в комплексе, получаем иную картину. Одни проекты могут иметь совершенно противоположные задачи, другие - просто дублировать друг друга, а третьи – преследовать устаревшие цели. При этом все проекты борются за получение ограниченных ресурсов. Такой неумышленный разлад в портфеле проектов приводит к затратам драгоценного времени и энергии, уменьшает прибыль компании и совершенно не подготавливает ее к будущему» [Бенко, Мак-Фарлан, Уоррен, 2007: 10]. Формирование «правильного» портфеля проектов поможет и региону, и организации повысить свою инвестиционную привлекательность и увеличить стоимость.

В-четвертых, процесс формирования инвестиционных портфелей традиционно реализуется на основе показателей, учитывающих денежные потоки для различных стейкхолдеров (акционеров, инвесторов, региона и т. д.) и риски. Это такие показатели, как чистая приведенная стоимость (NPV), срок окупаемости, внутренняя норма доходности, рентабельность инвестиций. Их значимость не ставится под сомнение при принятии инвестиционных и финансовых решений.

Методика принятия управленческих решений относительно поддержки региональных экологических проектов

Авторская методика оценки инвестиционного проекта основана на учете следующих эффектов: 1) учет финансовых и нефинансовых показателей; 2) учет взаимовлияния экологических и экономических показателей; 3) учет интересов различных стейкхолдеров: государство, регион, компания. Предлагаемый методический подход состоит из следующих стадий:

- 1) формирование пула проектов, на этом этапе формируется пул проектов экологической направленности;
- 2) первоначальный отбор проектов по критериям: а) соответствие стратегическим приоритетам государства; б) соответствие стратегии развития региона / решение региональных экологических проблем. К следующему этапу допускаются проекты, соответствующие критериям а) и б);
- 3) оценка эффектов проектов: а) экологических эффектов проекта (темпы прироста/снижения по показателям); б) социальных эффектов проекта (темпы прироста/снижения по показателям); в) бюджетных эффектов проекта (в сравнении со среднерегиональным значением); г) экономической эффективности проекта по показателям (см. табл. 2).

Расчет интегрального рейтинга (индекса) проекта (R_i) :

$$R_{i} = \sqrt{\sum_{i=1}^{n} p_{i} (1 - \omega)^{2}},$$
 (1)

где ω — нормированное значение i-го показателя; $\omega = 1 - \frac{x}{x_n}$ — для показателей, характеризующих прямой эффект; $\omega = 1 - \frac{x_n}{x}$ — для показателей, характеризующих обратный эффект; x — фактическое значение показателя; x_n — целевое / «нормальное» значение показателя; p_i — вес i-го показателя, сумма p_i равна 1,00.

Рейтинг рассчитывается по показателям экологических «выгод» проекта, социальных эффектов и бюджетных эффектов. Итоговое значение рейтинга инвестиционного проекта отражает степень приближения ключевых показателей к цели / «нормальному» значению, минимальное значение рейтинга будет свидетельствовать о наилучшем проекте.

Показатели экономической эффективности проекта учитываются на следующем этапе принятия управленческих решений, которые систематизированы в матрице (рис. 2).

Сектор 1. Высокое значение рейтинга экономической эффективности (низкие финансовые показатели проекта) и низкие значения рейтинга ESG-факторов – требуется дополнительный анализ проекта на предмет оценки его общественной значимости. В случае признания общественной значимости, соответствия национальным приоритетам государства и региона проект может получить господдержку.

Сектор 2. Низкие значения ожидаемой финансовой доходности проекта и высокий рейтинг ESG-факторов, свидетельствующий о низком соответствии принципам «зеленой» экономики, – проект не получает поддержки инвесторов.

Сектор 3. Проект имеет высокие значения и финансовых показателей эффективности проекта (NPV), и высокое соответствие ESG-принципам – проект может получить поддержку как частных инвесторов, так и господдержку.

Сектор 4. Проект имеет хорошие показатели экономической эффективности, высокую ожидаемую финансовую доходность при низких значениях ESG-факторов. В этом случае необходим дополнительный анализ проекта на предмет оценки его соответствия целям инвестора и оценки взаимодействия с компанией. Если проект имеет высокую значимость для компании и хорошие перспективы взаимодействия с инвесторами относительно понимания философии устойчивого развития, то может

Таблица 2

Система показателей оценки инвестиционных проектов

	•		
Экологические	Размер предотвращенного ущерба, тыс. руб.		
эффекты	Плата за НВОС и другие экологические платежи, тыс. руб.		
	Снижение вероятности экологических катастроф и уровня		
	экологических угроз человеку, %		
	Снижение выбросов в воздух, в водные объекты, %		
	Снижение отходов производства (I–IV классов опасности), %		
	Снижение энергопотребления, %		
	Другие «выгоды»		
Социальные	Снижение количества заболеваний, %		
эффекты	Рост продолжительности жизни населения, %		
	Снижение травматизма, %		
Бюджетные	Прямые: сумма налогов в бюджеты, тыс. руб.		
эффекты	Косвенные: рост заработной плата работников, %		
	Косвенные: рост новых рабочих мест, %		
Экономическая	Чистая текущая стоимость (NPV), тыс. руб.		
эффективность	Внутренняя норма доходности (IRR), %		
	Дисконтированный период окупаемости (DPP), месяцев		
	Индекс рентабельности инвестиций, отн. ед.		

Примечание. Разработано авторами.

Высокое значение	Сектор 1. Дополнительный анализ,	Сектор 2. Принятие решения об
рейтинга	господдержка инвестпроекта в	отказе от поддержки инвестпроекта
экономической	случае высокой общественной	
эффективности	значимости	
Низкое	Сектор 3. Принятие решения о	Сектор 4. Дополнительный анализ,
значение	поддержке проекта	принятие решения о поддержке
рейтинга		инвестпроекта в случае соответствия
экономической		целям инвесторов
эффективности		
	Низкий рейтинг ESG-факторов	Высокий рейтинг ESG-факторов

Рис. 2. Матрица принятия управленческих решений по поддержке инвестиционного экопроекта *Примеча*ние. Разработано авторами.

быть принято положительное решение о финансировании проекта.

Приведем пример расчета интегрального рейтинга проектов: имеются проекты экологической направленности, характеризующиеся следующими показателями (табл. 3). Все проекты прошли этап 1 и соответствуют стратегическим приоритетам государства и региона.

На основе данных, представленных в таблице 3, рассчитывается рейтинг каждого проекта по формуле 1. Для расчета представим таблицы нормированных значений показателей.

На основании данных таблицы 4 рассчитаем рейтинг инвестиционных проектов (см. табл. 5).

Приведенные расчеты (табл. 5) показывают, что проект A, имеющий наилучший общий

Показатели	Проект А	Проект Б	Проект В	Наилучшее значение
1. Экологические «вь	ігоды» проек	та	I	
1.1. Сокращение ущерба, тыс. руб.	5 000	2 500	0	5 000
1.2. Снижение выбросов в воздух, %	2	5	7	7
1.3. Снижение выбросов в водные объекты, %	3	4	3	4
1.4. Снижение отходов производства (I–IV классов опасно-	5	1	4	5
сти), %				
1.5. Снижение энергопотребления, %	0	7	5	7
2. Социальные эффекты				
2.1. Снижение количества заболеваний, %	Да / 1	н. д. / 0	Да / 1	1
2.2. Рост продолжительности жизни населения, %	Да / 1	н. д. / 0	Да / 0	1
2.3. Снижение травматизма, %	5	Н. Д.	3	5
3. Бюджетные	эффекты			
3.1. Сумма налогов в бюджеты, тыс. руб.	1 500	7 000	10 000	10 000
3.2. Рост заработной платы работников, %	5	7	4	7
3.3. Рост новых рабочих мест, %	1,5	2	3	3
4. Экономическая э	ффективност	Ь		-
4.1. Чистая текущая стоимость (NPV), тыс. руб.	35 000	40 000	26 000	40 000
4.2. Внутренняя норма доходности (IRR), %	12	34	18	34
4.3. Дисконтированный период окупаемости (DPP), месяцев	2,92	4,8	10,0	2,92
4.4. Индекс рентабельности инвестиций	1,92	1,40	1,27	1,92

Примечание. Расчеты авторов.

Таблица 4 Система нормированных значений показателей по инвестиционным экопроектам

Показатели	Проект А	Проект Б	Проект В	
1. Экологические эффекты проекта				
1.1. Сокращение ущерба, тыс. руб.	1,00	0,50	0,00	
1.2. Снижение выбросов в воздух, %	0,29	0,71	1,00	
1.3. Снижение выбросов в водные объекты, %	0,75	1,00	0,75	
1.4. Снижение отходов производства (I-IV классов опасно-	1,00	0,20	0,80	
сти), %				
1.5. Снижение энергопотребления, %	0,00	1,00	0,71	
2. Социальные эффект	Ы			
2.1. Снижение количества заболеваний, %	1	0	1	
2.2. Рост продолжительности жизни населения, %	1	0	0	
2.3. Снижение травматизма, %	1	0	0,60	
3. Бюджетные эффекти	J.			
3.1. Сумма налогов в бюджеты, тыс. руб.	0,15	0,70	1,00	
3.2. Рост заработной платы работников, %	0,71	1,00	0,57	
3.3. Рост новых рабочих мест, %	0,50	0,67	1,00	
4. Экономическая эффектив	вность		•	
4.1. Чистая текущая стоимость (NPV), тыс. руб.	0,88	1,00	0,65	
4.2. Внугренняя норма доходности (IRR), %	0,35	1,00	0,53	
4.3. Дисконтированный период окупаемости (DPP), месяцев	1,00	0,61	0,29	
4.4. Индекс рентабельности инвестиций	1,00	0,21	0,66	

Примечание. Расчеты авторов.

Таблица 5

Рейтинговая оценка инвестиционных экопроектов

Показатели	Проект А	Проект Б	Проект В	Значимость
				показателей
1. Экологические эфф				
1.1. Сокращение ущерба, тыс. руб.	0,00	0,50	1,00	1
1.2. Снижение выбросов в воздух, %	1,23	0,50	1,73	3
1.3. Снижение выбросов в водные объекты, %	0,43	1,73	0,43	3
1.4. Снижение отходов производства (I–IV классов опасно-	1,73	1,39	0,34	3
сти), %				
1.5. Снижение энергопотребления, %	1,41	0,00	0,41	2
Рейтинг 1	4,8	4,12	3,91	
2. Социальные	эффекты			
2.1. Снижение количества заболеваний, %	0,00	1,41	0,00	2
2.2. Рост продолжительности жизни населения, %	0,00	1,41	1,41	2
2.3. Снижение травматизма, %	0,00	1,41	0,57	2
Рейтинг 2	0,00	4,23	1,98	
3. Бюджетные эффекты				
3.1. Сумма налогов в бюджеты, тыс. руб.	1,20	0,42	0,00	2
3.2. Рост заработной платы работников, %	0,41	0,00	0,61	2
3.3. Рост новых рабочих мест, %	0,71	0,47	0,00	2
Рейтинг 3	2,32	0,89	0,61	
Рейтинг ESG-факторов	7,12	9,24	6,5	
4. Экономическая эф	фективности	b		
4.1. Чистая текущая стоимость (NPV), тыс. руб.	0,21	0,00	0,61	3
4.2. Внутренняя норма доходности (IRR), %	0,92	0,00	0,66	2
4.3. Дисконтированный период окупаемости (DPP), месяцев	0,00	0,39	0,71	1
4.4. Индекс рентабельности инвестиций	0,00	0,79	0,34	1
Рейтинг 4	1,13	1,18	2,29	
Общий рейтинг	8,25	10,42	8,79	

Примечание. Расчеты авторов.

рейтинг, достигает преимущества за счет высоких показателей экономической эффективности, при этом он имеет не лучший рейтинг по ESG-показателям. Проект *В* при наилучших значениях ESG-факторов показывает наихудшие экономические результаты.

Для принятия решений о финансовой поддержке того или иного проекта предлагается воспользоваться матрицей принятия решений (см. рис. 2). Проекты A и B попадают в сектор 4, проект B – в сектор 2. При этом проект B обладает низкой экономической привлекательностью при наилучшем соответствии ESG-принципам, но недостаточно превосходит проекты А и Б по данному критерию, поэтому наименее интересен для инвестирования. Сравнивая проекты A и B, отметим, что проект Bпроигрывает А как по экономической привлекательности, так и по показателям ESG-факторов, поэтому может быть исключен из дальнейшего рассмотрения при ограниченности финансовых ресурсов. Проекты A и B в сравнении с B обладают лучшей экономической привлекательностью, а значения ESG-факторов ненамного ниже и могут быть интересны как с коммерческой точки зрения, так и претендовать на господдержку.

Заключение

Проведенное исследование позволило прийти к следующим выводам: в современной экономике инвестиционные и финансовые решения принимаются инвесторами на основе учета не только доходности проектов, но и ESG-факторов (environment, social, governance), что соответствует философии устойчивого экономического роста и принципам «зеленой» экономики. Но существуют проблемные точки, связанные с недостаточностью статистических данных, методических разработок и пониманием того, как именно экологические факторы оказывают влияние на уровни доходности и риска проектов и компаний. В связи с этим вопросы обоснования финансовых решений относительно инвестирования экопроектов являются актуальными. Авторами предложена методика оценки инвестиционной привлекательности проектов с учетом экологической значимости проектов и взаимообусловленности экономических и экологических показателей, что позволит повысить объективность принятия управленческих решений о поддержке и стимулировании экологических проектов.

ПРИМЕЧАНИЕ

 1 Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-010-00356. The reported study was funded by RFBR according to the research project no. 19-010-00356.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

- Аникина И. Д., 2011. Финансово-инвестиционная стратегия корпорации в социально ориентированной экономике. Волгоград: Радуга. 352 с.
- Белик И. С., 2013. Эколого-экономическая безопасность: учеб. пособие. Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та. 224 с.
- Бенко К., Мак-Фарлан Уоррен Ф., 2007. Управление портфелями проектов: соответствие проектов стратегическим целям компании. М.: Вильямс. 240 с.
- Глобальные проблемы экологии. 31.10.2019, 2019 // Сайт ФОМ. URL: https://fom.ru/Obraz-zhizni/14281 (дата обращения: 01.07.2020).
- Коган Антон Борисович, 2017. Финансирование инвестиционных процессов на федеральном, региональном и корпоративном уровнях: теория, методология, инструментарий: автореф. дис. ... д-ра экон. наук. Новосибирск. 56 с.
- Проект Постановления Правительства РФ «Об утверждении перечня ключевых (базовых) показателей публичной нефинансовой отчетности» (по состоянию на 17.05.2019) (подготовлен Минэкономразвития России), 2019. URL: http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&ts=1220835955003344427124358296&cacheid=E448103365427AD54E20897878D5F97F&mode=splus&base=PNPA&n=47551&rnd=C8A6B3C3CFCE0FCCFA04167A26975C74#1tfdwm2saso(дата обращения: 02.06.2020).
- Проект Федерального закона «О публичной нефинансовой отчетности», 2020. URL: http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=PRJ&n=167355&dst=#0 5714209808229878 (дата обращения: 02.06.2020).
- РСПП: сайт, 2020. URL: http://pcпп.pф/simplepage/natsionalnyy-registr-i-biblioteka-korporativnykh-nefinansovykh-otchetov/(дата обращения: 02.06.2020).
- Трифонова П., Сафиулина А., 2020. Катастрофы в Норильске можно было избежать // Сайт Ведомости. URL: https://www.vedomosti.ru/business/articles/2020/06/04/831946-katastrofi-mozhno-bilo-izbezhat (дата обращения: 05.07.2020).
- Федеральный закон № 7 «Об охране окружающей среды» от 10.01.2002, 2002 // Сайт КонсультантПлюс. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34823/ (дата обращения: 19.07.2020).
- Doing business, 2020 // Сайт Всемирного банка. URL: https://russian.doingbusiness.org/ru/rankings (date of access: 02.06.2020).

- ESG-интеграция: рынки, методы и данные, 2019 // Сайт CFA Institute. URL https://www.unpri.org/download?ac=9522 (date of access: 01.06.2020).
- Greenpeace оценил экологический ущерб от аварии в Hopuльске, 2020 // Caйт Greenpeace. URL: https:// greenpeace.ru/news/2020/06/03/25629/ (date of access: 08.06.2020).

REFERENCES

- Anikina I.D., 2011. Finansovo-investitsionnaya strategiya korporatsii v sotsialno oriyentirovannoy ekonomike [Financial and Investment Strategy of a Corporation in a Socially Oriented Economy]. Volgograd, Raduga Publ. 352 p.
- Belik I.S., 2013. *Ekologo-ekonomicheskaya bezopasnost: ucheb. posobiye* [Ecological and Economic Security: Textbook. Manual]. Yekaterinburg, Izd-vo Uralskogo un-ta. 224 p.
- Benko K., Mak-Farlan Uorren F., 2007. *Upravleniye* portfelyami proyektov: sootvetstviye proyektov strategicheskim tselyam kompanii [Project Portfolio Management: Project Compliance with the Companys Strategic Goals]. Moscow, Vilyams Publ. 240 p.
- Globalnyye problemy ekologii. 31.10.2019, 2019 [Global Problems of Ecology. 31.10.2019]. *Sajt FOM* [Website of FOM]. URL: https://fom.ru/Obraz-zhizni/14281 (accessed 1 July 2020).
- Kogan Anton Borisovich, 2017. Finansirovaniye investitsionnykh protsessov na federalnom, regionalnom i korporativnom urovnyakh: teoriya, metodologiya, instrumentariy: avtoref. dis. ... d-ra ekon. nauk [Financing Investment Processes at the Federal, Regional and Corporate Levels: Theory, Methodology, Tools. Dr. econ. sci. abs. diss.]. Novosibirsk. 56 p.
- Proyekt Postanovleniya Pravitelstva RF «Ob utverzhdenii perechnya klyuchevykh (bazovykh) pokazateley publichnoy nefinansovoy otchetnosti» (po sostovaniyu na 17.05.2019) (podgotovlen Minekonomrazvitiya Rossii), 2019 [Draft Resolution of the Government of the Russian Federation "On Approval of the List of Key (Basic) Indicators of Public Non-Financial Reporting" (as of 05/17/2019) (Prepared by the Ministry of Economic Development of Russia)]. URL: http://www. consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&ts= 1220835955003344427124358296&cacheid= E448103365427AD54E20897878D5F97 F&mode=splus&base=PNPA&n=47551&rnd= C8A6B3C3CFCE0FCCFA04167A26975C74#1tfdwm 2saso (accessed 2 June 2020).
- Proyekt Federalnogo zakona «O publichnoy nefinansovoy otchetnosti», 2020 [Draft Federal Law "On Public Non-Financial Reporting"]. URL: http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=

- doc&base=PRJ&n=167355&dst=#05714209808229878 (accessed 2 June 2020).
- RSPP: sayt, 2020 [Website of RUIE]. URL: http://pcпп.pф/simplepage/natsionalnyy-registr-i-biblioteka-korporativnykh-nefinansovykh-otchetov/(accessed 02 June 2020).
- Trifonova P., Safiulina A., 2020. Katastrofy v Norilske mozhno bylo izbezhat [The Catastrophe in Norilsk Could Have Been Avoided]. *Sajt Vedomosti* [Website of Vedomosti]. URL: https://www.vedomosti.ru/business/articles/2020/06/04/831946-katastrofi-mozhno-bilo-izbezhat (accessed 05 July2020).
- Federalnyy zakon № 7 «Ob okhrane okruzhayushchey sredy» ot 10.01.2002, 2002 [Federal Law "On Environmental Protection" Dated 10.01.2002, 2002]. Sayt KonsultantPlyus [Website ConsultantPlus].

- URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34823/ (accessed 19 July 2020).
- Doing Business, 2020. Sajt Vsemirnogo banka [Website of The World Bank]. URL: https://russian.doingbusiness.org/ru/rankings (accessed 2 June 2020).
- ESG-integraciya: rynki, metody i dannye, 2019 [ESG Integration: Markets, Methods and Data]. *Sajt CFA Institute* [Website of CFA Institute]. URL: https://www.unpri.org/download?ac=9522 (accessed 2 June 2020).
- Greenpeace otsenil ekologicheskiy ushcherb ot avarii v Norilske, 2020 [Greenpeace Assessed Environmental Damage from the Accident in Norilsk]. *Sajt Greenpeace* [Website of Greenpeace]. URL: https://greenpeace.ru/news/2020/06/03/25629/ (accessed 8 June 2020).

Information About the Authors

Irina D. Anikina, Doctor of Sciences (Economic), Professor, Head of the Department of Economic Security and Accounting, Volgograd State University, Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russian Federation, anikina@volsu.ru, https://orcid.org/0000-0003-0869-5655

Andrey A. Anikin, Postgraduate, Department of Applied Mathematics and Mathematical Methods in Economics, Volgograd State University, Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russian Federation, theandnk@yahoo.com, https://orcid.org/0000-0002-6960-4158

Информация об авторах

Ирина Дмитриевна Аникина, доктор экономических наук, профессор, заведующая кафедрой экономической безопасности и бухгалтерского учета, Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Российская Федерация, anikina@volsu.ru, https://orcid.org/0000-0003-0869-5655

Андрей Андреевич Аникин, аспирант кафедры прикладной математики и математических методов в экономике, Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Российская Федерация, theandnk@yahoo.com, https://orcid.org/0000-0002-6960-4158

Научно-практический журнал «Региональная экономика. Юг России» предназначен для ученых-экономистов, историков, социологов, политиков и практиков, для преподавателей, аспирантов и студентов, а также для всех интересующихся проблемами

территориального развития.

В журнале публикуются материалы, содержащие вопросы теории и практики пространственной экономики, а также практические рекомендации по усилению конкурентных преимуществ, повышению устойчивости и укреплению экономической безопасности территориальных социохозяйственных систем Южного федерального округа разного уровня иерархии.

Авторами журнала могут быть научные сотрудники, аспиранты и докторанты, преподаватели, руководители предприятий, представители региональных органов власти как регионов ЮФО, так и других субъектов РФ.

Уважаемые читатели!

Подписка на I полугодие 2021 года осуществляется по «Объединенному каталогу. Пресса России. Газеты и журналы». Т. 1. Подписной индекс 40635.

Стоимость подписки на I полугодие 2021 года 1493 руб. 62 коп. Распространение журнала осуществляется по адресной системе.

Адрес редакции и издателя:

400062 г. Волгоград, просп. Университетский, 100. Волгоградский государственный университет. Факс: (8442) 46-18-48

Адрес типографии:

400062 г. Волгоград, ул. Богданова, 32.

Почтовый адрес:

400062 г. Волгоград, просп. Университетский, 100. Издательство Волгоградского государственного университета

E-mail: izvolgu@volsu.ru

Редактор *С.А. Астахова* Редактор английских текстов *Ю.В. Чеметева* Верстка *Ю.А. Усковой* Техническое редактирование *О.Н. Ядыкиной* Оформление обложки *Н.Н. Захаровой*

Подписано в печать 08.10 2020 г. Дата выхода в свет: 25.12 2020 г. Формат 60×84/8. Бумага офсетная. Гарнитура Таймс. Усл. печ. л. 17,0. Уч.-изд. л. 18,3. Тираж 500 экз. (1-й завод — 1—70 экз.). Заказ 167. «С» 25.

Свободная цена

УВАЖАЕМЫЕ АВТОРЫ!

Научно-практический журнал «Региональная экономика. Юг России» (Волгоградский государственный университет) издается с 2013 г., с 2016 г. является официальным информационным партнером Общероссийского форума стратегов.

Журнал включен с 6 июня 2017 г. в «Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук».

Журнал включен в базы РИНЦ (Россия), ProQuest (США), ULRICHSWEB Global Serials Directory (США), OCLC WorldCat (США), Magyar Tudományos Müvek Tára (Венгрия), MIPP International (США). Каждой статье присваивается DOI (Digital Object Identifier).

ЖУРНАЛ ВКЛЮЧАЕТ СЛЕДУЮЩИЕ ОСНОВНЫЕ РАЗДЕЛЫ:

- 1. Фундаментальные исследования пространственной экономики.
- 2. Условия, ресурсы, факторы и механизмы развития Юга России.
- 3. Стратегии, программы и проекты модернизации хозяйственной системы Южного макрорегиона.
- 4. Агропромышленный и природохозяйственный комплексы Юга России: проблемы и перспективы развития.
- 5. Финансовый механизм регулирования социально-экономического развития субъектов Южного макрорегиона.
 - 6. Экономика местного самоуправления и развития муниципальных образований южных регионов.
 - 7. Инновационный вектор развития предприятий Юга России.

Журнал выходит в свет 4 раза в год. Материалы в № 1 принимаются до 10 января, в № 2 – до 1 апреля, в № 3 – до 20 мая, в № 4 – до 10 сентября.

Статьи принимаются как на русском, так и на английском языке.

Обязательно наличие следующих сопроводительных документов:

- данные об авторе статьи, включающие фамилию, имя, отчество полностью, ученую степень и ученое звание, контактную информацию (место работы и должность автора, почтовый адрес, телефон, e-mail);
- письменное обязательство автора (авторов) статьи в том, что он (они) не опубликует ее в других печатных и/или электронных изданиях до выхода в свет журнала «Региональная экономика. Юг России» с данной статьей.

ОБЯЗАТЕЛЬСТВО
Я (мы),, Ф. И.О., должность и место работы
обязуюсь (емся) не подавать принятую к публикации в журнале «Региональная экономика. Юг России» статью «Название» в иные периодические издания или сборники.
Подписи, дата

ОФОРМЛЕНИЕ ТЕКСТА

Требования к авторским оригиналам на электронном носителе:

- материал должен быть представлен в формате Microsoft Word (2003–2007); если текст статьи включает много графического и табличного материала, необходимо ее архивировать;
 - имя файла должно быть набрано латиницей и отражать фамилию автора (например: Ivanova.doc.);
- электронная версия должна точно соответствовать представленному авторскому оригиналу на бумажном носителе.

Параметры статьи	Требования
Объем статьи	– для молодых ученых (авторов без ученой степени) – 10–12 стр.;
	– кандидатов наук – 12–15 стр.;
	– докторов наук – 16–20 стр.
Содержание статьи	Статьи должны быть посвящены актуальным проблемам науки, содержат
,,,, ,	четкую постановку цели и задач исследования, строгую научную аргумен
	тацию, обобщения и выводы, представляющие интерес своей новизной
	научной и практической значимостью.
	Текст стать и должен быть тщательно отредактирован и подписан всеми авто
	рами в печать. Авторы должны указать раздел, в который следует поместит статью, дать индексы по Универсальной десятичной классификации (УДК) в Библиотечно-библиографической классификации (ББК).
	Заглавия научных статей должны быть информативными; в них следуе
	использовать только общепринятые сокращения.
	Изложение материала рекомендуется вести по следующему плану: поста
	новка проблемы; обзор литературы и методы; результаты, обсуждени (с выделением тематических подразделов); заключение; благодарности
	список источников; сведения об авторах.
	При использовании в тексте сокращенных названий необходимо давать и расшифровку; следует ограничиваться общепринятыми сокращениями
	избегать новых без достаточных на то оснований.
	При выборе единиц измерения следует руководствоваться системой еди
	ниц физических величин согласно ГОСТу 8.417-2002.
	При описании методики следует ограничиваться оригинальной ее частью.
	Географические названия должны соответствовать атласу последнего год
	издания
Поля	2 см с каждой стороны
Межстрочный интер-	
вал текста всей ста-	
тьи, включая УДК,	1,5
ББК, аннотацию,	
ключевые слова, спи-	
сок литературы	
Гарнитуры шрифта	Times New Roman. Если необходимо применить шрифт особой гарнитури (при наборе греческих, арабских и т. п. слов, специальных символов)
	нужно пользоваться шрифтами, устанавливаемыми системой Windows по
	умолчанию. Если в работе есть редко используемые шрифты, их (все се
	мейство) нужно предоставить вместе с файлом
Размер	– текст статьи – 14;
шрифта	- аннотация, ключевые слова, названия библиографических источников
	списке литературы – 12
Абзацный отступ	1,25 см (автоматически)
Название статьи	 набирается прописными буквами полужирным шрифтом;
	– выравнивание – по центру;
	– до и после названия делается отступ в 1,5 интервала
Ф. И. О. автора	– выполняется курсивом;
(авторов)	– выравнивание – по центру
Место работы, город,	– располагаются под Ф. И. О.;
страна	набираются строчными буквами (без курсива);
	– наоправотел строчными буквами (без курсива), – выравнивание – по центру
Све дения об авто-	 указываются в конце статьи после списка источников на английском
ре (авторах)	русском языках: Ф. И. О., ученая степень, звание; должность, место рабо
pe (abropas)	ты, адрес организации; e-mail, ORCID ID каждого автора

Параметры статьи	Требования
Аннотация	- печатается с абзацным отступом через строку после места ра-
	боты автора;
	– объем – 200–220 слов;
	– аннотация должна быть информативной (без общих фраз); содер-
	жательной (цель, методы, результаты, выводы); структурированной
	(следовать логике описания результатов в статье)
Ключевые слова	– объем – 10–11 слов или словосочетаний, которые должны от-
	ражать дисциплину (область науки, в рамках которой написана
	статья), тему, цель, объект исследования;
	- словосочетание «Ключевые слова:» выделяется полужирным
	шрифтом, курсивом, с абзацным отступом;
	– сами ключевые слова набираются курсивом

Название статьи, Ф.И.О. автора(ов), место работы, город, страна, аннотация, ключевые слова сначала печатаются на английской языке. Далее вся эта информация через отступ в 1,5 интервала дублируется на русском языке. В переводе заглавий статей на английский язык не должно быть транслитераций с русского языка, кроме непереводимых названий имен собственных, приборов и других объектов, имеющих собственные названия; также не используется непереводимый сленг, известный только русскоговорящим специалистам.

Аннотации на английском языке должны быть написаны на качественном английском языке. При переводе заглавия статьи и аннотации на английский язык особое внимание следует обратить на необходимость использования англоязычной специальной терминологии для понимания текста зарубежными специалистами. Нужно использовать активный, а не пассивный залог

Текст, заключенный в рамки и другие фигуры Слово «Таблица» и ее номер — выравнивание — по правому краю Название таблиц — выделяются полужирным шрифтом; — выравнивание — по центру; — интервал — 1,5 Таблицы — должны быть вставлены, а не нарисованы из линий автофигур; — не следует выравнивать столбцы и ячейки пробелами либо табуляцией Ссылка на источник Набирается словами «Источник:» или «Примечание. Составлен
ры Слово «Таблица» и — набираются курсивом; ее номер — выравнивание — по правому краю Название таблиц — выделяются полужирным шрифтом; — выравнивание — по центру; — интервал — 1,5 Таблицы — должны быть вставлены, а не нарисованы из линий автофигур; — не следует выравнивать столбцы и ячейки пробелами либо та буляцией
Слово «Таблица» и — набираются курсивом; ее номер — выравнивание — по правому краю Название таблиц — выделяются полужирным шрифтом; — выравнивание — по центру; — интервал — 1,5 Таблицы — должны быть вставлены, а не нарисованы из линий автофигур; — не следует выравнивать столбцы и ячейки пробелами либо табуляцией
ее номер — выравнивание — по правому краю Название таблиц — выделяются полужирным шрифтом; — выравнивание — по центру; — интервал — 1,5 Таблицы — должны быть вставлены, а не нарисованы из линий автофигур; — не следует выравнивать столбцы и ячейки пробелами либо та буляцией
Название таблиц — выделяются полужирным шрифтом; — выравнивание — по центру; — интервал — 1,5 Таблицы — должны быть вставлены, а не нарисованы из линий автофигур; — не следует выравнивать столбцы и ячейки пробелами либо та буляцией
 выравнивание – по центру; интервал – 1,5 Таблицы должны быть вставлены, а не нарисованы из линий автофигур; не следует выравнивать столбцы и ячейки пробелами либо та буляцией
 – интервал – 1,5 Таблицы – должны быть вставлены, а не нарисованы из линий автофигур; – не следует выравнивать столбцы и ячейки пробелами либо та буляцией
Таблицы — должны быть вставлены, а не нарисованы из линий автофигур; — не следует выравнивать столбцы и ячейки пробелами либо та буляцией
 не следует выравнивать столбцы и ячейки пробелами либо та буляцией
буляцией
Ссылка на источник Набирается сповами «Источник» или «Примечание Составлен
Cobstitution in the contraction coolers with the contraction of the coolers of th
под таблицами, ри- по:» Далее в квадратных скобках указывается источник из списк
сунками литературы.
Пример:
Примечание. Составлено по: [Фамилия автора (ов), год: страница
(при необходимости)], например: [Иванов, 2017: 15]; для источников без авторства [первые три слова из названия источника
год: страница (при необходимости)], например: [Указ Президент РФ, 2016],
или
Источник: [так же].
Схемы, диаграммы Должны быть выполнены узорчатыми способами заливки и н
и рисунки иметь цветовых выделений (для черно-белой печати)
Номер, название ри- – располагаются под рисунком;
сунков – выделяется полужирным шрифтом;
– выравнивание – по центру;
– интервал – 1,5

Формулы, таблицы,	Оформление должно осуществляться с помощью стандартной пане-
схемы	ли инструментов
Формулы, содер-	Должны быть набраны как объект Microsoft Equation («Вставка» –
жащие специаль-	«Объект»); каждая формула должна быть вставлена как самостоя-
ные символы	тельный объект.
	Пример:
	$y = b_0 + \sum_{i=1}^{n} b_i x_i \varepsilon$
Формулы в одну	Необходимо набирать как текст.
строку, имеющие	Пример:
лишь числа, буквы,	$y^2 = 3325 + 0.1937x_1 + 0.0425x_3$
однострочные ин-	
дексы, скобки и	
знаки действий	
Примечания и	Помещаются перед списком источников
комментарии	
Слова «Список ис-	– набираются через отступ в 1,5 интервала после текста статьи и
точников»	примечаний прописными буквами полужирным курсивом;
	– выравнивание – по центру
Библиографические	– набираются через отступ в 1,5 интервала после слов «Список ис-
источники	точников»;
	 – располагаются в алфавитном порядке;
	– оформляются в соответствии с ГОСТом Р 7.1-2003 с указанием
	обязательных сведений библиографического описания;
	– без нумерации
Отсылка на биб-	– приводится в квадратных скобках с указанием фамилии авторов из
лиографический	списка источников, после запятой указывается год, далее после
источник, исполь-	двоеточия указывается страница, на которую ссылается автор (при
зуемый в тексте	необходимости);
статьи	 возможна отсылка к нескольким источникам из списка, они разделяются точкой с запятой.
	Пример:
	[Иванов, 2017: 15], [Иванов, 2017: 15; Митрофанова, 2018: 57]
	или
	[Иванов, 2017], [Иванов, 2017; Митрофанова, 2018]
Оформление при-	Пристатейный список источников должен быть предоставлен в двух
статейного списка	вариантах: список источников (включающий русскоязычные ис-
источников	точники и источники на иностранных языках) и отдельно Refer-
	ences на латинице (список, состоящий из тех же пунктов, что и спи-
	сок источников, но с транслитерацией и переводом неанглоязыч-
	ных источников).
	Ссылки на неопубликованные работы не допускаются.
	При оформлении References названия работ на языках, не исполь-
	зующих латинский алфавит, должны быть переведены на англий-
	ский. Названия русскоязычных журналов должны транслитериро-
	ваться (кроме имеющих официальное английское название). На ста-
	тьи из российских журналов, имеющих переводную версию, лучше
	давать ссылку на переводную версию статьи. Русские названия монографий, сборников статей и материалов конференций транслите-
	рируются с последующим переводом на английский язык в квадрат-
	ных скобках. Названия издательств также транслитерируются.
	На сайте http://www.translit.ru/ можно бесплатно воспользоваться
	программой транслитерации русского текста в латиницу

Схема описания русскоязычного источника в References. Для отдельных изданий, монографий: Фамилия и инициалы автора(ов) (транслитерация), год. Полное транслитерированное название источника на латинице (курсивом). Место издания (перевод на английский язык), издательство (транслитерация), том (выпуск). Общее количество страниц. (Если в источнике есть перевод названия на английском языке, указать и его.)

Для периодических изданий (а также публикаций из сборников, материалов конференций): Фамилия и инициалы автора(ов), год. Название статьи (транслитерация) [Название статьи на английском языке]. Полное транслитерированное название источника (журнала, сборника) курсивом, том (номер), страницы публикации (первая и последняя). (Если журнал переводной, указать в квадратных скобках его официальное название на английском языке.)

Статьи из электронных журналов описываются аналогично печатным изданиям с дополнением данных об адресе доступа. При наличии у статьи DOI указывать его в списке литературы и References.

Пример описания статьи из журнала в списке источников:

Семенов Ю. И., 1997. Всемирная история как единый процесс развития человечества во времени и пространстве // Философия и общество. N 1. С. 156–217.

Пример onucaния cmamьи из журнала в References:

Semenov Yu.I., 1997. Vsemirnaya istoriya kak edinyy protsess razvitiya chelovechestva vo vremeni i prostranstve [World History as a United Process of Development of Mankind in Time and Space]. *Filosofiya i obshchestvo*, no. 1, pp. 156-217.

Пример описания отдельного издания, монографии в списке источников:

Слипенчук М. В., 2009. Формирование финансово-промышленных кластеров. М.: Экономика. 264 с.

Пример onucaния omdельного издания, монографии в References:

Slipenchuk M.V., 2009. Formirovanie finansovo-promyshlennykh klasterov [The Formation of Financial and Industrial Clusters]. Moscow, Ekonomika Publ. 264 p.

Пример описания статьи из сборника статей либо раздела коллективной монографии в списке источников:

Семенов Ю. И., 2003. Производство и общество // Социальная философия / под ред. И. А. Гобозова. М.: Издатель Савин С.А., 2003. С. 97–117.

Пример описания статьи из сборника статей либо раздела коллективной монографии в References:

Semenov Yu.I., 2003. Proizvodstvo i obshchestvo [Production and Society]. Gobozov I.A., ed. *Sotsialnaya filosofiya* [Social Philosophy]. Moscow, Savin S.A. Publ., pp. 97-117.

Пример описания источника с DOI в списке источников:

Aggarwal R., Goodell J. W., 2013. Political-Economy of Pension Plans: Impact of Institutions, Gender, and Culture // Journal of Banking & Finance. Vol. 37, iss. 6. P. 1860–1879. DOI: http://dx.doi.org/10.1016/j.jbankfin.2012.05.008.

Пример описания источника с DOI в References:

Aggarwal R., Goodell J. W., 2013. Political Economy of Pension Plans: Impact of Institutions, Gender, and Culture. *Journal of Banking & Finance*, vol. 37, iss. 6, pp. 1860-1879. DOI: http://dx.doi.org/10.1016/j.jbankfin.2012.05.008.

Пример описания электронного источника в списке источников: Сахарные заводы России и стран СНГ, 2015 // Сайт Союза сахаропроизводителей России. URL: http://rossahar.ru/Sugar-factories-

in-Russia-and-CIS/Russia (дата обращения: 08.09.2018).

При описании интернет-источника необходимо указать ссылку на конкретную страницу цитируемого источника, а не ссылку на главную страницу (официальный сайт).

Пример описания электронного источника в References:

Sakharnye zavody Rossii i stran SNG, 2015 [Sugar Factories in Russia and CIS]. *Sayt Soyuza sakharoproizvoditeley Rossii* [Website of Sugar Producers Union of Russia]. URL: http://rossahar.ru/Sugar-factories-in-Russia-and-CIS/Russia/ (accessed 08 September 2018).

С рекомендациями по подготовке и оформлению отдельных элементов пристатейных списков литературы на английском языке (References), а также по транслитерации источников можно ознакомиться на сайте журнала: https://www.re.volsu.ru

К сотрудничеству приглашаются научные и практические работники, преподаватели, имеющие ученую степень, соискатели и аспиранты.

Заместитель главного редактора:

д-р экон. наук, проф. Митрофанова Инна Васильевна.

Тел.: 8-903-327-09-53; 8-(8442)-46-02-76.

Адрес редакции (для почтовых отправлений):

400062 г. Волгоград, просп. Университетский, 100.

Волгоградский государственный университет, ауд. 2-14 В.

Митрофановой И.В.

Адрес электронной почты: labser@volsu.ru; mitrofanova@volsu.ru.